

ЧУЖДАЯ

ЕКАТЕРИНА СЛЕТА

Что станет с обычной, ничем непримечательной женщиной, попади она в другой — жестокий, проклятый самой жизнью мир? Майя испытала это на собственной шкуре. В ней не открылись вдруг магические способности, не свалилось лихое приключение и не было кучи воздыхателей, плененных ее красотой и особенностью. Все, что описывалось в занимательных, прочитанных в юности книгах, с нею не произошло. Ничего этого не было. Только стылые северные ветра, непосильный труд и жестокие, надменные существа, возомнившие себя равными Творцу. В чьих глазах она была не более чем низшей, грязной чернавкой, жизнь которой не стоила и ломаного гроша. Как выжить и не сломаться? Как остаться собой и найти путь к свободе? Как противиться чужой воле, блестящей сталью в равнодушных серых глазах?

Глава первая

Быстро перебирая босыми ногами, стараясь не расплескать воду из здорового деревянного ведра, по покрытому изморозью двору неслась невысокая девушка с большими перепуганными глазами. Ступней и пальцев на руках она уже почти не чувствовала, настолько они замерзли. А вокруг, словно муравьи в огромном муравейнике, сновали люди занятые своими делами.

Старый дворник, в облезлом кожаном жилете, неторопливо скреб граблями, собирая потревоженный лошадыми гравий дорожки, соединяющий все хозяйственные постройки. Неподалеку орудовали топорами дюжие парни, складывали поленья под крытый досками и сеном навес, отвозили на груженных доверху телегах прямиком к господским купальням. Тут и там чистились загоны со скотом. Натужно скрипели жернова за мощными дверями мельницы, мимо то и дело пробежали шустрые девицы с корзинами и кувшинами. Двор гудел, жил своей повседневной трудовой жизнью.

Споткнувшись, но чудом удержав равновесие и тяжелое ведро, девушка шустро влетела в приоткрытую дверь небольшой каменной постройки. Юркнула в узкий коридор, выдохнула и помчалась вниз по старой узкой лестнице. Чем ниже спускалась, тем становилось теплее, и до ушей доносила привычный шум кухонной подсобки. Помещения, в котором трудились низшие из слуг, выполняя самую грязную работу, прежде чем передать ее в хозяйский дом, на верхнюю кухню.

— Где тебя носит, шельма?! — гаркнула из-за высокого, грубо сколоченного стола старая, тучная повариха.

— Простите, — пискнула в ответ девушка, и преодолев помещение в несколько шагов, остановилась у потрескивающего поленьями камина. Не смогла сдержать блаженного вздоха, почувствовав жар огня на озябших конечностях, но быстро взяла себя в руки — прохладиться было нельзя. Она находилась на особом счету. Хотя и жила здесь уже около полугода, трудилась исправно и на износ, а друзей или же человеческого отношения к себе так и не заслужила. Ее терпели, с ней мирились, но даже обычная чернь держалась от несчастной поодаль, вынужденная трудиться вместе с убогой пришлой.

— Айя! — снова прокричала повариха, разделявая приличных размеров тушку гуся и смерив девушку презрительным взглядом, — я велю тебя выпороть! Бездельница! Дармоедка!

Только кивнув в ответ, Айя натужно сопя, перелила воду из ведра в висевший над огнем огромный чугунный котел. Шмыгнула носом и, уютившись в дальнем углу, приступила к своим обязанностям. Откинула с широкой деревянной лохани, ставшую мокрой от пара дерюжку. В лицо ударили клубы испарений и запах мокрого пера. Поправив косынку на голове и ту же завязав узел, Айя оглядела больше двух дюжин обезглавленных тушек перепелок и фазанов.

И на ближайший час, впала в свои мысли, привычными движениями принявшись скубсти птицу. На автомате ощипывала дичь, складывая перья ведро, а готовые тушки передавая своим соседкам, что лихо их осмаливали все в том же камине и разделявали на дальних столах, готовя к передаче мяса на верхнюю кухню. Тут же слонялся под лавками тощий рыжий кот, в надежде получить свою порцию требухи.

У противоположной стены мылись и сортировались яйца для господского стола.

Отбирались только самые лучшие. Там же, чуть поодаль наполнялись корзины со свежими фруктами, поднятыми из-под полу, подготавливались разносолы и все возможные виды джемов. Тщательнейшим образом просеивалась принесенная одноглазым Брисом мука.

Жизнь кипела и бурлила.

Айя и подумать не могла, что когда-нибудь ей придется босой и совершенно никчемной, спать на сеновалах и трудиться на самых грязных и тяжелых работах, чтобы просто выжить. Сейчас, с горькой ухмылкой и слезами в больших карих глазах вспоминала, как будучи еще Майей, она с бокалом вина в руках, жаловалась подружкам на тяготы офисной жизни, на сломанный принтер и глюченный новый телефон, на неудобный диван и лишние килограммы из-за сидячей работы. Горестно заедала свой полный драматизма рассказ канапешками с оливками и сыром, печально хлопала наращенными ресницами. Звонила бывшему, будучи во хмелю, клялась в любви, обещала любить и все простить, а затем отправляла СМСку полную гневных и бранных слов, с угрозами никогда больше не попадаться ей на глаза. Страдала, в общем.

Сейчас все это казалось далеким и нереальным. А все те проблемы — мелкими и настолько ничтожными, что вызывали нервный смехок.

— Чего ты там возишься?! Давай скорее! — Прикрикнула на Айю толстая повариха, забирая из лохани уже разделанные тушки фазанов и перепелок, — лентяйки! Нахлебницы! Доложу госпоже Тойре — будете знать! Заканчивай и беги на верхний ярус, поможешь полomoйкам в хозяйской гостиной! Поняла?

Девушка только кивнула, шустро разделявая очередную тушку. Такой суеты и волнения среди слуг еще не было. Явно что-то намечалось. Но что именно, Айя спросить не решалась. Не ее ума это дело. Она вообще очень хорошо усвоила, что рот нужно держать на замке — дольше проживешь!

Молчать и работать, вот он главный принцип выживания в этом проклятом Богом месте.

Закончив с птицей, Айя передала оставшиеся тушки поварихам, отчиталась о проделанной работе старшей, и что есть мочи помчалась на верхние ярусы.

Бывать наверху бедняжке доводилось не часто. Здесь работали слуги на ранг выше. Лучшие из обслуги. Внешность в отборе, как ни странно, играла не последнюю роль. Видимо, чтобы не оскорблять больших господ простотой и неказистостью, что считалась не чем иным, как уродством. Эстетика и дисциплина во всем! Даже для мытья ночных горшков хозяев, девушки выбирались тщательнейшим образом.

Пролетев по служебным помещениям, служанка почти ворвалась в коридор, соединяющий хозяйственные пристройки с господским домом. Чуть замедлила шаг, головы не поднимала. Бесшумно прошла по светлому холлу, обогнула столовую, с трудящимися на ней слугами. Мимо то и дело пробегали запыхавшиеся девушки с вазами, тарелками и цветами. Ладно сложенные парни, носили из кладовых столы и стулья. Работа кипела. Напряжение и суета звенели в воздухе.

Миновав еще один коридор, Айя остановилось в большом и довольно светлом помещении. Где всюду орудовали полomoйки и лакеи. Развешивались тяжелые даже на вид шторы, чистились большие вазы и статуи. Драились каменные колонны под витиеватыми сводами, менялись свечи в огромной люстре, что как жадный коршун нависала над столом из серого камня.

— Где ботинки? — выскочила как черт из табакерки блондинистая служанка в мокром

переднике, напугав Айю до громкого писка. Девушка опустила глаза на свои босые и грязные ноги, стыдливо попыталась спрятать одну за другой. Обуви у Айи не было.

— Так не годится! Если госпожа Тойра увидит эту грязь, нам всем не поздоровится! — выпалила девчонка, и схватив растерянную Айю за локоть, потянула к ведру с водой для мытья полов. — Быстро мой ноги! Там тряпки, на тебе северная сторона зала. Все должно сверкать! Поняла?

Айя только кивнуть и успела.

Уже натирая холодный камень пола, девушка несколько раз видела знакомые лица — работников нижнего яруса, таких же, как она. Видимо и, правда, намечалось что-то грандиозное, раз понадобилось столько народу, что не погнушались даже самыми низшими. За все время работы, Айя подобного не припоминала.

Мыли и драили до самого вечера, без перерывов на обед и естественные нужды. Весь замок гудел и стоял вверх дном. Работа велась на каждом миллиметре всех помещений. Прачки и горничные бережно выглаживали дорогие шелка, готовилась каждая гостевая спальня, коих насчитывалось больше двадцати. Велено было даже открыть чердачный этаж, куда неслась мебель из кладовых. Большинство поломоек были перенаправлены именно туда. Айя попала в их число. Чистила широкие подоконники и окна от вековой пыли, протирала стеллажи с книгами.

Она как раз расставляла серебряные, натертые до блеска подсвечники, когода шустрые лакеи и горничные на высохшем полу расстилали большой ворсистый ковер и застилали огромную кровать под мощным балдахинном. Вносили два широких кресла, и стол красного дерева. Пристраивали на полках вазы с цветами, а в резной комод бережно прятали бутылки с вином.

За всем процессом следила сама госпожа Тойра — управительница замка, и старший дворецкий. Если второй имел вид простого, уставшего мужчины средних лет, то вышеупомянутая госпожа была верна себе в любой ситуации, оставаясь мерзкой и высокомерной до кончиков волос. И вид имела соответствующий, Айе женщина напоминала красноглазую домашнюю крысу, ставшую вдруг ходить на задних лапах и носить строгое черное платье с глухим воротом под самым подбородком. Неизменный чепец, под которым эта досточтимая особа пыталась спрятать давно ставшую седой голову, только придавал ей большую нелепость. Но тем не менее, при ней замок содержался достойно и слуги ходили как шелковые. Она знала каждого в лицо, и наказывала строго, а порой даже жестоко.

Ее не любили и не уважали. Ее боялись.

— Это катастрофа! Катастрофа, Морис! — причитала она, внимательно осматривая комнату, заглядывая под кровать и проводя пальцем в белоснежной перчатке по каждой полке.

Айя молилась всем известным ей богам, чтобы нигде не осталось пыли. Иначе и представить страшно, что ее ждет.

— Почему не сообщили заранее?! Мы не готовы принять столько гостей! Наш мудрый господин, даруй ему Темный Владыка многие лета, давно не был дома и видимо позабыл, что на подготовку ко встрече стольких уважаемых людей нужно много времени! Очень много! А здесь два дня! Два, Морис! Мы не успеем! Они придут уже завтра к полудню! А с ним и сама дочь Правящего Дома! Это катастрофа! — продолжала сетовать управительница, проверяя уже подсвечники и окна.

— Не волнуйтесь, Тойра! Все уже почти готово, — кивал дворецкий Морис, поправляя

шкуру снежного барса, лежащую у камина.

— Кто это мыл? — рявкнула вдруг очень громко Тойра, напугав всех присутствующих в комнате.

Служанки испуганно замолчали, у Айи кровь отхлынула от лица, а сердце понеслось вскачь. Мытье этой комнаты было поручено именно ей, каждой поломойке было отведено по помещению на чердаке, так как рук не хватало, и еще кого-то выделить было невозможно. Остальные помогали с мебелью и стиркой. Вот и на эту спальню было выделено три работницы, одна поломойка и две горничные, что подготавливали мягкую мебель и застелали постель, чистили ковер, отпаривали тюль и развешивали шторы, на Айю же легло мытье всего остального.

Все уставились на несчастную, белую как мел девушку, которая все пыталась вспомнить, где она не успела прибраться.

— Я, — слабо пискнула она, опуская глаза под тяжелым взглядом Тойры.

— Надо же, — протянула та, — молодец! Что еще умеешь?

Служанка от неожиданной похвалы глупо захлопала глазами и даже растерялась, медля с ответом.

— Готовить, стирать, немного шить, доить коров...

— Довольно! — прервала ее управительница, — Поднос носить сможешь? Сервировать стол? Выполнять мелкие поручения?

Айя неуверенно кивнула.

— Морис, дорогой, распорядись чтобы ей выделили форму и временно отправили на верхнюю кухню, в помощь поварихам и горничным, — обратилась Тойра к дворецкому, а затем уперла строгий взгляд в стоявшую у книжных полок девушку, — помойся! Причешись! С утра пораньше явишься на кухню, Битси расскажет, что от тебя требуется. Но одно запомни — ни в коем случае не попадайся на глаза гостям господина! Мы не можем оскорблять их присутствием тебе подобных! Поняла?

Девушка только и могла, что кивнуть в ответ.

— Нет, Морис! Это катастрофа!..

Уже позже Айя узнала, что больше дюжины слуг из нижнего яруса были так же призваны на временную службу во дворец.

Только она и представить себе не могла, чем для нее это обернется.

Глава вторая

Айя неслась вверх по лестнице, держа в руках стопку выглаженного белья. Девушке было очень непривычно чувствовать на ногах мягкие ботиночки, больше похожие на вязаные носки с прорезиненной подошвой, что делало передвижение обслуги практически неслышной. Длинное, темно-серое платье несколько сковывало движения, а высокий ворот неприятно натирал нежную кожу шеи. Непослушные после мытья волосы, Айя собрала в высокий пучок и спрятала под такой же, как и платье, серой косынкой.

Все, кто был призван с нижнего яруса, получили четкие указания, ни в коем разе не попадаться на глаза господину и уж тем более его гостям. Ходить по замку было велено, непременно опустив голову и не издавая ни звука.

С самой ночи, на всех ярусах велась спешная подготовка. Подъездная дорога устилалась коврами, окна натирались до блеска, даже статуи подвергались строгому отбору. Замок гудел и дрожал, как растревоженный пчелиный улей. Напряжение и нервозность висели в воздухе, делая его густым, словно кисель.

Все утро, Айя помогала украшать цветами просторную гостиную и бальные залы. Развешивала вдоль длинных столов благоухающие розами и лилиями живые гирлянды, завязывала банты на стульях и натирала до блеска столовые приборы из Армиринского серебра.

Только сегодня она узнала, что подготавливаемая ею с вечера комната на чердаке, принадлежала самому хозяину дома. И искренне обрадовалась, что об этом ей стало известно только сейчас, ибо она была больше чем уверена, что от волнения непременно что-нибудь бы разбила или испортила. Хоть девушка никогда и не видела этого мужчину, но тот трепетный ужас, с которым все о нем говорили, невольно передавался и ей самой. А еще Айя за все время пребывания в этом мире ни разу не видела ассуров. Слышала многое, но вот видеть, пока не доводилось.

Среди челяди их не было, кровь ассурин текла только в жилах правящих домов и знати. Но ходили в миру слухи о том, что и там все было не так гладко и сладко. Поговаривали, что уже более чем за три сотни лет не родилось ни одного ассура. Но это были только слухи и пересуды, к коим Айя относилась с осторожностью — прислушивалась и запоминала, но до конца не верила.

Само существование людей с кровью ассурин, казалось ей чем-то нереальным и сказочным. Из тех же сплетен, девушка поняла, что это люди способные менять свой облик из человеческого в ужасный и пугающий звериный. При этом они могли оставаться в любом из переходных из ипостаси в ипостась состояний. Несчастной сразу же в голову пришли образы кентавра и русалки, и конь не конь и рыба не рыба. А еще все время преследовала сцена из когда-то увиденного фильма, где молодой и поджарый индеец на лету превращался в здоровенную псину, теряя по округе портки. Так вот Айя представляла себе невиданных ею и таинственных ассуров.

Девчонка вообще мало что видела, проводя время за работой. С горестью вспоминала, читаемые в юности книги, где героиня, попав в другой мир, сразу оказывалась в гуще события и непременно спасала мир, обзаведясь парочкой ушастых или клыкастых поклонников. И так у нее все лихо и задорно получалось — зачитаешься.

В случае с Айей все было куда прозаичнее...

Раздавшийся лай вырвал служанку из раздумий, заставив повернуть голову к окну. Слышался топот копыт, что-то гроыхало и свистело. Все замерли, переглядываясь.

Началось.

В гостиную буквально влетела Тойра, окинула все придирчивым взглядом.

— Пошли прочь! — рявкнула она, разглаживая несуществующие складки на скатерти, цвета красного вина. Слуги, поклонившись и похватав хозинвентарь, поторопились покинуть помещение. — И чтобы как мыши! — добавила женщина, поправляя уже шарф на шее невозмутимого Мориса.

Быстро пробежав мимо исходящей умопомрачительными запахами кухни, все ринулись в подсобку, где было небольшое окно и дверь, ведущая в сад. Айя не отставала, даже старшая по кухне — тетушка Битси и та вышла вслед за всеми. Притаившись за каменным забором, перешептываясь и пригибаясь, каждый старался увидеть, что творилось, на видимом из-за этого нехитрого укрытия, клочке подъездной дороги.

А посмотреть было на что. Айя приоткрыв рот, следила за тем, как на широкую дорогу въезжает вереница крытых телег и повозок, всадников и просто груженных поклажей лошадей. Среди них были и вычурные, золоченые экипажи и кареты попроще. Тут и там сновали пажы и лакеи, помогая господам спешиваться, подавая руки элегантным дамам, что чинно спускались на устланную коврами землю. Воздух то и дело разрывал звонкий смех и восклицания, среди людей шныряли преданно заглядывая в глаза длинноногие гончие.

Девушка с придыханием смотрела и не могла оторвать взгляда от лиц всех этих людей. До того они казались ей прекрасными. словно в одно место был создано все самые красивые люди этого мира. Все женщины, как одна были высоки и статны. С точеными фигурами и чувственными лицами. Такой красоты служанке видеть еще не приходилось. Особенно бросалась в глаза величавая особа с копной огненно-рыжих волос. Каждое ее движение было плавным, словно в танце. Она кокетливо прикрывала пухлые губы рукой затянутой в персикового цвета перчатку, блестела россыпью жемчугов на тонкой шее и томно хлопала длинными ресницами. Под отороченной белым мехом накидкой, проступали очертания тонкой талии. Женщина тепло улыбнулась подошедшему к ней мужчине и медленно, словно бы раздумывая, опустила тонкую ладонь на любезно предоставленную руку. Лица мужчины, Айя не видела, только его огромный рост и широкую, мощную спину в походном плаще.

А суета тем временем продолжалась. Прошедшие отбор и вышколенные слуги резво разгружали прибывший кортеж и заносили привезенный скарб в дом, а затем уже и по гостевым покоям. Конюхи, принимали лошадей и уводили по узкой тропке в конюшни на постой.

— Что здесь происходит?! — прошипела вездесущая Тойра, появившись разгневанным изваянием за приоткрытой дверью. — Вам нечем заняться?! Дел у вас нет?! А ну по местам! Бездари! Дармоеды! Каждого велю выпороть! Каждого! Поганое ваше отродье!

Все испугано бросились врассыпную, Айя припустила вслед за Битси и другими девчонками на кухню. Управительница еще какое-то время раздавала поручения парням, а затем грозовой тучей нависла и над кухонными помещениями.

— У вас пара часов, пока наши досточтимые гости принимают ванны и отдыхают с дороги! Закуски и вина должны быть поданы к столу не позднее пяти вечера, — обвела каждого строгим взглядом и добавила, — одна ошибка! Только одна! И все отправитесь гнить на Шарихарские рудники! Поняли?

Все, впечатлившись только и могли, что кивнуть.

— Приступайте! Я еще зайду, проверю!

Едва пугающая управительница с крысиным лицом удалилась, как послышался синхронный выдох. Так звучало облегчение.

Следующие несколько часов, Айя вертелась и крутилась, как веретено в руках умелой прядильщицы. Мыла, нарезала, раскатывала и раскладывала. Вся взмокла от жара каминов и печей, тяжело дышала, поднимая тяжелые чугуны и ведра.

В залах уже давно были накрыты столы, и доносилась музыка, слышались разговоры и смех. Девушки из обслуги, в кружевных белых передниках и чепцах, то и дело сновали туда-сюда, меняя подносы, бокалы и нарезки. Шустрые лакеи только и успевали доставать бутылки вина из кадушек со льдом. На полках у входа, прачки складывали идеально выглаженные салфетки. Посуда намывалась и натиралась до блеска непрерывно. Раскрасневшиеся поварихи во главе с Битси уже давно выставляли на подносы горячее. Жаркое из диких фазанов и оленины. Томленные в горшках овощи и запеченные молочные поросята. Диковинная,пряно пахнущая рыбы и вяленые ребрышки. Все уходило на радость гостям.

Тойра была везде и сразу, контролировала все и всех. Бдила. Нервничала, причитала, трагично массировала переносицу. Айе даже на секунду стало жаль ее. Но только на секунду. Потому как, подоспела новая порция овощей для нарезки. Девушке дико хотелось есть, а еще больше пить. Но времени не было, разрешения тоже. От всех ароматов и видов больно скручивало живот, мучительно сосало под ложечкой.

Незаметно опустились сумерки, а за ними пришел и поздний вечер, а работы меньше не стало. Господа еще даже не приступили к десертам. В ход шли копчености, сыры и хмельные напитки. Снова в печках подходило горячее и мучное. Казалось, этот день не закончится никогда.

В очередной раз на кухню заглянула Тойра, понюхала каждое готовое блюдо и довольная собралась уходить. Как случилась...

— Катастрофа! — взвизгнула управительница, бледнея.

Гневный взгляд ее уперся в распластавшуюся на полу подавальщицу, которая, споткнувшись, приложилась локтями и носом о камень пола. Тихонько взвыла пытаясь встать, на передник брызнули капли крови.

Все замерли затаив дыхание. Тойра выругавшись, принялась мерить шагами помещение.

— Пустоголовая! Кривоногая, дрянь! — шипела она, глядя на всхлипывающую служанку с расквашенным носом. — Завтра же с первым обозом отправишься на рудники! Катастрофа! Замолчала.

Тут ее взгляд упал на Лили, замершую над разделочной доской с ножом в руках.

— Ты! — воскликнула женщина.

Осмотрела остальных, по иронии на кухне сейчас находились два лакея и уже немолодые кухарки, Айя и Лили. Сирина и Ами незадолго убежали в кладовые помещения нижних ярусов за свежими фруктами.

Лили вздрогнула.

— Переодевайся! Пойдешь к гостям!

Служанка задрожала, побледнела, медленно направилась к управительнице, что дергаными движениями достала с нижних полок у входа комплект одежды подавальщиц. Комплектов было много, ибо даже маленькое пятнышко могло оскорбить больших господ, а потому девчонки переодевались часто и быстро.

Остановившись в паре шагов от госпожи Тойры, Лили как-то странно всхлипнула и

покачнулась вперед.

— Что с тобой? — раздраженно спросила та.

— Все хорошо, — проямлила в ответ девушка и согнулась пополам, выворачивая аккуратно под ноги управительницы скудный, съеденный много часов назад завтрак. А затем еще и еще.

Женщина вспыхнула и брезгливо отскочила, сморщив длинный нос. Айя испугано втянула шею, поглядывая на поварих и ожидая грома и молний. На несчастную Лили было страшно смотреть.

— Вы что, издеваетесь?! Паршивки! Мерзавки! Дрянь такая! — несколько раз Тойра ударила служанку аккуратно сложенным комплектом. — Убрать! Немедленно!

И вперила разгневанный взгляд в Айю, что так и стояла у стола, прижимая к груди копченую тушку перепелки. Управительница скривилась, словно разжевала лимон, сделала пару глубоких вдохов и припечатала:

— Умывайся, переодевайся!

Айя запнулась лишь на секунду. Спohватившись, отложила в сторону работу и шустро пробежала к ведру с водой, быстро побрызгала на лицо, вытерлась передником. Все это под пристальным взглядом Тойры. Айе казалось, что сердце сейчас выпрыгнет из груди, так страшно и волнительно ей сделалось. Она до ужаса боялась выходить ко всем тем важным людям, но оказаться на рудниках страшилась больше. Поэтому приняв из рук управительницы одежду, принялась быстро переодеваться, наплевав на смотрящих на нее кухарок и лакеев.

— Блевать не собираешься? — уточнила Тойра.

— Нет, госпожа, — тихо ответила Айя, дрожащими руками завязывая передник.

— Вот и славно. От тебя требуется только доносить еду до стола, ставить и уходить, но так, чтобы никто из гостей не обратил на тебя внимания. Ты должна быть незаметна! Иди за Фрисом, — женщина кивнула на стоявшего неподалеку лакея, — он покажет куда ставить. Лица не поднимать! Шумно не дышать! Если что-то уронишь или разобьешь, и не дай Темный Владыка, оскорбишь собой хозяина или кого-либо из гостей... До рудников ты не доживешь! Поняла?

— Да, госпожа, — пискнула в ответ несчастная, борясь с подступающей паникой.

Завязав под подбородком чепец, девушка подхватила со стола подготовленную широкую тарелку с сырами и копченостями, корзинку со свежее испеченным хлебом и вперила свой взгляд, в прижимающего к груди бутылки из темного стекла, Фриса.

На кухню тем временем вбежали еще подавальщицы с пустыми подносами и вопросительно замерили, созерцая развернувшуюся картину.

— Что встали? За работу! — всем и сразу гаркнула Тойра.

И работа снова закипела, завертелась. Застучали ножи по доскам и поварешки по чугункам.

Айя идя следом за высоким лакеем, молилась всем богам, чтобы все прошло как надо. Коленки ее тряслись, а зубы нервно постукивали, кровь шумела в ушах штормовым приливом. Захотелось по маленькому и болезненным спазмом скрутило желудок.

Глубокий вдох и в нос служанке ударил терпкий запах табака и веселья. Пахло цветами, яствами и хмелем. Блестело тысячами свечей и украшений, звенело бокалами и веселым девичьим смехом. Пело мелодично под пальцами умелых мастеров музыки. Раздавалось десятками голосов.

Айя смотрела под ноги, боялась споткнуться.

Чуть притормозила, когда остановился Фрис, подняла на него перепуганные очи. Он с равнодушным лицом кивнул во главу стола, девушка проследила за его взглядом и кивнула в ответ. Тарелка была почти пуста, вино заканчивалось. С ужасом Айя осознала, что прислуживать придется никому иному, как самому хозяину и именитейшим из его гостей. Глаз выше стола поднять так и не смогла. Страх давил на плечи и глазницы, придавливая к полу.

Аккуратно обошла стол, следуя за лакеем, тот легонько нагнулся и отточенными движениями поменял бутылки в чаше со льдом, как бы невзначай прихватил грязные салфетки, прошел дальше и снова поменял бутылки. Айя шла следом, и пусть не так ловко, но все же аккуратно, нагнулась над столом, водружая корзинку с хлебом. По левую руку от нее сидела та самая женщина, которую служанка видела ранее во дворе. Она, залиvisto смеясь, отправила в рот виноградинку и отпила из высокого запотевшего бокала. Обслужу не замечала, чему Айя была несказанно рада. По правую руку — во главе стола находился сам хозяин, девушка видела только его руки и черный сюртук, с серебрястыми запонками. Большие и широкие ладони с длинными пальцами, выпуклые линии вен и аккуратные ногти. Одной рукой он держал бокал, вторая расслабленно лежала на подлокотнике высокого, обитого темным бархатом стула. На безымянном пальце красовался массивный перстень, с синеватым, почти серым камнем.

Девушка уже поменяла на столе тарелки и забрала пустую корзинку, когда услышала несколько громких и коротких вдохов справа. Будто бы мужчина принюхивался, уловив неприятный ему запах. Покраснев до кончиков ушей и все так же, не поднимая лица, Айя поторопилась прочь.

Оказавшись на кухне и отдышавшись, несколько раз себя обнюхала, но ничего неприятного не почувствовала.

Всю оставшуюся ночь, что ей приходилось обслуживать стол и оказываться рядом с хозяином, она слышала эти частые вдохи, и какой-то неприятный, липкий холодок шел по ее спине. И каждый раз, оказываясь в служебных помещениях, бедняжка обнюхивала себя. На нервной почве даже стало казаться, что от нее и правда пованивает. Но другие этого не замечали — ни слуги, ни гости.

Застолье было окончено, когда за окном погасли все звезды, а на горизонте появились первые предрассветные блики. Лишь тогда стихла музыка и разомлевшие от веселья господа разбрелись по своим комнатам.

Только тогда Айя смогла выдохнуть с облегчением.

До самого утра слуги убирали и мыли гостевые залы и горы посуды, делали заготовки к обеду. Старались не обращать внимания на доносящиеся порою с верхних этажей недвусмысленные стоны и вскрики. Не их это — челяди дело...

Как добралась до своего сеновала, девушка не помнила. Упала от усталости и провалилась в глубокий сон без сновидений.

Всю последующую неделю, Айю до залов больше не допускали, хоть Тойра и осталась ею довольна. Девушка была этому только рада. Попеременно работала то на верхней кухне, то на нижних ярусах. Иногда помогала прачкам и горничным, минуя тесный контакт с господами. Вскоре стало известно, что большая часть гостей отбывает через неделю-другую. А некоторые останутся до прихода тепла, а это несколько месяцев.

Когда, еще через неделю почти все гости разъехались, а застолья и балы отгремели, Айю и других окончательно вернули на нижние ярусы. Помощи для обслуживания оставшихся в доме больше не требовалось. Прислуга вздохнула свободнее.

Жизнь потекла в привычном, опротивевшем до тошноты ритме. Девушка больше не думала ни о знати, ни о балах, ни о господах. Исправно выполняла свою работу, стараясь быть незаметной и мечтая когда-нибудь вернуться домой. Тоска по прежней жизни, по родным и близким порой становилась настолько невыносимой, что бедняга выла от безысходности и грызла землю. И в эти мгновения, казалось, что хуже быть уже и не может.

Так думала Айя, пока одним промозглым, поздним вечером, в пустынную кухню нижнего яруса не пришел он...

Глава третья

Тот день выдался на редкость морозным и ветреным. Воздух был колюч, свеж, пах морем и первыми снегами, что приближались с северных горных вершин.

У Айи были свободные часы, перед вечерней помывкой хозяйственных помещений. Хотела выспаться. Уснуть и не о чем не думать, но несмотря на уже ставшую хронической усталость, ничего не получалось. Девушка вертелась с боку на бок, вздыхала, смотрела на промерзший потолок, куталась в старый, залатанный плед и боролась с накачивающим отчаянием.

Шесть месяцев, одна неделя и четыре дня. Айе казалось, что она может назвать с точностью до секунды и час, в который она оказалась здесь. Перед глазами вспыхивали образы мамы и старшего брата. Как они там? Оправились? Приняли? Чудилось бедной, что после ее исчезновения дом погрузился в горести и тревоги. Душа разрывалась только от одной мысли, насколько должно быть больно маме...

И тут же в голову лезли другие мысли. Для чего все это? Зачем? Почему она? Как такое вообще возможно и есть ли в этом во всем какой-то смысл, высший замысел, пока ей недоступный?

А может она просто умерла, а это и есть тот самый загробный мир? Если это так, то Майя видимо была ужасной грешницей, совершившей что-то страшное и непростительное. Ибо это место казалось несчастной самым настоящим адом. Но где-то в глубине души, девушка знала, что это не так. Что жива!

Все же раз за разом перебирала в голове свои грехи: гордыня, чревоугодие, леность, зависть, сквернословие, гнев, блуд, уныние и дальше по длинному списку. И тут же пыталась себя оправдать, припоминая то хорошее, что было в ней. Доброту и отзывчивость, жалость, преданную любовь и спасенного котенка. Как он там? Наверное, вырос в большого и толстого кота.

На глаза снова навернулись горькие слезы. Девушка зло смахнула их замерзшей рукой. Остановила на ней долгий взгляд и разрыдалась еще сильнее. От боли, от усталости, от безысходности. Айя себя жалела. Смотрела на давно ставшую худой кисть, на мозолистую ладонь и пальцы, усыпанные мелкими порезами и язвочками. Кожа, некогда изнеженная кремами и маникюрами, давно огрубела и стала сухой и бледной. Какой-то синюшной.

— Слазь, не реви, — послушалось снизу, — иди обедать будем.

Служанка вздрогнула, несколько раз всхлипнула, вытирая зареванное лицо, и поднялась с копны примятого сена. Зябко поежилась. Пригнулась, чтобы не удариться головой о придерживающие потолок толстые балки. Сделала несколько шагов и посмотрела вниз, на стойла с лошадьми и приоткрытую дверь в комнату старого конюха Шорса. По иронии судьбы, он оказался единственным если не другом, то надежным товарищем Айи. Именно он разрешил ей жить в конюшне, когда девушку не приняли другие слуги и сделали ее жизнь в специальных корпусах просто невыносимой. И ему единственному, захлебываясь слезами и соплями, она вывернула душу, рассказала все как есть, трясясь от страха и неизвестности...

— Чего ты там стоишь? Остынет, — показалось из-за двери заросшее бородой и усами морщинистое лицо.

Айя поторопилась спуститься, по старой, поскрипывающей лестнице.

Шорс кормил ее наваристой похлебкой, на свиной кости и поил отваром, что вкусно пах

мятой и чабрецом. Вопросов не задавал, в душу без надобности не лез. Смотрел строго и добро одновременно, жалел. Велел называть его дедом и никак иначе.

— До ночи сегодня? — спросил, слюнявя пожелтевшие от табака и огрубевшие от тяжелой работы подушечки пальцев, ловко скручивая самокрутку, Шорс.

— Ага, — грея руки о кружку, ответила Айя.

Допивали отвар молча, каждый погружившись в свои думы. Только здесь, с этим странным стариком Айя ненадолго становилась собой — Майей, доверяла и позволяла себе расслабиться. В этой маленькой коморке, пропитанной запахом табака и старческого тела, девушка чувствовала себя на удивление уютно. Безопасно...

Весь день, Айя провела в подпольном помещении. С двумя другими служанками перебирая приготовленные на долгие зимние месяцы припасы. Велено было освободить место под овощи из Артании, обоз ожидался со дня на день.

Вечером было поручено мыть подсобки и нижнюю кухню. Последнюю убирать не любил никто. Перья, жир, копоть и вонь от рыбы, кажется, въелись в каменные стены и деревянные столешницы на столетия вперед. Айя знала, что кухня достанется ей. Всегда так было, уже смирилась. А потому не устраивая перепалок и не строя недовольных гримас, просто делала свою работу. Провозилась до ночи, распахнув маленькое окошко-щелку под самым потолком, что скудно, но впускало ночную, промозглую свежесть в затхлое, темное помещение.

За водой каждый раз приходилось бегать во внутренний двор к колодцу. Служанка со счету сбилась, сколько раз ей пришлось поднимать и спускать тяжелые ведра по узкой лестнице нижней кухни. Покорно мыла и чистила, выгребала золу из камина, скребла жесткой щеткой и песком чан из-под свиного студня. Принесла свежих поленьев, грела воду. Несколько раз натирала пол, чтобы смыть ввевшийся за неделю жир. Радовала мысль, что завтра ее ждал свободный день. Для нее он наступал на каждый семнадцатый день месяца. А это означало, что можно будет выспаться. Айя представляла, как будет спать весь день, просыпаясь на вкусную похлебку от Шорса, и сердце ее пело. Как мало порой нужно человеку для счастья...

Погруженная в свои мысли, девушка домывала широкую столешницу, поглядывая на пляшущий в камине огонь. За окном уже давно царила глубокая ночь, а бедняжке оставалось только домывать стол и развесить выстираны полотенца и рушники. Предвкушая скорый отдых, Айя была расслаблена и спокойна. Уставшая.

Девушка даже не сразу поняла, что произошло. Не услышала и шороха. Секунда тишины, только нервно дернулось пламя, недовольно затрещало и стихло. А у Айи вышибло весь дух из груди, так неожиданно и сильно ее придавило к столу что-то тяжелое. Даже пискнуть не успела. Встрепенулась, попыталась поднять голову, ничего не понимая, но тяжелое и горячее еще сильнее вдавило ее в мокрую столешницу. Сердце пропустило удар и понеслось вскачь, как ненормальное, грозя проломить грудную клетку. Мозг не воспринимал происходящее, а инстинкты вопили. Дернулась еще раз, взвизгнула, быстро перебирая ногами по каменному полу.

— Тихо, — его голос был холодным и спокойным. Ровным. А Айю от него затрясло мелкой дрожью. Липкий страх сковал все внутренности.

Широкая ладонь опустилась на влажные от пота волосы, сильнее вжимая несчастную лицом в столешницу. Палацы, затянутые в черную кожу перчатки, быстро прошлись по лицу,

дрожащим губам и шее и снова зарылись в волосы, больно стягивая их в кулак.

Тяжесть чужого тела мешала дышать. Ужас застыл в глазах дрожащей влагой, Айя не верила, что это происходит с ней.

Вторая рука ловко зарылась в юбки, закидывая подолы вверх, и практически накрыв ими голову девушки. Он одним движением сдернул до самых колен ее панталоны, больно сжав оголившиеся ягодицы.

— Не надо! Пожалуйста! Не надо! Мамочка! Пожалуйста!..

Громкий шлепок и обжигающая боль на правой ягодице.

— Молчи.

От страха к горлу подступила тошнота, всю ее затрясло крупной дрожью. Мысли металась в голове, а сердце в груди билось как ненормальные. Поддавшись инстинктам, Айя задергалась в чужих руках, как чумная, вкладывая все свои силы в желание освободиться. Пыталась царапаться и лягаться ногами, извивалась, пробовала кричать, но выходили лишь тихие рыдания. Ничего не получалось. Он был намного крупнее и в разы сильнее.

Попыталась вывернуться...

Взвизгнула и протяжно застонала, когда сильная рука потянула за волосы на затылке и с силой приложила лицом о поверхность стола.

Айя в тот момент чувствовала лишь боль и страх. Страх, в сжатых до искр глазах, во вцепившихся в столешницу руках, в сводимых судорогой икрах, в прерывистом, поверхностном дыхании. А он чувствовал этот страх, и упивался им. Упивался своей властью над распластанным под ним дрожащим телом.

— Уймись.

А дальше он не церемонился.

Пару мгновений мужчине понадобилось, чтобы Айю пронзила режущая боль. Уставшее, измученное, давно не бывшее с мужчиной тело девушки не было готово принять его.

Мгновение, и Айя выгнулась в позвоночнике. Его огромный член был внутри. Нет, не член — нож! Раскаленный кол! С каждым толчком, проникал все глубже, растягивая нежную кожу. От боли девушка до крови закусывала губы и скребла ногтями по дереву, загоняя под них занозы. Но эта боль была только началом — член мучителя только вошел до упора, а Айе показалось, что все ее мышцы там лопнули и истекли. Отчетливо слышался хлюпающий звук и нестерпимое жжение, что заставляли несчастную тихо подвывать, трясь щекой о шершавую, влажную от слез поверхность стола. Когда мужчина начал двигаться жестче — долбить, рвать, медленно, быстрее, быстро, Айе почудилось, что она потеряет сознание от боли. И видят Боги, она этого желала! Хотела провалиться в спасительное беспамятство, раствориться, исчезнуть — лишь бы не чувствовать этого ада, лишь бы не было так больно.

Одной рукой он все так же прижимал голову служанки, а второй судорожно вихлял ее тело, сжимая то ягодицы, то бока, вдалбливая в ненавистный стол, что жалобно поскрипывал в такт бешеным толчкам. Подол платья частично скрывал ее лицо, укрыв от всего мира, оставив тонкую полоску света, через которую, застланными от слез глазами, Айя могла видеть тлеющий в камине огонь и ведро с тряпками. Тошнотворный запах рыбы смешался с его, дорогим и изысканным ароматом.

Внизу все горело, девушка чувствовала, как по внутренней стороне бедра стекает горячая капля. Следом за ней еще и еще одна. Так вытекала боль и отчаяние из терзаемого лона. А губы беззвучно шептали «хва-а-а-тит».

Он сделал несколько быстрых и особенно резких толчков, шумно выдохнул и бурно кончил в несопротивляющуюся служанку. Устало упал ей на спину, и уткнулся лбом в затылок. Волосы на котором почти выдрал. Под тяжестью большого тела, девушке стало трудно дышать. А может уже и не надо? Может тогда боль уйдет?

Айя тихо застонала.

Мужчина вздрогнул и медленно вышел из нее.

— Ммммм...

Снова боль. Там словно толченное стекло, жгущее и режущее, пульсирующее. По ногам стекали кровь и сперма. Оставляя стыдные следы унижения и боли.

Он отстранился, и начал приводить себя в порядок. Айя дрожащей рукой сдвинула с лица подол и чуть повернула голову, чтобы увидеть того, кто уничтожил ее.

Она его сразу узнала. Высокого, статного, мощного. Облаченного дорого, но сдержанно. Узнала его темные волосы с легкой проседью. Узнала красивое лицо с кривым шрамом на волевом, гладко выбритом подбородке. Узнала этот нос с широкими ноздрями и густые брови. На секунду их взгляды встретились. Потухший, карий Айи и светло-серый, равнодушный господина северных земель, командира армии Правящего Дома и хозяина этого замка асура Нирхасса Дор Шаррихасса.

Он ушел. Ни проронив и слова, лишь бросив напоследок полный отвращения и брезгливости взгляд. А Айя так и осталась полулежать на вымытом столе, с задранными юбками и голым задом. Ноги ее дрожали, истерзанное место болело и жгло, а внутри было пусто. Словно с отнятым ее женским, он отнял и душу. Вытравил собой все нутро. Испачкал. Отобрал.

Девушка не помнила, как поднималась со стола, как шла под рассветным небом в сторону конюшен, как не увидела перепуганное лицо старика Шорса и не услышала его окриков, как поднималась на свой чердак. Мысли вязли в голове, как густой и тягучий кисель.

Без сил упала на свой примятый стог сена, устланный мешковиной, и прикрыла глаза.

Осознание произошедшего накрыло словно снежной лавиной. Слезы полились с новой силой, сотрясая ее всю. Боль вырывалась горячей влагой и воем. Как воеет раненый зверь, зализывая свои раны. Айя понимала, что эту рану ей ни зализать, ни забыть. Ни вытравить. Этот прогнивший мир забрал у нее последнее — ее саму, и для чего ей в нем существовать, Айя больше не знала. Казалось, что это конец всему.

Свернувшись калачиком, обнимая себя распухшими пальцами, скулила, задыхаясь от рыданий.

Тогда она еще не знала, что это было только начало.

Глава четвертая

— Что с мордой?! — недовольно воскликнула повариха, увидев Айю.

Девушка машинально коснулась лица. Скула была счесана и опухла, покрывшись ссохшейся сукровицей. Болела и ныла. Между ног тоже. Но сильнее всего в груди. Там пекло. Горело. Выжигало внутренности.

Сколько бы Айя не мылась в тот день, запершись в затхлой купальне конюшен, да так и не смогла смыть с себя ни его прикосновений, ни запаха. Воняла сама себе рыбой и кедром. Им. Грязью, унижением и беспомощностью.

— Упала, — выдавила из себя служанка, севшим, охрипшим голосом.

— Дура, колченогая! — выплюнула та, брезгливо сморщив толстое, большеносое лицо.

— Простите, — опустила голову, Айя. Изо всех сил борясь с подступающими слезами и гневом. В душе ее металась боль. Искала выход, грозясь выплеснуться на всех и каждого криком и бранью. Но бедняжка давила в себе эти порывы, понимая, что ни к чему хорошему это не приведет. Держала лицо, сходя с ума в безмолвной истерике.

— Прикройся чем-нибудь. Хотя чем такую блямбу спрячешь? — задала скорее самой себе вопрос повариха. — Тойра велела тебе, и бестолочи Лили после полудня явится в господские сады. Хозяин с гостями на охоту отбыл, к обедню надобно накрыть столы в большой беседке. Подготовить жаровни и угли, посудину для требухи. Господин сам любит освежевать добычу, но кто его знает, как будет в этот раз. Надо все подготовить. Поняла, болезная?

— Да, госпожа, — не поднимая глаз от пола, ответила Айя. Смотреть на все в этом помещении было тошно. Сознание как назло выдавало картины позавчерашней ночи. В красках. В мельчайших деталях. Девушку передернуло. К горлу подкатил рвотный спазм, а в глазах защипало. — Я пойду?

— Иди-иди, только прикройся чем-нибудь. Одни проблемы от вас, от шельм! — бурчала себе под нос женщина, возвращая внимание ведру с рыбой. Ей тоже все это давным-давно надоело.

Служанка, стараясь не обращать внимания на боль в промежности, понеслась вверх по лестнице, прочь из душной кухни, где все напоминало о той страшной ночи.

Ворвалась в морозное утро. Жадно вдохнула свежесть приближающейся зимы. Прикрыла глаза и подняла лицо к небу, успокаиваясь. Приводя в норму сбившееся дыхание, и пережидая, когда станет меньше жечь между ног.

Идти никуда не хотелось до одури. Тем более туда, где будет он. Но Айя себе не принадлежала. И это уничтожало ее больше всего. Ей, девушке двадцать семь лет жившей свободой и независимой, больше не было это доступно. Мозг отказывался все это воспринимать. Подобное просто не укладывалось в ее голове. Но реальность заставила и прогнула. От бывшего взрывного темперамента остался только непокорный блеск в глазах, и тот она была вынуждена прятать. Давить в себе. А после случившегося... Там остались два черных, бездонных провала. Две зияющие дыры, настолько глубокие, что казалось, через них можно было увидеть ее израненное, измученное сердце.

Тряхнув головой, Айя попыталась выкинуть все мысли из головы и поплелась по усыпанной гравием дорожке к саду, там за высоким каменным забором и небольшой витиеватой калиткой был другой мир. Вроде и деревья те же и кустарники, а смотрелось все

совершенно иначе, не так как в саду простых смертных. Все выглядело статней и благородней. Множество зеленых туй, слегка припорошенных первыми снегами, смотрелись сказочно и как-то нереально. Небольшие, покрытые тонким слоем льда прудики, украшали изящные статуи. Тут и там виднелись маленькие уединенные беседки. А чуть поодаль, крытая и большая, предназначенная для пышных пиров и застолий, из темного, мощного бруса, с резной крышей, она возвышалась над небольшим озерцом и частично тонула в хвойном лесу, за которым виднелись заснеженные горные пики. Красиво. Сказочно.

Айя тихо прошла по узкой мощенной камнем дорожке мимо крытой оранжереи, вверх по склону, мимо озера и к самой беседке. Вокруг уже суетились слуги. В основном крепкие парни. Резво таскали воду, разводили костры в больших каминных печах и проверяли крюки на мощных, врытых в землю столбах. На них потрошили пойманную дичь. Пахло лесной влагой, и дымом.

В отдалении за столом Айя заметила Лили, что шустро мыла в больших ведрах овощи и фрукты. Направилась к ней. Девушка окинула Айю неприязненным взглядом, не скрыв ухмылки при виде ее «разукрашенного» лица. Молча, пододвинула товарке вымытые овощи и кивнула на приготовленную дощечку и огромный тесак.

Служанка приступила к работе, старательно пряча распухшие от заноз пальцы. Как ни старалась отвлечься, а мысли только и делали, что возвращались к тому, что с ней произошло. Даже в них она боялась произнести это слово. Насилие. Изнасилование. Не хотела признавать самой себе, что ее изнасиловали. Надругались. Использовали, растоптали...

Быстро смахнула рукавом выступившие слезы и громко шмыгнула носом.

— Ты чего? — нахмурилась Лили.

— Лук, — отмахнулась Айя, принявшись с удвоенной силой орудовать ножом.

За их спинами слышались шаги и громкий, противный голос Тойры, что раздавала указания направо и налево.

Обернувшись, девушка увидела, как слуги из верхнего яруса несут к беседке скатерти и пледы. Посуду и бочонки с хмельными напитками. Удобные стулья со спинками. Вслед за ними, со стороны замка медленно плыли, затягивая небо тяжелые, свинцовые тучи. Собирался дождь. А может и снег. Холодало.

Айя зябко поежилась, вернувшись к доске с овощами.

Вокруг закипела деятельность под четкими приказами строгой управительницы. Натягивалось что-то вроде тента из прозрачной, не промокающей ткани. Все для комфорта господ. Стало известно, что и дамы спустятся к обедне в сад, а потому, деревянный пол велено было устилать коврами, на стулья принести мягкие подушки, а огонь в каминах поддерживать постоянно.

Лили отправили за соленьями и сладостями из Южных земель. Засахаренные диковинные фрукты ценились на севере на вес золота. Айя помнила, как одну из служанок, которая не удержалась и попробовала несколько штучек, прилюдно выпороли на площади за конюшнями и отправили избитую на рудники.

Ее ошибку повторить никто не решался.

Позволялось только доесть что-то с господских тарелок, но чтобы никто не видел. Перепадало такое счастье слугам с верхних ярусов.

Раньше нечто подобное казалось бы Айе чем-то унижительным и невообразимым. Но несколько месяцев в нужде, голоде и холоде, быстро сбивают спесь и излишнюю

брезгливость. В вопросах выживания, гордость неуместна. На первый план выступают инстинкты и желание выжить вопреки всему.

А платили низшим из слуг сущие копейки. Пять медяков за тридцать дней изнурительного труда. Верхний ярус получал три серебряных монеты и кое-что из продуктов, жили в отдельной пристройке и имели возможность по достижении определенного возраста выкупить свою свободу и перебраться жить ближе к южным землям, где был не такой суровый климат и более свободные обычаи и нравы. Низшие, как правило, трудились на господина до самых сединок, как тот же Шорс, если конечно доживали.

— Что у тебя с ногами и с лицом? — недовольно морща нос, спросила Тойра, пристально наблюдая, как Айя уносит на скотный двор чан с очистками.

— Упала, госпожа, — не поднимая глаз, ответила девушка.

— Ну-ну, — хмыкнула управительница. — Отдай это Лили, и вытри насухо бокалы и приборы. Чтобы не пылинки!

— Да, госпожа, — все так же, не поднимая лица от земли, кивнула Айя и передала недовольной Лили наполненный доверху чан. На секунду служанке показалось, что злая управительница ее жалеет. Но девушка быстро прогнала эти глупые мысли, понимая, что Тойра и сочувствие вещи не совместимые.

И снова работа закипела.

Айе даже удалось немного отвлечься, выполняя разные поручения управительницы и старших слуг. Тойра велела ей, и Лили остаться до конца обеда, следить за картошкой подходящей в дальней, скрытой от беседки, печи. За тем, чтобы всегда была готова овощная нарезка и если хозяин изволит разделять дичь — уборка крови и внутренностей тоже на них. Но все, как и в прошлый раз, должно быть тихо и незаметно, будто бы их здесь и нет вовсе.

Айя была бы рада оказать как можно дальше от этого места. Но случай или судьба были иного мнения.

Все было почти готово, когда за деревьями послышался гомон, топот копыт и лай собак, которому вторил залихватский свист. Появились первые всадники. Господа прибыли.

У Айи все замерло внутри. Вдруг сковал такой дикий страх, что затряслись колени. Первобытный.

— Ты чего? — это не скрылось от любопытных глаз блондинистой и веснушчатой Лили.

— Холодно, — отбрехала девушка. Стараясь сосредоточиться на запекающейся под огромным чугуном картошке.

Получалось плохо. Хотелось бежать без оглядки, лишь бы ненароком не увидеть его.

С другой стороны тоже послышался шум. Это выходили прекрасные дамы, облаченные в элегантные платья, в меховых накидках и шубках. С высокими прическами и в сверкающих драгоценностях. Смеясь, легко ступали по дорожкам, навстречу своим мужчинам. Охотникам, добытчикам.

Рыжая красотка бросалась в глаза сильнее других. Было в ней что-то хищное, опасное и в тоже время притягательное. Она походила на сытую кошку — гибкая, плавная, свободная. Живая.

Айя ей завидовала.

Через несколько минут пространство перед беседкой и она сама наполнилась людьми,

возбужденными запахом крови лошадыми и довольными, прошмыгивающими у ног псами. Охота удалась. На разделочный стол упало несколько фазанов и крупный, бурый лис. На крюк поодаль мостили огромную тушу оленя, с красивыми ветвистыми рогами.

— А это для тебя Ширрин, — улыбаясь, протянул высокий и худой блондин, в темно-синем, изгваданном в грязи костюме, — Нир настаивал, что ты сама захочешь порешить эту красавицу.

Огненная красotka благодарно улыбнулась.

— Господин Нирхасс так хорошо знает меня, — прозвучал мягкий, чуть с хрипотцой женский голос.

При упоминании его имени, Айю передернуло. Зажмурилась, борясь с нахлынувшими чувствами.

— Неужели, — прошептала Лили, на автомате дернув Айю за рукав.

Девушка обернулась как раз в тот момент, когда на пасмурную поляну вывели опутанную канатами, дергающуюся лань. Животное безуспешно металось среди окруживших ее людей, выдыхая пар из мокрых ноздрей. Издавало странные звуки и смотрело по сторонам большими, перепуганными черными глазами. Стоявший в воздухе вязкий запах крови пугал не только ее. Айя зябко ежилась, шумно дышала, но оторвать взгляд от разворачивающейся картины не могла.

На поляну легкой походкой выплыла статная красавица, поправила выбившийся из прически рыжий локон и благодарно улыбнувшись, приняла длинный клинок из его рук. Он коротко кивнул, сверкнув ртутными, как здешнее небо глазами, чуть улыбнулся и отошел в сторону.

Мгновение, другое. Изящное запястье взмывает вперед, легкое, неуловимое движение и лань падает наземь, издавая страшные глухие хрипы. Что кажутся Айе оглушающими в повисшей тишине. Несколько долгих секунд она не отрываясь смотрит прямо в огромные глаза животного, улавливая момент, когда жизнь покидает его.

А с неба медленно и плавно опускаются белоснежные снежинки, падают прямо в неподвижный, расширенный зрачок, на искусную рукоять, торчащую из длинной шеи, на быстро образующуюся лужицу крови под ней. Падают, словно пытаясь скрыть, спрятать этот ужас человеческой жестокости от серого, скорбного неба.

— Жуть, — шепчет Лили, подкидывая дров в печь.

Айя ощутила, как болезненно сжалось в груди, как прочертили теплые, соленые дорожки не прошенные слезы.

А дальше было пышное застолье, на котором подавалась свеженина из лани, чьи внутренности Лили отнесла двором псам.

А красавица больше не выглядела в глазах Айи красивой. словно что-то темное и мерзкое вылезло ей прямо на лицо и исказило его до неузнаваемости, изуродовав казавшиеся до этого привлекательными черты. Вот так, в глазах простой служанки, бриллиант стал обычным камешком гравия. Непривлекательным. Уродливым. Гнилым.

Девчонки подавальщицы постоянно прибегали к ним с Лили за очередными порциями печеного и нарезками. Айя орудовала ножом на автомате, мечтая по скорее оказаться на своей промерзшей, но ставшей родной крыше. Близость мужчины взявшего ее силой давила, выворачивала наизнанку. Одному Богу известно, чего ей стоило держать себя в руках и выполнять работу, когда от страха хотелось бежать без оглядки. Если бы не стена,

разделявшая основное помещение беседки, с хозяйственным, видят небеса, служанка бы сбежала.

Периодически к ним заглядывала Тойра, косила строгим взглядом. Проверяла. Поправляла овощи и фрукты в нарезке. Ругала тихим шепотом и уходила, чтобы через некоторое время вернуться вновь.

— Соберись! — тихо прикрикивала на Айю, — молодец, паршивка! Хорошо!

И так до самого вечера, пока дорогие господа не наевшись до сыта и не утолив свои аппетиты в искрометных беседах, не удалились в недра теплого, гостеприимного дома, где Тойра загодя распорядилась приготовить купальни, для продрогших гостей и хозяина.

За весь день Айя столкнулась с ним лишь раз. Взглядом.

Он и еще пара статных мужчин вышли из-под навеса, под раскидистое хвойное дерево.

Прикурили.

А служанка как раз возвращалась из подпола с корзиной, полной ягод. Старалась быть незаметной. Вжимала голову в плечи, таилась...

Его взгляд был коротким, цепким, пренебрежительным. Как смотрит в быту обыватель на залетевшее в дом насекомое. Шумно втянул носом воздух, и выпустил сквозь сцепленные зубы струйку белесого дыма. У Айи все внутри сжалось узлом. Неприятно затрепетало. Пронзило первобытным ужасом. Он пугал ее одним своим видом. Выделялся среди всех статью, манерами, повадками.

Зачем ему понадобилась служанка из низших? Когда любая из присутствующих роскошных женщин, была бы его, только помани. Это какое-то развлечение? Странная прихоть? Дурман? Спор? Решил проверить, чем золото отличается от дешевки? Тогда почему именно она? Да любая бы была согласна за пару серебрушек оказаться в койке повелителя. Но ведь ассуры не опускаются до соития с людьми, и уж тем более с низшими из низших. Что это было? Хмель? Блажь? Эксперимент?

Чем бы это ни было, легче от этого Айе не становилось. Девушка только убедилась, что боится этого мужчины как огня. Каждое его движение заставляет ее замирать от ужаса. Каких бы благородных кровей он ни был — он насильник! Жестокий! Беспощадный! И он ее хозяин...

Когда господин и его гости удалились в замок, прихватив с собой вина и подносы с фруктами, слуги выдохнули с облегчением. Приступили к уборке. Тойра похвалив и поругав одновременно всех и сразу, удалилась вслед за хозяином в замок, не забыв при этом раздать указания на последок. Айе было велено отнести скатерть, пледы и салфетки в помещения прачек, чтобы те с утра приступили к работе.

Уставшая девушка, сгрузила все тряпки и завязала узлом в скатерти, потащила к дальней пристройке, что скрывалась у реки, за раскидистыми ивами. Снег к этому времени начал падать частыми, крупными хлопьями, завихряясь в редких, холодных порывах ветра.

В прачечной было темно, пусто и тихо. Пахло сыростью и березовым мылом. Большие корыта и тазы сушились на гвоздях у стен. Большая корзина для грязного тряпья была на половину заполнена. Айя не без труда сгрузила в нее свою ношу, отряхивая и поправляя смятые юбки. Тяжело вздохнула, привалившись лбом к брусчатой стене. Устала. Вымоталась трудом и бурей внутри. Есть, как ни странно не хотелось. Пить тоже. Хотелось забиться в самый дальний угол и скулить. Хотелось к маме. Чтобы тепло и безопасно. Чтобы родное рядом. Чтобы обняла и защитила. Излечила кровоточащие, зияющие раны...

Сколько бы ни было человеку лет, а самое родное и безопасное место всегда будет в объятиях мамы.

Снова тяжело вдохнула и замерла напряженной струной.

Хвоя. Кедр.

Вздрагнула.

Опять не услышала, не почувствовала, не поняла. Не ожидала.

Только и смогла, что ойкнуть, впечатанная во влажную, пропитанную запахами чистящих и моющих сборов стену.

И снова руки в кожаных перчатках по телу, сминают кожу сквозь грязное, пропитанное дымом платье.

И снова дикий страх. Ужас, до парализованных конечностей. В груди у Айи все сперло, сдавило — не вдохнуть, не выдохнуть. В то, что это происходило вновь, не верилось. Вырваться больше не пыталась. Он был много выше, много сильнее и ловчее чем она.

Обреченность, дикий страх и безысходность, все что чувствовала девушка.

Мозг отказывался верить в происходящее, что все случается вновь, что все повторяется. Что снова будет эта ужасная боль. А там еще даже не начало заживать. Значит, будет еще хуже, еще больнее.

— Пожалуйста, господин... — взмолилась служанка, сама не веря в то, что он внимлет ее словам.

— Молчи, не хочу тебя слышать! — скомандовал мужчина, по-хозяйски шарясь ладонями по ее телу.

— Пожалуйста...

— Тихо!

Она ощущала его подбородок над своим затылком. Слышала громкие, шумные вдохи и чувствовала, как большие руки, в холодной коже перчаток задирают ее юбку. Прогибают в спине, заставляя оттопырить зад. Стягивают теплые колготы вместе с панталонами, щиплют за окаменевшие ягодицы. Слышала, как замирает собственное сердце и через мгновение переходит в галоп. Слышала его тяжелое дыхание и жадные вдохи, и какое-то злое раздражение следовавшее за ними, так как он начал резче и болезненнее вихлять ее телом, щипаться. Рычать.

О голый зад потерлось твердо и горячее, выпирающее через жесткую ткань его штанов.

— Пожалуйста, — жалобно пискнула Айя, чувствуя, как он освобождает свое естество из оков одежды, — почему я?

— Молчи! — снова отрезал он, больно впечатав ее лбом в стену.

Происходящее казалось девушке нереальным. Такого просто не бывает! Не может быть! Только не снова.

Она чувствовала, как большая, твердая и пульсирующая головка трется между ее ягодиц, оставляя влажные и липкие следы смазки, на покрытой мурашками коже. И не верила, что это происходит опять.

А он не пытался быть нежным или аккуратным. Он пришел получить свое. То, что хотел, желал и не видел тому препятствий. Чувства какой-то чернавки его не интересовали.

Жгучая боль появилась резко, вслед за его первым толчком. Начавшая заживать кожа треснула, заставив девушку взвизгнуть и протяжно застонать. Заскрести ногтями по стене, закусив до крови и без того истерзанные губы.

Последующие толчки огромного члена в себе Айя чувствовала, словно через красную

пелену. Что произрастала из ее промежности волнами боли и сотрясала все тело, застилая сознание и заставляя биться в какой-то сумасшедшей агонии.

А он все входил и входил, таранил то, что не подходило по размеру, прижавшись лбом к ее затылку, до синяков сжимая бока. Дышал тяжело и часто.

Айя терпела. Молчала, как и было приказано. Злить его боялась. Просто терпела и ждала. Ждала, когда эта ужасна пытка закончится. Молча, глотала градом льющиеся слезы, рвано тянула в себя воздух. Не сдержалась и слабо ойкнула, когда при очередном толчке он болезненно сжал ее грудь. Смял в своей огромной ладони. Заурчал куда-то ей в шею. Завибрировал. Ускорился, вдалбливая покорную служанку в стену, втянул в себя запах ее волос, пота и дыма, коим она пропиталась за день, и кончил, сотрясаясь все телом, насаживая девичье тело на себя до предела, наслаждаясь ее тихими всхлипами.

По ногам снова текло. Липкое и горячее. Внутри пульсировало и простреливало. Даже вдох давался с трудом. Перед глазами плыло. Айя мечтала отключиться. Мозг отказывался воспринимать происходящее, а тело просто болело. Казалось, она сама стала болью.

Мужчина медленно вышел из девичьего тела, опираясь руками о стену по обе стороны от ее головы. Приводил свое дыхание в норму, расслабился. Служанка под ним тихо сползла по стене, оседая на холодный каменный пол. Задрожала. Обхватила себя холодными руками, раскачиваясь из стороны в сторону. Беззвучно рыдая, жалея себя, свое поруганное тело.

Слышала, как он заправляется, одергивает камзол и щелкает запонками.

На какое-то время в помещении повисла гнетущая тишина.

— Завтра, после ужина придешь в мою купальню.

И так же бесшумно, как и вошел, ассур растворился в покосившемся дверном проеме. Оставив после себя лишь боль, горечь и чувство обреченности, под уже ставшим ненавистным, едва уловимым ароматом кедра.

Глава пятая

Айя не спала той ночью. Долго, очень долго сидела на холодном полу и смотрела пустым взглядом в темноту. Слез не осталось, глаза были сухими. Вместо них красными слезами рыдала вновь разодранная скула. Наливалась и пульсировала болью ссадина на лбу. В промежности бушевало пламя.

Смогла встать только ближе к утру. С трудом собрала затекшие и озябшие конечности. Как-то отстраненно заметила, что не хватало пары пуговиц на платье, и был почти оторван рукав. Свисал с плеча жалким, грязным лоскутом.

Попыталась как-то примостить его обратно. Замерзшие пальцы дрожали и ничего получалось. Оставила эту затею. И накинув на плечи платок, тяжело и с надрывом выдохнула. Девушку мутило, в голове шумело. Все как в тумане, казалось нереальным. Бредом. Если бы не боль. Казалось, что болит каждая клеточка ее существа. Даже думать ей было трудно. Все путалось.

На дрожащих ногах подошла к большому деревянному ведру и, наклонившись, окунула в него лицо. Принялась жадно глотать ледяную воду, только сейчас ощутив, как сильно хотела пить. Вынырнула, хватая ртом воздух и вытирая лицо руками, зачесывая назад спутавшиеся волосы. Несколько влажных прядей облепили Айе шею, заставив вздрогнуть от холода.

Это ничего. Это привычно.

Это пройдет.

Уговаривала саму себя. Бодрилась. Утешала.

А за прикрытым ставнями окном занимался рассвет...

— Ох ты ж, собака сугулая! Где тебя так потаскало?! — воскликнула тучная повариха, заметив спускающуюся по ступенькам Айю. — Опять скажешь, упала?

— Да госпожа, — кивнула служанка, привычно направляясь за ведрами.

— Брехливый твой рот! — выплюнула женщина, — иди давай отсюда! Смотреть на тебя тошно! Грута просила ей в помощь кого-то выделить, вот и ступай к ней. Пусть свиньи на такую «красоту» любят. Страх, да и только. Иди-иди, чего встала?!

Девушка мысленно застонала.

— И стрекозу эту возьми, пусть с навозом скачет. Одна суета от тебя! — повернувшись к зевающей Лили, велела повариха.

— Ну, тетушка Морт! — заканючила не ожидавшая такого поворота событий прислужница.

— В конюшне нукать будешь! Идите, не доводите до греха! Ступайте-ступайте! Кыш!

На скотном дворе их уже ожидала низенькая и сухонькая, но от того не менее шустрая старушонка Грута. Она скептически осмотрела прибывшую подмогу, и тяжело вздохнув махнула рукой.

— Вычистите малый свинарник, а навоз в кучу, за дальними садами свезете. А потом возьмете Вомса, и в лес за лапником. Там еще к вам в подмогу пришло. Много надо. Очень много. Цветы укрыть и озимые.

Айя только кивнула.

— Все из-за тебя! — недовольно буркнула Лили, направляясь к сараю с инвентарем.

— Замечательно, — шепнула себе под нос девушка.

Очередной прекрасный день.

С лапником возились до самого позднего вечера. Айя молча орудовала маленьким топориком, ловко срезая нижние еловые ветки и складывая их в большую, крытую телегу Вомса. Парень же больше трепал языком, чем помогал. Оказавшись один среди шести молоденьких девушек, старательно выпячивал грудь, травил пошляцкие шуточки и смешно пыхтел в кучье, плешивые усы. Девчонки с удовольствием ему отвечали, поддерживали. Айю правда в свои беседы не брали, старались делать вид, что ее здесь и не было вовсе. Служанка не обижалась. Теперь все это неприятие казалось ей сущим пустяком. Ерундой, не стоящей внимания.

Все ее мысли были о предстоящем вечере. Айя до трясучки боялась к нему идти. Но и не идти было не возможно. Страшно было подумать, что с ней сотворят, если она послушается приказа господина. И жутко от того, что он снова будет делать с ней это. Мерзко. Противно. Невыносимо.

Почему она? Ну почему именно она? За что?

На эти вопросы у девушки не было ответа. Безвыходность положения давила, ужасала. Айе хотелось бежать, бежать без оглядки. Спрятаться ото всех. От него. От боли и страха. Стать маленькой и невидимой.

Вольной.

Свободной.

— Слыхали, что скоро в Хасарон солдаты придут на зимовку. Видимо снова безумный Король Загорья со своими сыновьями воду мутят. Неспроста все это, ой неспроста. И хозяйина нашего домой отпустили раньше срока, чтобы границу стеречь, не иначе, — заговорческим шепотом поведала Мика, высокая и темноволосая служанка из прачек.

— Как бы войны не случилось, — энергично закивала Лили, закидывая на телегу ветки, со ставшим ненавистным для Айи запахом.

— Откуси себе язык, непутевая! Оборони создатель! Скажешь жуть такую!

— Не наше это дело, девоньки, — выдохнул паром в усы Вомс, — вы тепереча о другом переживайте. Хватит ли девок в купальнях дамы Миерэ? Или кого-то опять отправят, на радость служивым?

Девушки напряженно замерли.

Айя же не подняла и головы, продолжая свою работу.

Про купальни она слышала мало и вскользь. Не до них ей было.

А теперь и подавно.

Чем темнее становилось, тем больший ужас сковывал несчастную служанку. Ни голода, ни холода, ни даже боли не ощущалось. Озябшие, огрубевшие руки словно бы онемели, и девушка не чувствовала царапин и уколов от мелких иголочек и жесткой коры. Рубила и рубила, глотая остывающий вечерний воздух, обиду и страх.

Возвращались из леса, когда над горными пиками показался яркий блин луны, что освещал тропу и серебрил пушистые, редкие хлопья снега.

— Самую огромную свинью Груты бы сейчас съела! Так жрать охота, — возмущался кто-то из девчонок, — еще и холод этот собачий, пальцев не чувствую совсем. Продрогла вся.

Ей согласно отвечали, кивали, угукали.

Только Айя молчала, стараясь проглотить вставший в горле ком. Казалось, что желудок свернуло узлом от страха. То и дело накатывали рвотные спазмы. Болезненные. Мучительные. Ибо выходить было нечему. Девушку било крупной дрожью, но не от холода, его она почти не замечала, от страха. Такого сильного, что покатались предательские слезы.

Во дворе все разошлись. Служанки отправились в бани прачек — отогреться, а Вомс напрямик в уже пустую и темную столовую слуг, забрать приготовленную для них снедь. Айя же бесшумной тенью проскользнула в хозяйский сад, мимо покрывающихся наледью прудиков и темных беседок. Пригибаясь под темными провалами окон, страшась быть замеченной. Чувствовала себя отчего-то преступницей, ночным воришкой, падшей женщиной, что втайне от мужа сбегает под покровом ночи в объятия горячего любовника. Грязно и противно. Мерзко.

Может он уже забыл о своем приказе? Или его увлекла в свои покои одна из тех презентабельных дам? Или вообще он в компании своих гостей-мужчин чинно курит толстую сигару у жаркого камина, под хмельной напиток и приятную беседу? И думать забыл о какой-то чернавке из низшего яруса?!

Айя успокаивала себя как могла. Надеялась, верила.

Еще малодушно надеялась, что увидев ее грязную и уставшую, пропитанную запахом пота, навоза и труда, он попросту ее не захочет. Скривит свое благородное лицо и отправит восвояси, удивляясь самому себе, как смог позвать что-то подобное в свои апартаменты.

Но все ее ожидания рухнули, стоило только девушке, пробежав по узкому, погруженному в покой и мрак коридору, отворить тяжелую, деревянную дверь.

В лицо ей сразу ударил свет и горячий, влажный воздух с примесью трав и хвои. Сердце пропустило удар.

Сощурившись, девушка сделала робкий шаг вперед и потянула за собой дверь.

Помещение было не большим. На полу светлый камень, на стенах дерево. Большой камин. Множество полок со всевозможными баночками, флаконами и полотенцами. Деревянные лежаки-скамейки, ведра. Потолок — сплошное зеркало. И два больших, круглых отверстия прямо в полу. У Айи в голове сразу же возникла ассоциация с джакузи или очень маленькими бассейнами. Одно исходило паром, второе, по всей видимости, было с холодной водой.

Он стоял у камина, спиной к ней. Босой, в одних легких подштанниках. Расслабленный. Высокий.

— Заставляешь себя ждать, — бросил мужчина не оборачиваясь. Звякнул бокалом о поднос на камине.

— Простите господин, — севшим голосом ответила Айя, прижавшись спиной к двери. Еще надеялась уйти. Сбежать.

Несколько долгих, показавшихся бедной служанке вечностью, мгновений ничего не происходило. А потом он медленно и как-то плавно обернулся, окинул девушку быстрым взглядом и опустился на широкий лежак, вытягивая длинные ноги. Откинулся на стену, отпивая янтарную жидкость из широкого, запотевшего стакана. Вперил в Айю равнодушный, серый взгляд.

— Раздевайся, — приказал мужчина.

Бедняжка вздрогнула, широко распахнула испуганные глаза. Хоть и ожидала чего-то

подобного, но все равно не могла себя пересилить. Не могла пошевелиться. Застыла дрожащей статуей у двери, и ни руки не поднять, ни вдохнуть.

Нирхасс раздраженно выдохнул, постучал ногтем по стакану, отпил.

— Ты не слышала?

Айю передернуло. Непослушными пальцами принялась стягивать с себя платье, нижние юбки и отданные Тойрой после службы на верхних ярусах мягкие ботиночки. Лицо ее пылало, в уголках глаз собралась и защипала влага. Дыхание стало тяжелым и рваным. Девушка физически ощущала на себе чужой взгляд.

Остановилась, скрестила руки, прикрывая грудь. Взгляд от пола поднять не смогла.

— Все снимай! — услышала очередной приказ. Голос господина был тихим и мягким. В иных условиях и при других обстоятельствах, он показался бы Айе приятным. Но не теперь, не после всего, что этот страшный человек с ней сделал. Сейчас он вызывал только страх и отвращение на уровне инстинктов. Нирхасс значил для Айи только боль и унижение.

Повиновалась.

Неуклюже потянула вниз панталоны, без удивления разглядывая красные пятна с примесью белого на серой ткани, на внутренней стороне бедер аналогичные разводы — засохли, неприятно стягивая кожу. Свидетельствуя о прошлом визите хозяина.

— Опустит руки!

И снова повиновалась.

Его взгляд Айя терпела с трудом, вся покрылась мурашками.

— Подними лицо!

Господин шарил по ней брезгливым взглядом, долго смотрел в глаза.

— Ты разрешалась от бремени? — задал вопрос, глядя на грудь и живот девушки.

— Нет, господин, — отрицательно мотнула головой.

— Тогда почему все так? — неопределенно махнул рукой мужчина, скривив красивое лицо.

Айя пожала плечами. Было унижительно стоять там нагой перед насильником и еще отвечать на вопросы, почему ее тело не соответствует его ожиданиям. Резкое похудение и тяжелый труд мало кого красят. Может, насмотрится и отстанет. Не к таким женщинам, по всей видимости, привык ассур. Не та масть и стать. Беспородная. Дворяжка. Не рассмотрел вначале, не разобрался.

— Отвечай.

— Я не понимаю, что хочет услышать господин, — пролепетала служанка, сглатывая горькую слюну.

Ассур сделал большой глоток и уставился Айе в глаза. Пристально.

— Как тебя зовут?

— Айя.

Настоящим именем не хотелось делиться ни с кем, кроме старика конюха. Девушке казалось, что так она сохраняет ту себя. Свободную и счастливую, не знающую этого злого и чужого мира. Ее имя принадлежало только ей. Не хотелось, чтобы все эти люди и не люди морали его своими погаными языками. Оно будто бы связывало несчастную с ее родным домом. Было сокровенным и личным, тем немногим, что она хранила и старательно берегла. А про сумку, зарытую глубоко под соломой на чердаке конюшни, не знал даже Шорс.

А дальше Нирхасс приказал ей взять большое полотенце и смыть с себя грязь. И пока Айя мылась в хозяйской купальне, он не сводил с нее неприязненного взгляда. В горячей

воде на девушку навалилась какая-то ужаснейшая усталость. Словно бы все напряжение последних дней, одним махом свалилось на ее разомлевшее в тепле тело. Накрыла апатия и безразличие. Видимо перегруженная нервная система сдавала. Сбоила. Не выдерживала всего происходящего.

Когда Айя вытиралась, господин ловко подхватил с камина перчатки, и не торопясь натянул их на широкие ладони с длинными пальцами. Сел удобнее.

— Брось его там и подойди, — велел мужчина, кивнув на полотенце.

Служанка подчинилась. Подойдя на ватных ногах к камину.

— Ближе.

С каждым шагом Айя слышала, как шумно и часто задышал хозяин, принюхиваясь. Лицо его при этом было каким-то недовольным и немного растерянным. Девушка чувствовала, что ее тело господину неприятно, если даже не отталкивающе. Чувствовала, что он недоволен и зол. И причиной тому была она. Но девушка не понимала, зачем ему все это надо? Почему он не отпустит ее? Не выгонит прочь, если она ему так противна? За что он мучит ее?

— На колени, — рыкнул мужчина.

Прикрыв глаза, Айя подчинилась.

Решила для себя, пусть лучше все быстрее закончится. Другого выхода все равно нет. Бежать ей некуда, сопротивляться бесполезно и защитить ее не может никто. А значит нужно просто перетерпеть. Рано или поздно это все закончится. Ассур потеряет к ней свой нездоровый интерес.

Девушка не открыла глаз, и когда мужчина больно схватил ее за волосы, заставляя запрокинуть голову, и когда губ коснулась большая, горячая головка. Мазнул липкой смазкой по обветренной коже и толкнулся внутрь. Как не старался, а даже и половина его члена не смогла поместиться у нее во рту. Размеры не соответствовали. Борясь с рвотными позывами, Айя принялась усердно работать ртом и языком, прекрасно понимая, чего господин от нее ожидает. Он был недоволен, злился. Крепко сжимал ее волосы на затылке, подавался бедрами вперед, стараясь проникнуть глубже в податливую глотку. Солоновато-горький привкус заполнил, казалось ее всю, а пряный, мужской запах окружил все вокруг. От резких и настойчивых движений на глазах выступили слезы. По подбородку стекала слюна, капала на лихорадочно вздымающуюся грудь. Девушке чудилось, что ее вот-вот, да и вырвет. Или порвется рот, так все натягивалось под его напором. Минет, происходящее напоминало мало. Казалось, что хозяин пытается ее убить таким странным образом, разорвав лицо.

— Смотри на меня! — вдруг особенно резко прошипел Нирхасс.

От испуга Айя широко распахнула глаза, из них тут же потекло. Из носа тоже. Часто заморгала, глядя на напряженный залом меж густых бровей, на капли пота у виска, на злые серые глаза, что как две льдины, впились ей в самую душу. Он шумно дышал, втягивал воздух носом и ртом, сквозь плотно сжатые белоснежные зубы. Лицо мужчины снова исказило какое-то болезненное недовольство. Ассур совершенно неожиданно оттолкнул от себя заплаканную служанку, поддался вперед и схватив за лодыжку дернул в сторону. Айя пискнула, переворачиваясь на бок, больно приложившись локтями и коленкой о камень пола. Дернул снова, заставляя девушку встать на четвереньки. Надавил рукой в перчатке на позвоночник, вынуждая прогнуться в спине, прижавшись щекой к полу.

Пара мгновений и снова боль. Айя зажмурилась, не смогла сдержаться:

— С-ф-ф-ф...

Всхлипнула.

До крови закусил губу.

А он все входил и входил. Вколачивался в послушное, несопротивляющееся тело. Практически навалился на служанку всем своим весом. Айя чувствовала его дыхание у себя на затылке, как мужчина зарывается носом в ее мокрые волосы и как тянет в себя ее запах. Как с каждым вдохом, толчки становятся все резче и быстрее, как напрягается его разгоряченное, сильное тело, как сотрясают его волны оргазма, заполняя ее. Как стекает по бедрам его похоть и ее боль.

Нужно перетерпеть.

Он вышел из нее так же резко, ловко подскочил на ноги, созерцая картину перед собой.

Несколько мгновений висела звенящая тишина пахнувшая спермой, кровью и травами, а затем ассур вдруг гаркнул:

— Пошла вон!

Служанка не без труда поднялась, не оборачиваясь, подобрала свои вещи, и как была, нагая выскочила в темную прохладу коридора. Одевалась на ходу. Жадно глотала морозную ночь, успокаивала зашедшееся сердце, глядя на прячущиеся за редкими тучами звезды. Смеялась в это звездное небо, тряслась под северными ветрами. Зло смахивала слезы, запрещала им появляться. А они все текли и текли...

Шла домой медленно, поднималась по лестнице еще медленнее. Рухнула на свой стог без сил и мыслей. Заснула быстро, ощущая пустоту и боль, а на губах соленый вкус его страсти.

Глава шестая

— Шевелитесь бездельницы! Быстрее-быстрее! — командовала толстая повариха Морт, раскатывая по столу воздушное тесто.

Хозяин и господа опять отбыли на охоту, а это значило, что снова нужно готовить беседку к обеду. Айя, сидя в углу, чистила овощи и надеялась, что ей посчастливится просидеть незамеченной там целый день. Служанки вокруг суетились, крутились, бегали туда-сюда по поручениям, прикрикивали друг на друга. Опасливо косились на тетушку Морт.

Когда на лестнице появилась строгая, прямая, как натянутая струна фигура Тойры, Айя готова была трусливо бежать прочь без оглядки. Но, вместо этого, лишь ниже пригнулась, втянув голову в плечи и опустив глаза.

— Ты-то мне и нужна! — воскликнула управительница, хватая за руку, пробегающую мимо с ведром воды Лили. — И ты, Айя. Идемте!

В груди у девушки все сжалось. Захотелось, выкрикнуть что есть мочи, чтобы шла эта длинноносая управительница вместе с ее больным на всю голову хозяином ко всем чертям собачьим! Чтобы оставили ее, наконец, в покое! Чтобы отвязались! Что она устала! Что на грани! Что еще немного, и она сломается окончательно! Что воли дышать в ней с каждым днем все меньше и меньше! Что она на пределе!

Но позволить себе этих эмоций Айя не могла. Молча поднялась, отложив в сторону нож и отодвинув лохань с очистками. Подошла к Тойре, сдерживая рвущиеся на свет рыдания.

Женщина окинула ее внимательным, цепким взглядом и тяжело вздохнув, подозвала к себе еще одну служанку по имени Кин. Велела ей с Лили немедля бежать в хозяйский сад и ждать ее там. Сама же медленно направилась к лестнице, поманив за собой Айю.

— Опять скажешь, что упала? — не сбиваясь с шага и не оборачиваясь, спросила Тойра у поднимающейся следом девушки.

— Да, госпожа, — сглотнув, ответила Айя.

На улице управительница еще раз окинула пристальным взглядом служанку. Отметила и порванное платье, и большие ссадины на лице, и явные следы пальцев на заострившемся подбородке. Темные круги под мокрыми от слез глазами, впалые щеки и странную походку.

Вздохнула.

Одернула свой воротник, поджала тонкие губы и произнесла не терпящим возражения тоном.

— Шорс сегодня отправляется в Корсан на скотный рынок, поедешь с ним. Поможешь там.

Айя в удивлении распахнула огромные, полные благодарности глаза. Сейчас ей Тойра казалась спустившимся с небес ангелом, такое облегчение принесли ее слова. Девушка готова была расцеловать строгую управительницу. Признаться той в вечной любви и верности. Не смогла сдержать радостный полувздых — полувсхлип. Шмыгнула носом.

— Оставь эту сырость для своей конюшни! — раздраженно велела женщина.

— Простите, госпожа. Спасибо!

— Ступай. Скажешь Шорсу, что это мое распоряжение.

Служанка энергично закивала и уже разворачиваясь, замерла, услышав тихие слова Тойры.

— Когда вернетесь, мы с тобой поговорим. Иди.

Айя застала Шорса закидывающим увесистую котомку в крытую повозку. Еще немного, и она бы опоздала.

— Деда, стой! Я с тобой! — прокричала, несясь через конюшню к распахнутым воротам. Чуть не сбила молодого конюха, что был призван замещать Шорса, пока тот отсутствует.

На боль старалась не обращать внимания. Такая счастливая она была в тот момент.

— Тише ты, пигалица! Кобылу напугаешь.

Остановившись у телеги, уперла руку под грудь, тяжело дыша и широко улыбаясь.

— Тойра велела с тобой ехать.

Шорс только кивнул, буркнув что-то невнятное в пышные усы.

— Залазь тогда, чего стоишь?

Айя еще шире улыбнулась, залезая в теплое нутро повозки. Умостила между корзин и ящиков на толстом одеяле. Замоталась в колючий плед. Девушка не помнила, когда последний раз испытывала такую искреннюю радость. Старик влез следом, примостился на облучок и громко присвистнул, дернув поводья. Рыжая в яблоках Малинка резво направилась по дороге, ведущей со двора.

Путь до торгового поселения Корсан занял немногим больше суток. Айя почти все время спала, иногда просыпалась, наблюдала за меняющимся пейзажем, за припускающим снегом, за виднеющимся по левую сторону морем. За тянувшимся вдоль дороги лесом и вспаханymi полями. На ночь останавливались в небольшой рощице. Разводили костер, запекали в нем картошку и свиные шкварки. Запивали все простоквашей. Дед привычно курил желтую самокрутку. Иногда отпивал из бортхи, что висела у него на поясе. Айе не предлагал. Девушка больше налегала на шкварки и исходящую паром картошку. Каким же вкусным ей казался их поздний ужин.

— Расскажешь? — спросил Шорс, поглаживая бородку и смешно морща кустистые брови.

Айя отрицательно мотнула головой, продолжая ковырять веткой в костре. Одна мысль о нем отдалась болью во всем ее существо. Служанка не хотела портить себе такие редкие мгновения счастья. Старик понятливо кивнул, закрыв на этом тему, что тревожила его уже несколько дней. Он видел, что творилось с несчастной девчонкой, что стала ему как дочь, которой у него никогда не было. Видел и понимал, но помочь был не в силах. Он не знал, кто с ней это делает, а она молчала. Терпела и молчала. Воя ночами на своем чердаке, как побитая собака.

Это полгода назад, когда она только появилась, девчонка показывала свой нор. Сверкала глазами и огрызалась со всеми. Была полна сил — кровь с молоком. Говорила странно. Все искала путь домой. Дралась даже. Но север жесток. Он не терпит сопротивления. Он ломает и прогибает, как случилось и с ней. Майя быстро поняла — чтобы выжить, нужно молчать и работать. Много работать и всегда молчать. Она видела несколько раз, что бывало со строптивыми или просто оступившимися. Такой участи девушка себе не желала. А местные сразу ее невзлюбили, не приняли. Чувствовали, что она не такая. Что она иная. Чуждая этому месту.

Чужая.

— Деда, я спать.

— Иди. Там еще один плед в корзине. Если озябнешь — доставай.

— А как же ты?

— За меня не волнуйся. Что мне, старому, надо? Я привыкший. А ты кутайся теплее застудишься, чего доброго.

А глубокой ночью Шорс проснулся от тихих всхлипов. Айя плакала во сне. Дергалась. Звала маму и снова плакала.

А еще старик слышал имя.

Невольно вздрогнул, понимая, что едва ли найдется человек, способный ей помочь.

В Корсане пробыли без малого четыре дня. Шорсу было поручено купить двух молодых кобылиц, несколько дюжин перепелиных яиц и еще кое-что по списку. В лошадях старый конюх разбирался хорошо, знакомых среди торговцев имел много, а потому именно ему и было велено выполнить этот наказ.

Остановились на постоялом дворе у старого, одноглазого товарища Шорса, что наотрез отказался брать с них плату за постой. За это старик принимал с ним на грудь каждый вечер. Слушал известные ему давным-давно военные байки своего захмелевшего друга Дорта. Айя же внимала, широко открыв рот. Очень явно представляла все сражения и похождения доброго хозяина. Хлопала в ладоши в самых эпичных моментах. В общем, была очень благодарным слушателем. За что Дорт расщедрился на десерт в виде запеченного яблока в меду.

Девушка ела сладость и чуть ли не плакала, такой вкусной она ей казалась.

С собой на рынок Шорс ее не брал, велел сидеть в комнате. Айя была только рада. Она спала, ела, ходила в баню с дочкой хозяина. Девчужке было чуть больше пятнадцати, такая же открытая и болтливая. Служанке показалось, что она снова оказалась в параллельной вселенной. От контраста отношения к ней немного штормило.

Парились долго. Втирали в себя какие-то травы, от которых выпала вся растительность на определенных местах. Айя трогала свои гладкие ноги и бессовестно кайфовала от давно забытого ощущения ухода и комфорта. Мазались чем-то вкусно пахнущим, что так и хотелось зачерпнуть содержимое горшка и слопать. Девчонка смеялась, глядя на реакцию Айи. Расчесывала ей волосы, дала небольшую склянку с зеленоватым содержимым. Сказала, что хорошо помогает затягивать ссадины и порезы.

А как-то вечером Шорс вручил Айе несколько серебрушек.

— Что? Зачем? Я не могу! — запротестовала девушка, отказываясь брать монеты.

— Не дури, девка! — прикрикнул старик. — Мне удалось купить скотину дешевле, чем ожидалось и Тойре знать об этом не обязательно. Сходи завтра с Рин, купи себе из одежды чего там надо, а то совсем голая скоро окажешься. И не спорь! Не спорь, говорю!

Не спорить не получилось. Но Шорс задавил несчастную аргументами, и назавтра Айя вместе с хозяйской дочкой обошли несколько торговых палаток. Купили два теплых платья, теплые подштанники и ботиночки с шерстяными носками. Рин уговорила Айю взять теплую тунику и мужские охотничьи штаны. А по возвращении домой подарила ей длинную шаль из овечьей шерсти.

— Сама связала! — гордо заявила девчонка.

Айя долго отнекивалась, стыдилась, отвыкшая от такой щедрости, но в итоге приняла подарок, от всей души поблагодарив зардевшуюся Рин.

В вечер перед отъездом Шорс с Дортом устроили настоящую попойку. Пили, пели и о чем-то оживленно спорили. Другие постояльцы и посетители откровенно потешались, глядя на старых друзей. Айе было тепло. Грело новое платье и ботиночки, грела шаль и отвар из шиповника, грела доброта, с которой к ней отнеслись совершенно незнакомые люди. Уезжать совсем не хотелось. А думать о том, что ждет ее там, за каменным забором замка Шаррихасс, было попросту страшно.

Почти всю обратную дорогу рыдала, ела сложенные в котомку пирожки с капустой и обливалась слезами. Уныло наблюдала за плетущимися за телегой лошадками — белой и гнедой кобылицами. Что недовольно дергали мордами, пытаясь освободиться от веревок. Пустые до того корзины и ящики были теперь наполнены доверху сыром, орешками и яйцами перепелок. В углу — большие плетенные бутили с молодым вином.

Айе тоже одну подарили, маленькую, и баночку с медом.

Чем ближе они подъезжали к дому, тем более пронизывающим становился ветер, и ниже опускалось серое, тяжелое небо. Рыдало вместе с Аей дожем и снегом. Грустило.

— Не реви. Все наладится, — буркнул Шорс.

Айя только кивнула.

В распахнутые ворота их телега въехала ближе к обеду. Быстро закинув покупки и подарки на свой чердак, Айя помогла старику разгрузить повозку. А дальше Шорс повел лошадей в хозяйские конюшни, а служанке велел нести корзинку с яйцами на нижнюю кухню.

Навстречу ей выбежали другие чернавки, уже прослышавшие об их возвращении. Похватали другие ящики и корзины и направились следом.

На нижней кухне царил все тот же полумрак, освещенный плещущим огнем из камина и все та же атмосфера постоянной суеты.

Тетушка Морт тут же завалила Айю поручениями и потекла привычная, набившая оскомину рутина. Слово и не было этой прекрасной недели отдыха.

Возилась на кухне целый день: мыла, скребла и резала. Бегала к колодцу за водой. О господине старалась не думать, надеясь, что за это время он попусту о ней позабыл. Тем более, вид ее тела ему был неприятен. Это давало пусть и призрачную, но надежду, что все и, правда, наладится.

А чуть позже из болтовни других слуг стало известно, что хозяин еще вчера отбыл в Хасарон, следить за размещением прибывающих солдат. Айя выдохнула с нескрываемым облегчением.

— Такой раздражительный был, на всех слуг волком смотрел. И чего не так, спрашивается? И мир в стране и невеста под боком...

Долетали до Айи шепотки слуг с верхнего яруса, когда те проходили мимо.

— Захворал, может?

— Та не. Лично сам всю работу проверял, даже на старую конюшню ходил смотреть, как загоны вычистили. Все поля объехал, даже у прачек был. Про нижнюю кухню вообще молчу! Тойра извелась вся, пытаюсь ему угодить. Поделом ей, змее старой.

Весь двор выдохнул, когда господин уехал.

Жизнь потекла в привычном русле.

Целых две недели в душе Айе царил шаткий, но мир. Она привычно работала, проводя свободное время с Шорсом, иногда выходило что-то вроде диалога с Лили, от глаз которой

не укрылись новые одежды товарки. Подходили праздники первых дней зимы, которые местные очень любили и активно готовились. Пекли пироги из тыквы и украшали помещения гирляндами из барвинка. Зажигали ароматические свечи. Отовсюду пахло свежей выпечкой и медленным зимним покоем. Снега с каждым днем становилось все больше и больше. Ветер нес его с горных вершин. Укрывал серую землю белым покрывалом, и казалось, что начинается новая жизнь.

Пока одним морозным вечером, запыхавшийся лакей не залетел на нижнюю кухню, принося за собой зимнюю свежесть, снежные хлопья и весть о том, что господин прибыл домой.

Глава седьмая

Еще два дня Айя не находила себе покоя. Тревога и страх подтачивали привычный уклад жизни служанки. Делали ее нервной и какой-то дерганной. Девушку взвинчивал любой косой взгляд и шорох, и никакие самоутверждения и внушения не помогали. Несчастливая нутром чувствовала надвигающуюся на нее бурю.

И та не заставила себя долго ждать. Явившись в лице бледной, аки меловая гора, Тойры. — Айя, Лили, Шани, Сола! — скомандовала встревоженная женщина. — За мной!

И пулей рванула вверх по лестнице, даже не глядя на испуганных девчонок, что помчались следом.

— Чего случилось-то? — зашептала на ухо Айе Лили. — Вечер уже, я в купальню собиралась...

— Тише, — рыкнула управительница, следуя в господские сады, откуда доносился гомон голосов и смех. Айю передернуло. Что-то глубинное из самых недр ее естества просто вопило о том, что нужно бежать. Бежать и плевать на то, что будет дальше. Но девушка упорно шла вперед, гоня от себя леденящее душу предчувствие. Сосредоточила внимание на хрустящем под ногами и сверкающем мириадами бриллиантов снеге. На морозном воздухе, что искрился снежинками и клубился теплыми облачками дыхания из девичьих ртов. На быстрых, загнанных толчках собственного сердца.

Перед самой калиткой Тойра резко обернулась, испугав, не ожидавших такого маневра, девчонок до глухих вскриков.

— Господа решили перенести свой вечер на свежий воздух, — начала женщина, болезненно скривив длинное лицо, чего раньше себе никогда не позволяла, — хозяин и гости пьяны и хотят развлечений. Господин... Господин... Недоволен. Они уже забили до издыху молодых кобылок, что Шорс недавно пригнал. Там все в крови. Вы уж постарайтесь не пугаться особо. Велено было чернавок снизу пригнать, убрать непотребство с глаз господ. Понятно?

Девушки ошарашено кивнули, а Айя забыла, как дышать, так жутко ей сделалось.

— И... Постарайтесь быть как можно тише и неприметней. Не привлекайте внимания, если что потребуют, соглашайтесь... Если не хотите оказаться на месте тех кобыл. Поняли?

Служанки неуверенно закивали.

— Идите! — прикрикнула уже в своей привычной манере управительница. И едва слышно добавила: — Сохрани вас мудрая Тьма...

А в крытых беседках веселье шло полным ходом. Горели свечи и факелы, плясал дикий танец огонь камина. Нестерпимо пахло дымом, хмелем и кровью. Болью. Дам почти не было, не считая рыжей красотки и двух ее подруг, остальные только господа, в длинных шубах и с хрусталем в руках. На столе изысканные яства, перенесенные сюда слугами верхнего яруса. На полу и широких стульях шкуры, а где-то за камином четверо озябших музыкантов играли что-то лихое и веселое, отвернувшись лицами к ночному лесу.

Позади скрипнула калитка и Айя обернулась, огромными глазами глядя на старую в яблоках кобылу, что вел молодой конюх. Малинка! Айя узнала бы ее из тысячи. Лошадь Шорса. Любимая, старая, боевая подруга. Что была для старика семьей. Единственным родным ему существом. Паренек ловко вел ее к господам, глядя себе под ноги.

— Чего встали? Уберите это быстрее! — нервно зашептала подбежавшая к девушкам служанка верхнего яруса. — Там тазы и лопаты, и тряпки. Ужасная ночь. — И убежала прочь, прикрывая нос ладонью.

Чернавки задрожали, вопросительно переглядываясь. Глубоко вдохнув, Айя сделала шаг первой. Направилась дальше к беседке, где за столом лилось вино, и шумел праздник, а чуть поодаль снег захлебывался кровью.

Бесшумно обошла туи и плетущийся барвинок, припорошенные снегом, оставаясь незамеченной, и замерла у беседки, прикрыв рот ладонью, давя вскрик ужаса.

Прямо перед пышно накрытым столом лежало бездыханное тело гнедой лошадки, окровавленное, с вывернутым наружу брюхом. А чуть поодаль в алом снегу, лежала белая, тяжело дыша и странно дергаясь в лунном свете. Все ее тело было испещрено рваными ранами, кровь вырывалась из них густыми точками, заливая белое красным, предсмертным. Из больших ноздрей Снежинки, как успел окрестить ее Шорс, вырывалось клубами прерывистое дыхание и протяжный хрип. Животное умирало в муках.

Внутри у Айи все оборвалось. Что-то окончательно лопнуло, сломалось.

Девушки, пришедшие с ней, резво похватили тазы и лопаты, сгребая вывалившиеся внутренности и пропитанный кровью снег. Морщились и гребли, плотали слезы. А Айя все никак не могла заставить себя сдвинуться с места. словно вросла в эту снежную, жуткую ночь, с едким запахом крови и уходящей, безвинной жизни. А еще где-то внутри росла уверенность, что это все из-за нее...

— А ты чего встала? Работу свою не знаешь?

Айя вздрогнула, медленно повернула непослушную голову на звук. Вперила опустошенный взгляд в рыжую красотку, что смотрела на нее свысока, восседая на широком стуле, укутанная в белую шубку, и с длинным бокалом в изящной ручке. Губы ее кривила неуместная ухмылка, делаая утонченные черты какими-то по-змеиному отталкивающими. Скользкими. Мерзкими.

Все они, сидящие под узорчатым навесом, вдруг разом показались Айе ничтожными червями, что радуются гниющей плоти, ибо ни к чему другому больше не способны.

Опарыши. Стервятники. Мнящие себя хозяевами мира и чужих жизней.

Айя не знала, да и не думала в тот момент, что выражают ее глаза, с какими эмоциями она смотрит на женщину в дорогих одеждах. Что отражается на ее лице, но рыжей это явно не понравилось. Она вопросительно изогнула тонкую, смоляную бровь и вздернула узкий подбородок.

Айя отвернулась, не проявив должного почтения и не извинившись. Отвернулась так, словно перед ней сидела не дочь правителя и гостя господина, а всего — навсего противный плевок, в который вступить, и то жалко. Впервые, того не осознавая, Айя позволила себе молчаливые эмоции. Впервые показала незнакомым Майю. Когда-то свободную и независимую. Гордую. Настоящую.

Дрожащими руками приняла от Лили лопату и тут же выпустила ее из непослушных, словно одеревеневших пальцев. И опустившись на колени, принялась дрожащими руками зачерпывать горячий, остро пахнущий снег. словно через вязкую пелену до девушки донесся мягкий, словно патока голос:

— Нир, мне казалось, твои слуги самые примерные в Северных землях...

Змея...

Айя принялась усерднее складывать снег и внутренние органы несчастного животного в

большие лоханы, борясь с подступающей тошнотой. На Снежинку, что издавала леденящие душу звуки, старалась не смотреть. Молча, глотала катящиеся по щекам слезы. Девушка даже и не заметила, что плачет. Что все ее тело сотрясают бесшумные рыдания. В тот момент она ненавидела рыжую гадину, господина и весь этот погрязший в жестокости и крови мир. Айе казалось, что, будь у нее в руках огнестрельное оружие, она бы не колеблясь, спустила курок. И не раз... Выпускала бы пулю за пулей, пока не закончилась бы вся обойма. И снег бы тогда оросила не кровь невинных существ, а действительно бездушных тварей, мнящих себя господами...

Рвущий воздух свист...

— Мамочки! — взвизгнула Айя, отпрыгивая в сторону.

Снежинка истошно заржала, беспомощно перебирая ногами. Чернавки, рухнув на колени, прижали головы. Айя осталась стоять, метнула бешеный взгляд на звук. Нирхасс стоял чуть поодаль, держа в руках окровавленную плеть.

Один вдох, глухой удар сердца и кобыла снова заржала, выдыхая хрипы в морозную пустоту. А затем еще и еще.

Айя даже не поняла, в какой момент сорвалась с места и встала перед несчастным животным, закрывая его свои жалким телом.

— Хватит! Прошу Вас господин, хватит! Молю!

Рухнула на колени, не сводя взгляда с равнодушного лица. С серых, льдистых и холодных глаз. В голове мелькнула неуместная мысль, что как столь прекрасное создание, может быть таким жестоким.

И снова свист, горячий воздух задевает плечо и приземляется рядом в уже истерзанную плоть. Лошадь за ее спиной хрипит в агонии.

— Господин! Молю Вас! Пожалуйста! Прошу! Пожалуйста! — зашептала Айя, проглатывая ком в горле и расставляя руки в стороны, в тщетной попытке прикрыть и помочь.

А от беседки доносится смех и грубые шуточки. Совершенно неуместные и какие-то дикие.

— Тебе жаль ее? — без особого интереса спрашивает хозяин.

Служанка кивнула в ответ, обливаясь слезами и не сводя глаз с лица своего господина.

И снова свист. Еще и еще.

За спиной раздается дикое ржание и хрип. Отчаянный. Страшный. Последний.

Все стихает.

Тишина становится какой-то звенящей. Пахнувшей загубленной жизнью.

А Айя все так и стояла на коленях, расставив руки в стороны. Не веря во все происходящее.

Очнулась только тогда, когда на поляну перед беседкой конюх потянул взбрыкивающую и сопротивляющуюся Малинку.

— О Боже...

Айя всхлипнула и разрыдалась, оседая в окровавленный снег. Служанки молчали, прижавшись друг к другу, глядя бешеными глазами на разворачивающуюся картину.

А за спиной Нирхасса улыбалась его огненная гостья. Аккуратно положила в пухлогубый рот виноградинку и снова улыбнулась, отпивая из бокала. Остальные наблюдали, не выражая никаких эмоций. Большинство были очень пьяны. И происходящие волновало их мало, словно это было чем-то обыденным и не стоящим внимания.

А он вытер хлыст о подол своего отороченного мехом плаща и перевел взгляд на старую кобылицу.

— Господи! Зачем? Господин! Пожалуйста...

Запричитала Айя, подползая на коленях ближе к беседке. Все происходящее казалось ей нереальным. Адреналин в крови заставлял действовать не думая. Девушку трясло, слезы текли не переставая, голос предательски срывался в сиплый визг. Служанка была готова на все, лишь бы этот кошмар скорее закончился. Чтобы больше ни одно живое существо не погибло по ее вине. А вину Айя чувствовала каждой клеточкой своего существа. Не понимала в чем именно, но чувствовала. На уровне инстинктов, интуиции. И эта вина, тяжким грузом давила, пригибая несчастную чернавку к земле.

Когда услышала уже знакомый свист рассекаемого воздуха и пронзительное ржание, подавилась слезами. Метнула дикий взгляд в сторону хозяина. И не помня себя от страха, рванула вперед. Как была — на коленях.

Упала, цепляясь руками в кожу сапога. Обнимая ненавистную ногу, прижимаясь к ней всем телом. Целуя, вдыхая аромат хвои, своего унижения и отчаяния.

— Пожалуйста, господин! Мой господин! Молю Вас, Нирхасс! Если кто и достоин наказания, так это я! Накажите меня! Накажите! Только молю Вас хозяин, остановите это! Пожалуйста! Пожалуйста, господин! Я сделаю, что прикажете! Все сделаю!

Мужчина смотрел на заплаканную и униженную служанку сверху вниз. Лицо его выражало презрение и отвращение. Остальные смотрели так же. Но, Айе тогда было все равно на их взгляды и мнение. Ей просто хотелось, чтобы весь этот ужас, наконец, закончился.

— Жаль кобылу? — спросил хозяин, глядя на Малинку.

Айя энергично закивала, сильнее прижимаясь к его ноге. Так девушке казалось, что есть надежда, что все не зря.

— Готова занять ее место?

— Что? — не поняла служанка, подняла лицо, заглядывая мужчине в глаза.

— Выдержишь одиннадцать ударов плетью, и вы свободны. Согласна?

Айя задумалась лишь на секунду.

Кивнула.

Господин тряхнул ногой, пытаясь скинуть с себя девушку, словно противную букашку. Айя послушно отпустила чужую конечность.

— Оголяй спину, — скомандовал он.

Люди за его спиной одобрительно заулюлюкали, предвкушая продолжение зрелища.

А люди ли?

Айя медленно поднялась с колен, сглатывая вязкую слюну и смахивая слезы. Холода не замечала. Чужие, неприязненные взгляды кололи сильнее мороза.

Скинула с себя шаль. Непослушными пальцами принялась расстегивать ворот платья, спускаясь все ниже и ниже. Спустила его с плеч, высвободила руки, ежась под холодным порывами ветра.

— Оголяй.

Девушка стянула с плеч сорочку, прикрывая руками грудь. Кожа ее покрылась мурашками, а в голове было пусто, только сердце билось в груди как сумасшедшее. И несколько пар глаз, что шарили по ее обнаженному торсу, вызывали нескрываемое отвращение.

Медленно отвернулась, глядя прямо перед собой. На высокие стволы деревьев, что прятались в темноте и уходили вдаль, к самым заснеженным вершинам, освещенным светом красной, скорбной луны. На большие, пушистые хлопья, что в ее свете казались волшебными, как когда-то в детстве, когда смотришь на падающий снег в свете уличного фонаря, и все так сказочно и вот-вот, кажется свершится самое настоящее зимнее волшебство. А впереди целая жизнь полная радости и чудес и все непременно будет хорошо.

Первый удар вышиб весь воздух из ее легких. Айя протяжно застонала сквозь зубы, пошатнувшись и обнимая себя руками. Слезы вновь брызнули из глаз.

Второй, третий...

На четвертом Айя упала на колени, чувствуя, как рвется под тугой плетью нежная кожа. Как потекло горячее по ребрам. Как горит, там, где он приласкал своим оружием.

Пятый и шестой, проскулила сквозь сжатые зубы, впиваясь ногтями в снег, вгрызаясь до самой промерзшей почвы.

Седьмой хлестко задел грудь справа и тут не сдержалась, вскрикнула. Истошно. Пронзительно. Закусывая губы и давясь вдохом.

В голове шумело и плыло. С груди на снег капало горячим. Красным. Скорбным.

— Ты можешь это прекратить. Это всего лишь кобыла, — ударил по ушам знакомый хрипловатый голос. Не хуже плети ударил.

— Бей уже!

Не выдержала, Выказала неуважение. Отчаялась. Не сдержалась.

Следующие три уда прилетели подряд. Хлесткие, жестокие, сильные.

Айя невольно выгнулась, закричала, захлебываясь слезами. Спина и правая грудь горели огнем. Мысли путались.

Заметил. Не спустил. Показал кто хозяин. Кто решает, будет ли жить обычная чернавка или нет. Наказал за проявленную горячность.

Айя успокаивала себя, что еще один удар и все закончится...

А следующие три были сильнее предыдущих. Девушке показалось, что плеть распоролла ее до самого позвоночника. Запах лошадиной крови смешался с ее собственным, горячим и металлическим. А небо окрасилось в цвет луны. На мгновение показалось, что он ее убьет. Порешит за проявленную дерзость.

Не успела перевести дыхание, как еще один удар выбил из груди весь дух.

Упала в снег. Взвыла.

— Мамочка...

И еще один...

Впечатал жалкое тело в снег. Вдавил сильнее, прошелся по уже рассеченному. Айя от нестерпимой боли засучила ногами, кусая собственную руку. Все вокруг плыло. Звуки стихли. Только собственное дыхание и боль. Жгучая, нестерпимая настолько, что весь окружающий мир перестал существовать. Осталась только она и боль, что завладела несчастным телом, как злобная ханша с раскосыми алыми глазами.

— Ненавижу! Как же я тебя ненавижу! — шептала Айя в снег, боясь пошевелиться. Даже вдох, давался служанке с большим трудом.

— Можешь забирать эту клячу и проваливать, — долетел до девушки ненавистный голос, частично возвращая в реальность.

Несколько долгих минут Айя поднималась. Ноги и руки дрожали, не слушаясь, перед глазами плыло.

Больше не стыдясь, чернавка медленно повернулась к зрителям, являя тем располосованную грудь и истерзанные в кровь губы. Медленно обвела каждого мутным взглядом и наклонилась за шалью. Пошатнулась. С невероятным усилием удержала равновесие. Накинула вязаную ткань на плечи, взыв от боли. Бросила быстрый взгляд на хозяина, который снова вытирал хлыст уже от крови чернавки. Лицо его было каким-то задумчивым и злым. Почувствовав взгляд Айи, Нирхасс вопросительно вздернул идеальную бровь.

— Хочешь что-то сказать?

Девушка кивнула.

— Спасибо за вашу милость. Мой господин.

Слова тонули в завываниях ветра. Оседали на грешную землю вместе со снежинками. Но Айя знала, что он слышал.

Преодолевая себя, девушка добрела до всхрапнувшей лошади, молча приняла вожжи из рук конюха и направилась прочь от беседки, вглубь сада, а затем и через калитку в хозяйственный двор. Шла Айя медленно, давась слезами и взвизгивая от нестерпимой боли. Малинка шла следом, не торопя и не брыкаясь, слона понимала, благодаря кому избежала незавидной участи.

Как дошла до конюшни, сама не знала. Просто увидела знакомый силуэт постройки, а подойдя ближе и плачущего старика, на обледеневшей лавке. Шорс сначала и не понял, что произошло, не поверил своим глазам.

— Дочка, как же...

Начал было конюх, поднимаясь навстречу, да так и замер, заметив кровавый след, что проложил дорожку по следам хрупкой девушки.

— Прости деда, прости, пожалуйста, я не думала... — прошептала Айя, протягивая старику поводья.

Пара вдохов и свет в ее глазах померк.

Шорс едва успел поймать падающую девушку, измазавшись в ее крови...

Глава восьмая

Айя выкарабкивалась долго. Шорс выхаживал девчонку в своей каморке. Пару раз приходила Тойра, приносила лечебные отвары и мази. Ругала старика и бессознательную девушку. Велела обязательно сообщить, когда та очнется. Забегал даже лакей из верхних ярусов, принес какой-то жутко дорогой порошок, что должен обеззараживать и затягивать раны. Все расспрашивал, да высматривал, требовал разбудить служанку. Чем рассердил Шорса, и был изгнан из старой конюшни взащей.

Очнулась девушка на седьмой день. Просто вынырнула из спасительно забытья и уставилась опустошенным взглядом в стену. Для чего ей дальше дышать, Айя решительно не понимала. Тело болело, душа выла, а мысли, то и дело возвращались к гнетущей безысходности.

Никогда Майя не считала себя очень слабой, изнеженной или ранимой. Но и сильной себя не считала. Девушка всегда была немного труслива и осторожна. А имеющаяся действительность сломала все, что в несчастной оставалось прежнего. Последнюю волю. Последнее желание бороться. Айя не чувствовала в себе сил на это. Всё вышибла его плеть. Содрала вместе с кожей, выдрала с мясом и утопила в холодных сугробах севера. Ей просто не хотелось больше чувствовать боль, просто не хотелось существовать.

— Девочка, не надо, — причитал Шорс, глядя на слезы Айи, — все образумится...

Хотя, и сам в это верил с трудом. Старик понимал всю серьезность ситуации, что помочь он никак не может. Никто не может.

— Ты должна сказать Тойре, может она что-то посоветует.

— Тойре? Что рассказать? Я сама виновата, влезла, куда не надо. Не переживай деда, — протянула Айя, понимая весь абсурд предложения Шорса. При всем желании, Тойра всего лишь слуга, несколькими рангами выше, но все же, та же рабыня. Чем она поможет? И она недолюбливают слуг с нижнего яруса. С чего ей помогать какой-то девке, что сама выпросила прилюдную порку?

Да и надо ли?

Все опостылело. Все тошно.

— Я хочу домой, — взвыла Майя, — я к маме хочу. Деда, я хочу к маме. Боже помоги...

Слезы лились градом. Нестерпимо давило в груди. Чувство страха и безысходности накрыли волной. Огромной — штормовой. Психика сдала, не выдержала. Айя больше не могла быть сильной. Просто не могла. Не понимала, зачем...

И израненное тело выло ей в такт. Горело и лихорадило. Мучилось.

По иронии на одиннадцатый день, когда Айя уже могла с трудом вставать, пришел он. Старый конюх обрабатывал ей раны, радуясь, что заражения удалось избежать, а шрамы даже красивым узором вырисовываются. Успокаивал девчонку, что стала напоминать лишь блеклую, невзрачную тень, с черными омутами боли вместо глаз.

Еще не видя, девушка ощутила его присутствие рядом. Задрожала. Передернулась всем телом, словно вновь получила удар плетью, только теперь по натянутым, как струны нервам. Запах кедра, так явно выделялся среди запахов лекарств, старческого тела и навоза. Как что-то инородное и нереальное. Зловещее.

— Господин, — спохватился Шорс, кланяясь чуть ли не до полу.

Айя тоже подскочила с соломенного топчана, но поклониться не смогла из-за боли, только часто-часто заморгала, пытаясь скрыть непрошенные слезы. Наготу прятать, тоже не стала. Решила — пусть видит дело рук своих. Исполосованную спину и грудь. Ужасные кровоподтеки и раны, покрытые сочащиеся сукровицей страшные рубцы.

Просто стояла и смотрела, пытаясь утомить бросившееся вскачь сердце.

Что ему снова нужно?

Он и так забрал у нее все что мог.

Или этого мало?

Осталась только ее жалкая жизнь.

Или пришел посмотреть? Удостовериться, что достаточно проучил своевольную девчонку из низших, что имела наглость говорить и смотреть на господина и его гостей?

А он остановился в дверях и просто смотрел, не отрываясь. Его взгляд бесцеремонно шарил по телу девушки, а ноздри раздувались все шире с каждым вдохом.

— Господин желает посмотреть коня для охоты или прогулки? — разорвал тишину голос конюха.

— Нет, — тут же отозвался Нирхасс, — ступай, подыши воздухом, — велел.

— Господин? — встрепенулся Шорс, бросая настороженные взгляды на Айю.

— Ступай! — нетерпящим возражения тоном, повторил.

Старик удрученно поплелся к выходу, кидая на девушку жалостливые взгляды из-под густых бровей. Что было на уме у его хозяина, знали, пожалуй, только небеса.

Айя, оставшись наедине со своим мучителем, задрожала всем телом. Неужели он будет брать ее искалеченную, пахнущую травами и потом, гноем и сукровицей.

Почему?

За что?

Почему именно она? Что за прихоть такая?

А он просто стоял и смотрел. Облаченный в какой-то дорогой, темного цвета костюм, в высоких сапогах, и отороченном мехом плаще. С зачесанными назад волосами и гладко выбритым подбородком. Вдыхал запах затхлой каморки, пропахшей стариком, ее кровью и испражнениями в горшке под топчаном. Смотрелся совершенно неуместно во всей этой обстановке. Казался огромным и зловещим в свете пляшущего огонька свечи.

Айя не выдержала, потянулась за простыней. Девушке хотелось прикрыть свою наготу, спрятать истерзанное тело от глаз мучителя. Находиться с ним в одном помещении казалось ей новой, изощренной пыткой.

— Оставь так, — буднично велел господин, заставив девушку замереть в нелепой позе. Грязные волосы, с запекшейся в них кровью, частично прикрывали ее испуганное лицо.

Взгляд его застыл на двух страшных, пересекающихся полосах на груди служанки.

— Повернись.

А если она не повернется? Заставит или сразу убьет?

Айя не рискнула проверять.

Очень медленно повернулась к нему спиной, уперев перепуганный взгляд в толстый брус стены. Это все было не менее унижительным, чем порка. Он пришел упиваться содеянным и ее слабостью.

Почему? Ну почему он не оставит ее в покое?

— Тебе больно? — в его голосе девушка не услышала ни сочувствия, ни сожаления. Легкое любопытство. Праздный интерес.

Служанка кивнула, с силой сжимая и разжимая пальцы.

— Не слышу, — недовольно произнес хозяин, заставив несчастную вздрогнуть.

— Да, господин, больно, — выдавила из себя осипшим голосом Айя.

А дальше только тугая, вязкая тишина и ее собственное сумасшедшей дыхание. Взгляд, что прожигал ей спину, Айя ощущала физически.

А когда услышала легкие, быстрые шаги, чуть не потеряла сознание от ужаса. Издав какой-то жалкий всхлип, вся сжалась и зарыдала.

Никогда и никого в своей жизни девушка так не боялась, как стоящего за ее спиной асура.

Айю была крупная дрожь, сотрясая истерзанное тело. Из глаз и носа текло, капало на покрытую мурашками грудь. Ноги сделались ватными, что казалось, легкий сквозняк, и она непременно рухнет на устланный соломой пол.

Он подошел так близко, что служанка ощутила прикосновение бархатистой ткани к многострадальной спине. А горячее дыхание опалило слипшиеся волосы на макушке. Айя задрожала сильнее. Ужас сковал ледяными когтями все внутренности.

— Тише, — шепнул господин над ее головой, — я скажу это лишь раз, поэтому слушай внимательно.

Айя кивнула, глотая слезы и борясь с дрожью.

— Ты впредь никогда не покинешь стены этих владений без моего дозволения. И никогда более не позволишь себе дерзости в отношении гостей моего дома. А дерзость ко мне я больше не спущу. Так легко ты уже не отделаешься. Понимаешь?

Айя сглотнула кивая.

Легко? Да он ее чуть не убил. Он этого что, не понимает?

— Как оправишься, придешь в мои покои. И без глупостей... Айя.

Девушку замутило. Айя вдруг четко осознала, что это не закончится. Что он будет мучить ее и дальше. Не оставит в покое. Не отпустит.

Несчастливая только не понимала, почему она? Почему именно она? Что ему от нее нужно, когда вокруг столько красоток с титулами и родословной? Да любая женщина Севера будет рада согреть постель своему господину. И вообще, асуры не сношаются с людьми. Это низко для них. Так ведь говорил? Так почему именно Айя? Обычная, ничем не примечательная. Низшая из обслуги, не принимаемая, даже, равными ей? Почему?

Служанка даже не сразу поняла, что произносит это вслух:

— Почему? Почему именно я?

И испугалась собственных слов. Поспешила прикрыть рот ладонью, ожидая наказания за непростительную неосторожность.

Ощутила, как мужчина за ее спиной напрягся, выдохнул недовольно.

— Много говоришь.

— Простите, господин! Больше не повторится! — запричитала себе в ладонь несчастная девчонка.

И снова звенящая тишина.

Время шло, а он все стоял за спиной служанки, бесшумно и недвижимо. Доводя ту до немой истерики. От страха сводило судорогой икры, и вставал в горле ком.

Чего он ждет? Почему не уходит?

Когда услышала глубокие, тяжелые вдохи над головой, замерла. Нирхасс прерывисто дышал, почти уткнувшись в ее макушку, тянул жадно ноздрями ее запах, выдыхал сквозь

плотно сцепленные зубы. Накручивал себя, распался. А услышав позади тихое шуршание и щелчки, Айю захватил ледяной ужас!

Он что? Он что, собирается?..

— Господин! Господин, пожалуйста, только не сей...

— Закрой рот! — тяжело дыша, оборвал ее мужчина. Недовольно рыкнул, больно прихватил ее волосы, потянул на себя, заставляя запрокинуть голову назад.

Айя взвизгнула, упершись взглядом в потолок. Перед глазами мелькнули темные, выбившиеся пряди и покрытый испариной высокий лоб. Ассур явно был недоволен. При чем завелся за доли секунды. Возился с чем-то одной рукой. Служанка почувствовала, как рядом с ее ногой шлепнулось что-то небольшое и теплое. Испугавшись, дернулась, но тут же всхлипнула от боли. Нирхасс сильнее потянул ее волосы, заставляя прогнуться в и так пылающей огнем спине.

— Перестань. Хуже делаешь, — зарычал над ней господин.

Айя напряглась, застыла, прикрыв глаза.

А он все с чем-то возился, раздраженно цокал языком и шумно дышал. Утыкался носом в ее грязные волосы, весь вибрировал. Пылал жаром.

Когда девушка, наконец, поняла, что происходит, закусил губу, стараясь совсем не двигаться. Просто затихла и ждала, когда все закончится, ощущая его возбуждение всем своим существом. А он бесновался, дышал, как здоровенная, бешеная псина, тянул ее волосы и явно был близок к финалу.

Маленькую коморку заполнил его хвойный и пряный мужской запах. А характерные влажные звуки, казались невероятно громкими.

А он все не кончал, пребывая в сладком забытии, вихлял в руке голову несчастной служанки, дышал ею и удовлетворял себя, периодически касаясь влажной и скользкой головкой ее израненной спины.

Когда он затаил дыхание, Айя зажмурилась, ожидая кульминации этого унижительного, сарайного кордебалета.

Еще несколько быстрых и дерганных движений, и Нирхасс, задрожав и судорожно втянув в себя воздух, выплеснулся теплым и вязким на поясницу покорной служанки. По инерции потянув на себя руку с ее волосами, Айя испугалась, что он в этом бессознательном порыве может свернуть ей шею. Привстала на носочках, морщась от жгущей боли в рубцах.

А он все втягивал и втягивал в себя ее запах, словно не мог надышаться. А потом вдруг как-то жалобно и протяжно застонал, зашипел что-то сквозь зубы, и процедил:

— Сука!

Толкнул девушку от себя. Служанка, не ожидавшая подобного, рухнула безвольным кулем вниз, задев лбом деревянную стену. Охнула от неожиданности и боли, губы ее задрожали. Обернулась, глотая слезы.

Нирхасс быстро заправлялся и отряхивался. Приводил себя в порядок. Злился. На Айю не смотрел. Какое-то время раздраженно оглядывался по сторонам, наконец, заметил искомое. Схватил небрежно брошенную перчатку и, развернувшись на пятках, поторопился удалиться. Шандарахнув на прощание старой, жалобно скрипнувшей, дверью.

А Айя так и осталась сидеть на грязном полу, избитая, растоптанная и униженная. Запятнанная следами чужой страсти.

— Спасибо за Вашу милость, господин...

Глава девятая

Еще около трех недель Айя отлеживалась и приходила в себя. Шрамы на теле потихоньку затягивались уродливыми рубцами, а вот дыра где-то в глубине ее естества зияла и кровоточила — расширялась. Множилась. Затягивала во мрак. Лишала воли. Да просто не давала дышать...

Несколько раз в их маленькую конюшню приходила Тойра. Мерила шагами затхлую коморку и ругала Айю. Кричала, нервно притопывала ногой. Обзывала служанку безмозглой, пустоголовой дурой, не умеющей держать язык за зубами. Грозила рудниками. Лично сама мазала девушке спину едко пахнущей мазью, что приятно холодила. И снова ругала.

Айе даже показалось, что противная управительница о ней беспокоится. Но девушка быстро прогнала эти мысли. Тойра не была тем человеком, который мог проявлять сочувствие.

Но женщина именно его и проявляла...

А еще каждый день, утром и вечером, в конюшню прибежал уже знакомый лакей с верхних ярусов. Обычно просто что-то высматривал и вынюхивал. Пару раз приносил какие-то сладости и фрукты, а однажды заявился с подушкой и огромным, толстым пледом. Затащил это все по шаткой приставной лестнице на чердак Айи и с невозмутимым видом сгрузил на пол под ее ошарашенным взглядом.

— Что это? — спросила, глядя, как парень резво удаляется.

— Мне запрещено с тобой говорить. Бери и радуйся.

И Айя взяла.

Засунув подальше гордость и самоуважение. Стараясь не думать, что это жалкие подачки от ее бездушного мучителя. Что этим он еще больше ее унижает, указывая, как низко она находится в его глазах. Какое место занимает. Как уличный туалет, куда он приходит справить прихватившую его нужду. Нужду постыдную, о которой и знать-то никто не должен.

Обо всем об этом девушка старалась не думать. Ей нужны были силы, нужно было скорее восстановиться...

Майя решила...

После того, как служанка смогла подниматься и ходить, девушка перебралась на свой чердак. Здесь ей было спокойнее и привычней. Здесь — в дальнем углу, глубоко под копной сена было спрятано самое дорогое и самое ценное, что у нее осталось.

И как только шаги лакея затихли где-то внизу, за дверью, Айя резво закуталась в принесенный, крупной вязи, плед и примостила удобно белоснежную подушку, что смотрелась инородно в убранстве старого чердака, сена и промерзших балок.

Села, глядя на морозный узор маленького круглого окошка.

За стенами завывало и мело. На Север окончательно пришла зима. Засыпала белым серые горные пики и хвойные леса, укрыла искрящимся полотном поля с озимыми и маленькие поселения. Хозяйский двор тоже замело.

Вьюжило уже который день подряд. Шорс каждое утро расчищал оба входа в конюшню. Ругался в пышные усы, возил на старой тачке дрова в свою коморку.

Усиленно топились печи и камины. Господа проводили много времени в больших купальнях с пышущими жаром банями и бурлящими горячими источниками под открытым,

морозным небом.

Все зимние праздники веселье шло полным ходом. Закатывались пышные ужины и музыкальные вечера с танцами и играми. Винный погребок стремительно пустел. Слугам было разрешено небольшое застолье ни нижних ярусах. От хозяйских щедрот был выделен бочонок с хмельным напитком и закуски, разрешили заколоть кабана. Господин так же расщедрился на корзинку с цукатами. Шорс передал Айе, что девчонки были в восторге. Старик и для своей подопечной уволок парочку засахаренных лакомств, свиные ребрышки, запеченные в пышном тесте и огромную кружку крепленого вина.

Не ожидая от себя, Айя с таким волчьим аппетитом набросилась на еду, не обращая внимания на ворчания Шорса, что никто ж не отнимает, и чтобы она ела спокойнее. Девушка только кивала, запихивая в рот очередной кусок и отпивая большой глоток из кружки.

Оставшееся утянула с собой на чердак.

Зарылась в стог сена и выудила из его недр свое сокровище — небольшой красный рюкзак, с брелочком звездочкой на массивной защелке. Прижала его к груди, вдыхая аромат кождама и давно забытой, кажущейся теперь нереальной прежней жизни.

Забралась на свой стог, плотнее кутаясь в огромный плед-подачку, сделала большой глоток из ополовининной кружки, чувствуя, что уже давно и хорошо пьяна. А внутри все росло и росло приятное щекочущее тепло, в голове шумело и накрывало забытое, дурманящее ощущение легкости.

Затаив дыхание, Айя расстегнула рюкзак, как-то сдавленно всхлипнула. Первым на глаза попался рабочий пропуск с ее давно выцветшей фотографией и полустертыми данными. Никольская Майя Александровна...

В боковых карманах притаился какой-то хлам: старые чеки, карточки, гелевая ручка без колпачка и блистер с мятной жвачкой. Безнадежно запутанные наушники. Сбоку притулился вишневого цвета кошелек и косметичка, расческа. Упаковка с капроновыми колготками, лифчик, который девушка сняла и спрятала, попав в этот мир. Квитанция со счетами за коммуналку, пакетик с золотым колечком, серьги и цепочка с крестиком, что Майя также сняла и припрятала. Зарядка от телефона и он сам — вот, собственно и все столь дорогое Айиному сердцу богатство. Тоненькая нить, связывающая ее с домом. С верой в то, что она прежняя, это не выдумки ее изможденного сознания. Что есть шанс...

Надежда...

Сделала еще глоток и дрожащими руками вытащила когда-то привычный гаджет. Любовно приласкала тонкими пальцами гладкую, глянцевую поверхность и, затаив дыхание, нажала маленькую кнопочку сбоку. Экран ярко вспыхнул, приветствуя хозяйку. Пару мгновений, и Айя уставилась на свою круглощекую, улыбающуюся фотографию на дисплее. Улыбнулась сама себе, подмигнула, смахивая застилающие глаза слезы. Бросив быстрый взгляд на батарею в углу экрана, что транслировала шестьдесят один процент, зарылась в галерею с многочисленными фото. Последними из сделанных были новый маникюр и маленький котенок на плюшевом сиреневом пледе. Несколько нелепых селфи после наращивания ресниц. Коктейли в клубе и улыбающиеся, покрасневшие лица девчонок, ее близких подружек. Какой классный тогда был вечер, беззаботный...

Дальше фотки какой-то еды и итогового отчета за квартал с работы, а потом, наконец, и улыбающееся мамино лицо, с мелкими лучиками морщинок у глаз. Ее светлые волосы и такие родные руки.

Не выдержала — разрыдалась.

Заряд упал на пару делений, и Аяй вздрогнув, поспешила выключить телефон. Надо беречь. Прошное надо беречь. Больше всего девушка боялась забыть. Забыть свою прежнюю жизнь и самые родные и любимые черты. Забыть их... И себя.

Хотя, ее самой уже не осталось совсем. Он все забрал, раздавил и смял, запачкал и выбил своей плетью...

Вздрогнула, поспешила сложить все в рюкзак и шустро спрятала его под подушку. Сделала несколько плотков и усталилась в стену напротив. Думала, собиралась, решалась. Под действием алкоголя, казалось, может горы свернуть, доказать всему миру свою правоту и свернуть шею одному беспощадному ублюдку.

— Чтоб ты провалился, скотина! — выкрикнула в пустоту, погрозив ей пальцем. — Ненавижу ублюдка! Разодрала бы и скормила твое прогнившее сердце уличным псам, мерзкий упырь! Откромсала бы твой поганый член и засунула тебе же в зад, чтобы понял, каково оно, сволочь! Сволочь! Бездушный монстр! Какой ты к хуям господин?! Тварина ты поганая! Ненавижу!

Зло сплюнула на пол и снова отпила из кружички. Тогда Аяе казалось, что будь Нирхасс рядом, она бы не побоялась высказать ему это все в бесстыжие, холодные глаза! И будь, что будет!

Вот так служанка провела один из зимних праздников.

А дальше, казалось, сама вселенная встала на сторону Аяи.

Девушка медленно, но шла на поправку, а это значило, что скоро придется возвращаться к работе и к нему... Служанке этого более не хотелось. Да одна мысль об этом наполняла ее всю ужасом и отвращением. А от осознания, что этот монстр вновь ее коснется, к горлу подкатывала тошнота. Аяя понимала, что больше не выдержит, не сможет...

И как-то, ближе к вечеру, Шорс вернулся в конюшню какой-то встревоженный и немного на взводе. Старик то и дело вздыхал, курил одну за одной свои ядреные самокрутки и по второму разу принялся вычесывать Малинку.

— Деда, ты чего? Случилось что? — не выдержала Аяя, видя, как Шорс в очередной раз полез за кисетом с табаком.

— Случилось, — прикурил конюх, втягивая в себя горький дым, — Загорье опять лютует. Поднимается. Сумасшедший король со своими сыновьями снова воду мутят, поднимают людей на смуту. Простить видать никак не могут Правящему Дому назначение нашего хозяина господином Северных земель. Чего доброго, войну поднимут. Оно-то понятно, что воевать-то особо не с кем и делов тамоча на пару дней, а только мирный люд все равно поляжет. Нехорошо все это, Айка, очень плохо. Господин наш сегодня, говорят, в Хасарон за отрядом своим отбывает, а оттуда сразу к Загорью, успокоить разбушевавшихся. Кабы они до нас раньше не добрались.

Аяя задумалась, притихла и посмотрела на Шорса с надеждой. В ее голове все складывалось как можно лучше. О других девушке в тот момент не думалось. Этот вспыхнувший надеждой взгляд не укрылся и от старика. Он недовольно пыхнул в густые усы и нахмурил брови, глядя на несчастную девчонку.

— Чего с тобой? Чего ты удумала, девка?

Служанка подозрительно оглянулась вокруг, и наклонилась ближе к Шорсу.

— Деда, я решила уйти, — прошептала девушка, сама не веря в свои слова.

Конюх подавился вдохом и закашлялся, стуча себя в грудь кулаком.

— Да ты чего, сдурела что ли? — зашептал он, так же опасно косясь по сторонам. — Ты знаешь, что с беглыми делают? Да их на месте пришибают и на псарню, кормом свозят. Хочешь собачьим дерьмом стать? Ты это брось, Айка! Не дури.

Девушка знала, что сбежавшим пощады нет, а еще она знала, что долго от такой жизни не протянет. Нирхасс или убьет ее за очередное неудобное слово, или придушит в порыве своей больной страсти. Уж лучше попытаться счастья и в случае неудачи покинуть это поганое место борющейся и свободной, а не безмолвной, невольной шлюхой под разошедшимся садистом.

— Деда, а ты знаешь, что он со мной делает? Рассказать? Да он и так меня прибьет, это вопрос времени. Да ты и сам это прекрасно знаешь...

Старый конюх только тяжело выдохнул и потрепал девчонку по включенным волосам. Он понимал, что Айка права. Ассуры ранее никогда не обращали своего внимания на женщин из рода людей. Это низко. Это недостойно. Это грязь. Хозяин не оставит в живых девочку. Но, вместе с тем, Шорс помнил, что на его веку еще никому и никогда не удалось сбежать. Таких, пытавшихся, было немного, но ни у кого не вышло. И участь их была незавидной.

Старик не знал, что делать.

— Если он отбывает сегодня, то я уйду в ночь, — прервала размышления конюха Айка, — это мой шанс, деда. Господин теперь будет занят делами куда более важными, чем какая-то беглая чернавка. А мне только бы успеть добраться в торговый порт...

Говорила, и сама себе не верила. Порт был далеко — в нескольких днях пути и это верхом. Лошадь она не возьмет, чтобы не создать проблем Шорсу, а выпавшие снега замедлят ее еще сильнее. Но это ничего! Попытаться все же стоит. Ей бы только дойти до торговой деревушки или городка, а там можно затеряться среди толпы или примкнуть к обозу, идущему в большой город с портом.

Как много «если» и «только бы», но Айка все решила. Решила еще там, в свете кровавой луны, воя от боли под ударами его плети. Ее более ничего не удержит в этом месте, ни страх, ни глупая вера в то, что во всем этом есть какой-то замысел и ей необходимо оставаться в месте, где она явилась в этот мир. Где есть вход, там есть и выход. Нет его здесь, это девушка теперь поняла. Глупо ждать и надеяться. Тем более, когда судьба дает такой шанс.

Следующие пару часов Айка собирала свой нехитрый скарб в красный рюкзак. Мерила шагами свой чердак, тряслась от страха, но решительности не потеряла. Это было ее особенностью. Еще будучи ребенком, Майя отличалась ослиным упрямством — если решение было принято, девушка шла до конца.

И Айка шла. Натянула на себя самое теплое, из того, что было. Замоталась в шаль и, накинув рюкзак на плечи, спустилась вниз. За окнами уже царил поздний вечер, Шорс стоял в дверях своей каморки, переминался с ноги на ногу, недовольно бурчал что-то в свои усы.

— Ты точно все решила, дочка? — как-то робко спросил конюх.

Айка только кивнула, поправляя ботиночки и шерстяные носки.

— Отговаривать не буду, — снова протянул старик, — просто, хочу, чтобы ты знала, что мне очень жаль, Майя, что все сложилось, как сложилось. Я хочу тебе помочь, девочка, но это не по силам такому, как я. Поэтому, вот, на, это тебе. Бери, не ершись. Бери-бери.

— Спасибо, — прошептала Айка, принимая из рук Шорса увесистый узелок.

Не выдержала, порывисто обняла старика, уткнувшись носом в пушистую, пропахшую

потом и табаком бороду.

— Спасибо, деда. Береги себя...

И выскользнув из его рук, практически вылетела за тяжелую дверь, напрямик в морозную ночь. Скривилась от боли в потревоженных ранах и от пронизывающих порывов переменчивого, северного ветра.

Оно и к лучшему.

Он заметет и скроет следы маленькой, строптивой служанки, что отважилась ослушаться своего господина.

Айя шла всю ночь, не обращая внимания ни на боль, ни на холод, ни на страх. Желание выжить и быть свободной было в разы сильнее. Поэтому, незамеченной выбравшись за территорию имения, девушка ринулась в сторону рощи, что сопровождала главный тракт по всей его протяженности. По дороге идти не рискнула, а вот среди деревьев и кустарников, укутанных в покрывала снегов, служанка чувствовала себя уверенней. Периодически в разрывах снежных туч появлялся здоровенный полумесяц, серебря землю и освещая беглянке путь среди лесных сугробов. А Айя шла, шла не чувствуя усталости и забив на боль и дискомфорт. Холода и вовсе не ощущала, разгоряченная преодолением снежных заносов и бурлящим в крови адреналином.

По сторонам и вовсе старалась не смотреть, опасаясь увидеть в глубине рощи силуэты какой-нибудь живности и людей. Как ни странно, а в голову вдруг начинали лезть услышанные в детстве от бабушки страшилки о всякой нечисти, что насмехаясь, пугала возгордившихся людишек. О бесах и ведьмах, что обращались в домашний скот и стращали мирный люд. От этих мыслей делалось не по себе и то и дело хотелось озираться по сторонам. Айя боролась с собой.

Ближе к утру тракт сворачивал с прибрежной линии и уходил вглубь смешанных лесов. А горные вершины оставались далеко позади, как и опостылевший двор господина. Чем дальше Айя уходила от него, тем легче девушке дышалось.

Когда день окончательно сменил собой утренние сумерки, служанка позволила себе присесть на поваленное дерево и отдохнуть. Залезла в узелок, что дал ей Шорс, и не сдержала благодарной улыбки. Старик, видимо, отдал ей все свои ценные запасы. И завернутый в плотную бумагу кусок сала, и краюху свежего хлеба, головку чеснока, пару яблок и небольшую бутылку красного вина. На самом дне Айя нашла небольшой мешочек с горстью монет и самодельный, аккуратный нож. Смахнула непрошенную слезу благодарности, отрезая себе небольшой кусочек сала и запихивая его в рот.

Жуя, подняла лицо к небу. К обеду, наконец, распогодилось, и низкие, серые тучи уплыли дальше на север. Высоко и ярко блестел диск солнца, приятно касаясь робкими лучами обветренного девичьего лица. Вокруг все искрило и блестело, а смешные краснопузые птички звонко пели, перелетая с одной ветви на другую. Вокруг было тихо и спокойно. Айя жевала, блаженно жмурясь и прислушиваясь к звукам леса вокруг.

Утолив голод и передохнув, двинулась дальше.

Шла до самого вечера, что наступил быстро. Зимние ранние сумерки, дышали ей в спину, снова погружая лес в пугающий мрак. К этому времени Айя знатно вымоталась и хотела спать. Встретив на пути широкий ствол, какого-то непонятного в сумерках дерева присела отдохнуть. Плотнее укуталась в шаль и на секундочку прикрыла глаза...

А когда открыла вновь, месяц был высоко над головой, освещал все вокруг, отбрасывая

причудливые тени. Где-то сбоку оглушающее громко треснула ветка, и Айя истошно взвизгнула, испугавшись до трясучки. Подскочила с места, озираясь по сторонам и совершенно не обращая внимания на боль в затекших от неудобной позы конечностях. Какая-то птица неподалеку недовольно ухнула, и перелетела подальше, на другое дерево. А служанка еще несколько долгих минут переводила дыхание. Так перепугалась.

Решила, что с отдыхом хватит, и, выудив из узелка яблоко, двинулась дальше. Пока шла, напевала себе под нос какую-то попсовую песенку, так было спокойнее. В который раз за время пути вспомнила добрым словом маленькую Рин, что убедила ее купить плотные штаны и тунику, а шаль была невероятно теплой. Все время своего пути Айя не выпускала из вида тракт. Шла параллельно, скрытая тенью леса. Пару раз ей встречались одинокие всадники, и семья в крытой повозке. Девушка, их за приметив, уходила глубже в лес и продолжала свой путь как можно бесшумнее. Обгоняли они ее быстро.

Вторая ночь в пути далась сложнее. К утру Айя с трудом волочила ноги, но останавливаться себе запрещала. Слишком много стояло на кону, чтобы поддаваться усталости. Перекусывала тоже на ходу, запивая терпким, горячительным напитком. Лишь пару раз останавливалась, справить нужду, и дальше в путь. К шансу на вольную жизнь. Шла, шла и шла, пока бледное солнце не перевалило за горизонт. А тем временем, лес по ту сторону тракта заканчивался, и начинались широкие поля, утопающие в балках и снова поднимающиеся и уходящие вдаль.

Перейдя заснеженную, широкую дорогу с виднеющимися вдали указателями, Айя двинулась по полю, проваливаясь чуть ли не по колено в сугробы. На открытой местности чувствовала себя неуверенно и откровенно трусила, то и дело опасливо оглядывалась по сторонам.

И не зря трусила. Опасность, скорее, даже не услышала, а почувствовала всем своим существом. Просто в один миг несчастная замерла, вздрогнув всем телом, а сердце, казалось, пропустило удар. А потом Айю кинуло в жар, а сердце бросилось вскачь, пробивая грудную клетку. Девушка озиралась по сторонам, но ничего не видела. А ужас тем временем сковывал все сильнее и сильнее, накрывал беднягу с головой. Сделалось трудно дышать, в ушах шумело и стучало, к лицу хлынула кровь. Айя замерла, как вкопанная, среди обдуваемого ветрами поля, обернулась, глядя на виднеющийся вдали лес. Принялась лихорадочно шарить по нему глазами, не помня себя от дикого страха. На мгновение показалось, что в нос буквально ворвался запах кедра.

— Нет, — прошептала Айя в пустоту проносающемуся мимо ветру.

А глаза выцепили среди деревьев что-то огромное, мощное, движущееся прямо на нее. Девушка испуганно вскрикнула прижимая руки ко рту...

На освещенное зимним солнцем поле из темной рощи выскочило нечто. Большое, встрепанное, злое. Существо и действительно оказалось огромным, больше двух метров в холке. Белое, словно только что выпавший снег, с серыми подпалинами на спине и мощных лапах. Больше всего оно напоминало помесь снежного барса и полярного волка. Только на спине, вдоль позвоночника виднелись длинные, словно шипы, кожистые наросты, а хвост длинный, с короткой шерстью и в таких же наростах. На морде, между серых глаз, что-то вроде панциря. Начинался он от пышущих горячим паром ноздрей и тянулся вверх, между длинных ушей с кисточками и уходил прямо к наростам на спине. Несмотря на шерсть, Айя видела, как перекачиваются мышцы существа при каждом его движении. Как мягко и плавно, пружинят мощные лапы с длинными черными когтями, как скалится пасть,

демонстрируя острые, длинные клыки. А глаза... Несмотря на расширившийся вертикальный зрачок, эти глаза Айя узнала бы из миллиона других глаз.

Ассур был сейчас в одной из своих ипостасей.

И эта махина неслась прямо на нее.

Выдохнув и выронив из рук узелок, девушка рванула прочь, безуспешно стараясь убежать от неизбежного. Ноги вязли в сугробах, служанка падала, проваливаясь глубже, но упорно неслась вперед. Слезы застилали глаза, в голове не было ни одной мысли, лишь одни голые инстинкты, что толкали ее к мнимому спасению.

Айя даже не успела понять, что произошло... Мгновение, болезненный пинок в спину и бедолага упала лицом в колючий снег. Что-то с легкостью рвануло ее вверх, заставляя громко взвизгнуть и нелепо засучить конечностями, кувыркнуло через себя и уложило в сугроб, но только уже на спину, припорошив лицо холодными хлопьями. А на грудь словно бетонная плита рухнула, придавив несчастную девчонку к земле, топя в стылom океане. Сквозь слезы и снег, Айя видела огромную, мохнатую лапу, что продолжала вдавливать ее все глубже и глубже. Девушка, как выброшенная наземь рыба, жадно глотала открытым ртом воздух, давясь ледяными хлопьями. Хваталась тонкими ручонками за скользкую, мягкую шерсть, визжала.

— Господин! Господин! Пожалуйста...

А зверь над ее головой рычал и дышал горячим прямо ей в лицо. Клацнул страшными зубами перед красным девичьим носом. А Айе казалось, что еще чуть-чуть и он проломит ей ребра, раздавит грудную клетку, как яичную скорлупу. В панике засучила ногами, сильнее хватаясь за убивающую ее лапу.

— Нир...

Закашлялась, завизжала, понимая, что темнеет перед глазами.

— Нирхасс, прошу! Господин! Мой господин, прошу...

Жадно вдохнула, чувствуя, как печет в груди и расплывается мир перед глазами.

Мгновение и служанка смогла вдохнуть полной грудью. Закашлялась, часто-часто моргая, обхватывая голову непослушными руками. Вперила сумасшедший взгляд вверх.

Он стоял прямо над ней, высокий и нагой в лучах зимнего, заходящего солнца. Тяжело дышал, по вздымающейся груди стекали блестящие бисеринки пота. Волосы были растрепанными и влажными, рваными прядями обрамляли злое лицо. Рот мужчины был приоткрыт, являя свету длинные, острые резцы. Волосы на груди и в паху быстро меняли цвет из пепельных в привычные темные завитки. А черные толстые когти медленно втягивались, словно бы под кожу, становясь обычными, аккуратными ногтями. Нирхасс смотрел прямо на Айю, и зрачки в глубине его серых глаз все еще оставались вертикальными.

— Я убью тебя, женщина, — произнес он шепотом, пытаясь отдышаться.

Майя моргнула, сжимая в кулаки трясущиеся руки.

— Простите, — только и смогла выдать из себя, не зная чего ожидать дальше.

— Я запретил...

Только сейчас Айя заметила за его спиной приближающегося всадника, ведущего следом лошадь господина. Он, молча, протянул неподвижному хозяину сверток, и прошло несколько долгих минут, прежде чем тот его принял. Бросив на Айю убийственный взгляд и отвернувшись, Нирхасс принялся натягивать на себя одежду.

— Вставай, — не оборачиваясь, рыкнул, затягивая руки в черную кожу перчаток.

Не переставая трястись, Айя поднялась, смахивая с растрепавшихся волос снег. Шок от увиденного и пережитого будоражил кровь, заставляя девушку дрожать, как осиновый лист на ветру.

Накинув на плечи отороченный мехом плащ, и опустив на голову капюшон, господин вскочил в седло.

— Иди сюда, — приказал он Айе, и стоило девушке подойти, как Нирхасс лихо вздернул ее вверх, закидывая несопротивляющееся тело перед собой, и умащивая поперек коня, как мешок с картошкой.

Жеребец недовольно заржал.

— Ты пожалеешь о том, что сделала, — тихо произнес господин и дернул поводья, направляя коня в сторону далеких гор.

Увозя несчастную пленницу от такой желанной мечты о свободе.

Айя тихо всхлипывала, болтаясь вниз головой. О том, что ее ждет «дома», бедняжке оставалось только догадываться.

— Не скули, — раздраженно рыкнул хозяин.

А воля была так близка...

Глава десятая

Имена всадники достигли уже поздней ночью, когда низкое зимнее небо затянуло быстро плывущим тучами, скрыв от глаз путников звезды и яркий серп месяца.

Нирхасс был зол. Очень зол, Айя ощущала это каждой клеточкой своего продрогшего существа. От неподвижного, многочасового болтания вниз головой, перед глазами девушки плыло, а озябших конечностей несчастная уже не чувствовала. Но Айя терпела, боясь одним лишь робким движением спугнуть восстановившийся, шаткий мир. Пусть и на время пути.

В памяти то и дело всплывали образы жуткого, клыкастого зверя, что чуть не удавил ее в снежной степи. Неужели это и правда Нирхасс? Значит, кровь асурин действительно существует, и это не просто сплетни и страшилки...

Спешились у хозяйских конюшен. Господин небрежно сдернул с коня продрогшую беглянку. Не ожидавшая того девушка кулем повалилась в сугроб, ошарашено хлопая слипшимися ресницами. Тем временем Нирхасс передал поводья своему спутнику и уверенным шагом двинулся к дому. Не оборачиваясь, приказал:

— За мной.

И Айя пошла. Поднялась на непослушных, ватных ногах, и пошла, неуверенно переступая по расчищенной от снега дорожке. Мыслей не было, страха отчего-то тоже. Только дикая, неподъемная усталость и поглотившая целиком апатия.

Айя прошла за господином по темным коридорам, по широкой, устланной коврами лестнице. Прошла за мужчиной в его покои. Остановилась, прислонившись спиной к мощной двери. Уставилась на неровный танец огня в камине, на шкуру какого-то зверя перед ним, что укрывала собой холодный каменный пол. На широкую кровать и стол с ворохом бумаг и искусными подсвечниками. На огромное кресло в углу, в которое и опустился Нирхасс, с блаженным вздохом вытянув длинные ноги и сбросив на пол свой плащ.

Айя как-то отстраненно наблюдала, как по его подошве стекают крупные капли таявшего снега и скрываются в высоком ворсе ковра.

— Посмотри на меня, — велел хозяин спокойным и немного уставшим голосом.

Служанка, вздрогнув, перевела рассеянный взгляд на красивое лицо мужчины. Прошлась взглядом по напряженному, покрытому мелкой щетиной подбородку, по сжатым губам, по расширяющимся ноздрям и хмурому залому бровей. Уставилась в ртутные, поблескивающие в полумраке покоев, омуты глаз. Он смотрел на нее. И что творилось там, в его голове, Айя понять не могла. Никогда прежде, она не смотрела открыто в лицо своему господину, своему мучителю, что превратил ее и без того жалкое существование в сущий ад.

А он все смотрел и смотрел. Казалось в самую ее душу. И все, что чувствовала Айя под его взглядом, это холод и какую-то всепоглощающую тоску.

— Я убью тебя, — произнес он шепотом, переводя взгляд на губы девушки.

— За что? — спросила Айя, вздрогнув всем телом.

Нирхасс даже как-то удивился, вскинул густую бровь и потер большим пальцем висок. Хмыкнул, зачесывая пятерней непослушные волосы, открывая высокий лоб.

— Ты беглая, — почти выплюнул мужчина, словно это было самым страшным грехом.

— И что? — снова спросила служанка, приваливаясь спиной к мощной двери и тяжело выдыхая. — Что с того? Я кого-то убила? Обокрала? А может, изнасиловала? Принудила к

близости через боль и страх?

Ассур напрягся, по идеальному лицу скользнула тень гнева и спряталась в холодном полумраке покоев.

Айя играла с огнем.

— Ты моя собственность, — вставая и направляясь к столу, заявил господин. Выудил из его недр пузатую бутылку из темного стекла, привычным движением дернул пробку и наполнил бокал темной, вишневого цвета, жидкостью.

А девушка, на другом краю покоев, тем временем принимала для себя решение...

Смотрела на его бокал, ощущала терпкий аромат вина и тепло, расплывающееся по комнате от пламени, что разыгралось в камине. На ставший ненавистным, и в то же время болезненно привычным, профиль. На свою жизнь, что была крепко зажата в его длинных пальцах, что так непринужденно обхватывали ножку высокого бокала. А в голове был только один вопрос...

— Почему я? Почему именно я?

Нирхасс сделал большой глоток и снова опустился в свое широкое кресло, откидывая голову на спинку, провел языком по нижней губе, слизывая каплю вина.

— Все слуги моя собственность, — ответил мужчина, снова отпивая из бокала.

— Я не об этом... Почему, из всех женщин Севера, ваша милость досталась именно мне?

Господин смерил Айю тяжёлым взглядом, скривил недовольно красивые губы и сделал очередной глоток.

— Много болтаешь. Иди сюда, — приказал, пристально глядя на служанку.

Девушка двинулась к креслу. Аккуратно обошла светлый, ворсистый ковер и остановилась перед своим повелителем.

— Сними сапоги, — очередной приказ и мужчина вытянул навстречу девушке ногу.

Айя на секунду замешкалась, захлопала глазами и уставилась на протянутую к ней конечность. Но быстро пришла в себя и резво опустившись перед господином на колени, принялась стягивать с того обувь. Нирхасс наблюдал за ней, потягивая хмельной напиток.

Закончив, уставилась на его босые ступни. На слегка кривой большой палец на правой ноге, на аккуратно подстриженные ногти и линии вен.

— Целуй, — кивнул ассур опешившей девушке.

— Что?

Мужчина раздраженно цокнул языком.

— Жить хочешь? — спросил он, глядя на служанку, как на неразумное дитя.

Айя робко кивнула.

— Тогда целуй.

Хозяин почти сунул в лицо служанки свою ногу.

Айя отчего-то покраснела и брезгливо скривилась. Но послушно обхватила конечность дрожащими руками и приблизила к ней свое растерянное лицо. Робко чмокнула пятку. Еще раз и еще. Нирхасс недовольно сморщил нос и почти выкрикнул, перепугав Айю до короткого визга.

— Ты издеваешься или, и правда, сдохнуть хочешь?!

Девчонка отрицательно замотала головой и прижала чужую ногу к своим губам, как родную. Принялась выцеловывать ступню и облизывать пальцы. Во рту стало солоно, в груди горько и обидно. Противно от своей трусости и слабости.

В глазах уже привычно защипало. Потекло по щекам и из носа, Айя смешно хлюпнула, невольно втянула в себя сильнее большой палец.

— Перестань, — скривился Нирхасс, выдернув свою обслонявленную и обсопливленную ногу, сунул под нос девушки початый бокал и велел, — пей!

Айя не раздумывая осушила залпом щедро предложенный напиток, что приятно кислил и согревал озябшее за день тело.

Господин молча поднялся из удобного кресла и опять наполнил бокал, передал его служанке. Девушка снова его осушила за пару глотков, жадно поглощая крепленую жидкость. Айю отчего-то не переставая трясло, а голодный желудок протестующее урчал.

После второго бокала в голове зашумело.

Третий прикончить быстро не получилось. Но и с ним девушка справилась, вернула господину совершенно пустым, и вытерла рот рукавом. В голове проскользнула нелепая мысль о том, что почти всю бутылку она уговорила сама, всего за несколько минут и совсем не захмелела.

— Еще? — спросил Нирхасс, выуживая следующую бутылку.

Айя отрицательно мотнула головой, слегка покачнувшись. Но мужчина снова наполнил бокал, отпивая из него сам.

— Надо же, не побрезговал, — шепнула самой себе служанка, тут же прикрывая рот ладонями.

— Что ты сказала? — нахмурился ассур.

— Ничего, господин, — опустила голову Айя, закусив губу.

— Встань! — гаркнул Нирхасс, заставив девушку вздрогнуть.

Айя подорвалась с места, резво вскакивая на ноги, и чуть не упала. Бедняжку тут же повело в сторону, а голова закружилась.

Вот тебе и не захмелела...

В шали и теплой тунике вдруг сделалось нестерпимо жарко и оттого весело. Девушка глупо хихикнула, пытаясь развязать узел шали под подбородком. Злой господин как-то внезапно позабылся за этим увлекательным занятием.

— Вот сволочуга, — ругалась Айя на упрямый предмет одежды, покачиваясь от малейшего колебания воздуха, — чтоб тебя! Везучий случай!

Нирхасс внимательно наблюдал за попытками чернавки справиться с одеждой.

— Что? — Айя с трудом поймала не себе его любопытный взгляд.

Страх, раздражение и чувство легкости смешалось в несчастной в горячий коктейль. Психика требовала разрядки. Служанка вдруг почувствовала, что вот-вот взорвется или слезами или бурной тирадой.

Но, вместо этого, девушку затрясло в приступе неконтролируемого смеха. Громкого, веселого, заразительного. Айя смеялась, запрокидывая голову и нелепо размахивая руками. Ее трясло крупной дрожью, а истерический хохот все не прекращался. Комната плыла перед глазами бедняжки, в висках стучало, а в ногах царило приятное тепло.

— Ты, знаешь кто? — ткнула пальцем в сторону молчаливого хозяина Айя, не замечая, как неосмотрительно перешла на непочтительное «ты».

Ответа не последовало.

— А я тебе скажу! Скажу! И плевать на все! Раз уж все равно прибудешь! — Служанке смешно расставила в сторону ноги, выбирая более устойчивую позицию, и снова указала пальцем на присевшего на край стола Нирхасса. Тот, молча, потягивал вино, поднося к носу

бокал и глубоко вдыхая.

— Ты- бездушная скотина! Да-да! Нет! Ты хуже! Ты- моральный урод! Насильник и убийца! Да тебе в моем мире пожизненный срок бы дали, понимаешь? А на зоне знаешь, чтобы с тобой сделали? Опустили! Да! Уничтожили бы, как ты меня! А за что? Ответь, ну! За что? Почему именно так, по-зверски? А... Ты же зверюга страшный и есть! Клычары одни чего стоят! А мне больно, понимаешь?! Больно! Больно! Я не хочу! Ты понимаешь? — Айя не замечая того, перешла на крик, стучала себя в грудь, пыталась сфокусировать уплывающий взгляд, — Чего тебе от меня надо? По вашим меркам — ни рожи, ни кожи! И вообще, вы же людей, типа, не шпилите. Так ведь? Так чего я- то? Принюхиваешься там чего-то себе. Чего ты вынюхиваешь- то все? А?! Тебе же противно, я же чувствую. Так почему все никак не угомонишься? Зачем это все? За что?! У меня ведь жизнь была! Понимаешь? Жизнь! Мечты! А в этом проклятом месте — выживание! Сраное выживание Вы ж все здесь зверье дикое. И не важно, ассуры или люди! Жалкое искалеченное зверье, и все от вас отличное, калечите, чтобы таким же уродливым, как и вы, стало! А вот тебе, понял! — Айя скрутила две дули и выставила их вперед, смачно плюнула на пол в знак протеста.

— Лучше убей, как и обещал, или я сама! Сил уже никаких нет. Никакого просвета, и ты надежду последнюю отнимаешь! Я уйти хотела. Почему не дал? Я чувствую, как ты меня ненавидишь! Я пропахла твоей ненавистью! Ты испачкал меня всю! Просто ответь, почему я? Почему? Одна красотка рыжая чего стоит. Так чего я? На экзотику потянуло? Или у тебя склонности, а своих насиловать нельзя? Ну, чего молчишь, отвечай?! Отвечай, мой господин и повелитель! Как мне теперь отмыться? Где себя саму искать? Лучше удави...

Майя замолчала, переводя сбившиеся дыхание, давясь смехом и слезами. Она еще многое хотела сказать и спросить и высказать, но горло отчего-то сперло, а в груди запекло.

Девушка закашлялась, глядя по сторонам в непрерывно плывущей комнате.

Айя была пьяна. В стельку. А еще измучена и истощена. Вымотана.

Уставшая.

Раскачивалась из стороны в сторону, обливаясь слезами.

Не сразу поняла, как чужое — большое и горячее тело оказалось рядом. Слабо взвизгнула от испуга и истерически рассмеялась, вдыхая запах кедра.

И замерла, когда подбородка коснулись сильные, горячие пальцы, заставляя поднять лицо. Айя как-то отстраненно подумала, что впервые ощущает его прикосновение без перчаток.

За пеленой слез и круговоротом хмеля перед глазами лицо ассура расплывалось и тонуло в полумраке покоев. А он все смотрел и смотрел на нее, склонившись над пьяной девушкой и шумно втягивая носом воздух.

— Что, не нравится? Я не мылась пару дне...

— Молчи. Ты уже достаточно наплела. Я убивал за меньшее, — полушепотом произнес Нирхасс, обхватив лицо Айи ладонями.

Щеки девушки пылали, были влажными от слез.

— Так убей, — шепнула в ответ служанка.

— Убью. Непременно...

Айя вздрогнула и замерла, когда в следующее мгновение ее влажных губ коснулись чужие — сухие и мягкие, терпкие, как вино. Глупо захлопала ресницами, никак не ожидая подобного. Нирхасс практически вжал в себя напрягшееся девичье тело, притянул тесно за

талию, нелепо согнувшись, так как ростом был гораздо выше чернавки.

Его губы касались губ Айи осторожно и требовательно одновременно, словно мужчине подобная ласка была в новинку, и он сам от себя не ожидал подобной выходки. Девушка и вовсе замерла, боясь шевельнуться. Происходящие не укладывались в ее голове, привычной к другому сценарию их с хозяином встреч.

А когда в ее рот вторгся чужой язык, пытаясь прикоснуться к ее собственному, Айю словно громом поразило. Девушка просто стояла, не сопротивляясь и не отвечая, плыла по течению, плохо ориентируясь в происходящем.

Ее хозяин был вкуса сухого вина и обреченности. Вкуса падения.

Мужчина как-то болезненно сминал ее губы, проникая языком все глубже и глубже. Сплетаясь с податливым языком девушки. Прикусывал и тут же зализывал место укуса, тянул в себя и весь вибрировал, словно огромная кошка, притирался к телу Айи, вбирая ее всю. Пил, как до этого вино из длинного бокала.

Служанку терзали противоречивые чувства. Метались в опьяненном сердечке, как шальные, разрывали надвое. Мучили. Девушке было одновременно и хорошо и мерзко. Хорошо от грубой, но умелой ласки, мерзко от осознания, что эту ласку ей дарил жестокий и беспощадный насильник, ни раз ломавший ее волю. Осквернивший ее тело, и уничтоживший гордость.

В полумраке роскошных покоев, под треск поленьев из камина, Айю жадно целовал ее насильник и мужчина, одной морозной и снежной ночью, чуть ее не убивший. Целовал неистово, упоительно, словно в ней — безвольной рабыне заключалась вся его жизнь. И жалкая рабыня отвечала. Робко, опасливо, стыдно. Проклиная себя. Судьбу. И этот прогнивший мир. Позволяла себя пить, прижимать и прикусывать. Прикрывая глаза и откидывая пребывающую во хмелю голову.

А Нирхасс все целовал и целовал, оставлял влажные следы на тонкой шее, впивался зубами в покрытую мурашками, бледную кожу. Метил.

Зло дернул узел шали, оборвав искусную вязь. Освободил, наконец, служанку из тесных и жарких оков. И снова прижал к себе, шаря руками в завязках туники.

Айя утопала в запахе кедра, плохо воспринимая происходящее, ориентируясь только на свои ощущения. Ей было странно. Болезненно хорошо. Хотелось убежать и остаться одновременно. Разомлевшее тело требовало продолжения, а где-то на задворках сознания инстинкты вопили о предательстве самой себя и неминуемом сожалении. О боли.

Протестующе взбрыкнула, всхлипнула в чужой рот, уперлась ладонями в напряженную грудь. Попыталась вывернуться.

— Не думай, — рыкнул в ее растрепанную макушку Нирхасс.

Шагнул в сторону, увлекая Айю за собой, ловко подхватил пискнувшую девушку и усадил на стол, свалив на пол подсвечник и разлетевшиеся во все стороны бумаги. Устроился между ее ног. Ловко подхватил бутылку темно-зеленого цвета, выдернул зубами пробку и протянул девчонке:

— Пей! — приказал, глядя на ее рассеянный взгляд и дрожащие губы.

Служанка отрицательно мотнула головой, цепляясь за остатки сознания.

— Пей! — надавливая на подбородок, и поднося к ее губам блестящее горлышко, повторил ассур.

Девушка послушно открыла рот, ловя обжигающие капли.

Багряное потекло по губам и шее, скрываясь за воротом туники. Господин проследил

затуманенным взглядом за шустрыми струйками. Облизнулся и прочертил языком горячие дорожки вслед за быстрыми каплями. Рыкнув, одним движением разодрал плотную тунику, сдирая ее с плеч девушки и ошалело глядя на тонкую, полупрозрачную ткань сорочки. На лихорадочно вздымающуюся девичью грудь, на яркие разводы от вина и темные ореолы с набухшими сосками, на пятно родинки между грудей. На покрытую мурашками кожу. На рубец с рваными краями справа, что тянулся от самого напряженного соска подмышку и прятался где-то на спине, среди своих сородичей, оставленных им — Нирхассом Дор Шарихассом, господином Северных земель. На девушку, что принадлежала ему всецело, чьей жизнью он владел и никак не мог оторваться.

Айя сделала еще один большой глоток и всхлипнула, чуть не выронив бутылку, когда господин обхватил ее грудь своей широкой ладонью и требовательно сжал, нависая над служанкой огромной, разгоряченной скалой.

— Как в сопливых бабских романах, — хохотнула Майя, делая очередной глоток.

А дальше все происходило так быстро и дергано, что служанка и понять не успела, как оказалась сидящей на хозяйском столе в одних только шерстяных носках и с ополовиненной бутылкой в руке. Перед глазами плыло, все тело горело и бедняжке то и дело хотелось поерзать пятой точкой по гладкой, прохладной поверхности столешницы.

Нирхасс был меж ее ног, нависал, как предгрозовая туча. Тяжело дышал, смотрел пристально из-под густых бровей.

К запаху кедра примешался еще один — мускусный, мужской. Приятный.

Его черная рубашка была растегнута, свисала жалко с одного плеча.

Айя внимательно уставилась на широкую грудь с темными волосками и аккуратными окружностями сосков, на четкие линии диафрагмы и пресловутые, напрягающиеся кубики пресса. На густую полосу волос, скрывающуюся за широким поясом штанов. Ниже они топорщились и были натянуты до предела.

Все происходящее Айе казалось нереальным. Невозможным.

Волосы мужчины были растрепаны и неровными прядями обрамляли красивое, ненавистное лицо.

— Ненавижу тебя, — шепнула Айя, когда ассур наклонился к ней вновь, впиваясь губами в истерзанную шею.

— Можешь, — произнес в ответ хозяин, проводя длинными пальцами по внутренней стороне бедра. От колена и выше, пока не коснулся, того, что пылало и истекало, наплевав на внутренние метания хозяйки.

Служанка громко втянула воздух через сцепленные зубы и выгнулась навстречу незамысловатой ласке.

Майя не верила, что это происходит с ней. С ними. Не верила, что стонет под руками своего насильника и мучителя, словно последняя, грязная шлюха. Словно и нет в ней гордости совсем. Словно она тряпка, на которую можно справить нужду, а она и рада...

— Не думай, — снова рыкнул Нирхасс, вовлекая девушку в очередной какой-то отчаянный поцелуй.

И Айя сама потянулась навстречу, сама обвила руками сильную шею, зарылась пальцами в густых, темных волосах с ниточками седины. Сама потерлась набухшей грудью о широкую грудь мужчины, задевая чувствительными сосками жесткие волоски. Простонала жалобно в его губы, всхлипнула.

Внизу живота бушевало и горело, сосредотачивалось желанием в пульсирующей

промежности. Служанку вело. Крепленная жидкость и возбуждение, убитые нервы и желание обычного, простого тепла...

Айю разрывало от эмоций и чувств.

Сердце билось в груди как сумасшедшее. Кричало Майе о ее падении, о ее слабости, о никчемности...

Первый толчок отозвался острой болью во всем теле. Девушка взвизгнула и попыталась отстраниться, но Нирхасс не позволил, прижав разгоряченное тело к столу. Широко развел ее ноги, склонился, впиваясь зубами в нижнюю губу Айи. И вошел снова...

Чувствовал, как напряжены мышцы, обхватывающие его естество, чувствовал боль женщины под ним, но остановиться не мог. Не хотел.

— Расслабься, — зашипел в ее губы, — расслабься, Айя...

У бедной служанки не получалось. В опьяненном сознании то и дело вспыхивали картины: пропахшая жиром нижняя кухня и сырость прачечной, духота хозяйских купален и лекарственные мази в коморке Шорса. Запах собственной крови и его спермы...

Но в эту секунду все было иначе. Больно, но иначе. Айя смотрела на выбеленный потолок, упиралась лопатками и затылком в прохладу столешницы и вдыхала аромат их соития.

Несколько долгих и плавных движений, и боль потихоньку начала отступать. Нирхасс сдерживал себя, упершись лбом во взмокший лоб девушки под ним. Поддерживал одной рукой ее под ягодицы, шумно дышал через приоткрытый рот. Айя видела, как вздулись вены на его шее, как покрылась испариной мощная спина и как удлинились резцы, показавшись из-под приоткрытой верхней губы.

А чуть погодя боль совсем отступила, сменившись тягучим ощущением наполненности. Снова внизу живота у Айи зародился давно забытый клубок возбуждения. Служанка сама потянулась навстречу своему хозяину, обхватила его спину руками, выгнулась навстречу, запрокинув голову, подставляя шею лихорадочным поцелуям и укусам. Забывшись, Айя отдавала себя всю своему врагу, своему безжалостному мучителю. Отдавалась с тихими и протяжными стонами, не жалея неуклюжих и лихорадочных ласк.

А ассур это чувствовал и сатанел. Заводился еще больше и вколачивался неистовее в податливое девичье тело. Тело рабыни, с которым он волен был делать все, что пожелает. Тело низшей из слуг, на которое, такому как он, и смотреть- то не подобало, не то, что желать. Но Нирхасс желал и брал. Брал без остатка, не только тело, но и эмоции. Выпивал до самого дна, впитывая в себя каждый приглушенный стон.

— Смотри на меня! — приказал он, облизнув нижнюю губу. — Айя, посмотри!

Девушка с трудом сфокусировала пьяный взгляд на напряженном лице асура. Карие глаза то и дело закатывались при каждом толчке.

— Смотри!

И ртутные глаза напротив, и одно дыхание на двоих, и тугой узел где-то внутри. Там, где их тела стали одним целым. Единым. А в сером взгляде поволока и густой туман. Острое наслаждение, готовое в любое мгновение взорваться яркой вспышкой оргазма.

— Смотри...

И Айя смотрела, впиваясь ногтями в широкие плечи, рефлекторно оглаживая перекатывающиеся мышцы спины. Обхватывала ногами узкие бедра, подавалась навстречу, закусывала до крови губы, тихо стонала. А каждое прикосновение его тела к пульсирующему клитору отдавалось сладкой болью в сомкнувшихся вокруг члена мышцах, простреливало

вдоль позвоночника, заставляя сдавлено вскрикивать и теснее прижиматься к ненавистному мужчине. Тонуть в серых омутах...

И смотреть, не отрываясь.

Айя кончила первой. Просто взорвалась внутри яркой вспышкой, прочертив яркие полосы на смуглой мужской спине и содрогаясь всем телом. Зашипела сквозь зубы, выдыхая стыдное, порочное удовольствие и сжимая пальцы на ногах.

Ассур сорвался следом, тихо простонав над растрепанной служанкой, вколачиваясь особенно резко и рвано, выплескиваясь вновь и вновь в податливое, разгоряченное лоно. Стиснув зубы и прикрыв глаза. Зарываясь носом во взмокших и спутанных волосах девушки. Наслаждаясь запахом ее пота и страсти — их единения.

А потом долго лежали, расхристанные и уставшие на мощном столе из красного дерева.

Айя успокаивала дыхание и зашедшее сердце. Шумно втягивала носом воздух, выдыхая через приоткрытые губы. Смотрела в потолок, на пляшущие тени от тлеющего в камине огня. Господин так и не вышел из нее, рухнул сверху, придавив всем своим весом. Дышал горячо в щеку девушки, впитывал ее запах.

Тянул его еще и еще. Неистово — жадно.

И внезапно резко вскочил, утягивая служанку за собой, а затем брезгливо отшвырнул ее в сторону, как ненужную куклу. Айя и понять ничего не успела. Лишь сипло вскрикнула, больно шлепнувшись на колени. От вина и контраста эмоций несчастную заштормило. Бросила растерянный взгляд на Нирхасса, откидывая волосы с лица.

Господин быстро и как-то нервно застегивал штаны, отойдя к окну. Смотрел на Айю зло. Неприязненно.

Девушка замерла, проглатывая непрошенные слезы и отворачиваясь к камину.

Молчали долго, каждый погрузившись в свои думы.

— Я тебя убью, — прошептала она едва слышно, разрывая гнетущую тишину.

— Непременно, — выдохнул ассур, прижавшись лбом к холодному стеклу окна.

И хозяйские покои погрузились в вязкое, болезненное безмолвие, пропитанное запахом недавнего секса, вина и недосказанности.

Глава одиннадцатая

Через несколько тягуче-долгих минут Айя начала замерзать. Вся покрылась мурашками, продрогла. Но так и не встала, а сидела в нелепой позе перед тлеющими угольками в камине, смотрела на свои колени, растерянная и опустошенная. Пьяная. Не находила в себе сил сдвинуться с места, словно выросла в холодный, каменный пол, уперев взгляд в мягкую шкуру дикого зверя неподалеку. Стала с ними одним целым.

А Нирхасс так и не отошел от окна, все стоял, уткнувшись лбом в холодное стекло, испещренное затейливыми морозными узорами. Дышал тяжело и сдавленно, будто бы через силу. Весь оперся на широкий, деревянный подоконник и молчал.

В помещении висело звенящее напряжение. Какое-то вязкое и тягостное, оно сгустило собой весь воздух, делая его ядовитым и душным, невероятно сложным для простых вдохов.

Айю вело. В желудке урчало, а в груди уже привычно саднило. Девушка бросила короткий взгляд под стол, на свои разодранные в хлам вещи, на теплую шаль и отороченные куцым мехом сапожки. Перевела его на свои ноги и промежность, на белесые капли между ними. И обхватила себя руками, вздрогнув.

Снова сделалось мерзко и противно. Тошно. Грязно.

И тысяча вопросов в голове, и сотни сценариев, и все как один в пустоту...

Девушка вздрогнула, когда мимо прошел господин, легко ступая босыми ногами. Нирхасс плавно склонился над ящиком с поленьями и ловко закинул несколько в камин. Огонь помедлив, вгрызся яркими языками в свежую древесную плоть, довольно затрещал, освещая пространство вокруг. Согревая. Успокаивая.

Айя на коленях придвинулась ближе, выставила вперед руки и прищурила глаза. Ассур стоял рядом, привалившись к полке над камином, смотрел на свою служанку молча и равнодушно.

— Можно мне еще вина? — спросила девушка, устраиваясь удобнее, прижимая колени к груди и обнимая их озябшими руками.

Мужчина несколько мгновений медлил, а потом прошел к столу, подхватил бутылку темного стекла и, вернувшись, опустился на шкуру, чуть поодаль от девушки. Протянул ей спиртное.

— Спасибо, — буркнула Айя.

Сделала большой глоток и уставилась на радостный, разбушевавшийся огонь, прижав к себе бутылку.

Выяснить ничего не хотелось, идти куда-то тоже. Несчастливая хотела только одного — сидеть вот так вечно. Смотреть на огонь, пить вино и ни о чем не думать. Не чувствовать боли душевной и физической, не преодолевать себя. Не мчаться вопреки, ни урывать себе жалкие кусочки надежды.

Айя теперь поняла, что ее нет...

Отпила еще и еще.

— Есть охота, — буркнула себе под нос и уткнулась лбом в колени.

Вот так вот оно просто. Организм требовал подзарядки, и ему было плевать на все переживания и терзания незадачливой чернавки.

Вот так просто. Просто еда, и никакой драмы. Так вот обыденно и банально, что даже смешно...

И Айя рассмеялась. Громко и звонко. Взорвала эту гнетущую тишину заливи́стым хохотом. Смеялась, сотрясаясь всем телом, не обращая внимания на пристальный взгляд асура. Вытирала тыльной стороной ладони выступавшие слезы и смеялась. Смеялась.

Просто не могла остановиться.

— Чего ты хочешь? — спросил вдруг хозяин, дождавшись, когда служанка утихнет, снова приложившись к бутылке.

— Мяса, — выдохнула с придыханием, — большой кусок жареного мяса. И хлеба. Свежего и хрустящего. И шоколада. Молочного, с орешками.

Нирхасс кивнул, резко поднялся и покинул покои, тихо прикрыв за собой мощную двустворчатую дверь.

Айя озадаченно уставилась ему вслед.

— Он что, и правда пошел за едой? — спросила у пустоты и сделала очередной глоток.

С трудом поднялась и зарылась в жалких лоскутах, бывших когда-то ее одеждой. Относительно уцелели только шаль и перепачканная вином сорочка, украшенная алыми разводами. Служанка все равно ее натянула и накинула на плечи шаль. Примостилась поближе к камину, выхватив из держателя кочергу. Повозила ею в камине, разворошив поленья и раззадорив огонь. И зависла, устремив взгляд в никуда, погрузилась в свои мысли — в себя.

Что теперь делать? Идти в конюшни Шорса? Снова бежать? Остаться?

Айя не знала, куда себя деть. Что делать со своей жизнью и теми обстоятельствами, которые она подкидывала.

Что нужно от нее господину? Почему сегодня он был другим? Что ему нужно? Что вообще происходит? И как надолго ее хватит?

Если бежать не получилось, есть только один выход...

Девчонка вздрогнула, когда послышался тихий скрип и в полоске света от приоткрывшейся двери появился Нирхасс с огромным подносом в руках. Роскошные покои тут же наполнились ароматами жареного мяса и чеснока, чего-то сливочного. Горячего. Вкусного.

Все внутренности Айи свело. Желудок призывно заурчал, бедняжку даже замутило.

Ассур прошел мило, водрузив поднос со снедью на стол, на котором они совсем недавно придавались совершенно неуместной страсти. Служанка проследила за ним взглядом, облизывая пересохшие губы.

— Ешь, — кивнул Нирхасс на еду и устроился в свое кресло, откидывая голову и прикрывая глаза.

Айя недоверчиво вытянула шею и поднялась. Подошла к столу и чуть не упала в обморок. На деревянной поверхности подноса красовалось огромное блюдо с запеченной свиной ножкой, огромной ломоть хлеба и приличных размеров гроздь темного винограда.

Недолго думая, девушка уселась прямо на столешницу, скрестив ноги по-турецки, и оторвала небольшой кусок мяса, тут же отправляя его в рот. По руке ее стекал теплый, пахнущий специями жир. Айя отщипнула кусочек хлеба и отправила его в рот, блаженно щуря глаза. Это было вкусно. Очень.

Прожевав, отпила несколько глотков из бутылки, не желая трезветь. Хотела как можно дольше оставаться в этом состоянии легкого забытья.

Снова оторвала большущий кусок мяса и, слизав масляные капли со своего запястья, выставила руку вперед:

— Хотите? — кивнула, обращаясь к наблюдавшему за ней, из-под опущенных ресниц, Нирхассу, вновь вернувшись к почтительному «Вы».

Мужчина на несколько секунд замер, а потом двинулся вперед, принимая из рук рабыни сочащееся соком мясо. Облизнулся и, вытянув шею, провел языком по ее руке там, где капли масла стекали по тонкой руке и стремились скатиться к локтю. Айя вздрогнула и, закусив губу, уставилась на рот мужчины. На неторопливые движения его челюсти, на блеск губ, от

жира и едва заметный прищур серых глаз.

Тряхнув головой, вгрызлась в свиную ножку, откусывая огромный кусок, и помогая себе рукой, запихивая его в рот. Следом последовала ягодка виноградины и глоток сухого, красного вина из уже ставшей родной бутылки.

Так вкусно Айе давно не было.

И в этой странной атмосфере девушке в голову вдруг пришла одна мысль. Простая — возможно в корне ошибочная, но оттого не менее стоящая внимания.

И Айя, шальная от вина, решила попробовать. Тем более что терять ей было нечего.

Вдруг пришло осознание простой истины, что она являлась единственной более свободной, чем кто-либо в этом давно прогнившем мире.

Она не была окутана семейными узами, узами дружбы или же привязанности. У Айи была только она сама. Измученная, потрепанная, использованная, с провалившимися попытками служения и бегства...

Одна в чужом и жестком мире, где опорой ей являлась только она сама...

Сделав еще один глоток, служанка вдруг одним плавным, как ей казалось, движением спустилась со стола, облизнув блестящие губы. Шумно выдохнув, подалась вперед, нависая над креслом с господином, слегка покачиваясь. Прикрыла глаза, опираясь на мягкие подлокотники и нависая над невозмутимым Нирхассом.

Подалась вдруг вперед, почти коснувшись носа мужчины своим.

— Вам вкусно? — прошептала прямо в лицо хозяину, прикрыв глаза, и широко расставив ноги, опускаясь на его коленку промежностью и задирая высоко истерзанную сорочку.

Себе Айя в ту минуту казалась искусной соблазнительницей. Грациозной и пылкой — неповторимой. Вино тому было виной или отчаяние, одним Богам было известно, но Майя делала то, что делала и была уверена в правильности всего происходящего. Увидела в этом единственный выход и вцепилась в него железной хваткой, отринув на несколько мгновений все сомнения и метания.

А, может, это просто алкоголь и долгие мучения...

Может отчаянная попытка все изменить.

Может жажда тепла, пусть и от своего мучителя, пусть от самого ненавистного человека... Существа, встреченного на ее отнюдь не простом пути...

Но все же жаждала.

Пусть и винила себя за то, терзаемая изнутри противоречивыми чувствами...

Ассур уставился неморгающим взглядом на приоткрывшуюся женскую плоть, шумно выдохнул, и провел ладонью по шелковистому бедру Айи. Поднимаясь все выше и выше. Зарываясь длинными пальцами в темных, курчавых волоках на лобке.

Скользнул пальцами между складок, огладил напряженный клитор, тяжело выдыхая через приоткрытые губы. Айя всхлипнула, подаваясь навстречу рукам господина. Запрокинула голову, облизывая ставшими сухими губы. Подалась бедрами вперед, как бы вторя незамысловатой ласке. Внутри все вспыхнуло, защекотало. Затребовало болезненной наполненности. Майя нервно поерзала, стараясь насадиться на пальцы господина. Закусила губу, тихо постанывая. Всклипнула. Сама потянулась к пуговицам на его брюках.

— Давай же, — злобно зашипела сквозь сцепленные зубы, стрельнула карим взглядом из-под коротких, но густых ресниц.

Нирхасс скользнул вниз по креслу, позволяя своей рабыне достигнуть цели. Смотрел на ее лицо не отрываясь. На расширенные зрачки, на взлохмаченные волосы, на закушенную губу. Вдыхал ее запах, и готов был положить весь мир к ее ногам и разодрать одновременно. Рычал, злился, и был возбужден до предела. Когда девчонка таки высвободила его стоящий колом член, господин Северных земель чуть не кончил в ту же минуту.

Но Айя, не зная этого, неловко ласкала возбужденную плоть, поражаясь ее размерам.

Голова ее кружилась, мысли путались, инстинктов не слышалось...

Сама рабыня подалась вперед, упираясь ладонями в бархатистую обивку кресла, сама приподнялась, сама впустила его твердость в себя, протяжно застонав и закусив многострадальную губу. Сама медленно насадилась, выстонав в пустоту:

— Ахуеть...

И его серые омуты напротив. Холодные и безучастные. Чужие...

А по ту сторону другие — карие, бесхитростные и открытые. Еще не сломленные. Еще горящие. Искренние. Простые.

Нирхасс, подавив стон, двинулся навстречу, прихватив девушку за бедра. Насадил на себя, неотрывно следя за выражением ее лица. Подался бедрами вперед, желая проникнуть как можно глубже в девичье тело. Тело, что было далеко от его идеала. Тело, на которое он и внимания бы не обратил, посчитав его скверным и никчемным. Недостойным внимания. Заурядным. Да попросту некрасивым.

— Ну, давай же, — выкрикнула Айя, запрокинув голову, и накрыв его широкие и ухоженные ладони своими — шершавыми и грубыми от мозолей.

— Ты ужасна, — выдохнул Нирхасс, подаваясь вперед, вколачиваясь глубже, в послушную служанку, принимающую его так открыто, искренне. Отдающую себя самозабвенно и безвозмездно. Добровольно. Без остатка.

По-другому просто не умела.

Вскрикнула, упираясь ладонями в широкую грудь, выгибаясь в спине, принимая его еще глубже в себя.

Тело ликовало!

А внутри все металось и грело, протестовало. Раздирало несчастную изнутри. Вопило с предательстве самой себя.

И Нирхасс это чувствовал. Ощущал интуитивно. Злился. Тормозил, заставляя свирепеть взбудораженную Айю. Медлил. Останавливал их галоп, в котором девушка брала ведущую роль на себя.

— Что такое? — шипела она сквозь сцепленные зубы, — трахай уже, или не хочешь?

Вспылила.

Попыталась встать, отстраниться, но господин не позволил. Дернул чернавку обратно, обхватив за плечи. Насадил на себя сильнее, выдавив из девушки долгий и протяжный стон. Впился в приоткрытые губы болезненным поцелуем, запутался пятерней в ее взмокших волосах.

Чувство наполненности раздирало Айю изнутри. Было болезненным и сладким одновременно.

А Нирхасс все брал и брал ее, тянул за плечи на себя, задавал темп этому безумству. Смотрел на нее — растрепанную и покрасневшую, и не мог с собой совладать. Желание подчинить было настолько сильным, что ассур терялся в собственных ощущениях, отдаваясь нахлынувшей их волне.

А еще плохо получалось контролировать зверя, запрятанного глубоко внутри. Он выл, истерил, скребся — желал показаться своей рабыне. Рвался наружу. Отображался в заострившихся клыках и удлинившихся ногтях, блестел в расширившихся зрачках. Рычал утробно. Страшно. Стонал голосом Нирхасса.

Но Айя этого уже не слышала, отдавая себя всю господину. Подмахивая бедрами

навстречу его мощным и быстрым толчкам. Вскрикивала, обхватив обеими руками голову хозяина. Насаживалась на его естество, прогнав прочь все мысли. Была в те мгновения здесь и сейчас. Выла от раздирающих ее ощущений.

Такого странного секса у Майи не было никогда.

Ассур разрядился первым — вжал Айю в себя, обхватил обеими руками — прижал. Впилился зубами в ее плечо, содрогаясь все телом. Выплеснулся в ее разгоряченное тело, глядя в затянутые туманом глаза. Айя кончила на его финальном выдохе. Просто резко вскрикнула, заелозила бедрами, вжалось носом в складку на шее. Замычала куда-то в пустоту. Прогнула в спине, утыкаясь лбом в чужой подбородок, и обмякла, стала словно кисель.

Долго так лежала, приводя дыхание в норму и собираясь с мыслями. По всему выходило, что она снова сотворила какую-то дичь. Дважды за одну ночь.

Приподняла голову к окну, где уже появлялись первые блики пробуждающегося зимнего утра.

В ушах шумело, а в висках пульсировало. Дико хотелось спать, о чем Айя и заявила:

— Хочу спать...

Господин напрягся. Отстранил от себя обмякшее девичье тело и, придерживая штаны, направился к постели. Что-то зашипел сквозь сцепленные зубы, швыряя на пол подушку и тяжелое покрывало с кровати.

— Твое место с этой ночи там! — Нирхасс указал на шкуру барса у камина.

Айя непонимающе уставилась в указанном направлении, вздохнула, ощущая, как по внутренней стороне бедра стекает что-то теплое. Махнула в сторону мостящегося на широкой кровати господина рукой. Подхватила мягкую подушку и плед, оттащила поближе к камину и рухнула на снежного барса, натягивая до подбородка так щедро брошенный ей плед.

Будучи трезвой, Айя никогда бы ничего подобного не сделала. Скорее бы просто ушла, не бросив и взгляда на мерзкого асура...

Но сейчас, разомлевшая от крепкого вина, сытной еды и странного, спешного секса, девушка просто уснула, едва коснувшись щекой шелковистой наволочки подушки господина.

А Нирхасс, напротив, еще долго не мог уснуть, смотрел отсутствующим взглядом в потолок, ловя отблески рассвета, пробивающиеся сквозь украшенное инеем окно...

Глава двенадцатая

Утро для Айи наступило быстро и громко. Казалось, только мгновение назад она уснула, как тут же подорвалась, ословело озираясь по сторонам. Голова на такое действие отозвалась тупой болью в висках и закружилась. Служанка была все еще неслабо пьяна.

Нирхасс стоял в дверях и с кем-то разговаривал. Таинственный кто-то вещал встревоженным мужским голосом, до Айи слова долетали приглушенно.

— Поселенья у гор полыхают, господин. Сумасшедший король перешел к действиям. Прибывший всадник говорит, что вместе с людьми короля были и воины с гербом Белой Лилии. Они выжигают все, не щадят ни женщин, ни стариков. Детей уводят по Плачущему ущелью в земли короля. К вечеру они выжгут все Пригорье, господин.

Айя заметила, как напряглась широкая спина асура.

— Ты уверен, насчет Белой Лилии? — глухо уточнил Нирхасс.

— Да, господин, — ответил встревоженный голос.

Хозяин несколько долгих мгновений молчал, а затем отдал короткий приказ, прикрывая за собой дверь.

— Готовьте отряд Доргала, выдвигаемся через полчаса. Отошли посыльного в гарнизон в Хасароне, пусть немедленно отправляют всех напрямик к Пригорью. В замке вели оставить с дюжину воинов Гриноса. Сам он с нами. Выполняй.

Даже будучи пьяной, служанка поняла, что дело пахнет жареным. Замерла сидя у камина и натянула покрывало до самого подбородка. Боялась лишней раз вдохнуть, такое напряжение вдруг воцарилось в покоях.

— Жадный, старый дурак, — прошипел сквозь зубы господин, подхватывая с постели свою рубашку. Быстро прошел к огромному шкафу, чем-то зашуршал внутри. Прикрыл дверцу и направился к выходу с каким-то большим узлом в руках. Уже у самой двери будто бы вспомнил о чем-то, обернулся.

Бросил хмурый взгляд на, застывшую испуганным сусликом, Айю. Скривился и, развернувшись, в пару шагов преодолел разделяющее их расстояние. Присел перед ней на корточки, заглядывая в ошарашенное лицо.

— С этого дня ты не работаешь на нижних кухнях. Будешь помогать Тойре и следовать ее поручениям, я предупрежу. И даже не думай, что работы меньше станет, не обольщайся. Про свою конюшню забудь — спишь здесь. Поняла?

Айя неуверенно кивнула, переваривая услышанное. А мужчина вдруг резко дернулся вперед, и служанка жалобно вскрикнула, вцепившись обеими руками в его — стальную и напряженную, с длинными горячими пальцами. Нирхасс крепко ухватил несчастную за горло, отрезая легким доступ к кислороду.

— И только смей опять бежать. Больше пощады не будет. Ты понимаешь меня, Айя? — прорычал в самое, болезненно покрасневшее, лицо.

У девчонки и слова выдавить не получалось в ответ. Вместо того энергично закивала, как китайский болванчик.

Нирхасс еще пару секунд внимательно смотрел на ее лицо и, оголившуюся, лихорадочно вздымающуюся, в жажде спасительно глотка воздуха, грудь. Что творилось там, в глубине его широких, темных зрачков, было непонятно.

Подался вперед, коснулся губами влажных ресниц и ослабил хватку. Отпустил

послушную чернавку, больно ущипнул за щеку и поднялся. Развернулся на пятках и быстрым шагом покинул свою спальню, громко шваркнув дверью напоследок.

Айя безвольной куклой рухнула на подушку, пытаясь отдышаться. Потерла лицо, где саднило после хозяйской ласки.

— Псих! — выкрикнул в потолок, закашлявшись.

Какое-то время просто лежала у остывшего камина, раскинув руки и глядя в потолок. В голове было пусто. Только прострелы боли и легкое вращение. Во рту солоно и сухо, как в пустыне. В душе черным-черно. А еще Айе было стыдно.

Она прокручивала в голове прошедшую ночь и краснела. Что она там вытворяла? Зачем? Для чего? Что и кому пыталась доказать?

А еще все происходящее само по себе было очень странным. Она нравится Нирхассу? Или нет? Что с ним происходит? Айя кожей чувствовала его неприязнь и ненависть. Но, за что он ее ненавидел, понять не могла. Как и того, что он при всех своих негативных эмоциях к ней, так яростно стремился сделать ее своей.

— Псих...

Где-то внизу, за окном слышался шум и суматоха.

Служанка поднялась, подхватывая на ходу шаль, и направилась к окну. Несколько долгих и натужных попыток, и замерзшая створка таки поддалась. В покои влетел ворох снежинок, подгоняемых ледяным порывом ветра. Айя вдохнула эту свежесть полной грудью, щурясь на свет после полумрака хозяйских покоев. Запахнула плотнее вязаное полотно и выглянула в окно, чуть свесившись вперед.

Во дворе все кипело и бурлило. Слуги носились туда-сюда, выполняя поручения, солдаты спешно запрыгивали на встревоженных лошадей, на ходу приводя в должный вид свою амуницию и проверяя оружие. Все гудело, кричало и торопилось. Людской муравейник разрозненно шевелился. Был встревожен и напуган предстоящим сражением.

Неподалеку, в заснеженном саду, столпились прекрасные дамы в роскошных шубках, они печально заламывали руки, охали, промокали уголки глаз крахмаленными платочками. Переживали. В руках у каждой было по ветви барвинка, которые они бросали под ноги всадникам, как пожелания скоро возвращения домой.

Одна только рыжая красавица стояла с невозмутимым лицом, теребила свою ветвь, высматривая кого-то в толпе. И когда среди воинов появился Нирхасс, раздающий короткие, беспрекословные распоряжения, лицо женщины озарила искренняя улыбка. Она вся как-то разом подобралась, вспыхнула ярким, ослепляющим светом.

В этот момент Айя поняла, что рыжая гостья дома Шаррихасс влюблена в его хозяина.

И когда все всадники заняли свои места, а тяжелые ворота заднего двора были подняты, открывая заснеженную дорогу через хвойный лес, к самым горам, господин направился к ней...

Айя как-то отстраненно наблюдала, за тем как ее хозяин, ловко минуя ограждения из кустарника, и улыбаясь, остановился перед своей гостьей. Легко поклонился и, поцеловав протянутую ручку в белоснежной перчатке, принял голубоватую ветвь. Девушка прильнула к нему и что-то зашептала на ухо, поглаживая по плечу, выдыхая в морозный день клубы пара. Нирхасс только кивал в ответ, продолжая улыбаться.

Айю отчего-то замутило, она тряхнула головой, прогоняя непрошенные ощущения.

Господин тем временем вновь низко поклонился к даме и, перемахнув через изгородь кустарника обратно, ловко взобрался в седло, автоматически потрепав белоснежную гриву

своего верного коня. Двинулся вперед. Уже перед самыми воротами, обернулся на окна своих покоев, в одном из них наблюдая растерянную Айю. На мгновение замер, лицо его сделалось холодным и отчужденным. Неприязненным.

А Айю внезапно пробрало каким-то иррациональным злом. Сама от себя не ожидая, девушка широко улыбнулась и послала своему господину воздушный поцелуй. Шаль как бы невзначай скользнула с ее плеч, обнажая покрывшиеся мурашками живот и грудь с твердыми, стоящими от холода сосками.

Задрала высоко подбородок.

Нирхасс гневно сощурил глаза и стиснул зубы. На этом моменте служанка неуклюже и своенравно захлопнула окно, поражаясь тому, какая она все-таки идиотка.

— Что я творю?

Задала вопрос самой себе, прикрывая лицо руками. Сползла по стене на пол, опустошенная и злая. Разочарованная сама собой.

Сколько так сидела, и сама не знала. Погрузилась глубоко в себя. Возможно, даже задремала.

Очнулась только, когда дверь покоев тихо скрипнула, а неподалеку слышались тихие шаги. Айя подняла голову, сонно щурясь и вздыхая. Перед ней стояла Тойра в неизменных черном платье и белоснежном чепце.

Как-то странно смотрело на Айю. Как на провинившегося, но оттого не менее любимого ребенка. Девушка смутилась под ее взглядом, опустив лицо и уставившись в пол.

— Давно? — спросила управительница, на удивление тепло и беззлобно.

— Что? — опешила служанка.

— Давно господин уделяет тебе внимание?

Айя отстраненно пожала плечами.

— Понятно, — протянула в ответ Тойра, присаживаясь на край разобранной хозяйской кровати, чего на памяти Айи никогда себе не позволяла.

— Я давно догадывалась, — прошептала женщина, перебирая в руках связку ключей, — только до последнего не верила, что это он, — замолчала, собираясь с мыслями.

— Они ведь никогда не опускаются до нас. Мы для них как скот, рабочая сила, показатель богатства, — Тойра запнулась, — ты поэтому не говорила мне, кто с тобой это делает? Потому что это он, да?

Служанка кивнула, не поднимая взгляда от каменного пола.

— У тебя есть к нему чувства, Айя? — спросила строго управительница, чуть подавшись вперед.

Девушка вскинула на нее удивленный взгляд и согласно кивнула.

— Есть, — прошептала Айя, — я его ненавижу...

Тойра только кивнула в ответ, тяжело вздохнув.

— Вот и правильно, девочка. Правильно, — замолчала надолго, глядя прямо на растрепанную девушку. На шрамы от плети, на наливающиеся цветом следы на ее шее, на темные круги под глазами. — Мы что-нибудь придумаем, Айя. Все наладится. Наладится.

Служанка в удивлении распахнула карие глаза, не веря собственным ушам.

— Почему? — спросила она, — в смысле, Вы же недолюбливаете всех нас. Я думала... Мне казалось, что Вы меня презираете...

Тойра тяжело вздыхая, поднялась с кровати, строго одернула свое платье и задрала привычно подбородок.

— Тебе казалось...

Айя невольно улыбнулась этой странной и пугающей женщине.

— На этом, пожалуй, оставим любезности, — шепнула та, окинув покои привычным, придиричивым взглядом, — вернемся к делам насущным. Форму я тебе принесла. Сегодня особо не высовывайся, приведи в порядок тут все. Чтобы идеально, Айя! Господин сообщил, что ты спишь теперь в его покоях и можешь пользоваться необходимыми удобствами. Постарайся, чтобы об этом более никто не узнал. Обедать будешь со мной на верхней кухне. Все мои поручения должны выполняться беспрекословно, поняла? Остальным я сообщу, что ты теперь моя помощница, что-нибудь придумаю. Пока так. Не думаю, что эта поездка затянется надолго...

Но Тойра ошиблась...

Первые несколько дней все было тихо — замок жил привычной жизнью. Айя выполняла все указы Тойры. Которых была целая уйма, но все без исключения в пределах замка. Девушка целыми днями мыла и чистила весь чердачный этаж, на котором кроме хозяина никто не жил. Множество комнат пустовали. Были завалены ветхим мусором, старой мебелью и древней посудой. Айя отдраивала все, даже не представляя, как скоро это все пригодится.

Днями девушка работала до одури, загоняя себя, как и прежде на нижних ярусах — пахала. А все для того, чтобы выкинуть из головы все липкие и вязкие мысли, и непонятную, приставшую к ней тревогу, вдруг сковавшую все ее существо. А поздними вечерами мылась в хозяйской купальне, что пряталась за неприметной дверью в больших покоях. Спать ложилась туда, где было велено — у камина. И исключительно на выделенной ей подушке и пледе. Правда, спать получалось плохо. Айя подолгу могла лежать и смотреть на огонь, тлеющий в камине, или мерить шагами комнату, или сидеть в хозяйском кресле, глядя в полумрак и пустоту. Иногда распахивала окно, впуская в покои ночь и холод. Ежась от мороза, долго всматривалась в далекие горы, и едва различимое зарево пред ними. Где-то там вдали, за лесом, в котором она не так давно рубила лапник, шел бой. Кто-то, возможно, погибал, кто-то получал раны, а кто-то убивал... И где-то там среди этого всего был он...

Айя в эти минуты злилась и ненавидела себя, свои дурацкие мысли. Зло шептала снежным вихрем проклятия и посылала ему пожелания самой жуткой расправы. А потом до утра вертелась под огромным пледом с его запахом и не могла уснуть.

А через неделю начали прибывать первые телеги с ранеными воинами и мирным людом.

Сначала всех размещали в помещениях слуг и первых этажах дома. Но со временем места перестало хватать...

Было велено расчистить большой ангар с соломой для подстилки скоту, и тащить с чердака отдраенную Аей мебель. Почти все слуги были заняты с все прибывающими и прибывающими ранеными. Женщины отправлены к прачкам, кипятить воду и отпаривать ткань для перевязки. Кухни работали почти без остановок. В замок Шаррихасс были призваны все лекари ближайших поселений. Но их все равно не хватало. Зима на Севере не щадила никого...

Тойра управляла всеми твердой, далеко не женской рукой. Принимала все решения расчетливо и с холодной головой. Отринув сомнения и жалость. Держала все под контролем.

Впервые, наверное, Айя посмотрела на управительницу совершенно другими глазами. Как на сильную, мужественную женщину, возможно, оттого и суровую, но справедливую. О, как порой обманчиво может быть первое впечатление...

— Тойра, позвольте мне, — начала было Айя, ускоряя шаг за спешащей управительницей.

— Айя, он запретил! Ступай! — отрезала женщина, бросив на служанку раздраженный взгляд.

Но девушка не отставала, бежала следом, чувствуя в том необходимость.

— Его здесь нет, а вам нужны люди! Я ведь могу помочь! Тойра, прошу!

Управительница остановилась, смерив Айю уставшим взглядом. Прикрыла глаза, позволив плечам чуть осунуться. Она понимала, что девчонка права...

— Крови не боишься?

— Не боюсь! — соврала Айя.

Тогда иди к амбару, там все объяснят.

— Хорошо, — кивнула Айя, и поспешила прочь, пока управительница не передумала.

А дальше были долгие и страшные дни.

Раненых было много, погибших тоже. Захоронить их не могли. Земля промерзла настолько, что не представлялось возможным выкопать и миллиметра почвы. А потому Тойра приняла решение умерших сжигать за дальними полями. И это было страшно...

Дым и запах несло ветрами прямо к замку, опутывая его, словно узами, как укор за недостойный и непочтительный финал.

Айя видела, что управительница на пределе...

Сама же дни и ночи проводила в амбаре — помогала, чем могла. Таскала дрова для каминов, меняла простыни и выносила горшки. Перевязывала раны, подмывала, кормила. Утешала. И все это на каком-то автомате, отключив все чувства и эмоции, чтобы просто не рухнуть и не разрыдаться от жалости к чужой боли. Лекарши и целители работали не покладая рук, хвалили расторопных служанок. Подбадривали.

— Чего такая серьезная, красавица? — улыбнулся воин с перевязанной головой и рукой, которому Айя помогала сесть.

— А есть повод для радости? — спросила, расстилая свежую простынь и подавая парню кружку с отваром.

— У меня есть, — растянул пухлые губы в улыбке солдат, — вон какая красавица за мной ухаживает. Могу я узнать имя моей спасительницы?

— Айя, — улыбнулась в ответ служанка, помогая тому лечь обратно.

— Айя! — воскликнул он, — какое необычное и красивое имя! А я Румир, будем знакомы.

— Будем, — шепнула Айя, подхватывая грязное белье и глядя на улыбочивое, веснушчатое лицо совсем еще юного паренька, — отдыхай, Румир. Ночь будет долгой...

И еще несколько дней служанка провела между амбаром, помещением прачек и кухней. Пару раз забегала к Шорсу, который ничуть не удивился ее появлению. Только тяжело вздохнул и обнял, как родную. Накормил своей похлебкой и позволил немного посидеть с ним. В привычной давно тишине. Пропахшей старостью и лошадиным навозом.

Когда одним снежным днем ворота замка распахнулись, пропуская внутрь ликующую конницу, Айя выдохнула с облегчением. Просто замерла у живой изгороди, с мешком

пропахших мочой и кровью простыней за спиной. Стояла и смотрела, как внутренний двор наполняется всадниками и возбужденными бегом лошадьми.

Взгляд как-то сам выловил среди всех высокую и широкоплечую фигуру. Темные волосы с легкой проседью у висков и медленные, плавные движения. И в тот же момент, липкая и холодная тревога, сковывающая девушку все эти дни вдруг отступила, подарив такое желанное облегчение, выбив из девушки тяжелый вздох.

А Нирхасс тем временем спешил, отдал распоряжения вышедшему к своему господину Морису, и направился напрямик к замку. Но тут, расталкивая толпящийся народ, навстречу ему ринулась рыжеволосая дева, повисла на его шее, крепко прижимая к себе, целуя заросший щетиной подбородок и щеки. Плакала. Хозяин прижал ее к себе, нежно погладил по спине, успокаивая, и чмокнул в высокий лоб. Увлеченный за собой в теплое нутро дома, ибо девушка выскочила в одном только платье — разгоряченная и растрепанная.

А Майя все стояла с тяжелым мешком за спиной, среди всеобщей радости, под вихрами снега, пропахшая чужой болью и испражнениями. И на душе вдруг стало тягостно, муторно. Противно.

Зло тряхнула головой, направляясь к прачкам.

Там еще пару часов помогала стирать и отпаривать белье и простыни. Отстраненно слушала рассказы девчонок и их шутки. Пыталась шутить сама, поразив всех вокруг проснувшейся в ней общительностью. С удивлением для себя отметила, что эти служанки ее не сторонятся, приняв за свою. Ранее с прачками она дел почти не имела.

Мылась в небольшой парилке, смывая с себя пот и запах лекарственных трав, скребла шею и пятки — откисала. Помогала другим, терла спины жесткой мочалкой, вспенивала настои в волосах, за что была вознаграждена таким же отношением. С ней даже поделились склянкой с маслом, от которого спустя короткое время, вся лишняя растительность на теле смылась водой.

А потом девчонки еще долго сидели в предбаннике, пили отвар чабреца и шиповника, болтали. Впервые за долгое время Айя не чувствовала себя отщепенкой, активно принимая участия в разговорах и шутках...

... Попросту не хотела возвращаться в его покои. Боялась помешать им...

А потому заливисто хохотала и вставляла свои пять копеек во всеобщее веселье. И окружающим не обязательно было знать, что смех этот был через силу. Вопреки.

Ближе к вечеру все же пришлось расходиться — пришли другие чернавки, желающие смыть с себя очередной непростой день.

Попрощавшись, девушки разбрелись по своим делам.

Айя двинулась к замку, прошмыгнула через сад и ввалилась в помещение верхней кухни. А там кипела работа. Вовсю готовились угощения для вернувшихся солдат и командирского состава. Столы, правда, расположили на нижних ярусах, но судя по доносившемуся веселому шуму, служивые были не против.

Служанка шустро пробежала мимо поварих и подавальщиц, юркнула в узкий коридор и дальше, к лестнице. А там несколько пролетов вверх, оставаясь незамеченной.

Перед дверьми его спальни замерла, прижалась ухом — тишина. Отпрянула. Сделала несколько вдохов и решительно потянула створку на себя.

Покои были пусты. Погружены в темноту и прохладу...

Айя вошла, прикрыв за собой дверь. Прошла к столу, зажигая свечи в огромном подсвечнике, и опустилась в хозяйское кресло.

Глубоко внутри что-то кольнуло, растеклось неприятным по венам. Заскребло за грудиной.

Айя тяжело вздохнув, откинула голову.

— Майя, ты что, дура? Ложись спать! — приказала самой себе, вперив взгляд в потолок.

Грустно ухмыльнулась, подтягивая под себя ноги.

И как-то очень остро в тот момент ощутилось огромное пространство помещения и его выстуженная, одинокая пустота.

Но найти в себе силы, чтобы встать и разжечь камин, Айя не находила. Просто сидела и смотрела в потолок, старательно гоня от себя все мысли.

Сама не заметила, как уснула. Уткнулось носом в бархатистую обивку, прикрыла глаза и провалилась в тяжелый, вязкий сон.

Проснулась от ощущения, что на нее смотрят. Вынырнула из сна, как из болота. Уставилась перед собой, часто моргая.

Ассур сидел на столе, и смотрел не нее сверху вниз, потягивая янтарную жидкость из пузатого бокала.

Заметил, что служанка проснулась, склонился еще ниже.

— Где, я говорил, твое место? — зашипел над ее головой.

— Простите, — встрепенулась Айя, неуклюже подскакивая с кресла. Затекшие ноги тут же отозвались слабостью, и девчонка, глухо охнув, шлепнулась на пол. Заскулила, потирая ушибленные конечности, и как была — на четвереньках, поползла к темнеющему провалу камина. В помещении за время ее сна стало еще холоднее. Айя только сейчас почувствовала, насколько замерзла.

Доползла, закопошилась в ящике с поленьями, безуспешно пытаясь отыскать спички. Возилась долго, ошалевшая ото сна. Замерзшая.

— Уйди, — скомандовал над головой Нирхасс.

Айя послушно отползла к своей подушке, глядя, как ловко управляется мужчина и как быстро в камине появляются первые, нерешительные языки пламени.

Господин опустил на шкуру, чуть поодаль от заспанной чернавки.

Айя смерила его недоверчивым взглядом. Большой. Сильный. Уставший. Мужчина медленно тянул алкоголь из своего бокала, смотрел на пляску огня, что зеркально отражалась в его серых омугах.

— Скучала? — вдруг спросил он, заставив несчастную вздрогнуть от неожиданности.

— Нет, — честно ответила Айя, подтягивая к себе плед

— А что за спектакль был в окне? — не поворачиваясь, продолжил наседать ассур.

Девушка не сразу поняла, о каком спектакле идет речь, а вспомнив, вспыхнула до кончиков ушей, в тысячный раз обозвав себя идиоткой.

— И? — не дождавшись ответа, повернул к ней свое лицо Нирхасс.

— Ничего, — буркнула Айя себе под нос, — оно случайно получилось.

— Случайно, — протянул мужчина, кивая и будто бы пробуя слово на вкус, — лгунья.

Служанка не стала отвечать, вперив сосредоточенный взгляд в камин.

— Хочешь? — протянул ей бокал хозяин.

Айя отрицательно мотнула головой.

— Хорошо, — согласился Нирхасс, — тогда раздевайся.

— Что? — опешила несчастная.

— Раздевайся, Айя! — приказал ассур, усаживаясь поудобнее.

Девушка замешкалась, глядя то на повелителя, то на свои колени, то снова на Нирхасса. Тяжело вздохнув, потянулась к высокому вороту платья, расстегивая пуговицы. Стянула его через голову, вся покрывшись мурашками. Приподняла сорочку, стягивая теплые штаны, а с ними и ботинки с носками.

Осталась так, посмотрев прямо перед собой.

— Все снимай, — прошептал ассур, пристально глядя на женщину рядом с собой.

И Айя сняла, сначала сорочку, затем панталоны. Осталась нагая и как будто бы беззащитная.

— Встань! — вновь скомандовал господин.

Служанка, прикрыв глаза, подчинилась.

— Готовилась к встрече со мной? — хмыкнул Нирхасс, осматривая гладкие ноги и промежность девушки.

— Это не для Вас, — шепнула та, прикрыв руками стыдные места.

— А для кого? — не унимался господин.

— Для себя, — буркнула Айя, желая провалиться сквозь землю.

Кивнул.

— Иди сюда, — поманил к себе мужчина.

Служанка несколько мгновений мялась, а после сделала несколько робких шагов, останавливаясь прямо перед лицом мужчины.

Допив содержимое бокала за пару глотков, Нирхасс отставил его в сторону и поднялся, возвысившись над девушкой, вдыхая ее запах. Коснулся подбородка, заставляя поднять покрасневшее лицо. Другой рукой сжал ее грудь, наблюдая за реакцией.

Айя закусила губу и всхлипнула.

Большим пальцем приласкал вставший, напряженный сосок и снова ущипнул. Притянул девушку к себе, вжал в свое разгоряченное, уставшее тело. Зарылся носом в ее волосах, еще влажных и вострепанных. Огладил спину, задерживаясь длинными пальцами на уродливых выпуклостях рубцов. Следах, оставленных им самим. Опустился ниже, сминая в ладонях напрягшиеся ягодицы.

Айя оказалась притиснутой к его груди, с расстегнутой на несколько пуговиц рубашкой. Вдохнула уже привычный аромат кедра и еще один... Спелой вишни — сладкий и приторный. Чужой. Ее запах.

Служанку словно электрическим разрядом прошило. Айя сначала замерла в его руках, а потом вдруг забилась, желая высвободиться. Яростно скидывая мужские руки со своего тела. Сверкая большими глазами и шумно дыша.

Нирхасс подобного поведения не оценил.

Зло рыкнув, ухватил служанку за волосы и потянул за собой к кровати. Толкнул вперед, заводясь на ходу. Айя больно шлепнулась на колени, утыкаясь носом в его же накрахмаленный пододеяльник. Взвизгнула, попыталась вывернуться, лягнув господина ногой.

— Не тронь, — зашипела, пытаясь подняться.

Ассур не дал, наваливаясь сверху, вжимая собой в постель, вдавливая лицом в одеяло.

Быстро и дергано расстегнул штаны, разводя ноги Айи в стороны...

— Только не так! Господин, только не так, пожалуйста! — запричитала, понимая, что сейчас будет.

Но Нирхасс ее уже не слышал. Терся разгоряченной плотью, между ее ягодиц, кусал спину, сминал грудь. Рычал. Был взбешен и возбужден до предела.

— Нирхасс, мой господин, прошу! Я сделаю, как захотите, только не так, — взмолилась несчастная.

Мужчина за ее спиной на мгновение замер, а затем одним легким движением, крутанул девушку под собой, переворачивая на спину и заталкивая дальше на кровать. Тут же навис сверху, разводя ее ноги широко в стороны, и вошел одним быстрым и резким движением, выбив из Айи истошный визг. Служанка впиалась ногтями в напряженные плечи, изо всех сил стараясь сделать ему так же больно как было ей самой, но ассур будто бы и не заметил этих жалких попыток. Двинулся снова, а затем еще раз и еще. Закусив губу, смотрел в широко распахнутые, полные слез глаза Айи и входил, вколачивался все глубже и глубже, наращивая темп. Злился на нее, на странный протест, на нелепое упрямство.

— Расслабься уже, — зашипел в ее покрытый испариной лоб, — дурочка!

А когда из глаз девушек хлынули слезы, сбавил темп, замер. Ощущая болезненную пульсацию вокруг своего естества. Подождал, пока Айю перестанет трясти, обхватил ее лицо широкими, горячими ладонями, заставил посмотреть на себя.

— Не сопротивляйся. Я не хочу делать больно, слышишь? — произнес в приоткрытые губы, тут же прижимаясь к ним своими, вовлекая девушку в соленый от ее слез поцелуй.

Ассур целовал ее, сменяя девичий рот и прикрыв глаза, ждал, когда служанка под ним хоть немного расслабится. А внутри у него все горело и пульсировало, требовало положенной ему разрядки после почти трех недель воздержания.

И когда Айя начала робко ему отвечать, Нирхасс дал волю своему зверю, вколачивая девушку в собственную кровать. Придерживая одной рукой за ягодицу, второй зарылся в ее волосах, заставив запрокинуть голову и впиваясь в тонкую кожу шеи то ли поцелуем, то ли укусом. Комната наполнилась вскриками девушки и жалобным скрипом кровати, пошлыми, влажными шлепками и стонами.

Стало нестерпимо жарко.

А господин все брал и брал ее, покрывая лицо жадными поцелуями. Айя того не желая, подмахивала бедрами навстречу, обхватив мужчину руками, закатывая глаза и отдавшись ощущениям.

Когда оргазм настиг ее, Айя вся выгнулась, зашептав в шею Нирхасса:

— Ненавижу вишню...

Ассур в тот момент был с нею согласен.

Часть вторая. Глава первая

Первые весенние ветра пришли на север позже обычного, с боем прорываясь сквозь зимнюю непогоду. Принесли с собой морскую свежесть и робкие солнечные лучи, все чаще проскальзывающие в просветах низко плывущих, серых туч. Появились проталины на полях и равнинах. Запахло теплом и новой жизнью.

Айя глубоко вдохнула и прикрыла глаза, подставляя лицо ветру и морю, что бушевало у подножья скалы. Пенилось, билось тревожными волнами об огромные валуны, словно желало взметнуться ввысь, за быстрыми и вольными птицами. Но не могло, и оттого отчаянно злилось, поднимая высокие, темные воды и тараня вековые скалы.

С недавних пор это место стало для Айи любимым. Здесь, за территорией двора Шаррихас, среди равнин и виднеющегося вдали леса, стоя на краю отвесного утеса, покрытого снегом и мхом, девушка, пусть и ненадолго, но чувствовала себя свободной. Как ветер, что трепал ее волосы, выбившиеся из привычного пучка, и поднимал подола юбок, заставляя слегка покачиваться и плотнее кутаться в вязаную шаль. Уносил с собой стыдную слабость, появляющуюся в уголках глаз, там, где слипались ресницы, не давая ей скатиться по порозовевшим щекам...

Иногда Майя кричала вместе с ним, кричала взхлеб, наперебой с шумом больших вод внизу, что глушили своим ревом отчаяние одинокой фигурки на краю скалы. А иногда просто стояла и смотрела вдаль, стараясь не думать и не чувствовать, забыться. И возможно от самовнушения, а может, и в самом деле это было так, но служанке становилось легче.

Когда темнело, девушка возвращалась в замок. Если были поручения Тойры, выполняла их, а после шла в господские покои, что встречали ее холодом и пустотой. Иногда оставалась в конюшнях старика Шорса, слушая от того последние новости подворья или помогая ухаживать за лошадьми. Правда, если об этом прознавала управительница, Айе приходилось несладко. А потому, почти всегда, девушка беспрекословно выполняла то, что было велено.

Господин последние два с половиной месяца практически отсутствовал дома, восстанавливая Пригорье и подавляя мелкие набег сыновей Сумасшедшего короля. А еще Айя очень часто слышала про Белые Лилии и чувствовала неподдельную тревогу Нирхасса, каждый раз, когда разговоры ее касались. Но разумеется, глупую чернавку никто в господские дела посвящать не спешил, а потому девушке приходилось только гадать, что там все-таки творилось на границе.

А чуть более трех недель тому назад, хозяин по возвращении с земель Пригорья пробыл дома день и вместе с гостями спешно отбыл ко двору государя. Айи за все это беспокойное время ассур коснулся лишь раз. Взял резко и спешно, перед самым отъездом. Был холоден и груб. Отстранен. Напоследок велел во всем слушаться Тойру и не делать глупостей.

Замок как-то разом опустел.

Теперь слуги больше требовались на полях и хозяйских дворах.

И хоть Тойра и была против, Айя все же вырывалась на скотный двор помогать другим. Грузила себя работой, отгоняя тягостные и совсем неуместные чувства, что вдруг свалились на несчастную, вопреки всему.

Так же, на второй день после отъезда Нирхасса, девушка узнала, что ей выделена отдельная комната там же, на чердаке. С кроватью, столом и небольшим комодом. С личной уборной, где имелась лохань и большое зеркало. Ее уборная была соединена с хозяйской

маленькой, неприметной дверцей.

И к своему непомерному стыду, Айя этим пользовалась.

Ночами пробиралась в его покои, и подолгу сидела в господском кресле или смотрела в окно, на пустынный двор и мириады звезд над хвойными шапками леса. На одинокий серп луны, скудно освещающий далекие горы.

А как-то не сдержавшись, проверила все полки в столе. Пролистала бумаги, с аккуратным, размашистым почерком. Повертела в руках старый компас и пару толстых книг. Понюхала коробку с сигарами и бутылки с вином. А открыв нижний ящик, в груди вдруг неприятно защемило. Неожиданно. Больно. Внезапно.

Дрожащими пальцами Айя вынула плотный лист бумаги, с нарисованной на нем девушкой. И пусть портрет был выполнен в грифельном, темном карандаше, служанка четко увидела копну рыжих волос и упрямый, гордый взгляд зеленых глаз. Россыпь едва заметных веснушек и розоватые, пухлые губы. Смелый вырез декольте. И надпись...

«Возлюбленная Ширрин, госпожа моих чувств и помыслов».

Запихнула листок обратно, громко шваркнув дверцей. Уперлась ладонями о столешницу, глядя в темноту покоев.

Айя не понимала, что с ней. Почему? С чего вдруг так липко и холодно? Противно.

Брезгливо передернула плечами.

Возлюбленная...

Тогда зачем ему она, Айя? Для чего это все? Нездоровая прихоть видевшего все господина? И почему ее это так задевает?

Тряхнув головой, служанка резвым шагом направилась к шкафу, зарылась там, опустив чуть поодаль подсвечник с мелким рядом ярко пляшущих огоньков свечей. Одежда, прятно пахнувшая и выглаженная. Снова книги и несколько пар начищенных до блеска туфель. Зарылась глубже, и чуть не разрыдалась, выудив на свет находку. Прижала ее к груди, пританцовывая на месте. Опомнившись, закопалась в рюкзаке, проверяя все ли на месте...

Все было, как и прежде. Все на своих местах.

Облегченно выдохнула.

С той ночи Айя больше не приближалась к покоям хозяина. Сложив все как было и забрав свое, девушка выполнила поручение — жить теперь в отведенной ей комнате.

И Айя жила и работала. Заполняла свои дни до предела, а свободные минуты проводила либо с Шорсом, либо на своем утесе. Загоняла себя так, чтобы вернувшись в холодные и тесные покои, не о чем не думать. Засыпать, едва коснувшись подушки. И Айя засыпала. Но неизменно просыпалась среди ночи, понимая, что больше ей не уснуть. И, вроде, девушке ни о чем и не думалось, а уснуть не получалось. Где-то в груди противно скребло, несмотря на все доводы рассудка.

Противно ныло. Дергало.

И самым паршивым было то, что Айя не понимала, почему?

Но копаться в себе девушка не решалась. Гнала все мысли прочь.

Просто лежала, глядя в выбеленный потолок и тщетно старалась уснуть. Иногда у нее получалось, а когда не получалось...

Служанку ждал ее утес.

На рассвете там было особенно красиво. Холодно. Но красиво. Темные волны были спокойны, отражая в своих водах мириады звезд. И этот ветер, соленый и свежий. Айе нравилось, как он ерошит ее волосы, путаясь в отросших локонах. Есть только она, ветер и

первые лучи восходящего солнца...

В тот день Айя неспешно возвращалась к имению, кутаясь в шаль. Рассвет только-только начал зарождаться, прогоняя сумрак и причудливые, пугающие ночные тени. Когда заметила непривычную для этого времени оживленность во дворе. Ускорила шаг, преодолев изгородь, поспешила к дому.

Там тоже все носились и шумели. Опалевшая Тойра раздавала приказы сонным, опухшим слугам. Морис согласно кивал на все замечания управительницы, видимо, еще не до конца проснувшись.

— Что случилось? — Перехватила Айя мчащуюся мимо Лили.

— Что-что?! Всадник прибыл, к обедни обоз с господами будет тут! — крикнула, и убежала по своим делам служанка.

А дальше уже привычно все закипело и забурило. Айе было велено помогать горничным с заменой белья на гостевых этажах. И проверить все, чтобы ни пылинки, ни соринки.

Возились до самого прибытия гостей, еле успели. Айю все время нервно потряхивало, девушка с трудом держала себя в руках, сосредотачиваясь на работе. Из-за чего так переживала, и сама понять не могла, но мандраж не отпускал, бил крупной дрожью, держал в напряжении.

Когда во дворе послышался лай собак, ржание лошадей и гомон, несчастная чуть не свалилась без чувств. Так разнервничалась.

Спешно готовились купальни и накрывались столы в гостиной.

Тойра приказала Айе готовить покои и купальню для господина.

— Все равно ты там лучше всех все знаешь, иди, — приказала управительница опешившей девушке и поторопилась проверять гостиную.

Айя как раз разбавлял воду в большой круглой ванне, когда услышала уверенные шаги за дверью. Невольно вздрогнула, еще раз осмотрела все вокруг. Полотенца на месте, баночки с маслами тоже, зеркало идеально начищено, уборная выдраена.

Когда приоткрылась высокая, светлая дверь, служанка была готова позорно удрать в маленькую и неприметную дверь, ведущую в ее покои.

Но вместо того, лишь коротко поклонилась, произнеся:

— Господин. Добро пожаловать домой.

И больше так и не решилась поднять глаз от пола. Стояла, склонив голову и сцепив руки.

Рецепторы тут же уловили знакомый запах кедра, отозвавшись болезненным уколом где-то в глубине.

Нирхасс молча прошел к ванне, на ходу стягивая походный костюм. Так же молча, опустился в теплую воду, издав лишь тихий стон блаженства.

— Потри мне спину, — коротко приказал мужчина, спустя несколько невыносимо долгих минут.

Айя сначала замешкалась, растерялась, соображая куда бежать. Но глубоко вдохнув, таки смогла взять себя в руки. И, быстро закатав рукава туники, схватилась за мочалку. Пройдя к изголовью ванны, где расслабленно лежал в клубах пара ее хозяин, девушка принялась намыливать ее приятно пахнущим маслом.

Нирхасс подался вперед, подставляя служанке спину. То ли от пара, то ли от волнения, Айя вся взмокла, тяжело дыша, принялась аккуратно тереть смуглую кожу господина. Периодически окуная мочалку в воду и снова натирая сильную спину. Сердце в ее груди при этом билось так, что казалось вот — вот выскочит из груди. Что с ней творилось, бедняжка решительно не понимала.

— Чего трясешься, как заяц? — спросил, чуть усмехнувшись, господин.

— Простите, — пискнула в ответ Айя, вспенивая воду.

И только и успела ойкнуть, когда почувствовала стальную хватку на своей руке. Мгновение, и вот она уже по уши в воде, прижатая спиной, к груди асура.

Мужчина шумно дышал в ее затылок, теснее прижимая служанку к себе.

— Хорошо себя вела, пока меня не было? — тихо спросил, обдав ухо девушки горячим дыханием.

— Хорошо, — кивнула Айя, чувствуя, как руки господина, шарят по промокшей насквозь и противно липнущей к телу тунике.

— Точно? — уточнил хозяин, сжимая грудь Айи, и ловя каждый ее вдох.

Девчонку затрясло. Закусив губу, согласно кивнула...

А дальше было больно и хорошо одновременно. С трудом освободив свою рабыню от мокрой одежды, господин жадно покрывал ее тело поцелуями. Гладил ее, мял, пощипывал. Велел ей отвечать на его грубые ласки. Заставил упереться руками о бортики ванны и оттопырить зад. И Айя подчинилась, боковым зрением улавливая их отражения в запотевшем зеркале. Он — большой и сильный, огромный позади. Она — растрепанная и покрасневшая, расхристанная под ним, отвечающая на откровенные и бесстыдные ласки.

Послушно поцеловала и облизала пальцы Нирхасса, ощущая, как другой рукой он оглаживает ее ягодицы и опустившись ниже, проникает внутрь, вызывая судорожный вскрик.

— Так сильно скучала? — донесся до Айи голос с нескрываемой усмешкой.

Промолчала. Спрятала лицо за волосами, уткнувшись в сгиб локтя. Лишь сильнее прогнулась в спине, подставляясь его умелым движениям.

В тот день он взял ее без боли. Аккуратно и как-то тягуче. Прислушиваясь к каждому стону чернавки. Заставляя ее смотреть в зеркало на их соитие. На то, как покорно и охотно она принимает своего хозяина. Как затуманены ее глаза. Как бесстыдно она получает удовольствие...

Айя кончила, не сдержав громкого вскрика, сотрясаясь всем телом.

Понимая, наконец, весь ужас своего положения.

И кончила еще раз, просто глядя на отражение Нирхасса, готового вот-вот разрядиться в нее. В этот раз стон асура перекрыл ее приглушенные, сдерживаемые вскрипы. Разорвал тишину протяжным, мужским...

Такого Айя от себя не ожидала.

Блаженно провалилась в сон, получив, наконец, разрядку от напряжения прошедших недель.

Только наивная служанка не знала, что приготовил для нее господин...

Глава вторая

Уже больше недели в доме Шаррихас шла подготовка к пышному приему. Ожидались еще гости. Гости высоких и важных чинов и титулов. Между слуг даже прошел шепоток, что сам государь и владыка Правящего Дома прибудет на бал. А потому работа не просто кипела — она бурлила, велась безостановочно. Замок господина напоминал один большой муравейник, где каждый слуга-труженик тянул на себе едва посильную ношу. Тойра, бледная и исхудавшая носилась по имению, как заведенная. Лютовала. Раздавала приказания и строго следила за их исполнением.

Айю завалили работой в помещении швей, которые отшивали форму для слуг днем и ночью. Девушке было велено отпаривать и крахмалить скатерти и простыни, готовить салфетки и полотенца, отглаживать фартуки и косынки.

Трудясь в отдаленном от хозяйского дома помещении, Айя даже не заметила приезда дорогих господ. Поняла это только по всеобщей поднявшейся суматохе и взволнованным шепоткам. Выходить и смотреть на делегацию вновь прибывших не стала, не пошла за другими, осталась в душном и влажном помещении, складывать в плетенные корзины идеально выглаженные салфетки с маленькой, вышитой в уголках синими нитками розой.

А уже глубоким вечером, к ним в закуток наведальса сама управительница, измотанная, а оттого нервная и злая. Тойра придирчиво оглядела все приготовления и удовлетворенно, даже с каким-то облегчением выдохнула, тяжело привалившись к дверному косяку. Бросила уставший взгляд на Айю, велела брать корзины и следовать за ней. Чернавка молча подчинилась, кивнув на прощание девчонкам — швеям.

На дворе уже стоял глубокий вечер, пахнувший легким весенним пробуждением, но все еще по-зимнему свежий и прохладный. На высоком каменном заборе и всех постройках ярко горели факелы, освещая внутренний двор и делая пространство за ним еще более темным и зловещим. Айя резво шагала вслед за спешащей к замку управительницей, покрепче перехватив наполненные доверху корзины. Уставшая и измотанная, девушка погрузилась в свои мысли, поэтому даже вздрогнула, услышав спокойный и уже привычно строгий голос Тойры.

— Завтра состоится большой прием. Бал. К нам прибыли все знатные семьи севера и сам правитель. Такого на моей памяти еще не было, — замолчав, женщина вдруг резко остановилась и обернулась к Айе, внимательно заглядывая в лицо замершей от неожиданности чернавки. Несколько бесконечно долгих мгновений женщина вглядывалась в лицо растерявшейся от такого пристального внимания девушки. Айе даже на секунду показалось, что та смотрит на нее с каким-то болезненным сочувствием и щемящей тоской.

— Скажи мне девочка... — после долго молчания вдруг начала Тойра, тихо и сочувственно, в непривычной для нее манере, — Айя...

— Да, госпожа? — служанка насторожилась, по спине прошелся холодок дурного предчувствия. А может это просто стывшие ветра спустились к людям с далеких северных гор?

— Ты ведь не была настолько глупой и наивной, чтобы заиметь чувства к нашему господину? — женщина внимательно всматривалась в каждую эмоцию проступившую на лице Айи...

Служанка же, растерявшись, слегка приоткрыла рот и захлопала глазами, не ожидая

услышать такие вопросы. В голове тут же пронесся галопом табун встревоженных мыслей. Сделав над собой усилие, девушка отрицательно замотала головой.

Тойра тяжело вздохнула, прикрывая глаза. А в следующее мгновение вдруг двинулась вперед и притянула пискнувшую от неожиданности Айю к себе. Обняла глупую чернавку, погладила по напрягшейся спине.

— Тупица! Глупая! Глупая девчонка! — запричитала управительница над ее головой. — Врать ты совсем не умеешь...

Айя шумно втянула носом воздух, утыкаясь лбом в костлявое женское плечо.

— Он велел тебе быть завтра среди слуг, обслуживающих главную залу. Не спрашивай почему, я этого не знаю. Выбери себе форму по размеру и сходи в купальни. Выспись. Приведи себя в порядок. Завтра, чтобы не происходило — ты лишь тень, что служит для удобства господ. Держись рядом с другими слугами. Я попрошу Мориса и Даррена тебе помочь.

— Я справлюсь, госпожа, — пискнула Айя, слабо веря в собственные слова, — справлюсь...

Айя, облаченная в серую униформу с белым фартуком и в тон ему косынкой, стояла на кухне и слушала строгие наставления управительницы, что снова превратилась в злобную мегеру. Вокруг стояли такие же слуги, коим была уготована честь провести сегодняшнюю ночь, обслуживая правящих миром господ. Напряжение царило в воздухе.

— Волнуешься? — наклонился к самому уху девушки светловолосый, симпатичный паренек.

Айя только кивнула, закусив нижнюю губу.

— Я Даррен. Морис велел стать с тобой в пару. Эту ночь мы проведем вместе.

— Айя, — девушка протянула руку в ответном приветственном жесте, нервничая и все еще опасаясь. Служанка никак не могла привыкнуть к нормальному и даже дружелюбному к ней отношению. На фоне нескольких месяцев неприязни, это все воспринималось как-то дико и нереально.

— Знаю... Айя, — улыбнулся парень, подмигивая девушке голубым глазом.

А дальше были подносы с изысканными блюдами и напитками, узкие коридоры и блистательная зала в свете тысячи свечей. Длинные столы и шелковые скатерти, золотые приборы и диковинные цветы в хрустальных вазонах. Картины и гобелены, гирлянды из диких ягод и цветов. Искусные танцовщицы в экзотических нарядах и музыканты в золоченных фраках. За аркой виднелась готовая к танцам бальная зала с маленькими бархатными диванчиками и дивным, искусным фонтаном по центру.

Гости были довольны. Яства то и дело сменяли друг друга, хмельные напитки лились рекой, а приятная музыка радовала слух.

Нирхасс сидел во главе стола облаченный в темно-бардового цвета камзол с золотой вышивкой. Волосы его были небрежно зачесаны назад, открывая высокий лоб. Пальцы украшал массивный перстень, а лицо легкая полуулыбка. Рядом с ним, во главе, словно второй хозяин сидел высокий и тонкий рыжеволосый мужчина, с аккуратной бородкой и едва заметными морщинками вокруг глаз. Трудно было не заметить его сходства с огненной Ширрин...

Айя в паре с Дарреном обслуживали гостей, следили за порядком, меняли посуду и

яства. Парень оказался ловким и быстрым, уверенным в себе. Шустрым. Своевременно все подмечал и исправлял, помогал, а потому работать с ним было легко и не так волнительно. Айя старалась полностью сосредоточиться на своих обязанностях и меньше смотреть по сторонам — на красивые и дорогие наряды, на изысканные прически, на пристальные серые глаза...

— Ты умница! — наклонившись к самому уху служанки, прошептал напарник, улыбнувшись, Айя улыбнулась в ответ, в очередной раз войдя в зал с подносом и благодарно кивнула.

— Ты тоже. Спасибо.

На секунду осеклась, почувствовав на себе острый и цепкий взгляд. Недовольный. Тряхнув головой, поспешила вслед за Дарреном, менять на столе опустевшие вазы с фруктами и сладостями, что так пришлось по вкусу элегантным дамам. Рубиновым вином они, впрочем тоже не пренебрегали... Графины пустели с завидной скоростью.

Застолье длилось до глубокой ночи, пока сытые и захмелевшие гости не стали перемещаться в бальную залу.

Начались танцы.

Айя с напарником и другие были направлены с подносами в то же помещение, пока оставшиеся слуги быстро убрали столы, меняя блюда на десертные.

Теперь Айе стало понятно, почему их изначально разделили на пары. Парень держал в руках широкий поднос с наполненными бокалами, а её был уставлен всевозможными закусками. Они вместе подходили к группкам нетанцующих гостей и молча, подобострастно предлагали угощения. Словно неприметные тени, предметы интерьера, на которые никто не обращал внимания.

Когда подошли к очередным господам, взгляд Айи невольно зацепился за огненную копну волос, что была усыпана мелкими золотыми капельками украшений. Яркое алое платье, жемчуг на тонкой изящной шее и пухлые, розовые губы, что презрительно скривились. Искрящаяся зелень глаз сверкала превосходством и насмешкой. Ширрин одним только взглядом указывала рабыне на ее место. Она ее помнила. Помнила и презирала.

И знала бы она, насколько ее чувства были взаимны. Но демонстрировать их Айе было нельзя. А потому служанка стояла потупив глаза в пол и вытянув поднос с угощениями.

Совсем рядом послышались шаги.

Его шаги она узнала бы из тысячи. Замерла, не решаясь поднять глаз.

Он остановился совсем рядом, все существо несчастной чернавки отозвалось на близость господина. Айя скосила глаза, глядя на его идеально начищенные туфли. А дорогой камзол едва касался ее простенького платья. Но даже этого девушке хватило, чтобы всей напрячься и забыть, как дышать. Сердце в груди сделало болезненный кульбит. Даррен заметив неладное, наклонился к самому ее уху.

— Ты в порядке, кареглазка?

Айя неловко кивнула в ответ.

Подалась чуть вперед, протягивая поднос навстречу изящной ручке незнакомой жгучей брюнетки. Та ловко подхватила клубничку в шоколаде.

— Сегодня ты прекрасна, как никогда, — мягко произнес Нирхасс, чуть склонив голову. Ширин одобрительно улыбнулась, — позволишь?

Она вложила изящную кисть в протянутую ладонь и пара под одобрительные кивки удалилась к центру зала. И когда музыка сменилась на более плавную и нежную, ассур умело

закружил свою гостью в удивительном танце. Айя невольно подняла глаза и застыла, глупо хлопая ресницами с вытянутым подносом в руках. В груди предательски защемило, и стоило бы отвернуться, но служанка не могла. Она все смотрела и смотрела, как вокруг танцующей пары расступается замороженная их движениями и красотой толпа. Как высокий и статный господин ловко и бережно кружил по залу свою ослепительную партнершу. Как нежно и трепетно касались его пальцы изящной девичьей спины, как та запрокидывала голову, томно смотря из-под длинных ресниц на мужчину, как позволяла ему вести, становясь в его руках слабой и хрупкой. Они были обворожительны, бесподобны, прекрасны. Умопомрачительно красивы, как будто из другого мира. Нереальные.

В ту самую секунду Айя отчетливо осознала глубину пропасти между ассурами и людьми. Между ней и господином. Между изысканным платьем и мешковатым передником. Между ее глупыми, невесть откуда взявшимися чувствами и реальностью.

Когда музыка стихла, Нирхасс, улыбнувшись, поклонился и поцеловал тонкую ручку своей спутницы. Повел ее к небольшому возвышению с двумя массивными креслами.

Даррен слегка коснулся плеча Айи, привлекая ее внимание. Девушка вздрогнула, подняла на него растерянные глаза. Он молча кивнул на искусную колонну, намекая напарнице, что нужно отойти.

Айя послушалась, как-то отстраненно наблюдая за собирающимися в центре залы гостями. Музыка больше не играла, все были словно в ожидании чего-то важного. Воздух буквально звенел предвкушением.

Неизвестно откуда рядом с Айей вдруг возникла взволнованная Тойра, внимательно заглядывая девушке в глаза.

— Может, спустишься на кухню? — вдруг как-то жалостливо спросила она. Служанка отрицательно мотнула головой, вернув внимание гостям и тому что происходило на другом конце залы.

Уже знакомый рыжебородый мужчина подошел к господину и Ширрин, тепло им улыбнулся и взяв их обоих за руки вдруг громко произнес:

— Мои дорогие друзья! Мои верные товарищи! Сегодня благодать была послана нам Богами и самой Тьмой! Союз, что...

Дальше Айя слышала будто через вату. Все звуки словно погрязли в пронзительном звоне. Она вопросительно уставилась на хмурую Тойру и только сейчас заметила, что та поддерживает ее под руку. Айя с трудом сделала глубокий вдох...

— О помолвке моего близкого друга, моего брата по крови и мечу, верного подданного Нирхасса Дор Шаррихасса и моей любимой дочери, принцессы Ширрин! Да будет их союз крепок, как земли Севера и благословлен самой вечностью!

... а выдохнуть уже не получилось. Воздух словно заперло в грудной клетке. Айя видела все как в замедленной съемке, но ничего больше не слыша. Видела, как все вокруг захлопали, как подбрасывали к высокому потолку цветы и веера, обнимали друг друга, поздравляли. Видела довольное улыбающееся лицо правителя и его дочери. А в груди отчего-то пекло. Сначала совсем немного, потом все сильнее и сильнее, грозя разорвать грудную клетку. Поднос в ее руках дрогнул, но кто-то тут же забрал его. Руки служанки безвольно повисли. Она перевела стеклянный взгляд на Нирхасса. В одно мгновение привычные черты словно стали чужими и совершенно незнакомыми. Ее господин, ее мучитель, ее ассур улыбался. Сдержанно и учтиво, удовлетворенно. Но взгляд его будто-бы искал кого-то в толпе. И нашел...

Их глаза встретились. И Айя наконец смогла сделать долгожданный судорожный то ли вздох, то ли всхлип. Против ее воли, в глазах и носу защипало, девушка зло тряхнула головой. Улыбка на несколько мгновений слетела с его лица, там появилось какое-то непонятное выражение. Но Нирхасс быстро совладал с собой, возвращая всему своему облику хваленую невозмутимость, но взгляд не отвел.

Сжав до боли кулаки, Айя не смогла больше сдерживать слез, что стыдно потекли по щекам. Коротко кивнув, служанка не отрывая глаз, от лица мужчины, одними губами, прошептала:

— Поздравляю, господин...

Поклонилась, слегка пошатнувшись и повернула голову к управительнице. Тойра держала в руках ее поднос.

— Можно... Можно, я пойду, пожалуйста?

Женщина коротко кивнула, жестом остановив ничего не понимающего Даррена.

Больше ни разу не обернувшись и не подняв головы, Айя быстрым шагом покинула бальную залу, оставляя за спиной радостную толпу, озадаченных слуг и счастливых помолвленных.

С собой девушка забрала только звенящую в ушах пустоту и разрастающийся в груди огненный шар.

Оказавшись наконец на улице, глубоко вдохнула и рванула в сад. Пробежала по узким, усыпанным гравием дорожкам, мимо голых еще кустов на пригорок, к злосчастной беседке. Остановилась, тяжело дыша, оперлась ладонями в стол, жадно глотая кислород. Но его отчего-то все равно не хватало. Как ни старалась, Айя не могла надышаться. В голове гудело, мысли хаотично носились, натываясь друг на друга, бунтовали. Перед глазами плыло.

Где-то внизу, в саду слышались шаги. Айя повернула голову на звук, дышать становилось все сложнее. Темно-бордовый камзол, черные волосы с проседью, быстрые и плавные движения...

— Стой! — отчаянно выкрикнула несчастная, выставив перед собой дрожащие руки.

Но шаги продолжились, ускоряясь.

Задышавшись, Айя рванула прочь. К лесу.

И у самой кромки деревьев огненный шар в ее груди с оглушающим звоном таки лопнул, прижимая чернавку к земле. Рассветное небо высоко-высоко завертелось и стремительно рухнуло вниз...

Айя прикрыла глаза.

— Нет! — закричала девушка, вскакивая с места и ошарашено оглядываясь по сторонам.

Котенок, лежавший рядом, испуганно защипел и спрыгнул на пол. А девушка словно громом пораженная, застыла, оглядываясь и осоловело вращая глазами по сторонам.

В увиденное не верилось. Не верилось от слова совсем.

Майя что есть силы принялась щипать себя за руки и щеки — было больно. А телевизор справа вещал о двух братьях, что должны продолжить семейный бизнес и найти пропавшего на охоте отца. В окно светило уже обеденное яркое, летнее солнце и был слышен гул машин с проспекта неподалеку.

Сорвавшись с места, девушка выбежала в коридор, потом на кухню. Все было как тогда, в тот самый день — открытая микроволновка с недоеденным уже холодным, когда-то бывшим горячим бутербродом, недопитый чай на столе и ополовиненная шоколадка.

Замотав головой, как китайский болванчик, Майя понеслась обратно в комнату. Возле дивана, как и всегда бывало, валялся ее рюкзак.

— Но как? Не может быть!

Опустилась рядом на колени, выудила из его недр телефон и разблокировала экран. Июнь, одиннадцатое. Девушка странно взвизгнула, отбрасывая телефон в сторону и зажимая рот ладонями. То самое утро, которое она встретила уже в северных земля Шарихасса. От одной только мысли в груди тоскливо заныло...

— Не может быть! Не может быть! Так не бывает! Я что, схожу с ума? Это все сон? Это был сон? Не может быть...

Майя опустила глаза на свои руки и всхлипнула. Поднялась, почти влетела в ванную, щелкая выключателем. Уставилась на свое отражение, глотая слезы и тихо подвывая.

— Все осталось как прежде, все... кроме меня...

Из зеркала на нее смотрела Айя. Измученная, уставшая, с виднеющимися шрамами под майкой, с мозолистыми, натруженными руками и темными кругами под глазами. С болью и целой прожитой жизнью в карих омутах. Той прежней девчонки-хохотушки больше не было. Повседневная и привычная когда-то одежда была заметно велика.

Опершись о раковину, Майя пристально рассматривала свое лицо. Смотрела и не узнавала. Это была она и не она одновременно. словно ее разделили надвое, разодрали душу и запахнули обратно...

Живи теперь, девочка, так — срачивай.

Качнув головой, Майя вернулась в комнату и подняв телефон набрала быстрый вызов. Пара гудков и...

— Мамочка! Я так соскучилась!..

Два дня Майя гостила у родительницы. Обнимала и не отходила ни на секунду. Прятала шрамы под водолазкой. Мама, с нескрываемым беспокойством оглядывала осунувшуюся за полтора месяца, что они не виделись, дочь. Кормила блинами и борщом. Совала в карманы конфетки и шоколадку с орешками. Волновалась, пыталась расспрашивать, увидев руки своего ребенка, долго плакала и требовала сейчас же все ей рассказать. Майя ее успокаивала, обнимала, отшучивалась. Улыбалась, пряча глаза, и выла ночами в подушку...

Первые ночи девушка боялась засыпать. Боялась открыть глаза и снова оказаться там, где злые ветра и жестокие люди, где только страдания и боль, где зверь в человеческом обличье истерзал не только ее тело, но и душу.

Но раз за разом Майя просыпалась в своей квартире, своей постели, своем мире...

Брат с семьей и мамой собирались на юга, звали Майю с собой, но как бы девушке не хотелось, а пришлось отказаться. Уродливые шрамы на исполосованной спине не скрыл бы ни один купальник. А потому, с трудом отбившись от настойчивых предложений, девушка требовала себе кучу гостинцев и сувениров, сославшись на большую загруженность на работе.

А на работе...

Отсидев в ставшем каким-то чужим и чуть ли не инородным офисе целый рабочий день, Майя поняла, что больше не сможет. Дебет и кредит, все эти отчеты и сметы, казались каким-то бредом. Ерундой, дуростью. У девушки не получалось сосредоточиться, вспомнить. Она все путала и вообще не понимала, зачем оно ей нужно? Как впрочем и все остальное...

К вечеру она распечатала типовой договор и, подписав, передала начальнице.

Больше в офис Майя не возвращалась, разве что за трудовой.

Как ни старалась, а все вокруг казалось несчастной каким-то нереальным, неестественным, чужим. Девушка горько рассмеялась, глядя на пролетающие мимо машины, накрутила в наушниках громкость побольше и уставилась в окно, отвернувшись от входящих в автобус людей.

Вот оно как вышло... И там отщепенка, и здесь теперь себя не найти. Не приткнуться. Везде не своя. Везде не на месте... ЧУЖАЯ...

Первые две недели были для Майи как в тумане. Все что она ни делала, сопровождалось постоянной ноющей болью. Больно было все — ходить, дышать, думать. Вспоминать.

Иногда по ночам, в своих беспокойных снах она видела огромного белоснежного зверя, что метался по снежным равнинам и выл на луну. Вспарывал мощными когтями податливую земную плоть и несся вперед, вынюхивая и прожигая все бездонными серыми глазами...

Чтобы не сойти с ума от противоречивых чувств и состояний, Майя затеяла ремонт. Переклеивала обои и меняла шторы. Купила новый плед и кресло-качалку. Сходила в салон красоты, попросила красивые «выгоревшие пряди» и проколола уши. Обновила гардероб и съездила с подружками на ипподром, смотреть соревнования. А вместо этого, провела все время в конюшне, где гладила лошадей и плакала навзрыд от тоски.

Одна ездила в пригород на озеро, что было знакомо ей с детства. Плавала и загорала, пока никого не было. Пристально смотрела на высокие сосны, словно ожидая увидеть меж ними знакомые силуэты.

Вечерами сидела в парке у фонтанов, наблюдала за прохожими. Не хотела идти домой. Там была тишина, стены и мысли, что давили, лишая возможности дышать. Там было одиноко и больно. Плохо.

С каждым днем девушка все больше осознавала, что ее больше не существует. Той целостной и волевой Майи больше не было. Осталась лишь блеклая, невзрачная тень. Ее словно разодрало надвое, разжевало между мирами, выпило до дна и выплюнуло.

А может человек жить без части себя, такой вот разорванный и покалеченный? По всему выходило, что не может. Майя не могла. Она просто не знала куда себя деть, что с собой сделать, чтобы хоть немного стало легче. Чтобы дышалось чуточку свободнее...

— Что ты со мной сделал? За что? — прошептала себе под нос девушка, поднимаясь со скамьи и направляясь к выходу из парка.

А еще через три недели родные вернулись из отпуска. Майя пообещала зайти прямо с утра. И записалась к врачу, узнать результаты недавно сданных анализов, и возможно получить назначение на какие-нибудь успокоительные, потому что уже было невозможно.

Утро выдалось дождливым и довольно прохладным для июля. Моросило. Майя натянула светлое платье миди и кроссовки, накинула на плечи тонкий кардиган и захватила яркий, малиновый зонт. Проверив содержимое карманов, быстро побежала на остановку.

Мама и Санька с Людой наперебой рассказывали о своих морских приключениях, о бананах и шашлыках, ждипинге и пьяном соседе, что среди ночи читал у бассейна непотребные стихи собственного сочинения. Привезли кучу подарков и чачу, магниты, красивый сарафан и местных сладостей в меду. Девушка с трудом смогла запихнуть все это богатство в сумку. Родные хвалили Майкин загар и прическу, мама больше радовалась начавшим округляться щекам. Девушка ненадолго отвлеклась. Обнимала и целовала родных,

давила из себя шутки. Брат тискал и щекотал ее словно маленькую. И как в детстве смешно чмокал в нос. Майя помогла маме разобрать вещи, выпила со всеми чая и сославшись на важные дела поспешила на прием.

Чуть не опоздала, влетела в клинику аккурат к назначенному времени. Пробыла в кабинете чуть больше часа и вышла растерянная, сбитая с толку. Оплатила прием и вышла на крыльцо. Морозящий дождь давно превратился в ливень, с хлесткими порывами ветра. Майя еще раз пробежалась по листку с штампом клиники и бережно свернув, запихнула его в сумку. Поежившись, открыла зонт и быстро спустилась по ступенькам. Пригибаясь, побежала к виднеющейся вдали остановке.

Остановилась под светофором ожидая зеленый свет. Сердце в груди заходило от бега и волнения. В голове лихорадочно носились мысли, заставляя хозяйку приплясывать на месте. Майе казалось невозможным стоять, ей нужно было движение, сейчас нужно было идти. Но светофор все еще транслировал красный. Тяжело вздохнув, девушка вдруг почувствовала легкое головокружение, что с каждой секундой только усиливалось. Пошатнувшись, Майя присела, роняя зонт и хватаясь за голову.

— Девушка, что с вами? Вы в порядке? — раздался над ухом незнакомый обеспокоенный голос.

— Н-н не знаю, — протянула бедняжка, борясь с диким вращением перед глазами. Дождь хлестал по лицу не принося облегчения. Из-за угла появилась большая машина, громко просигналила и ударила по глазам светом фар. Мгновение и мир погас...

Когда девушка очнулась, первым что она увидела, был до боли знакомый высокий каменный потолок.

— Нет, — простонала Айя, — пожалуйста, нет...

Приподнялась, оглядывая пустой и холодный бальный зал. Казалось она была здесь миллион лет назад, в окружении роскошных дам и важных господ.

Ее все еще покачивало, но уже было вполне сносно. Чего не сказать об эмоциональном состоянии. Еще немного и несчастная готова была сорваться в самую настоящую истерику.

За спиной, в дальнем коридоре послышались шаги и приглушенные голоса. Кто-то направлялся сюда. Айя схватила лежащую неподалеку сумку и мокрый зонт. С него текло, гулко капая на каменные плиты пола. С волос и одежды девушки тоже. Только сейчас она почувствовала, насколько сильно замерзла, Айю била крупная дрожь. Холод и страх. Дикий. Леденящий душу и сковывающий.

Девушка словно приросла к полу, не находя в себе сил сдвинуться с места.

Вздрыгнула и сдавленно пискнула, сильнее прижимая к себе сумку, когда в широком проходе арки появился уже не молодой гвардеец. Уже смутно знакомый девушке, по эпизоду в заснеженной степи. Именно он тогда был с НИМ...

Мужчина удивленно уставился на дрожащую девушку, несколько секунд внимательно ее разглядывая. Но быстро совладал с собой и развернувшись на пятках направился прочь. Тут же до Айи донесся взволнованный, но твердый голос.

— Господин, Вы только держите себя в руках. Она — здесь.

Мгновение, быстрые шаги и сердце девушки гулко ударилось о грудную клетку, проваливаясь куда-то вниз.

Нирхасс появился в просвете арки и замер, его грудь тяжело вздымалась. Ноздри подрагивали, меж бровей залегла недовольная складка. Во всем черном — огромный, с

мечом у бедра, он пугал до трясучки. Айя сжалась под его пристальным взглядом.

На долю секунды на его лице отразилось непередаваемое облегчение. Словно гора рухнула с его плеч. Но это было лишь короткое мгновение, которое возможно Айе просто померещилось. Вновь в его глазах блеснула сталь — холодная и беспощадная. Лицо замерло непроницаемой маской.

Хозяин сделал шаг к замершей в пустоте и холоде залы служанке...

Глава третья

С каждым его шагом, сердце Айи стучало все быстрее и быстрее, а все внутри замирало. Казалось, она не видела своего господина целую вечность. Страх в ней смешался с болезненным восхищением и чем-то еще, тягостным, щемяще томительным. Айя вдруг поняла, что ненависть к этому мужчине в ней настолько же сильна, как и то — другое, противоположное ей чувство, что все эти дни вопреки доводам рассудка поедало ее изнутри. Выжигало все вокруг, лишая мир красок и смысла.

Испугавшись собственных эмоций и чувств, девушка вздрогнула. И когда ассур был почти рядом, Айя вдруг выкинула вперед руку с зонтом. Тот внезапно открылся, оросив мужчину и пространство вокруг холодными брызгами городского дождя. Служанке даже на секунду почудилось, что она ощутила запах асфальта и выхлопных газов.

Нирхасс остановился, глядя на нее поверх малиновой ткани зонта.

Чуть склонил голову на бок и вдруг резко потянул его на себя, практически впечатывая в свое тело слабо пискнувшую чернавку. Айя протестующе дернулась, но тут же оказалась в кольце горячих рук. Замерла. Растерялась.

Кедр. И терпкое вино. Его запах...

От осознания его близости рядом, девушку даже немного повело. Снова появилось ощущение какой-то мучительной нереальности.

Только сегодня, несколькими часами ранее она собиралась в своей квартире, по телеку шла какая-то ненавязчивая зарубежная комедия и котик увивался у ее ног не желая отпустить хозяйку. И совсем недавно ее обнимала мама и щекотал брат. Был чай, сырники и родственные поцелуи на прощание, автобус, любимая музыка в наушниках и многоэтажки за стеклом.

А теперь он...

Такой привычный запах. Руки. Тепло.

И тут же перед глазами возникла другая картина: высокая рыжеволосая красавица, с россыпью золота на платье и жемчугом на тонкой шее, знакомые руки на ее талии и улыбка только для нее. Теплые объятия и всеобщая радость. И сама вечность благословляет их союз...

В груди прострелило стыдной, неуместной и такой глупой болью.

Айя снова протестующе взбрыкнула в его руках.

Нирхасс позволил ей немного отстраниться, но так и не выпустил из своих рук. Чуть наклонился, чтобы заглянуть служанке в лицо и глубоко вдохнул. Мгновение, и мужчина замер, шумно втягивая носом воздух. Все тело его как-то разом напряглось, словно окаменело. Он порывисто отстранился и больно схватив Айю за подбородок, заставил поднять лицо. Их глаза встретились...

Девушка в ту же секунду поняла, что сейчас будет страшно. И больно.

А господин все смотрел и смотрел на нее, вдыхая ее запах и в глазах его с каждым вдохом все больше места занимала тьма. Холодная. Недовольная. Злая.

Не говоря ни слова, он перехватил несчастную за шкуру, как нашкодившего котенка, и потащил прочь из бальной залы. Айя едва доставала ногами пола, бежала на носочках, осоловело глядя перед собой, и еще крепче прижимая к груди сумку.

— Пустите! — взвизгнула, пытаюсь остановиться, но только сделала хуже.

Ассур не оборачиваясь, встряхнул свою ношу, отчего та чуть не улетела носом в камень пола, громко клацнув зубами. Ускорил шаг, направляясь вверх по широкой лестнице.

— Господин? — донесся до перепуганной Айи знакомый, удивленный голос. Девушка попыталась обернуться, чтобы увидеть Тойру, но своей возней лишь больше разозлила Нирхасса, и тот снова ее раздраженно встряхнул, ускоряя шаг.

Шандарахнув дверьми своих покоев, он втоптал несопротивляющуюся девушку в уборную, и не дав ей опомниться, вырвал из дрожащих рук сумку, отшвырнув ее куда-то в сторону. А саму чернавку дернул вниз, заставляя больно шлепнуться на колени. И пока та не успела опомниться, нагнул вперед, погружая голову несчастной в остывшую воду ванны.

Айю накрыла паника. Она тщетно пыталась вырваться, скребя ногтями по гладкому чугуну, и лихорадочно перебирая ногами по скользкому полу. И когда девушке стало казаться, что она сейчас захлебнется, хозяин выдернул ее несчастную голову из под толщи воды, и не поднимая, начал втирать в ее лицо что-то сильно пахнущее мятой. Масса попадала ей в рот и нос, щипала глаза и неприятно холодила и без того ледяную кожу. Айя кашляла, пыталась отпихнуть от себя его грубые руки, лягалась ногами. Но ассур был много сильнее, и через пару минут голова служанки снова оказалась под водой, смывая скользкую глину.

Вытащив чернавку, грубо откинул ее волосы назад, прихватывая их на затылке, так, чтобы девушка, болезненно сморщившись подняла лицо. И снова принюхался, чуть прикрыв глаза. Недовольно свел брови к переносице, и экзекуция над всхлипывающей пленницей повторилась еще дважды.

Лицо чернавки горело и щипало, бедняжке начало казаться, что Нирхасс хочет содрать с него кожу начисто, так сильно он ее тер.

— Господин?! — снова раздался перепуганный голос Тойры где-то позади.

— Вон, — прорычал хозяин, и управительницы и след простыл. Только быстрые шаги и тихий стук прикрываемой двери, далеко за спиной Айи.

Раз за разом Нирхасс запихивал Айю головой в воду, намывивал и снова окунал, и принюхивался, но сколько бы господин ни тер лицо несчастной чернавки, у него не получалось смыть то, что его так злило. Мужчина нервничал, свирепея с каждой неудачной попыткой все больше и больше. Пока не бросил эту затею, грубо отшвыривая от себя всхлипывающую девушку.

Отлетев к стене, Айя простонала, впечатавшись затылком в каменную стену купальни. Под руку попала ее сумка и девушка тут же прижала ее к груди, тяжело дыша и испуганно глядя на асура из-под облепивших лицо волос. Холодная вода противно стекала за шиворот, заставляя девчонку то и дело вздрагивать от холода... И страха...

Будто бы и не было всех этих недель в родном мире. Словно это все ей только приснилось. Почудилось. От этих мыслей девушке стало совсем не по себе, но следующая мысль напугала ее куда больше. Она была легкой и мимолетной, но такой жгучей, что болезненно отпечаталась в сердце, резанул по напряженным нервам...

«Я скучала. Так скучала» ...

Подумалось вдруг Айе — мойрой, озябшей и испуганной, сидящей на полу купальни, после щедрых издевательских манипуляций господина.

Какая дура. Боже, какая дура...

Всхлипнув, служанка вдруг рассмеялась, громко и заливисто. Не отрываясь глядя на стоящего перед ней господина и повелителя Северных земель. Смеялась над собой, над

своей глупостью и ничтожностью. Слабостью. Несмотря на все, что он с ней сделал, Айя все равно тосковала... ждала и где-то глубоко в душе верила, надеялась...

Глупая, глупая чернавка! Мало тебя высекли плетью, мало насильовали, мало подавляли волю и унижали! Тряпка... Безвольная и жалкая. Ничтожная.

Айю продолжал сотрясать истерический смех. Звонкий. Эхом разносящийся в остывшем помещении купальни.

Нирхасс замер, пристально глядя на девушку, в глазах его блеснуло недоброе, привычно холодное и порывистое. Видимо он принял ее смех на свой счет. Как издевку, насмешку. Айя осеклась под его пристальным взглядом и утихла. Но было поздно.

Мужчина в пару шагов преодолел разделяющее их расстояние, и не церемонясь ухватил служанку выше локтя, сильно сдавив несчастную руку. Потянул вверх. Айя сцепив зубы, шумно выдохнула.

Они буквально пролетели покои и коридор чердачного этажа, сбежали вниз по лестнице. Ассур уверенно и легко, девушка едва за ним поспевая, спотыкаясь и всхлипывая от боли в стиснутой сильными пальцами руке. Слуги и гвардейцы, попадающиеся им на пути, испуганно шарахались в стороны, всем своим существом ощущая гнев хозяина. Даже встречаемые гости замка Шаррихасс удивленно оборачивались на хозяина и странную мокрую девушку, которую он почти волоком тащил за собой.

Перед глазами Айи все мелькало, девушка тяжело дышала. А коридоры и лестницы стремительно сменяли друг друга, пока наконец, мужчина не остановился у широкой решетчатой двери. Молоденький парнишка в форме с эмблемой синей розы, переполошился и загремел ключами, пропуская господина и его пленницу дальше. Ниже. В узкие коридоры и подвалы, что в этой части замка служили тюрьмой. Темницей.

Айя пикнуть не успела, как оказалась за решеткой. Нирхасс буквально швырнул ее в темное и сырое помещение, стремительно поворачивая ключ в замке и засовывая его в карман.

Приземлившись на колени и чуть не улетев в каменную стену подбородком, служанка болезненной ойкнула, обернулась к решетке, за которой виднелась мощная фигура повелителя в скудной, желтоватой полоске света. От этого весь он казался каким-то особенно зловещим, темным. Ассур просто стоял там, и смотрел, прожигал насквозь свою пленницу, не торопясь уходить. Айя перепуганная и сбита с толку ничего не понимала. Не без труда поднялась, поглаживая ушибленные в кровь колени с содранной кожей, поморщилась. Осмотрелась. Глаза, еще не привыкшие к темноте с трудом, но различали покрытые плесенью и влагой камни стен, прелую солому на полу в углу и приличных размеров, дурно пахнущую лужицу у противоположной стены. Воздух был густым, спертым, влажным. Тягостным. Под самым потолком, на внушительной, гниющей деревянной балке болтались ржавые цепи, тихо позвякивая. Нестерпимо пахло мочой и испражнениями.

И он хочет оставить ее здесь? Насовсем?!

Айя поддавшись страху, порывисто метнулась к решетке, обхватив чуть шершавые прутья ладонью, попыталась в полумраке разглядеть лицо господина.

— Господин, прошу не ост...

— Молчи, если жизнь дорога, — прошипел он сквозь зубы, не позволяя ей закончить, — молчи, Айя.

Еще пару мгновений мужчина смотрел на нее из темноты. И каждая клеточка несчастной плавилась под его взглядом, вспыхивала, бросая несчастную в дрожь. А затем не

говоря ни слова больше, ассур направился к выходу. Шаги его глухо звучали где-то далеко, поднимались по лестнице и окончательно затихли, погрузив пространство в мрачную, гнетущую пустоту.

Айя осталась одна. В темноте и зловонии темниц Шаррихасс.

Девушка зябко поежилась, снова оглядываясь по сторонам. С потолка монотонно и тягуче капало и стекало по стене в ту самую лужицу. Давило на нервы размеренным шлепаньем. Айя какое-то время стояла, вглядываясь в узкий мрачный коридор, надеясь, что вот-вот господин вернется и заберет ее из этого холодного и страшного места. Но время шло, капли все падали и падали, а Нирхасс так и не появлялся. Колени нещадно саднило, лицо горело, а влажные волосы неприятно липли к шее и спине. Опустив сумку на пол, девушка, поежившись их отжала, и выудив из кармана резинку, собрала в неуклюжий хвостик.

Прошла по своей камере туда-сюда и присела в угол на сбитую в кучу солому, подтягивая к себе колени и сумку. И стоило ей остановиться, замедлиться, как разом на беднягу рухнули все мысли и чувства, что до этого были где-то далеко и беспорядочно метались, не в силах оформиться во что-то единое. Теперь же они придавили девчонку всем своим грузом, заставив обнять себя и жалобно вздохнуть. Но самой яркой была одна. Единственная. Верить и думать о которой, Майя страшилась более всего.

Зябко передернув плечами, Айя полезла в сумку. Выудила из бокового кармашка телефон, нажала на разблокировку экрана и слабый голубоватый свет осветил пространство вокруг. Затаив дыхание, Айя достала бережно сложенный листочек и аккуратно его развернула, светя дисплеем на стройный ряд букв, что складывались в предложения. Девушка снова и снова перечитывала строчку за строчкой, затаив дыхание и в волнении то и дело прикусывая нижнюю губу.

... соответствует сроку, одиннадцать акушерских недель...

Перевела взгляд на черно-белый снимок, затаила дыхание глядя на крошечные ручки, на очертания маленького личика, носик.

Не осознавая, положила руку на живот, поглаживая, согревая. И сердце вдруг затопила такая безграничная нежность, такой трепет и вместе с тем страх, что девушка не смогла сдержать шумного вдоха и непрошенных слез.

Айю затрясло крупной дрожью. На хрупкие девичьи плечи вдруг рухнуло осознание страшной реальности, в которой она теперь отвечала не только за себя, но и за крошечное сердечко. Маленькую, непрошенную и нежданную жизнь. Но оттого не менее желанную и нужную. Никогда ранее девушка не представляла себя мамой. Вернее представляла, но в далеком будущем, будучи состоявшейся, счастливо замужней и уверенной в завтрашнем дне женщиной. А не вот так вот... Одинокой рабыней, пленницей чужого мира и чужой воли. Холодного и страшного мужчины, что никогда не посчитает ее ровней себе. Ассура — не человека, господина беспощадных северных земель, жестокого и властного, обещанного в мужья другой...

Айю передернуло. Девушка устало опустила голову, упираясь лбом в саднящие колени. На боль физическую не обращала внимания. Не до нее было, когда внутри все выло и металось, скреблось в душе вздыбившими шерсть черными кошками. Служанка вдруг осознала, что непомерно устала. Что эти миры и собственные мысли, и чувства ее вымотали настолько, что впору было бы лезть в петлю. И обстоятельства этому способствовали. Но рука внизу живота... Она теперь не одна. Теперь нельзя быть эгоисткой. Теперь нужно отвечать...

Айя не заметила, как уснула.

В темной провонявшей плесенью и экскрементами камере, на куче прелой соломы, под мерную капель отходов и тихий писк крыс, измученная девушка-рабыня из другого мира согревала в себе искру жизни и надежды для всего мира асурин.

Глава четвертая

За Аей пришли утром. Громко щелкнул ключ в замочной скважине, заставляя девушку вынырнуть из тревожной полудремы. Служанка встрепенулась, поднимаясь на затекшие ноги и шурясь на вошедшего. Это был незнакомый ей служивый, высокий и светловолосый, хмурый.

Молча кивнул пленнице на выход, и та незамедлительно подчинилась, неловко шагая по коридору. У лестницы ее ожидала Тойра. Строгая и невозмутимая. Бросив мимолетный взгляд на стражника, она ловко подхватила Айю под локоть и повела прочь от темных подземелий замка Шаррихасс. Только выведя девочку на свежий воздух, управительница дала волю эмоциям. Порывисто обняла Айю, внимательно заглядывая в опухшее от слез лицо.

— Зачем ты вернулась? — выдохнула она, глядя спутавшиеся волосы служанки.

Майя молчала.

Тойра понимающе кивнула, поманила Айю за собой по гравию дорожек внутреннего двора. Девушка, шурясь от яркого света, оглянулась. Все было таким же, как и всегда. Те же постройки и знакомые лица, та же обстановка. Разве что... Весна осталась далеко позади. На север пришло жаркое, но короткое лето. Солнце нещадно палило уже с раннего утра, и если бы не прохладные ветра с гор, то жара была бы просто невыносимой.

Айя на мгновение остановилась, понимая, что ее не было в этом мире больше трех месяцев...

Отвлеклась, замечая оживление у главных ворот. Много лошадей и повозок, от дорогих и роскошных, до простых телег с поклажей. Люди суетились вокруг, складывали груз, чистили лошадей, проверяли все ли в порядке.

— Что происходит? — спросила Айя, следуя за Тойрой.

— Господин и оставшиеся гости отбывают в замок правителя на Наймаи — летний фестиваль цветов, — не оборачивая ответила женщина, — и нам надо поторопиться, а то придется догонять обоз верхом на свиньях.

— Нам? — опешила служанка.

Управительница кивнула в ответ, открывая двери своей личной подсобки. Быстро прошла к массивному комоду из темного дерева, и выхватила с верхней полки сверток, кинула его Аие.

— Переодевайся.

— Но... — начала было девушка, но женщина коротко отмахнулась.

— Все вопросы потом, девочка.

Айя кивнула и принялась снимать с себя влажную, дурно пахнущую одежду своего мира.

Быстро натянула легкое серое платье без подъюбника и светлую косынку, обула мягкие ботиночки и сложила свои вещи в протянутый Тойрой мешок, туда же запихнула и сумку с кроссовками. Перекинула его через плечи на манер рюкзака.

Управительница была одета так же.

Одобрительно кивнув, она поспешила прочь, закрыв дверь на ключ. Еще раз оглядев себя и Айю, двинулась к воротам. Там остановилась у груженных мешками и корзинами телег. Из-за одной из них появился взъерошенный и запыхавшийся Шорс, хотел было что-то

сказать снующему вокруг помощнику, да так и замер, уперев ошарашенный взгляд в растерянную Айю.

Девушка, всхлипнув, бросилась на шею застывшему старику. Крепко обняла, вдыхая знакомый запах.

— Привет, деда, — прошептала взволнованно куда-то в лохматую бороду.

Старик только и смог, что крепко прижать чернавку к себе, осторожно погладив по спине. Ласково, по-отечески. Отстранившись, Айя робко улыбнулась.

Вдалеке раздался лихой свист, и ворота впереди стали отворяться. Гвардейцы седлали коней, а слуги, сопровождающие господ в длительном пути, усаживались в телеги.

— Пора, — бодро вымолвил старый конюх, и полез на облучок своей брички, подавая руку Тойре, а затем и Айе. Помощник, светлый и кудрявый паренек, которого девушка раньше никогда не видела, лихо подскочил следом, умащиваясь прямо среди мешков. Старик дернул поводья, громко прикрикнул, и его верная Малинка двинулась вперед, встраиваясь в ровную вереницу экипажей.

За их спинами медленно отдалялась серая громада замка Шаррихасс со стоящим на крыльце Морисом и другими слугами.

Их телега была почти в самом хвосте. Далеко позади красивых карет и вычурных открытых экипажей. Чему Айя была только рада. Но все же как ни старалась отвлечься, а глаза сами искали среди людей и ассуров густую рыжую копну, и хищные зеленые глаза. И не находили.

По обе стороны от телег, вдоль всего длинного ряда расположились вооруженные всадники. Солдаты, охраняющие господина, его гостей и имущество. Самого Нирхасса не было видно.

Айя удобнее примостилась за спинами Шорса и Тойры, и сама не заметила, как вновь погрузилась в тягостные думы. Что будет дальше? Как она снова оказалась в этом месте? И вернется ли снова домой? Что сделает с ней господин? По законам севера беглых ожидал только один исход. И как малыш? Вдруг что-то пойдет не так, а здешние лекари... Да и кто будет помогать обычной прислуги самого нижнего ранга? Что сделает ассур когда узнает? Поверит, что это его частичка теперь растет в ней? Что-то неприятно кольнуло на задворках памяти, и девушка нахмурилась припоминая. А когда вспомнила, испугалась еще больше.

— Это только слухи, Майя. Просто слухи, — прошептала себе под нос девушка, поежившись. Несмотря на приближающийся полдень и палящее в голубой выси солнце, ей вдруг стало зябко.

Думала долго, не замечая на себе пристальных взглядов управительницы. Взвешивала, решала. И наконец пришла к выводу, что о ее положении никто не должен узнать. Ни одна живая душа. Никто. Особенно он. Айя будет скрывать свою искорку ото всех, покуда это будет возможно...

Девушка вздрогнула и резко обернулась, испугалась. Тойра тут же отдернула руку от ее плеча, склонив голову на бок и внимательно заглядывая в растерянное лицо.

— Расскажешь? — тихо спросила она, удобнее устраиваясь.

— Что именно? — уточнила Айя, все еще пребывая в своих невеселых думах.

— Как тебе удалось бежать? Где была? И почему вернулась? Хотя, признаюсь, я немного этому рада. Жизнь в замке стала просто невыносимой, — прошептала виновато управительница, глядя на служанку.

— Почему? — удивилась та, невольно подавшись вперед.

— Наш господин был, мягко говоря, недоволен... — начала было Тойра, но странно усмехнувшись, ее перебил Шорс, заговорив не оборачиваясь.

— Недоволен? Да в него словно разом все бесы тьмы вселились! Он чуть всех слуг не извел. Так лютовал. Господа дорогие ажно заволновались, понять не могли, чего это с самым невозмутимым и рассудительным воином делается. Поразъезжались почти все. А он свои все земли перерыл, на юг служивых отправлял. А оно без толку вышло. Все кругом переворошил, да нюху не хватило...

Айя ошарашено хлопала глазами, уставившись в широкую спину конюха.

Тойра согласно кивнула, разгладила несуществующую складку на платье.

— За все сорок с лишним лет работы в имении Шаррихасс, я за хозяином такого не припоминаю.

— И поделом. Ох! — Старик удивленно повернул голову в сторону пихнувшей его в бок женщины, которая уже смотрела на взволнованную девчонку.

— Может все-таки расскажешь?

Айя неопределенно пожала плечами.

— Я была дома, — тихо прошептала девушка, уперев взгляд в свои колени. И когда конюх набрал в грудь воздуха перед очередным вопросом, быстро затараторила, с мольбой глядя на собеседников, — только не спрашивайте больше ничего. Прошу. Я сама ничего не понимаю и не знаю. Это все... Это... странно. И страшно. Прошу. Не сейчас...

— Не будем, дочка, — тут же спокойно отозвался Шорс.

— Спасибо, — благодарно выдохнула Айя, отворачиваясь к дороге.

Дальше ехали молча, под свистящее похрапывание кудрявого паренька среди мешков, скрип телег и мерный топот множества копыт.

Ближе к обеду остановились у небольшой рощи, притомившиеся господа устраивали привал-пикник. Тойра нацепив на лицо уже знакомое высокомерно-холодное выражение, отправилась следить за слугами, приближенными к дорогим персонам.

Шорс сооружал самокрутку, высыпав на тонкий лист табак из кисета. Айя, прихватив небольшую флягу с водой, спустилась с телеги, размяла затекшие ноги, разглядывая широкий луг с высокой травой и усыпанный дикими, полевыми цветами. Необъятное и яркое, голубое небо, с редкими пушинками спешащих облаков. Виднеющуюся вдалеке тонкую полосу леса.

Открутив тугую крышку, пригубила, наслаждаясь живительной влагой. В желудке неоднозначно заурчало, напоминая о том, что его незадачливая хозяйка не ела уже больше суток. Айя тряхнула головой и сделала еще несколько приличных глотков. А через пару мгновений, всучив флягу сидящему неподалеку пареньку, рванула в ближайшие кусты. Едва успела, согнувшись пополам. Закашлялась, опорожняя и без того пустой желудок. Выпитая вода, покинула тело служанки тем же путем, которым и вошла.

Выпрямилась, вытирая рот и тяжело дыша. Отступила на пару шагов назад и взвизгнула, подпрыгивая на месте. Обернулась, прижимая руку к груди.

— Мать Божья, — произнесла на выдохе и тут же замерла, глядя в пронзительные серые глаза.

Нирхасс возвышался над нею, внимательно рассматривая.

— Тебе плохо? — без тени эмоций спросил ассур.

Айя отрицательно мотнула головой.

— Нет, господин. Просто голодная, — прошептала девушка, под испуганный набат сердца в груди.

Хозяин еще какое-то время молча смотрел на нее, подмечая все детали: загорелую кожу, маленькие золотые колечки в ушах, аккуратный маникюр на руке, прижатой к груди. Непривычно светлые волосы у лица, дрожащие ресницы и опущенный взгляд.

Так же неожиданно, как и появился, господин ушел.

Служанка озадаченно смотрела ему вслед, облегченно выдыхая.

Вернувшись к телеге, снова взялась за флягу и прополоскала рот. Шорс наблюдал за ней, а паренек, который оказался совсем юным и смешливым, грыз яблоко, примостившись у большого колеса. Представился как Адам и предложил сесть рядом. Айя отрицательно мотнула головой, залезая на свое место в телеге. Вскоре вернулась и Тойра, закопошилась в небольшом мешке и водрузила на крышку массивной корзины мягкий хлеб и кусок сыра. Наскоро все порезала и раздала всем нехитрые бутерброды. Служанка благодарно вгрызлась в свежую булку, прикрывая глаза от удовольствия. Шорс тоже прогудел в пышные усы что-то явно одобрителное. Не успели доест, как снова раздался залихватский свист, и колонна двинулась дальше.

Айя жевала свое угощение, созерцая окружающий пейзаж и слушая ненавязчивую болтовню Адама про оседланного им недавно ретивого жеребца. Изредка кивала и что-то вставляла в бурный монолог.

Чуть не подавилась от испуга, когда над ухом раздался бодрый, мужской голос. Подняла голову, рассматривая дюжего всадника в солдатской, темно-синей форме. Тот молча протянул ей небольшой сверток и пришпорил коня, обогнул их телегу и направился вперед. Девушка осторожно развернула грубую ткань с удивлением глядя на большую гроздь винограда теплую лепешку с аккуратно нарезанным копченым мясом.

Тихо выдохнула, игнорируя внимательный взгляд Тойры и повернулась, выглядывая из телеги вперед.

Ассура не было видно.

Поделилась угощением со своими спутниками, которые сначала отнекивались, но потом все же сдались и не без удовольствия проглотили внезапное, щедрое угощение. Особенно довольным выглядел Адам. Даже пальцы несколько раз облизал.

И тут Айя что-то вспомнив, зарылась в своем мешке, а внутри него и в сумке. Зашуршала «морскими» гостинцами и таки выудила на свет нужный ей пакетик. Быстро развернула фантики, пряча от любопытных юношеских глаз, и протянула сладость сначала Адаму, а потом и управительнице с конюхом.

Те удивленно уставились на маленькие, сливочные прямоугольники.

— Попробуйте, это вкусно! — улыбнулась девушка, запихивая конфету в рот.

Их довольные лица нужно было видеть. Айя прыснула от смеха, прикрывая рот ладонью.

— Что это? — спросил Адам, облизывая сладкие губы.

— Коровка со сгущенкой! — гордо заявила служанка. — Мои любимые, конфеты.

— Как коровка? — опешил мальчишка, невинно хлопая глазами.

Айя не выдержала и громко рассмеялась, такое растерянное лицо было у ее нового знакомого.

— Это просто название такое, не волнуйся.

Ближе к вечеру, тракт свернул в лесную чащу, широкие луга и поля остались далеко позади. Дневной зной понемногу отступал, сменяясь приятной вечерней прохладой, а в тени раскидистых, широколиственных деревьев было еще свежее. Умопомрачительно пахло разнотравьем и мхом. И когда яркий солнечный диск окончательно скрылся за высокими кронами леса, было решено остановить обоз на ночлег.

Все вокруг вдруг ожило и пришло в действие. На просторной поляне тут и там раскидывались небольшие шатры, в которых спешно скрывались изнуренные зноем и дорогой дамы и господа. Разжигались костры и стреноживались кони.

Тойра поручила Айе помогать уже не молодой кухарке приготовить ужин для служивых, что сейчас разбивали ставку для господина и его гостей, чистили оружие и поили лошадей, в небольшой речушке, скрытой за деревьями.

Девушка осмотрела сразу два костра, над которыми висели внушительные казаны, и один уже исходил паром от кипящей воды. Повариха же задумчиво изучала предложенные ей для готовки продукты. Недовольно бубнила что-то себе под нос, уперев руки в крутые бока.

Айя подошла ближе и тоже заглянула в корзину. Женщина перевела на нее хмурый взгляд.

— И как они хотят, чтобы я этим накормила две дюжины уставших солдат?! Этот старый прохиндей Кнопс опять зажал у себя мешок-другой припасов, знает ведь гад, что к господину сейчас никто жаловаться не пойдет. Ох и хитрый лис! Жадная лощеная морда! — негодовала кухарка, оглядываясь по сторонам, видимо в поисках той самой морды.

Служанка согласно закивала, совершенно не понимая о каком прохиндее идет речь. Опять заглянула в корзину, изучая ее содержимое и тихо предложила:

— Если позволите, я могла бы помочь.

Женщина окинула присланную помощницу недоверчивым взглядом, явно сомневаясь, что от той будет какой-то толк.

— Опять салаты эти ваши? — спросила, чуть подавшись вперед и сморщив длинный нос. — Так сразу брось эту затею. Мужики тебе не козлы, одну капусту жрать не будут. А ее у нас — сама сейчас копыта отращу и замакаю!

Айя с трудом смогла сдержать смешок, тихо кашлянув.

— Нет, госпожа, не салат, — покачала она головой, — но из того, что есть, можно приготовить довольно сытное и вкусное блюдо.

— Это что за блюдо такое? — заинтересовалась повариха.

— Если позволите, я покажу, — улыбнулась Айя.

Женщина ненадолго задумалась, горестно вздохнула, рассматривая овощи в корзине и порывисто махнула рукой.

— А, Тьма с тобой! Готовь свое блюдо! Чем помогать-то?

И работа у костров закипела. Айя быстро поправив косынку и ополоснув руки в ведре, выхватила из мешка небольшую вязанку ребрышек, промыла и отправила в кипящую воду. Кухарку же, которая представилась, как Илиса, усадила за чистку картошки. Еще одну отправленную Тойрой помощницу, попросила помочь с морковью и луком, а сама занялась прямыми томатами и горой капусты.

Тем вечером гвардейцы Шаррихасса впервые попробовали борщ. Одобрительно кивали, уминая горячее, и просили добавки. Хвалили зардевшуюся Илису и ее помощниц. Женщина честно указала пальцем на «виновницу торжества» и служивые одобрительно заулюлюкали,

выкрикивая грубоватую, неумелую похвалу.

— Ох и выручила ты меня, Айя! — улыбалась повариха, хлопая смущенную девчонку по плечу.

Шорсу и Тойре тоже понравилось.

Когда все насытившись, разбрелись по лагерю, устраиваться ко сну, Айя вернулась к телеге Шорса. Там горел свой небольшой костерок. Адам уже мирно посапывал среди мешков и корзин, закинув ногу на одну из них. Управительница мостилась неподалеку от огня, бросив на траву толстое, походное одеяло. Такое же она вручила и служанке, а старый конюх пыхтел трубкой, удобно устроившись на своем лежаке.

Айя расстелив одеяло, подошла к Тойре и чуть наклонившись, прошептала.

— Я отойду ненадолго к реке.

— Зачем? — всполошилась та.

— Хочу немного освежиться, вспотела вся, да и ночь в том месте...

— С тобой пойти? — спросила женщина, внимательно заглядывая в лицо чернавки.

— Не нужно. Отдыхайте, я быстро.

Тойра только кивнула в ответ, переведя взгляд на поджавшего губы Шорса.

Айя благодарно кивнув, двинулась к краю поляны, где за деревьями была только темнота и едва различимый шелест воды.

Прошла по вытоптанной солдатами и лошадьми тропинке, опасливо озираясь по сторонам. Споткнулась, чуть не свалившись носом вперед и стала внимательней смотреть под ноги. Миновав, поваленное дерево и сладко пахнущий кустарник, девушка вышла на ярко освещенную луной поляну. Подняла голову к усыпанному звездами небу и прикрыв глаза глубоко вдохнула. Здесь было заметно прохладнее, чем в лагере. Приятный ветерок, обдувал лицо Айи, пока она спускалась по маленькому пригорку к воде.

Остановившись у самой кромки, девушка сняла ботинки, и придерживая платье, намочила ноги. Вода на удивление оказалась маняще теплой. И служанка, привстав на носочки, быстро осмотрелась по сторонам. Никого не заметив, шмыгнула к берегу и стянув с себя всю одежду, смело направилась к реке.

Не раздумывая, шагала по илистому дну, а затем и вовсе нырнула с головой, кувыркнувшись под водой. Вынырнула, жадно глотая воздух, который в контрасте с водой казался в разы холоднее. Айя плескалась и ныряла, нежась в легком, теплом течении. Смывала с себя прошедшие дни, стараясь ни о чем не думать...

Иначе начинало ныть и болеть. Сковывать страхом и неизвестностью будущего.

Вдоволь наплескавшись, Айя вышла из воды, зябко поежившись. Выхватила из горки своей одежды косынку, и прямо ею и обтерлась, пританцовывая на мягкой траве. Отжала воду из волос, и нагнулась за бельем...

Девушка не сразу поняла, что произошло, успела только сипло взвизгнуть, вжатая спиной в горячую, напряженную скалу.

Хвоя. Кедр...

Шумный вдох над ее волосами.

И предательское сердце понеслось вскачь.

Ассур оплел ее мощными руками, утыкаясь носом в макушку. Тяжело дышал. Гладил и притискивал покрытое мурашками девичье тело к себе все сильнее, все ближе. Весь горел и вибрировал.

Айя напряглась, ощущая неуместную слабость в ногах и охвативший ее трепет. Внизу

живота тут же томительно отозвалось, запылало, затребовало. Между сведенных ног вдруг стало так горячо и влажно. Стыдно. Нирхасс задышал глубже, прерывистее, как-то отчаянно. Провел большой, чуть шершавой ладонью по лицу девушки, задевая приоткрытые губы... И ниже. Легко сжал шею, приласкал ключицы, невесомо коснулся набухшей груди и скользнул туда, где все пульсировало и сжималось, ожидая его пальцев, рук, всего его. Жестокого, надменного, пугающего, необходимого...

Айя всхлипнула, разводя ноги шире, пряча раскрасневшееся лицо в сгибе его руки, что прижимала девушку к широкой мужской груди, вцепилась в нее еще сильнее.

И протяжно застонала, когда горячие пальцы умело приласкали возбужденную плоть. Несчастную повело, выгнуло, притискивая задом к его бедрам. Прострелило острым удовольствием вдоль позвоночника, скрючивая пальцы на ногах, и заставляя нетерпеливо подаваться вперед, навстречу его чуть резким движениям.

В голове штормило, а в груди выло на все лады. Там плескался дикий восторг и протест, трепет и негодование, ненависть и мучительное принятие.

Айя плавила в руках этого мужчины, психовала, желая большего. Пальцев было катастрофически мало. Ассур чувствовал ее настроение, заводился сильнее, терся внушительным стояком о ягодицы, задевая массивной пряжкой ремня нежную кожу.

Воздух вокруг них будто наэлектризовало, сгустило, сделало тяжелом и вязким.

Нирхасс тихо простонав девушке на ухо, одним ловким движением развернул ее к себе, подхватывая на руки, заставляя обвить его талию ногами. Перехватив служанку удобнее одной рукой под попой, второй зарылся в мокрых волосах. Потянул ее голову на себя, упирая в свой покрытый испариной лоб.

Замер, глядя на Айю из-под густых бровей.

— Не могу больше, — произнес в ее приоткрытые губы, моргнув, — не могу, Айя...

И впервые, там, где властвовал мрачный и серый холод, блеснуло что-то иное. Отчаянное, тоскливое, незнакомое. И глупая девчонка сама потянулась к своему мучителю, оплела руками сильную шею, робко прильнула губами к его рту поцелуем. Осторожным, робким, трепетным. Отстранилась. Но Нирхасс не дал.

Словно одним только этим порывом, Айя перерезала сдерживающие мужчину тормоза...

...дальше были только резкие, беспорядочные, торопливые движения. Горячая кожа в каплях пота, руки и губы везде, болезненное напряжение и мягкая, начинающая покрываться росой трава под испещренной шрамами спиной. Неприкрытые стоны и дикое, почти звериное наслаждение. Айя воспринимала реальность урывками, проваливаясь и отдаваясь неопишуемым ощущениям. Выхватывала из пространства приоткрытые губы с удлинившимися клыками, вертикаль зрачка и пепел в темных волосах. Тянулась к этому всему, прижималась теснее. Ловила губами пальцы с массивным перстнем, царапала перекачивающиеся мышцы на спине асура, выгибалась навстречу. Что-то шептала. Просила. В момент их единения, испугалась, что сейчас отключится, замотала протестующе головой, цепляясь за плечи Нирхасса. И когда он вошел до упора, закричала, кончая и сотрясаясь всем телом в его сильных руках. Господина от этого перетряхнуло, черная вертикаль окончательно поглотила тонкую серую полоску радужки, и утробно рыкнув мужчина сорвался в бешенный ритм, выбивая из груди Айи тихие, протяжные стоны...

И был только шум леса, тихий плеск воды и двое сплетенное воедино, под холодным

СВЕТОМ ЛУНЫ.

Глава пятая

Он не отпускал служанку до самого утра. Утянул в свой шатер, и раз за разом брал там — в душном полумраке, на шкуре какого-то большого серого зверя, жадно глотая каждый стон девушки, не сдерживался сам. Айя потеряла счет времени, забылась, отдаваясь так, как никогда и никому до этого. Как никому до него...

Гладила ставшие пепельными волосы, позволяла острым когтям впиваться в нежную кожу. Принимала его всего, отпустила свои отчаянные, глупые чувства. Показала. Была обнажена перед ним не только телом, но и истерзанной душой.

Плакала, не справляясь с захлестнувшими ее эмоциями, теснее прижимаясь к большому и сильному мужчине. Ассур это чувствовал, терялся, кутал ее в своих объятиях сцеловывая с ресниц соленые капли. Замирал, внимательно заглядывал в глаза девчонке, будто не понимал, не верил. И снова покрывал лихорадочными поцелуями ее влажную кожу. Был до неправильного нежным, что Аей даже не верилось. Гладил ее, целовал каждый оставленный им же шрам, ласкал каждый ее пальчик...

— Где ты была? — тихо спрашивал у распластанной под ним девушки Нирхасс. — Где, Айя?

— Дома, господин, — отвечала она, шире разводя ноги под ним, запрокидывая голову, подставляя ему шею, с бешено пульсирующей венкой.

— Где твой дом? — на выдохе, резко входя в нее, заглядывая в покрасневшее лицо, спрашивал ассур.

Девушка только выстанывала в ответ, прижимаясь к нему сильнее, теснее, словно стремилась срастись с ним в одно целое. Единое.

— Где, Айя? Где девочка? Скажи мне, где? — шептал ей в висок, тут же оставляя влажный след от поцелуя.

— Далеко. Очень далеко, господи-и-и-ин... Ммммм...

Были еще какие-то вопросы и бессвязные, спутанные ответы, которые Айя не запомнила...

И снова плакала, целовала его ненавистное лицо, путалась пальцами в жестких волосах, просила еще. И еще. Заглядывала умоляюще в серое с черным, непривычное — теплое. Горячее. Принадлежащее в те минуты только ей. Ей одной.

Целовала его шею, покрытую темными волосками мощную грудь, напряженно сокращающиеся мышцы пресса. Обхватывала губами его естество, терпко пахнущее ею. Их соитием. Жадно впитывала его шумные вдохи и вырывающиеся тихие стоны. Помогала себе рукой, получала какое-то особенное удовольствие, видя, как хорошо Нирхассу. Заводилась еще сильнее. Послушно проглотила все, не выпуская его член изо рта. Прикрывая глаза, сжимая его напрягшуюся ногу.

Сдавленно вскрикнула, когда он снова опрокинул ее на спину, впился болезненным поцелуем в ее губы. Заметалась по влажной шкуре, когда его губы сомкнулись на напряженном соске, чуть его прикусывая. Оставили влажную дорожку на животе... Ассур замер там, приносиваясь, припадая щекой нежной коже.

— Теперь ты пахнешь только мною...

Айя выгнулась дугой, вцепившись в пепел волос, когда его язык коснулся ее там. Заметалась, приподнимая бедра навстречу. Девушке даже казалось, что она может умереть

прямо там — в пропитанном их страстью шатре, не в силах совладать со своими эмоциями и захлестнувшими ее чувствами.

— Нирхасс... О... Боже!.. Нир...

Кончала, хватаясь за него, тянула за волосы и до крови прикусывая свои пальцы.

— Тише! Мы разбудим весь лагерь, — шептал ассур, притягивая к себе все еще вздрагивающую девушку.

Он уснул ближе к рассвету. Айя долго смотрела в его лицо, впервые видя господина спящим. Нирхасс был непривычным. Все строгие и напряженные заломы разгладились, лицо его было спокойным и безмятежным. Расслабленным. Чуть приоткрытые губы делали его каким-то невинным, беззащитным. Другим. Служанка убрала с его лба выбившуюся, снова темную прядь. Потянулась вперед и коснулась губами его губ. Мужчина дернулся во сне, теснее притягивая ее к себе и шумно вдыхая.

Но время шло и Айя, осторожно и неохотно выбралась из его теплых объятий. Ассур вздрогнул, но не проснулся. Девушка осмотрелась по сторонам, и заметив нужное, подтянула к себе большое покрывало, расправила и укрыла им мужчину. Поднялась, разыскивая в полумраке свои вещи. Быстро натянула платье и поспешила прочь.

Подняв тяжелый полог шатра, шагнула в прохладное раннее утро. Гвардеец, стоящий рядом встрепенулась и с удивлением уставился на раскрасневшуюся Айю, что завязывала на затылке косынку. В растерянности захлопал ресницами. Девушка, вспыхнув, попятилась в сторону, и развернувшись рванула к постюю Шорса.

Старик и Тойра уже не спали, грели на костре воду в небольшом котелке. Увидев Айю спешащую к ним, управительница обеспокоенно поднялась, окидывая девушку цепком взглядом. От которого не скрылись ни странная, тягучая походка, ни припухшие губы, ни встрепанные волосы, торчащие в стороны из-под наспех завязанной косынки.

— Ты в порядке? — спросила женщина, едва Айя подошла к ней.

— Да, — кивнула девушка, — простите, я должна была...

Тойра не дала ей закончить, подняв руку и кивнув на костер.

— Отвар чабреца будешь?

Служанка благодарно кивнула, слабо улыбнувшись.

День выдался пасмурным. Еще утром за холмами восходил яркий диск солнца, обещая адскую, беспощадную жару, а уже к обеду, ветер с северных гор пригнал серые тучи, что быстро заполонили голубое пространство сырым и низким, готовым в любую минуту разразиться проливным дождем. Тут и там вспыхивали яркие и кривые ветви молний, громыхало.

Айя дремала в телеге, под мерный скрип колес.

Проснувшийся среди мешков Адам осоловело озирался по сторонам, и когда его взгляд упал на Айю, парнишка отчего-то тут же покраснел до самых кончиков ушей и поспешил отвернуться. Служанка удивленно вскинула брови и обернулся к Тойре.

— Чего это он? — спросила она, кивая на помощника конюха.

Женщина, бросив мимолетный взгляд на паренька, тихо ответила.

— Ты вчера долго не приходила, и мы отправили Адама на берег, проверить в чем дело. Вернулся назад он быстро, пробурчал что «все у нее прекрасно», и завалился на телегу. Сказал, чтобы в следующий раз мы шли сами проверять как ты.

Теперь уже покраснела Айя, отворачивая горящее лицо к лесной чаще. Представляя, что

мог увидеть у реки Адам. Воспоминания о прошлой ночи отдались томительным жаром внизу живота, вызвав табуны мурашек. Девушка передернула плечами, сбрасывая наваждение. Уставилась на деревья и кустарники, и со временем будто бы снова задремала, приткнувшись головой к большой плетеной корзине.

Встрепенулась, услышав рядом какую-то возню. Скакавший рядом гвардеец притормозил, опуская голову в приветственном поклоне и пропуская к телеге другого всадника. Айя подняла сонные глаза, встречаясь взглядом с ассуром. Сон как рукой сняло, девушка вся подобралась, оглядываясь на своих спутников, которые старательно делали вид, что их там совсем не было. Адам так вообще, покраснел как помидор, и свесился с телеги в противоположной стороне, шепча что-то себе под нос.

Айя снова подняла глаза ни лицо Нирхасса. Оно было привычно холодным и отстраненным. Глаза бесстрастные и пугающие.

— Все хорошо? — вдруг спросил он, поравнявшись с телегой и внимательно заглядывая в глаза девушки.

Айя молча кивнула, борясь с трепетом внутри. Перед глазами одна за другой всплывали картины прошедшей ночи. Вновь тугим узлом внизу живота скручивалось неконтролируемое возбуждение. Служанка, борясь с ощущениями выдохнула, тряхнув головой.

Ассур шумно втянул носом воздух, вздрагивая.

Айя с удивлением на него уставилась. Но мужчина, быстро совладав с собой, чуть наклонился вперед, протягивая девушке небольшой сверток. Она взволнованно протянула руки, принимая его. Рука господина уверенно обхватила ее пальцы. Всего на мгновение, но Айя вздрогнула, словно прошиваемая мелкими разрядами электричества, понимая, что это было намеренно...

Широко распахнула глаза, посмотрела на своего господина. Нирхасс был все так же невозмутим.

— Я тебя найду, — коротко шепнул служанке, и перевел взгляд, на выпрямившую спину Тойру.

— Глаз с нее не спускать!

Управительница коротко кивнула своему повелителю.

Господин бросил мимолетный взгляд на растерянную Айю и пришпорил коня, помчавшись вперед.

Девушка аккуратно развернула сверток, заморожено глядя на огромный бутерброд с мясом, большое яблоко и цветок белой астры. *

Тойра только тяжело вздохнула, взволнованно глядя на молчаливого Шорса.

К вечеру обоз достиг замка правителя, который окружал небольшой, но красивый город. Видно было, что жители здесь находились в полном достатке. Большие каменные дома с ухоженными садами, мощные улочки и длинные торговые ряды. Местные все были как один красивы и надменны. Ассуры, догадалась Айя, озираясь по сторонам.

Замок Правящего Дома был во много раз больше имения Шаррихас. Мощный и хищный он возвышался над городом, вспарывая низкие тучи острыми шпилями башен. Скрывался за высоким каменным забором, тянулся пристройками далеко к темному лесу.

Прибывших гостей вышли встречать слуги и сам Повелитель. Айя издалека наблюдала, как высокий, рыжебородый мужчина в дорогом костюме, порывисто обнимал напряженного Нирхасса, и целовал руки выходящих из карет дам. Приветливо улыбался и кивал. А потом

обернулась к высоким дверям и поманил кого-то рукой. Айя проследила за его движением. Из темноты колонны выпорхнула огненная Ширрин в ярком голубом платье, ловко сбежала вниз по каменным ступеням и не обращая внимания на окружающих, горячо прильнула к Нирхассу. Мужчина осторожно обвил ее руками. Айя вытянувшись в полный рост на телеге перестала дышать. Сжала в руке тонкий стебель цветка. Сердце в груди, казалось, совсем перестало биться, предательски замерев. И понеслось вскачь, когда ассур, подхватив свою невесту на руки, поторопился вверх по лестнице, скрываясь в замке.

Айя глупо захлопала влажными ресницами, чуть пошатнувшись. Несчастную словно накрыло волной боли, не давая вдохнуть. Айя вся сжалась. Сбоку вдруг как-то вдруг оказался не по-мальчишески серьезный Адам. Придержал бледную девушку, помогая спуститься с телеги.

— Не показывай им, много чести, — заявил уверенно, прожигая Айю пронзительностью далеко не юношеских глаз.

Служанка тряхнула головой, борясь с нахлынувшими чувствами. С болью. С горячечной, всепоглощающей ревностью. И разочарованием. Слабо улыбнулась пареньку, и бросив астру в свое мешок, решительно принялась стягивать с брички поклажу, игнорируя встревоженные взгляды своих спутников. Передавала мешки подоспевшим лакеям повелителя. Странно, как-то болезненно улыбаясь.

А когда телеги были разгружены, слуг и гвардейцев дома Шаррихасс, повели по широкой дороге мимо замка, за небольшой пролесок, через внутренний двор, к самым дальним пристройкам. Показали, где те могут расположиться и удалились, брезгливо оглядываясь.

Айя заняла маленькое помещение, почти в самом конце пристройки. Узкое и тесное, зато с окном и отдельным выходом, что вел напрямик в сад, со множеством поникших ив и заросшим прудиком. В самой комнатке была только кровать с соломенной периной и вешалка. Двоим людям в ней было бы уже тесно. Тойра выбрала покои аккурат за стеной — выполняла наказ господина, не спускать глаз. Айя горько усмехнулась, присаживаясь на край кровати. За окном уже давно была глубокая ночь, а девушка так и не смогла понять, куда выпали несколько часов ее жизни. За стеклом громынуло и распорол темное небо надвое яркой вспышкой молнии. Служанка устало упала на матрас, уставившись стеклянным взглядом в серый потолок. Отвернулась, приложив руку к животу. Погладила, сжавшись и болезненно выдохнув.

Перед глазами то и дело вставали образы, отзывающиеся черной тоской в груди. Айя гадала, чем сейчас занимается ее господин? И почему-то в голову приходили только пылкие объятия и стоны принцессы Ширрин, горящие серые глаза и поцелуи на ее оливкового цвета коже.

Зло пнула ногой стену и перевернулась на другой бок.

Сама не заметила, как уснула...

А весь следующий день прошел в подготовке к праздничному вечеру, фестивалю цветов Наймаи. От слуг господина толком ничего не требовалось. Всем занимались подчиненные Правящего Дома. Радостной новостью для всех стало, что и для них — самых низших, тоже будет праздник. Из дворца принесли несколько корзин с украшениями и продуктами. Тойра поручила Айе с другими девчонками украшать цветами и фонариками небольшое, крытое возвышение в заброшенном саду. Кухарки воодушевленно трудились на старой, давно

забытой кухне. Готовили с душой — для себя, для своих. Гвардейцы наскоро сколачивали длинный стол из старых досок, приносили откуда-то длинные лавки, расставляли все возле украшенного девчонками помоста у пруда.

И ближе к вечеру, когда в замке зажглись огни и заиграла музыка, Тойра распустила всех переодеваться к празднеству. Айя наскоро ополоснувшись в общей купальне, поспешила к себе в комнату. Удрученно уставилась на серое, пыльное от дороги платье. Уже было плюнула на все и решила остаться и никуда не ходить, все равно настроение не располагало к веселью. Все ее мысли были там — за искусными дверями замка, где сейчас находился ее желанный мучитель.

Но вдруг вспомнив, встрепенулась, быстро закопошившись в мешке, а там и в сумке. Выудила на свет целлофановый пакет с белой тканью. Раскрыла, вытягивая на свет легкий сарафан в пол, с легким кружевом по подолу и на широких рукавах. Подарок мамы...

В груди неприятно защемило тоской.

Айя постаралась отогнать от себя все мысли, натягивая невесомую ткань на еще влажную кожу. Разгладила примятые складки, поправляя ткань у открытых плеч. Снова полезла в сумку, достала «походную» косметичку. Раскрыв пудру с зеркальцем и внимательно глядя на себя, подвела черным карандашом веки, прихватила ресницы тушь. Провела по губам матовой помадой и причесалась, взбив еще влажные волосы.

В ее комнату заглянула Тойра, хотела что-то сказать, да так и зависла с открытым ртом, глядя на непривычную для нее Айю. Другую. Чужую.

Молча протянула ей венок из полевых цветов. Девушка уставилась на него и отрицательно мотнула головой. Бережно достала из мешка почти увядшую астру и вплела в волосы сбоку, закрепив невидимкой. И как была — босая, направилась вслед за задумчивой управительницей.

В импровизированной беседке уже было довольно много народу. Служивые сидели за сооруженным ими же столом, одобрительно оглядываясь вокруг. В вечернем, пасмурном полумраке огни горели еще ярче, гирлянды из цветов смотрелись загадочней в пляшущем свете свечей на помосте. Сказочно, волшебю.

Девушки служанки были нарядными, яркими, веселыми. Весело хохотали над шутками гвардейцев, расставляя на столе нехитрые угощения и переданный щедрым хозяином боценок с вином. Из дворца даже выделили двух невозмутимых музыкантов, что скрашивали вечер легкой, ненавязчивой мелодией.

Айя прошла за Тойрой ко всем, робко улыбаясь открывшему рот Адаму и кашлянувшему в усы Шорсу. Старик по случаю праздника, надел свою единственную нарядную рубашу темно-синего цвета, с серебристой вышивкой.

Девушка, того не желая выделялась среди всех, как робкий белый огонек в пестром, разноголосом цветнике. Опустилась на скамейку рядом с помощником конюха. Юноша весь подобрался, выпятив вперед тщедушную грудь. Айя не сдержала легко смешка, потрепав Адама по мягким волосам. Не успела опомниться, как, с другой стороны, приземлился пушаций весельем гвардеец. Служанка подняла на него растерянный взгляд, различая знакомые черты.

— Ну, здравствуй, красавица! — улыбнулся совсем еще молодой, голубоглазый, смутно знакомый парень.

Айя чуть склонила голову на бок, вспоминая.

— Румир?! — воскликнула, искренне обрадовавшись.

— Он самый! — довольно закивал солдат.

— Вот это да! А я тебя и не заметила в пути. Как ты? — Спросила Айя подавшись вперед.

— Твоими стараниями, красавица! Отделался легким испугом и шрамом, — Румир наклонился чуть ближе, приподнимая каштановые волосы и открывая лоб с кривым, рваным рубцом.

— Ох! — выдохнула Айя.

— Это у тебя ох, а у меня так — ерундовина, — кивнул он на плечи девушки, которые украшали широкие, розоватые борозды шрамов.

Айя опустила взгляд на стол, прикрывшись волосами.

Кто-то протянул ей кружку с вином. Девушка хотела отказаться, но передумала, принимая напиток. Под общий тост о процветании Севера, как всех лучших цветов страны, немного пригубила крепленную жидкость и отставила кружку в сторону. Это не скрылось от вездесущего взгляда Тойры.

А дальше было веселое застолье и лихие танцы. Все вокруг веселились, пили и пели. Плясали. Только Майя никак не могла отвлечься от гнетущих мыслей и тягостных чувств. Она то и дело бросала тоскливые взгляды на замок, на свет в стрельчатых окнах и фонарики, что в честь праздника были запущены в низкое, предгрозовое небо с господского двора.

Пока подскочивший со спины Адам не увлек ее за собой на помост, вовлекая в смешной и нелепый танец. Невольно Айя рассмеялась, глядя на его залихватские движения и шутовские гримасы. Заставляя себя поддаться музыке и всеобщему веселью. И через какое-то время у нее даже получилось. Откинув волосы и прикрыв глаза, девушка кружилась по импровизированной сцене, в свете фонариков и свечей. Придерживала сарафан, притопывая босой ножкой, виляла бедрами. Изгибалась, запускала руки в волосы, плавно раскачиваясь. То и дело поглаживала завядший цветок и танцевала все упоительнее, самозабвенней. Будто бы вокруг не было никого, ни единой души, будто бы на помосте среди цветов была только она одна! Она, музыка и болезненное отчаяние. Сопровождаемое яркими вспышками молний под раскатистый аккомпанемент грома. Кружилась, пока не оказалась в крепких, горячих руках.

Кедр...

Айя тут же распахнула глаза, остановилась, испуганно глядя в спокойное лицо асура. Все присутствующие на празднике замерли, только музыканты исправно выполняли свою работу, продолжая выводить красивую, вторящую грому композицию. Сердце Айи в ту же секунду рвануло в бешеный галоп, из груди вырвался предательский, свистящий выдох. Затрепыхалось.

Нирхасс молча положил широкую ладонь на талию вздрогнувшей девушки, притянул ближе. Поймал ее руку, и сжав маленькую ладошку в своей, уверенно двинулся вперед. Айя быстро переступила босыми ногами, не веря в происходящее. А господин уже повел ее в сторону, вовлекая в танец. Закружил по помосту, проплывая между ошарашенных слуг. Смотрел в удивленные карие глаза, непривычно яркие из-за черного карандаша. На остатки цветка в ее волосах, на лихорадочно вздымающуюся грудь, на шрамы, обнимающие хрупкие плечи.

А слуги вокруг пораженно молчали, глядя как их суровый господин, военачальник армий севера, жестокий асур ведет в танце свою рабыню, прижимая к себе тесно и властно.

Осторожно. Не сводя с нее жадного взгляда.

После очередной вспышки молнии, небо наконец разверзлось, упали первые робкие капли, за секунды превращаясь в самый настоящий ливень.

После короткого приказа Тойры, все всполошились и поспешно двинулись к пристройке, хватая со стола все, что можно было унести, прикрывая от льющейся с неба воды.

Нирхасс притянув Айю теснее, поцеловал в лоб и удобнее перехватив за руку, двинулся в противоположную от замка и его корпусов сторону. Быстро провел по узкой, едва заметной тропинке мимо пруда, выше к лесу, где за деревьями притаилась маленькая сторожка. Дернул тяжелую дверь, втягивая за собой промокшую насквозь чернавку.

Девушку потряхивало от холода и накрывших ее эмоций.

Дверь с глухим стуком захлопнулась, отрезая их от пелены дождя и всего мира, что жил за пределами маленького, покосившегося домишки, скрытого лесом.

Больше не сдерживаясь, господин крутанул девушку перед собой, впечатывая спиной в стену и припадая к ее губам. С его волос капало, стекало по щекам служанки, заставляя вздрагивать.

— Айя...

Астра (белая) — «Я люблю тебя больше, чем ты меня!», «Скажи, что любишь, еще раз», «Не могу думать ни о чем, кроме тебя...».*

В книге подразумевается третий вариант толкования.

Глава шестая

Изысканные королевские покои были слабо освещены робкими, пляшущими огоньками свечей на массивном подсвечнике. Помещение утопало в приятном, мерцающем полумраке. Женщина сидела у зеркала, проводя по густым волосам искусным гребнем, медленно перебирала каждую прядь. Огненная копна блестела золотом, отражаясь в высоком зеркале. Принцесса Ширрин неприкрыто собой любовалась, самодовольно улыбаясь, осознавая, насколько красива. Ей нравилась собственная стать, горделивая и властная. Хищная. Нравился лукавый блеск зелени в обрамлении длинных, густых ресниц. Нравилась чувственность пухлых губ, что так и манили. Призывали к поцелуям, были созданы для них.

В покои тихо прошмыгнула верная и преданная горничная, приставленная к Ее Высочеству много лет назад. Низко склонив голову, девушка невесомо преодолела разделявшее их с госпожой расстояние, и присела в почтительном реверансе. Робко склонилась к уху Ширрин, что-то быстро зашептав. На лице принцессы не дрогнул ни один мускул, оставаясь вальяжно-самодовольным. Только вспыхнули опасным блеском красивые глаза и жалобно треснул в тонких пальцах дорогой гребень, осыпаясь на белоснежный ковер серебристыми, жалкими осколками...

Они уже больше двух недель находились в имении Правящего Дома. Слуги Шаррихасса все эти дни слонялись без дела в отведенной им пристройке. Гвардейцы, воспользовавшись затишьем, ежедневно тренировались у пруда, то и дело сходясь в завораживающих спаррингах. Адам с восторженным блеском в глазах наблюдал за их отточенными, уверенными движениями, сидя на толстой ветке мощного дуба. Мечтал, что однажды и он непременно вступит в армию господина и станет таким же сильным и ловким воином. Непобедимым. Айя иногда составляла ему компанию на странном «насесте». Правда мысли ее были далеки от гвардейцев, она с тоской смотрела в сторону величественного замка, заталкивая поглубже свои глупые чувства. После ночи праздника Наймаи ассур больше не приходил. Не присылал и весточки. Растворился за толстыми стенами дворца, живя другой жизнью. Недоступной для таких, как она. Своей собственной, где глупой служанке места не было.

Айя боролась с собой как могла. Старательно давила на лице улыбки и учувствовала во всех разговорах и посиделках. Часто пропадала на кухнях, готовя свое «странное» блюдо, так понравившееся всем вокруг, особенно солдатам. Гуляла по зарастающим лесным тропкам, старательно отводя взгляд от покосившейся под неумолимым временем сторожки.

Оставаясь одна, вдали от посторонних глаз, с бесконечной любовью гладила свой живот. Пытаясь ощутить в нем трепет жизни. Согревала. Иногда даже напевала какие-то детские песенки из любимых советских мультфильмов. Берегла свою искорку. Девушку все чаще окутывало непередаваемой нежностью, а сердце предательски замирало от осознания, что в ней теплилась именно его частичка.

Совсем скоро ее положение будет сложно скрывать...

— Глупая! Глупая мама, тебе досталась, моя искорка, — шептала, Айя, сидя в высокой траве на освещенной утренними лучами солнца поляне.

Почему-то девушке казалось, что там — внутри нее девочка. Красивая, хрупкая, сероглазая. Так похожая на него...

— Тебя надо беречь, — раз за разом шептала служанка, — нельзя чтобы о тебе узнали. Ты только моя. Мама тебя защитит. Ни о чем не волнуйся, крошка.

Давила в себе слезы, запрещала плакать.

А чего она, собственно говоря, ожидала? Что ассур внезапно вспыхнет к ней чувствами? Перестанет быть жестоким и равнодушным? Задвинет свои интересы и интересы народа в угоду внезапной похоти? Наваждения? Да еще и к кому, к простой чернавке? Низшей из всех возможных слуг? Да с чего она вообще взяла, что значит для него хоть что-то? Из-за мелких подачек? Жарких ночей и чего-то мучительно-сладкого в глубине невозможных, серых глаз? Это для нее, для Айи жизнь кувырком, наизнанку, и вся душа в ключья...

Но не для него.

И тут же другие, мучительные, полные безрассудной надежды мысли... Не мог равнодушный мужчина с таким трепетом брать ее! Так упоительно целовать, дарить граничащее с болью наслаждение! Так смотреть! Так касаться ее тела, заглядывать, кажется, в самое ее глупое, безрассудное сердце...

И снова: а не придумала ли она себе все это?

И так по кругу, гоня в голове ворох терзающих, противоречивых мыслей, что раздирали ее, скребли черными кошками на душе. И только сокрытая ото всех искорка — их общая, удерживала Айю на плаву.

Вздвогнув, тихо поднимаясь и одергивая платье, служанка побрела обратно к корпусу. Смахивая слезы и лепя на лицо невозмутимость. В этот раз она забрела дальше обычного в лес. Погруженная в себя, даже не заметила, как далеко зашла.

И только тихо вскрикнула, ощутив резкий порыв ветра в считанных миллиметрах от своего лица, взметнувший легкую прядь волос перед глазами девушки. За спиной Айи упала с дерева какая-то крупная птица, пораженная смертоносной стрелой. В звенящей тишине послышался лай собак и топот копыт. А через мгновение поляну заполнила свора гончих псов, окруживших несчастную служанку плотным, мельтешащее-рычащем кольцом. За ними из тени деревьев появились всадники, во главе с принцессой Ширрин, что держала в руке изящный лук. Айя испуганно замерла, прижав руки к вздымающейся груди. Огненная красotka окинула ее презрительно-насмешливым взглядом, высоко задирая точенный подбородок и натягивая поводья.

— Вы только посмотрите какую дичь я чуть не подстрелила, — воскликнула женщина, привлекая внимание своих спутников.

Айя метнула на нее неприязненный взгляд, но тут же перевела его на остальных, одобрительно посмеивающихся наездников в охотничьих, удобных костюмах. Безошибочно среди всех нашла высокую, широкоплечую фигуру. Нирхасс невозмутимо взирал на нее, останавливая своего жеребца рядом с принцессой. Лицо его было безучастным, привычно холодным. Сердце в груди Айи болезненно пропустило удар, стало как-то горько и тошно.

Громко пискнула, когда одна из собак, клацнув зубами, прихватила подол ее платья, с силой потянув на себя, трясая из стороны в сторону, скалящейся, слюнявой мордой. К вожаку тут же начали присоединятся другие, раззадоренные охотой псы, цепляясь к трещащей под их зубами ткани. Злобно рыча и поскуливая, тащили ее в разные стороны, норовя подобраться к незащищенному телу. Айя завизжала, оглядываясь по сторонам. Страх захлестнул, приковав несчастную к месту. Служанка метнула полный отчаяния взгляд на своего господина, который оставаясь таким же равнодушным, приподнял лук, готовясь

натянуть тетиву.

— О! — воскликнула, смеясь Ее Величество. — Надо помочь бедняжке!

И, прежде чем Айя успела хоть что-то понять, пространство рядом с ней разорвал уже знакомый хлесткий свист. Псы бросились врассыпную, а чернавка, прикрывая голову руками, рухнула на колени, вся сжимаясь. Девушку затрясло крупной дрожью, перед глазами вспыхнул зимний, снежный вечер, пропитанный смертью, кровью лошадей и ее собственной. Отдаваясь ноющей болью в каждом шраме на спине. Айя была в ужасе.

А следующий удар распорол нежную кожу рук, что прикрывали свою незадачливую хозяйку, вгрызся в пальцы, полоснув до самых костей. Девушка взвыла, подтягивая к их груди. На серое платье брызнуло алым, густым. Следующий удар приласкал бедро Айи, выбив из нее очередной истощный вопль.

— Ширрин, — через шум в ушах и пелену боли перед глазами расслышала служанка, ровный голос своего господина.

— Ах! Прости дорогой, я сегодня такая неловкая, — преувеличенно сокрушенно произнесла принцесса, — но ведь цель достигнута, гончие ее отпустили!

И ловко спрыгнула с лошади, отбрасывая в сторону хлыст. Нирхасс тоже спешил, помогая своей невесте, бережно принимая ее тонкую ручку в свою, легко касаясь губами. А Ширрин вдруг вся подалась вперед, прильнула к могучей груди асура и привстав на носочки, вовлекла его в какой-то дикий, собственнический поцелуй, не обращая внимания на окружающих важных господ. Хозяин обвил ее гордый стан руками, чуть склоняясь.

У Айи горячее текло по рукам, бежало к локтям, падало на платье, раскрашивало сочную зелень травы у коленей. По лицу тоже текло. Жгучее, нестерпимое, горькое. Пахло металлом и погубленными надеждами.

А принцесса, неохотно отстранившись от выпрямившегося Нирхасса, вдруг вспомнила:

— Дичь!

И ловко развернувшись, прошелестела невесомыми шагами мимо Айи, поднимая из травы подстреленную птицу. Свора послушна вилась у ее ног. Женщина пошла обратно, но замерев за спиной, трясущейся всем телом служанки, вдруг присела.

— Надо же, — прозвенел ее веселый голосок совсем рядом, — а Марин ее так долго разыскивала!

Ширрин, поднявшись, продемонстрировала собравшимся массивную, золотую брошь.

— А ты оказывается не чиста на руку! Да еще и глупа настолько, чтобы красть у МОИХ друзей!

Айя ошарашенно замерла, отрицательно мотнула головой.

— Что? Нет! — всполошилась несчастная, поднимаясь на непослушные ноги. Айя знала, что бывало с теми, кто воровал у своих хозяев.

Ассур чуть резче, чем ему того хотелось, подошел к чернавке, внимательно глядя на украшение в руке рыжеволосой красавицы за ее спиной. Перевел серую сталь глаз на перепуганную Айю.

— Господин, я этого не делала! — бросила полный мольбы взгляд на Нирхасса, жалея свои горевшие огнем и истекающие кровью руки. — Я ничего не брала, она врет! Она все вре...

Удар был хлестким — наотмашь. Голова девушки дернулась, запрокидываясь назад и в сторону. Щеку обожгло болью, из лопнувшей губы хлынуло на подбородок, заструилось по щеке. Айя едва устояла на ногах, оглушенная пощечиной.

И лопнуло не только на лице. В груди тоже взорвалось. Посылая лучи боли в каждую клеточку ее существа. Медленно, очень медленно Айя поворачивала голову обратно к своему господину. И с каждой секундой, все то хрупкое и трепетное, что в ней было, незримо рушилось, осыпаясь жалкими осколками, высвобождая звенящую, почти осязаемую пустоту. Рефлекторно коснулась горячей щеки окровавленными пальцами, словно не веря, что это ее собственное лицо. Подняла свою черную пустоту в обрамлении мокрых, слипшихся ресниц на асура. Айя не знала, что мужчина увидела в ее глазах, но его брови хмуро сошлись к переносице, а серый лед дрогнул. Пошел трещинами. Но лишь на мгновение.

— Тупая, жалкая девка. Неблагодарная дешевка, — выплюнула за спиной не сумевшая совладать с собой Ширрин.

Айя дернулась будто бы от очередной пощечины. Пошатнулась.

— Пошла прочь! — выдавил из себя Нирхасс, чуть севшим голосом.

И Айя пошла. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, срываясь в неуверенный бег.

— Твоя милость воистину достойна восхищения, мой дорогой Нир, — разочарованно протянула принцесса, глядя в спину удаляющейся сопернице.

А служанка все неслась и неслась вперед, игнорируя боль. Глаза застилала предательская влага, деревья беспорядочно мельтешили перед ее глазами, сливаясь в размытую кляксу. На пригорке у самого пруда, споткнулась о корни старого дуба и не удержав равновесия, рухнула на колени, выставляя перед собой руки. Рваные раны тут же отозвались нестерпимой болью, вызвав истошный вскрик, на который тут же обернулись тренирующиеся неподалеку гвардейцы. Застыли, опустив оружие, всматриваясь в поднимающуюся, залитую кровью фигурку. Кто-то двинулся ей навстречу. Но Айя попятившись, рванула прочь, по едва заметной тропинке. Вверх, выше. К самому покосившемуся домику. Ворвалась в затхлую темноту. Дернула тяжелую дверь, не без труда, потянула засов, отрезая себя от внешнего мира. От стены потащила жалобно скрипнувший, массивный деревянный стол. Наваливаясь всем своим весом, подтолкнула к двери.

Выстроила хилые баррикады.

И воя, как побитая собака, забилась в дальний, темный угол.

Дрожащими руками развязала грязный фартук, прижимая к ранам, но кровь продолжала густо выталкиваться из ее плоти, заполняя маленькую комнатку тошнотворным запахом ее боли. И Айю рвало на каменный пол непереваренным завтраком, отчаяньем и жалкими, не пришедшимся ко двору чувствами. Разочарованием. Огонь от бедра и пальцев расползлся по всему телу, даря несчастной нестерпимые муки.

Что-то не так...

— Не так, — прошептала Айя, откидываясь обратно к стене.

В дверь кто-то бился, рвал ее на себя, что-то кричали. Но девушка не слышала, звуки утопали в нестерпимом гуле в ушах. А боль завязывала внутренности тугим узлом.

— Идите прочь! Все идете прочь! Оставьте меня! — выкрикнула что есть мочи и прикрыла глаза, проваливаясь в вязкую, холодную темноту.

Иногда она возвращалась в реальность, ощущая все то же нестерпимое жжение и бьющий ее озноб. И снова теряла сознание.

Но и там не находила покоя. Кричала, бесконечно падая в бездонную пропасть с целующими ее языками пламени. И когда казалось, что твердое спасительное дно уже совсем рядом, выныривала в пустоту сторожки. Шептала, сжимая руки на животе, окутанная

диким страхом.

— Моя искорка. Мой бедный огонек. Не оставляй меня. Не оставляй! Только не ты...

И снова огненная пропасть.

Открыла глаза в крошечной темноте, потревоженная страшным грохотом. Дверь слетела с петель, а стол жалобно скрипнув, был впечатан в стену. На пороге возник шумно дышащий ассур. За его спиной, в вечернем мраке, мельтешил взволнованный Шорс и невозмутимая Тойра.

Нирхасс рванул к служанке, опускаясь рядом на колени.

Айя отрицательно замотала головой, отползая в сторону, бросая на него полные болезненной ненависти взгляды.

— Нет-нет-нет! Не подходи! — кричала распухшими губами с запекшейся кровью в уголке.

Но мужчина не слушал, ухватил ее руки, с все еще выступающей кровью.

— Почему так много крови? — зашептал себе под нос, встревоженно глядя на бледное девичье лицо. — Тойра!

Догадался. Управительница тоже.

Женщина, коротко кивнув, скрылась в темноте.

— Пусти! Пусти! — Айя засучила ногами, пытаясь оттолкнуться от своего мучителя. дергала назад свои руки, обливаясь слезами от боли.

Нирхасс не реагировал, осторожно, подтянул девушку, вжал в себя — туда, где заходило в бешеном галопе его сердце.

— Тише, Айя, тише, — перехватывая удобнее, прижимая к себе спиной сопротивляющуюся служанку, — позволь помочь тебе. Позволь, девочка...

Зарылся носом в ее волосах. Зло глядя на дверной проем. Когда там наконец появилась запыхавшаяся управительница с темной склянкой в руках и свежими полотенцами, облегченно выдохнул.

— Долго, — недовольно рыкнул в макушку Айе.

— Простите господин, — опускаясь перед ними на колени, произнесла Тойра, жестом подзывая к себе Шорса. За его спиной маячил светлым лучиком Адам.

Бледный старик взял протянутые полотенца, а Нирхас перехватив руки Айи за запястья вытянул их вперед, ранами вверх. Управительница с тихим чпоком откупорила небольшой бутылек и не глядя на извивающуюся девушку, тихо прошептала:

— Держите крепче.

И едва прозрачная жидкость коснулась открытых борозд плоти, как Айя взвыла не своим голосом, сотрясаясь всем телом в руках господина. Боль, которой девушка никогда прежде не испытывала, пронзила все ее тело тысячами раскаленных игл. Что вновь и вновь вонзались в нее, казалось протыкая насквозь. Она беспорядочно перебирала ногами, упираясь спиной в грудь ассура, желая отдернуть руки, избавиться от пытки. А жестокая управительница все капала и капала на нее этим страшным зельем, причиняя невыносимую боль.

— Хватит! Хватит! — выла Айя, дергаясь как в припадке. — Ненавижу! Как я всех вас ненавижу!

И снова забывалась, бешено вращая головой от боли.

Служанка не видела, как вспучивалась кровь на ее кистях, стекая на пол дурно пахнущей

зеленоватой пеной.

Тойра закончила свою пытку только когда шипящая пена приобрела светлый, привычный оттенок. К тому времени Айя вся взмокла, тяжело дышала, захлебываясь рыданиями. Выхватив из рук Шорса белоснежные полотенца, женщина осторожно промокнула им страшные раны и выудив из кармана баночку с горько пахнущей мазью, принялась осторожно их обрабатывать, перевязывая тонкими лоскутами марли. Закончила, не сдержав облегченного выдоха, стараясь не смотреть в лицо девушки.

Нирхасс кивнул на бедро своей рабыни, где платье облепило ее ногу темным и липким. Бледная управительница понятливо кивнула, резкими движениями, разрывая ткань. Внимательно осмотрела рану, хватаясь за адский бутыль. Заметив это, Айя попыталась отползти дальше, сильнее вжимаясь в грудь асура, отчаянно замотала головой.

— Нет, пожалуйста! Пожалуйста! Не надо. Я не смогу больше!

Вцепилась израненными пальцами в перехватившую ее руку Нирхасса.

И забилась в агонии в его сильных объятиях. Кричала, не помня себя от боли, срывала голос страшными воплями. Вгрызалась зубами в его кожу. Сама не заметила, как описалась от невыносимых мук, проваливаясь в спасительную темноту.

Очнулась с тихим всхлипом, когда Тойра осторожно перевязывала ее ногу. Хозяин по-прежнему прижимал ее к себе. Дернулась, но он лишь крепче обхватил девушку.

Слезы снова полились по ее щекам, словно прорвало плотину с необъятным океаном за хрупкими стенами.

— Если бы ты только знал, как я тебя ненавижу! — зашептала Айя, бешено вращая глазами в темноте помещения, заикаясь и всхлипывая от рыданий. — Я уйду! Уйду и больше не вернусь в это проклятое место! Заберу наш... Мою искорку! Ей нельзя быть здесь! Нельзя! Поганое место! Всегда больно! Я здесь всегда одна! Всегда буду одна...

Нирхасс весь напрягся от ее слов, застыл на мгновение и начал тихо раскачиваться с ней на руках, пытаясь успокоить. Ее? Себя?

— Пропадите вы все пропадом! Ненавижу! Ненавижу! Уйду! Забуду!

— Нет, — шептал над ее головой асур, целуя влажные от пота волосы, — нет, девочка...

Шорс неловко кашлянув в усы, вышел в вечернюю прохладу, прикуривая и отвешивая любопытному Адаму легкий подзатыльник. Тойра последовала за ними. Руки ее подрагивали.

— Пусти! Пусти меня! Я не хочу! Не могу! Пусти! Я хочу уйти!

— Нет, — повторял за спиной господин, раскачиваясь сильнее со своей вздрагивающей ношей, — нет, Айя. Прости, прости, прости меня моя девочка. Прости. Я не мог иначе. Не мог. Айя, она бы убила тебя. А мои возможности при дворе не безграничны. Я бы не смог... Я должен был...

Айя разрыдалась еще сильнее.

А через пару дней господин отправил слуг домой. В свои владения, оставляя во дворце только нескольких гвардейцев. Хотел как можно скорее спрятать самое важное для него подальше от гнева будущей правительницы севера. Гонимый несвойственным ему чувством вины, стремился укрыть Айю за надежными стенами своего дома. Старательно отгонял мысли, что она действительно снова может уйти. Насовсем...

Сам должен был вернуться в поместье через пару недель, что уже казались ему

вечностью.

И если бы ассур понимал, как ошибочно было его решение, бросился бы вдогонку удаляющемуся обозу, перегрызая глотки лошадям, возвращая ее назад.

Но тогда Нирхасс еще не знал, что на север шла неизбежная война под стягом Белой Лилии, тяжелой поступью сминая холодные земли. И первым оплотом сопротивления на ее пути было обдуваемое солеными ветрами имение Шаррихасс.

Глава седьмая

В поместье Айю долго осматривал пожилой лекарь, втирал в ее раны какие-то мази. Заставлял пить горькие настои, от которых девушка поначалу наотрез отказывалась.

— Они безопасны в вашем положении, — уверял старик в круглых очках, то и дело почесывая редующую макушку.

И теперь все без исключения в замке обращались к ней, не иначе как госпожа. Распоряжение хозяина было доведено до слуг щепетильной Тойрой в свойственной ей, жесткой манере.

Айя не противилась. Ей было все равно. Прикрывая двери своих покоев, она словно отрезала от себя весь существующий мир. Забиралась с ногами в кресло и подолгу смотрела в окно, на такую переменчивую погоду Севера.

Короткое, опаляющее лето подходило к концу. Все чаще на землю обрушивались холодные дожди, а небо заволакивало темно-синим или низким серым, грязным. Ветра несли с гор известия о приближающейся осени.

Айе было все равно...

Нирхасс стоял у широкого подоконника, глядя на опускающиеся сумерки. Ширрин совсем недавно покинула его спальню уже который раз не получив желаемого. Прикрывая высокую, обнаженную грудь шелком халата и вызывающе вздергивая подбородок. Блестела гневом в изумрудной глубине глаз. Громко шваркнула дверью напоследок. А ведь он любил ее когда-то...

А может ему это просто казалось?

Они были обещаны друг другу много десятилетий назад и давно смирились с данным фактом, находя в этом свое особенное удовольствие. Ее компания была интересной, занимательной. Нирхассу нравилась ее хищная грация, горделивая и часто неуместная спесь. Красивая внешность, гибкая огненная пантера, что жила внутри. Принцесса была редким цветком среди народа ассурин. И мужчина был тщеславно горд, что такая как Ширрин принадлежала ему.

Сколько раз за эти годы они предавались страсти? Безудержной! Пылкой! Всепоглощающей! Бессчетное множество.

И ни один из них не мог сравниться с тем, что дарила ему Айя...

Айя...

Человек...

Невзрачная девчонка из обслуги, из низших... так одуряюще пахнувшая... пахнувшая его женщиной. Его! И каждым ничтожеством, хоть раз касавшимся ее как мужчина!

И сколько бы не брал ее, сколько бы ни метил, этот шлейф чужих запахов, словно впитался в нее и тек по венам вместе с кровью, взбудораживая в нем зверя. Что ластился к ней и желал разодрать одновременно...

И стыдась признаться самому себе, Нирхасс ревновал. О! Как он ее ревновал! Дико и яростно. Поглощенный животной злобой несмотря на то, что ее жалкая жизнь и так всецело принадлежала ему. И при всем при этом оставаясь для него какой-то болезненно недостижимой. Нераскрытой.

Чужой.

Нирхасс постоянно думал о ней. Каждую секунду, каждое мгновение своей жизни. Чем бы он не был занят, девчонка не покидала его мыслей.

Айя так быстро стала настоящим его наваждением. Одержимостью. С постоянным напоминанием, что он был не единственный...

И только совсем недавно она стала так ярко и необычно пахнуть им. Только им одним!словно к ее крови, примешалась кровь асурин. Его кровь! Какой же восторг Нирхасс тогда испытал. Непередаваемый, чистый, всепоглощающий! Ничем неприкрытое счастье!

А как она стала смотреть на него! Как отдавала себя несмотря на то, что он с ней сделал...

Ассур недовольно дернул головой, услышав тихий стук в двери своих покоев, выдернувший его из раздумий.

— Входи, — не поворачивая головы от заката за тонким стеклом, скомандовал он.

В дверном проеме появился совсем еще юный гвардеец. Коротко поклонившись, он остановился у массивного стола.

— Говори.

— Обоз достиг имения позавчера вечером. Все прошло тихо. Тойра выполнила все ваши распоряжения. Девушка вернулась в свои покои и больше не занимается работами. Почти никуда не выходит и ни с кем не говорит. Лекарь осмотрел ее, сказал, что все поправимо. Госпожа получает все необходимое лечение. Ей и ребенку ничего не угрожает, — отрапортовал вошедший, вытянувшись в отточенной солдатской выправке.

— Ребенку? — не понял Нирхасс, поворачиваясь от окна к своему подчиненному, бросая на того вопросительный взгляд. — Какому ребенку?

— Ну как же, Айя она, — гвардеец осекся, тут же себя поправляя, — лекарь доложил, что госпожа в положении...

Но ассур его уже не слышал, пораженный внезапным осознанием. Сердце его забилося непозволительно быстро, а зверь внутри восторженно взвыл, подавая по нервным окончаниям импульсы жадного восторга.

...Она вдруг так умопомрачительно стала пахнуть им...

Той ночью Айя проснулась от жуткого грохота за окном. Двор озарила яркая вспышка и все погасло, зазвучав десятками голосов. Что-то происходило. Что-то плохое. Очень. По спине бывшей служанки прошелся липкий холодок предчувствия.

Накинув на плечи шаль, девушка выглянула в слабо освещенный коридор. Почти бегом спустилась по лестнице, врываясь в жуткую суматоху. Ошарашенные, сонные слуги сновали туда-сюда, с перепуганными выражениями на меловых лицах. Среди них Айя заметила напряженную спину Тойры, и начала проталкиваться в ее направлении.

— Что происходит? — спросила она, поравнявшись с бледной управительницей.

— Нападение. На замок напали, — прошептала Тойра, перебирая в руках связку ключей.

— Напали? Кто? — замерла в оцепенении Айя.

— Амин говорит, что сыновья Сумасшедшего Короля, — женщина помедлила, — и южане... Ближайшие поселения уничтожены, мы принимаем выживших. Их так мало, Айя, — голос строгой управительницы дрогнул, в глазах блеснула несвойственная ей влага.

Девушка только кивнула, направляясь обратно в свою комнату. Нужно было переодеться, собраться с мыслями. Как ни странно, но Айя была почти спокойна. Все

эмоции в ней поблекли еще там, на ярко освещенной утренним солнцем поляне, вытекли из разбитой губы вместе с кровью. И были вытравлены вместе с ядом из ее тела недрогнувшей рукой управительницы. Тойра для Айи теперь тоже ассоциировалась с болью, хоть девушка и была ей благодарна, но не могла ничего поделать с появившимся внутренним отторжением.

Айя словно окаменела. Застыла. Все слезы были выплаканы, а робкие остатки чувств запрятаны настолько глубоко, что казалось их и вовсе не существовало. Время слез прошло...

Девушка ловко натянула плотные кожаные штаны и черную рубаху с высоким воротом. Все немного великовато. Все с чужого плеча. Подумав, достала свои удобные кроссовки. Прошла к зеркалу и собрала волосы в высокий хвост.

Чуть помедлила и решительно покинула успокаивающий мрак покоев.

Управительница обнаружилась в дальнем крыле, у горящего камина в библиотеке. С нею были встревоженный Морис и два высоких, мрачных гвардейца. В одном из них Айя уже привычно опознала спутника господина на далекой, заснеженной степи. И он же был первым, кого девушка увидела, вернувшись в этот мир. Амин. Правая рука хозяина дома Шаррихасс.

Под их молчаливо-вопросительными взглядами, Айя уверенной походкой подошла у Тойре. Остановилась чуть поодаль, коротко кивнув.

— Насколько все плохо? — спросила, обращаясь напрямую к гвардейцу. Тот недовольно скривил губы.

— Айя, тебе лучше оставаться в своих покоях, — прошептала тихо женщина, видя недовольство собравшихся.

— Я не спрашивала, что для меня лучше, — переводя на нее взгляд, произнесла девушка, сама поражаясь, насколько холодным и надтреснутым прозвучал ее голос.

Управительница растеряно моргнула, глупо приоткрыв рот.

— Тойра права... — начал было Морис, но Айя коротки вскинула перетянутую бинтами ладонь, призывая того замолчать.

— Давайте сразу все проясним, — бывшая служанка окинула равнодушным взглядом каждого и снова повернула застывшее, словно восковое лицо к опарашенной Тойре, — напомни, на каких правах Нирхасс вернул меня сюда?

Его имя горчило на языке необъяснимой болезненной тоской.

— На правах хозяйки дома, — протянула женщина и слегка помедлив добавила, — госпожа...

Айя кивнула.

— Так вот, как хозяйка, я хочу знать все, что происходит на этих землях. И вы будете мне докладывать! — девушка устремила взгляд на пышущего гневом гвардейца. — С должным почтением, солдат. Или Вы сомневаетесь в решениях своего господина?

Мужчина от подобного вопроса опешил, отшатнулся от тонкой, бледной фигурки, посмевшей усомниться в его верности повелителю.

Отрицательно мотнул головой, внимательнее рассматривая девушку.

— Вот и замечательно, — протянула та, снова пристально глядя ему в темные глаза, — Амин, я не претендую на власть и не прошу Вашего уважения. Не собираюсь отдавать приказы или оспаривать Ваши решения. Я далека от этого всего. Но требую лишь держать

меня в курсе всего, что происходит.

Воин, ненадолго задумавшись, согласно кивнул, смиряясь и с ее положением, и с ее присутствием. Отгоняя от себя не касающиеся его вопросы относительно личных предпочтений господина. Уважение к Нирхассу было абсолютное и непоколебимое, несмотря ни на что.

Светловолосый солдат за спиной Амина вдруг одобрительно улыбнулся, глядя на невозмутимую девчонку.

За стенами снова громыхнуло, да так, что задрезбуждали стекла и нервно дернулся огонь в камине. Айя вздрогнула.

— Долго нам не продержаться, — произнес Амин, — нас едва наберется сотня, а их не меньше двух тысяч. Все псы Южной Империи и горстка падали Сумасшедшего Короля во главе с его младшим ублюдком. Они совершенно точно знали, что основные наши силы отозваны в Хасарон. А это два дня пути туда и столько же обратно. Всадники во дворец и гарнизоны были отправлены, как только разведка доложила о приближающихся легионах. Нам надо выстоять не меньше четырех суток, до прихода господина и нашей армии...

Но держаться пришлось гораздо, гораздо дольше.

Вернувшийся посыльный сообщил жуткую для обитателей имения весть, что все силы Севера были брошены на южные границы, где велось полномасштабное наступление, стремительно приближающиеся к дворцу Правящего Дома. Нирхасс, как верховный командующий войсками страны, был отправлен туда — защищать главный ее оплот. Все происходящее означало одно — старые договоры рухнули в небытие, мир менялся под гнетом меча и топора. Кровью и огнем писался новый виток истории чуждого Айе мира.

А еще это значило, что подмоги ждать было теперь не откуда.

Помощь не придет.

А силы были очень не равны.

Меньше чем за неделю замок был осажден без особых усилий со стороны противника.

И уже чуть больше месяца отрезан от тракта и внешнего мира. Окрестные поселения, принадлежащие имени Шаррихас были выжжены дотла. А перед самым высоким каменным забором вольготно и скучаяще расположились вражеские силы, расставив у леса походные шатры и водрузив яркие желтые флаги с искусной белой лилией в центре. Больше не атаковали и не наступали, с большой охотой пропускали к замку выживших мирян, что искали спасения и пристанища. Понимая, что чем больше за его застенками будет голодных и обездоленных ртов, тем быстрее закончатся припасы и упрямые северяне либо передохнут от голода, либо сами приветственно отворят ворота, впуская гордых завоевателей.

По всему выходило, что именно этого они ждали — позорного, добровольного подчинения.

Айя стояла на высокой смотровой башне, кутаясь в шаль. Плотная ткань платья облепила ее ноги и гулко шуршала на ветру.

Закат был алым.

Глаза ее слезились, от хлестких и едких ветров, что несли к замку дым от горящих полей. Урожай, что вот-вот готовился к сбору был уничтожен. Они выжгли все. Обрекли тысячи людей на голод и нужду.

Зябко поежившись, девушка перевела взгляд на бесконечный лагерь внизу, почти у ее

ног. Приглушенные порывами ветра слышались мужские голоса и смех, ржание лошадей и лязг металла.

Айя вздрогнула и отпрянула, когда ее плеча осторожно коснулась рука Румира.

— Как ты? — спросил парень, понимая, пряча руки за спину и с ненавистью глядя перед собой.

— Нормально, — соврала девушка, переведя на него взгляд, — а ты?

Гвардеец неопределенно пожал плечами.

— Кажется сейчас взорвусь от злости и беспомощности, — чуть подумав ответил он.

Служанка его понимала.

— Там на кухнях опять какой-то скандал, — вдруг вспомнив зачем пришел, оповестил солдат.

Девушка только вздохнула, направляясь к лестнице. Это начинало раздражать.

Все чаще начали случаться потасовки между слугами и пришлыми. Всем казалось, что они друг друга объедают, недоговаривают, подворовывают. Айя понимала, что это был простой страх и отчаяние, выпавшие на их долю. Но позволить таким распрям поселиться в стенах замка не могла. И без этого было несладко. Она на корню пресекала все склоки, теперь еще больше понимая строгую Тойру. И все чаще замечая за собой некую, несвойственную ей ранее жесткость.

Многим из обитателей замка не нравилось, что бежавших от бойни женщин, детей и стариков Айя велела разместить в дорогих покоях. Им претило подчиняться приказам бывшей чернавки, низшей, не принятой даже ею подобными. Но заручившаяся поддержкой управительницы, Амина и вечно пребывающего в себе Мориса, она с непрошибаемым спокойствием делала то, что считала нужным.

Четко разделяла обязанности между вновь прибывшими, вместе с Тойрой вела подсчет припасов и боролась за каждого раненого солдата, как за самую большую драгоценность. Не позволяя проливаться слезам по погибшим, которых сжигали за дальним амбаром. Изводила скупых лекарей своим надзором. Несмотря на новое свое, все еще казавшееся ей сомнительным, положение госпожи, Айя не чуралась прежней работы. Не морщась, выносила горшки и простыни под ранеными, мыла, перевязывала. Готовила еду, драила залитый кровью и грязью пол и орудовала метлой, помогая разгрести завалы от рухнувших у стены башен и восточной части дома.

Сама того не ожидая, Айя заслужила уважение Амина, а значит и оставшихся в живых гвардейцев. Он больше не смотрел на нее волком и не кривил недовольно губы при ее приближении. Теперь почтительно кивал, предлагал помощь и в редких случаях даже спрашивал ее совета. А еще совершенно случайно, мужчина заметил ее положение. Долго смотрел на маленькую девчонку у высокого окна, погруженную в свои мысли и по инерции поглаживающую заметно округлившийся живот, который она обычно прятала под несуразными, явно ей большими платьями. Пораженный мыслью, что в ней растет дитя асура — первое, более чем за шесть веков, замер, ощутив какой-то странный трепет.

Надежда.

Надежда для таких, как он. Для существ с кровью асурин.

И сейчас она была заперта в покореженных стенах замка и окружена врагами, что уготовили всем им незавидный финал.

А еще через неделю, в тихое предрассветное время, войско южан устало ждать. Раздался

тихий хлопок, а затем страшный грохот разрушаемой стены сотряс темные покои Айи. Вцепившись холодными пальцами в широкий подоконник и прикусив губу, девушка наблюдала, как оседает поднятая, кажется, до небес пыль, как устилает широкую подъездную дорогу пепел и тлеющие огоньки. Как в разодранном, поруганном вековом камне зияет страшная брешь, через которую к их дому гордо ступает нога вражеского завоевателя.

Глава восьмая

Айя ждала их в главном зале, приказав слугам не высовываться. Молчаливый Амин с выжившими гвардейцами стояли за ее спиной, нависая грозной, непоколебимой скалой. Тойра притаилась за колонной, отказавшись уходить. Айя чувствовала, как злится командир гвардейцев, которому она запретила вступать в бой. Но ей хватило бессмысленных жертв. Девушка не хотела более новой крови. Крови тех, к кому успела привыкнуть за столько короткое и непростое время, что выпало им судьбою. И если был хоть малый шанс ее избежать, Айя им воспользуется.

Уверенные шаги разрывали тишину замершего в страхе замка, гулко отлетали от стен, эхом проносясь по каменным коридорам. Айя вздрагивала всем телом, но упорно стояла на месте, сцепив руки под серой тканью плаща. Лицо ее не выражало никаких эмоций, а сердце заходило в бешеном галопе.

Они вошли вальяжно и расслаблено, возглавляемые громадным светловолосым мужчиной в серебристых доспехах. Он был настолько высок что, если бы Айя не стояла в другом конце залы, а была рядом с ним, девушке пришлось бы сильно задирать голову, чтобы рассмотреть лицо вторгнувшегося в их дом врага. Мощный, широкоплечий, смуглый, с собранными в высокий хвост волосами, он пристально осмотрел необычными, янтарного цвета глазами собравшихся, и лишь усмехнулся, отправляя меч обратно в ножны. Угрозы он не видел

Красив.

Опасен.

Ассур.

Айя с трудом сдержала порыв испуганно передернуть плечами, вместо того выше задрала подбородок и поджала губы.

За спиной незнакомца толпились вооруженные солдаты, с любопытством заглядывая в залу, держали наготове свои мечи. Расступались, пропуская вперед еще одного ассура. Не такого высокого и мощного, но все же внушительного. Темноволосого и кареглазого, в дорогих, расшитых золотом одеждах, в отороченном мехом плаще, что тащился за ним торжественным шлейфом. Он бесцеремонно прошелся к стене с камином, с презрением уставившись на картину с гербом дома Шаррихасс над ним.

Амин чуть склонился к уху Айи, тихо шепнул.

— Гилиас, сын Сумасшедшего Короля. Безумная, корыстная сволочь. Будьте осторожны. Девушка только коротко кивнула, крепче переплетая холодные пальцы.

— Наконец-то! — громко воскликнул Гилиас, кружась по залу, шурша дорогими одеждами и не обращая внимания на окружающих. — Наконец этот проклятый замок снова мой! Хотел бы я видеть жалкую морду безродного ублюдка в этот момент! Мое счастье было бы воистину полным!

Его лихорадочно блестящий взгляд зацепился за тонкую фигурку Айи в окружении дюжины гвардейцев, и лицо его еще больше просияло, губы искривились в мерзкой ухмылке.

— Так-так-так, и кто это у нас тут? — двинулся ассур в их направлении, Амин за спиной девушки напрягся, положил затянутую в темную кожу перчатки ладонь на рукоять меча, гвардейцы как один повторили за ним. Ощетинились, готовые ринуться в бой. — Неужели слухи оказались правдивы, и заведует в имении теперь жалкая, маленькая

чернавка? О, Нирхасс не устает поражать меня своей тупостью!

— Держи язык за зубами, бастард! — рыкнул над ухом Амин.

Ги́лиас встрепнулся, театрально вскидывая руки. И лицо его некрасиво исказилось от злости.

Светловолосый ассур с необычными глазами молча за всем наблюдал, привалившись к одной из колонн, и расслабленно скрестив длинные ноги. Лицо его было скучающе-надменным, а вот взгляд цепким и внимательным. И пусть сейчас рядом с нею был разгневанный сын Сумасшедшего Короля, реальную угрозу Айя ощущала совсем не от него. То и дело бросала короткие взгляды к колонне, ощущая что-то до боли знакомое. Пугающее. Заставляющее сердце испуганно замирать.

Айя чуть повернулась к командиру гвардейцев, и коротко мотнула головой, призывая того не накалять ситуацию. Бывшей служанке хотелось избежать жертв. И пусть каждый из солдат Шаррихасса поклялся до последнего вздоха защищать замок, Айя запретила. Никому лучше от их смерти не станет, мирные жители и услуги останутся один на один с врагами, совершенно беззащитные. Айя приняла решение, что нужно тянуть время как можно дольше, насколько это вообще было возможно в их положении. Девушка надеялась, верила, что помощь придет. Пусть не скоро, но придет. А до того момента, она будет делать все от нее зависящее, чтобы люди имения этой помощи дождались. Живые.

По крайней мере, она попытается — и будь, что будет! Иного выбора им все равно не дано.

Амин кивнул, беря себя в руки, неприязненно глядя перед собой.

— О, да ты совсем ручной стал, верный Шаррихассовский пес! Теперь послушно сидишь у ног его безродной человеческой шлюхи? Как низко вы все пали! Но ничего, я это исправлю! При мне вы познаете настоящую хозяйскую руку! Ну, что смотришь, может и мне кость принесешь? Ммммм? Ну же, к ноге, Амин! — скомандовал потешающийся Ги́лиас, похлопав себя по колену.

Командир зарычал, дергаясь вперед. Айя придержала его за руку, чуть сжала, погладив и вздернув подбородок, сама шагнула навстречу ассуру.

Подошла почти вплотную, слыша, как непозволительно громко шуршит подол ее платья в повисшей, почти осязаемой тишине. Остановилась, приседая в неумелом реверансе, при этом держа голову высоко поднятой, не отрывая взгляда, от черных омутов напротив.

— Прошу простить моего стража, господин, — произнесла Айя, разрывая вязкую тишину холодным, ровным голосом, — но Амин не заведует делами замка, связанными с продовольствием, если вам так необходимы кости и компания собак, я с удовольствием провожу Вас на псарню. Тут недалеко.

И чуть склонила голову в почтительном кивке, безотрывно глядя в наливающиеся кровью глаза.

Вокруг раздались короткие смешки, тихое перешептывание.

Ги́лиас весь задрожал, заламывая тонкие, изящные пальцы и рыкнув Айе в лицо, замахнулся:

— Да как ты смеешь?! Грязная дев...

— Довольно, — короткий, тихий приказ и рука ассура остановилась в нескольких сантиметрах от бледного лица девушки. Он недовольно сцепил белоснежные зубы, зрачок опасно вытянулся в тонкую вертикаль. Мужчина наклонился ниже, почти коснулся своим тонким носом лица Айи.

— Мы с тобой еще не закончили...

Когда Гилиас отступил от нее, Айя облегченно выдохнула, но тут же снова взяла себя в руки, переводя взгляд на другого ассира. Она оказалась права, несмотря на напыщенную браваду сына Сумасшедшего короля, главным среди них был другой. И сейчас он плавно и легко, словно и не было на нем тяжелых доспехов, ступал напрямик к ней. Девушка против воли вся напряглась, вытягиваясь в струну, по спине пробежалась волна мурашек, дышать стало трудней. На уровне инстинктов она ощущала угрозу. Опасность. Уже знакомую...

Он остановился чуть поодаль, легко поклонился и поднес ко рту свою руку, зубами стягивая перчатку и отшвыривая ее прямо на пол. Протянул Айе освобожденную конечность, ладонью вверх. Девушка вложила в нее свою тонкую кисть. Ассур поклонившись, поднес ее к своим губам... Легкое касание к коже, быстрый взгляд на мозоли, мелкие порезы и уродливые шрамы, и шумный, глубокий вдох. Янтарные глаза на мгновение вспыхнули ярким светом, зрачок удлинился, а губы странно дернулись. Но то длилось лишь короткое мгновение. Айя против воли вздрогнула, прогоняя пугающее наваждение. Рука незнакомца была огромной, горячей и чуть шершавой. Он с неохотой выпустил кисть девушки, глядя на ту сверху вниз.

— Мое имя Райан Амадей Третий, средний сын главы Правящего Дома Южной Империи, — представился мужчина, опешившей бывшей служанке, — а Вы?

— Айя, — ответила коротко девушка. Заметив вопросительный взгляд насмешливых янтарных глаз, произнесла:

— Просто Айя.

Ассур кивнул каким-то своим мыслям, не отрывая внимательного взгляда от своей странной собеседницы, и вдруг так широко и искренне улыбнулся, что Айя растерялась, удивленно захлопала ресницами. Если бы не этот мир, его суть и все ею пережитое, мужчина показался бы ей очень красивым. Очень. И даже больше. Но Айя знала, что кроется за внешней привлекательностью носителей крови ассиринов, а потому не спешила очаровываться и впечатляться. Только коротко кивнула, беря себя в руки. Тем более чувство страха рядом с ним только усилилось. Айя ощущала какую-то личную, необъяснимую угрозу и это жутко ее нервировало, сбивая с мыслей.

— Будем знакомы, госпожа А-й-я, — протянул Райан, будто бы пробуя ее имя на вкус и снова улыбнулся. Светло, искренне. Только глаза, цепкие и внимательные, холодные, выдавали его истинные чувства. Принц юга изучал новую диковинную зверюшку...

— Что ждет моих людей? — не став тянуть и расшаркиваться в ответных любезностях, на прямую спросила девушка, слыша, как к ней подходит Амин. Взглянула пристально на ассира снизу вверх, ловя каждую его эмоцию в ожидании ответа.

— Сразу к делам, маленькая госпожа? — хмыкнул он выпрямляясь. — Что ж, понимаю.

Айя пропустила мимо ушей странное к ней обращение, ожидая ответа и чуть склонив голову к плечу.

— Они будут жить, — протянул ассур, — если будут повиноваться. Мне их смерти не к чему. Но поручиться за нашего общего знакомого не могу. Замок отныне принадлежит ему и после моего отъезда, распоряжается всем будет Гилиас. А он, смею Вас заверить, настроен решительно на некие... эм... реформы... И терпение не является его сильной стороной.

Служанка кивнула.

— Когда Вы отбываете? — тут же спросила она.

Райан хмыкнул, глядя на задумавшуюся девушку. Она зрела в корень, быстро сообразив,

что после того, как принц покинет имение Шаррихасс, притормозить аппетиты сына Сумасшедшего Короля будет некому. А в том, что тот будет отыгрываться за позорное изгнание своего отца и годы унижений, сомнений не было. Он был импульсивен, жаден и глуп, что не сулило обитателям замка ничего хорошего.

— Пару недель, может месяц, — пожал плечами ассур, — нет смысла оставаться здесь дольше. Свою часть уговора мои люди выполнили. Замок завоеван, земли Шаррихаса полыхают.

Айя только кивнула, все еще пребывая в задумчивости. Лихорадочно ища пути и решения. Две недели. Месяц. Пусть и так. Это то время, которое у них еще есть. Возможно, помощь уже в пути. Возможно надежда еще есть. Жизнь этого мира переменчива, как холодные северные ветра.

Гилиас стоявший все время у камина, неприязненно на них поглядывал. Солдаты толпились у входа, а гвардейцы Амина снова были рядом, готовые защитить.

— Пока Вы здесь, можете гарантировать безопасность моих людей? — задала очередной вопрос, нервничая, царапая по инерции заусенец на большом пальце.

Райан удовлетворительно вскинул темную бровь, ухмыльнувшись.

— Ручаюсь, госпожа Айя, что с обитателями имения все будет в порядке, если никто из них не будет противиться и создавать проблемы. А также, если нам будет предоставлен должный прием.

Его улыбка была светлой и невинной, как у ангела.

Айя задумавшись протянула ассуру для рукопожатия. Она прекрасно понимала, что все эти договоренности и беседы, лишь его странная прихоть, которой она воспользуется. Стоит принцу только захотеть и к вечеру в поместье не останется ни одной живой души. Они беззащитны. И хотя гвардейцы Амина будут биться до последнего, отстаивая свой дом, они обречены. Их мало. Очень.

В который раз ухмыльнувшись, Райан осторожно пожал протянутую ему руку. Отмечая твердость и уверенность рукопожатия. Игрушка Нирхасса и правду оказалась очень занимательной.

— Вы дали мне слово. И я верю, что слова наследника Южной Империи так же крепко, как и его рукопожатие.

— Можете не сомневаться, госпожа.

И впрямь очень занимательна!

Айя тем временем подозвала к себе невозмутимую Тойру, дала той указания и вместе с тем, отправила гвардейцев, показать уцелевшие корпуса, где могли расположиться солдаты врага. А сама поправив полы плотной накидки повела ассуров на верхний этаж, лично разместила в дорогах покоях. Друг против друга.

— С водой для купален сейчас есть некоторые проблемы, господин. Но вы можете посетить горячие источники за нашим садом.

Райан только кивнул в ответ.

Айя помолчав, поспешила удалиться, позабыв о почтительном поклоне.

Перетащила свои скромные пожитки в покои Нирхасса, чувствуя себя в них более защищенной. Повернула тяжелый ключ в замке, и сползла по двери. Оседая и дрожа всем телом. Обхватывая себя непослушными руками. Страх пережитого накрыл лавиной. Осознание того, что они все уже могли бы быть мертвы, приводило бедняжку в настоящий

ужас. Но и те шаткие условия были воздухом в хрупкой банке — держались только на прихоти асура. Но как бы там ни было, отсрочка получена. А значит нужно вставать. Значит нужно идти. Значит нужно жить.

И Айя встала и пошла. Взяв себя в руки и твердо глядя вперед.

Дороги снова были открыты, но только для вражеских солдат. Что исправно пополняли запасы, отправляя и встречая телеги из Загорья. Обитателям замка доставались крупы, но Айя была рада и тому, что люди не голодали. Снова можно было выходить в лес за дичью, правда под строгим надзором, но оно того стоило.

Девушка снова трудилась на кухнях, выполняя не тяжелую работу. Множество голодных мужских ртов требовали свежей еды, а она пообещала должный прием в обмен на жизни людей. Значит так тому и быть.

Впервые увидев необычную госпожу среди служанок на кухне, Райан даже несколько растерялся. Нет, он знал, что Нирхасс тронулся умом и спутался с чернью, знал, что та вернулась в замок в сомнительном статусе. Но чтобы, получив крупицу власти, девушка по-прежнему добровольно занималась грязной работой. Это было странно...

Любопытно.

Принц часто приглашал ее на совместные ужины, обремененный обществом напыщенного, шумного Ги́лиаса. Не без удовольствия смотрел, как девчонка, наплевав на нормы этикета, ела запеченную куропатку прямо руками, с характерными причмокиваниями облизывая пальцы. Неохотно отвечала на вопросы, замирая каждый раз слыша имя Дор Шаррихасса. Что-то болезненно томительное застывало в ее больших карих глазах. А Райан все смотрел и смотрел, пытаясь понять, что же привлекло в этой невзрачной женщине такого властного и избирательного асура. И не находил ответа...

Но она так пропахла его личным запахом, что принцу казалось, вот-вот и бывший хозяин имения появится из-за угла, испепеляя всех собравшихся своей серой, жгучей ненавистью. Так силен был его запах. Райан хотел понять, что в ней такого? А потому раз за разом намеренно искал ее общества, с интересом отмечая, что начал чувствовать какой-то другой, незнакомый ему аромат. Легкий, едва уловимый, но настолько манящий, что принц не мог отказать себе в удовольствии приюхиваться, шумно втягивая носом воздух.

Айя в те редкие моменты замирала, с нескрываемым отчаянием глядя на него...

Нет, ну какой же дивный запах!

Ей это не нравилось. Она все это уже видела. Только в других, таких невозможных глазах.

А в один тихий, осенний вечер, обещанное принцем южных земель перемирие пошатнулось. Айя тогда в одиночестве прогуливалась по заросшему парку слуг, тихо брела к темной пристройке, когда вдалеке заметила бурлящую толпу солдат Ги́лиаса. Они одобрительно кивали и улюлюкали, обступив что-то неплотным, пьяным кольцом. Присмотревшись, Айя пришла в ужас, смешанный с яростью. Рванула вперед, забежала в пристройку бешено, озираясь по сторонам. Девчонки плакали, сбившись в кучку у стола, Тойра заламывая руки меряла помещение нервными шагами. Встрепенулась, обернувшись к Айе и вздрогнула, заметив отчаянную решимость в ее глазах.

— Не надо, Айя! — вскрикнула управительница и устремилась следом, надеясь успеть.

Догнать. Остановить.

Не вышло.

Женщина, подобрала ее шаль и поторопилась в замок.

Выхватив из кованного держателя большой факел, Айя уже бежала к столпившимся в кучу солдатам. Сердце ее билось, как ненормальное.

Не разбирая дороги, замахнулась своим нехитрым оружием, прикладываясь им к чужим потным, сальным спинам. Расчищала праведным огнем себе дорогу. Солдаты, непонимающе шарахались в стороны, расступались.

— Пошли к демонам! — кричала она и вновь размахивала мощным факелом.

Оказавшись в центре мужского кольца, взвыла.

Лили стояла на четвереньках между двумя пыхтящими гвардейцами, что вихляли ее тело, словно тряпичную куклу. Девушка уже не вырывалась, только протяжно вскрикивала, скребла ногтями землю. Неподалеку лежало бездвижное тело Адама, у виска которого слиплись бурым светлые волосы. В груди нестерпимо прострелило острой болью. Судорожно всхлипнув, Айя со всей силы обрушила факел на затылок насильника. Тот, глупо крикнув, повалился наземь. Второй, освободив рот девушки, отскочил в сторону, на ходу застегивая грязные штаны.

— Бешеная сука! — прокричал он, глядя на тяжело дышащую Айю.

Выставив перед собой все еще горящую деревяшку, бывшая служанка заслонила собой рыдающую, сжавшуюся в дрожащий комок Лили.

— Не подходи! Похотливые мерзкие твари! Не подходи! — размахивая факелом кричала Айя, не помня себя от ярости и страха.

— Он жив? Лили, Адам жив? — не оборачиваясь спросила, боясь услышать ответ.

— Да, — пискнула чернавка, давась слезами.

А бурлящее, пышущее похотью и смрадом кольцо из пьяных тел все плотнее окружало несчастных. Тут и там мелькали оголенные члены, которые некоторые продолжали наглаживать, получая странное, нездоровое удовольствие от разворачивающейся сцены.

Айя, давя рвотные позывы, кружилась как заведенная, тыча в мерзкие, приближающиеся рожи огнем.

— Не подходите! Пошли к черту! Ублюдки!

Сбоку что-то громко звякнуло, кто-то противно засмеялся и Айя краем глаза заметила приближающееся к ней лезвие меча, по инерции откинула голову, в страхе прикрывая глаза.

Вдох-выдох...

...и в нос девушки ударил резкий порыв ветра, с тошнотворным запахом горелой плоти. Со всех сторон слышались отчаянные крики и лязг оружия. Рык. Пробирающий до костей. Утробный. И зарево пожара озарило даже сквозь сомкнутые веки.

Айя распахнула глаза, сотрясаясь всем своим телом и давя в груди вскрик ужаса. Под ее ногами земля утопла в крови, захлебывалась под изломанными, разодранными телами бойцов. Совсем рядом бушевал пожар, трещал кронами деревьев неизвестно ей леса, а за ее спиной сошлись в схватке тысячи воинов. Смешались в огромное шевелящееся в смертоносном танце месиво. От резкого, пряного запаха крови Айю замутило, она трянула головой, понимая, что стоит в нелепом голубом платье, прижимая к себе факел, среди самого настоящего побоища. Окруженная трупами в нескольких шагах от ожесточенного сражения. Девушка видела все как в замедленной съемке, оглушенная, растерянная, испуганная.

Резкий порыв ветра взметнул волосы Айи, зашуршал нижними юбками, словно удивляясь ее появлению в самом центре войны. Она тряхнула головой, сбрасывая пряди с лица и замерла.

Взгляд безошибочно уцепился за мощную, высокую фигуру. Нирхасс, заточенный в темные латы возвышался над остальными. Кружился в вальсе со смертью. Клинки в его руках блестели кровью врагов, вспарывали их плоть легко и казалось, совсем без усилий. Айя едва успевала замечать все его движения. Страшные, отточенные, молниеносные. Ассур был страшен и прекрасен одновременно. Пепел волос в каплях крови, сосредоточенное лицо, сильные руки.

Девушка, как картинку в кино, увидела, что к нему приближается самый настоящий монстр. Здоровый, с алой шерстью и шипастой мордой из пасти которой стекала кровь. Белые глаза его, словно слепые неотрывно следили за каждым движением ее господина, пока сама тварь мягкой для такой туши поступью, необратимо приближался к окруженному противником Нирхассу.

Айя и сама не поняла, как рванула вперед, оскальзываясь на влажной от крови траве. Упала, угодив рукой в пробитую грудную клетку распластанного под ней мертвого тела. Сдавлено пискнув, отпрянула, хватая открытым ртом накаленный, смердящий болью воздух. Поднялась, стиснув зубы и понеслась дальше, стараясь не думать, вытирая на ходу окровавленную руку о платье. Неотрывно следя за страшным зверем. Он был совсем рядом. Пара шагов и скалящаяся, вспенившаяся багровой слюной пасть сомкнется на сильной шее ассира.

Вдох.

Выдох.

И ни одной мысли, ни единого сомнения...

Айя влетела в гущу событий, встала между Нирхассом и белоглазой тварью, выкинула вперед руки, обхватившие жалкую палку с тлеющим огоньком, ткнула ею прямо в огромную, раззявленную пасть. Монстр того не ожидавший недовольно взвыл, привлекая внимание командира армий Севера. Одно ловкое движение из-под ее руки и из вскрытой глотки чудовища хлынула кровь прямо к ее ногам, забрызгав дурно пахнущей жижой все платье. Девушка только нервно дернула головой, глядя как тварь корчится в агонии, заваливаясь на бок, придавливая своим весом какого-то солдата.

Физически ощутила на себе его взгляд, знакомый запах и восторженно-испуганный вдох. Повернула голову, поднимая глаза. Замерла вместе с собственным сердцем. Серое, теплое, встревоженное небо.

— Айя?!

— Нир...

Прикрыла облегченно глаза...

А открыла уже в чужих, крепких руках. Испуганно осмотрелась, опознавая внутренний двор замка Шаррихасс. Кто-то осторожно забирал из ее дрожащих рук жалкий обрубок факела. Тойра? Только сейчас Айя почувствовала, как сотрясается ее тело в неконтролируемом приступе страха. Подняла осоловевшие глаза на державшего ее Райана, чей белоснежный камзол был измазан кровью с ее платья. Вокруг столпились другие слуги.

— Лили? Адам? — встрепенулась девушка, вспомнив. Заозиралась по сторонам.

— Они в порядке, госпожа, — тихо ответил ассур. Поднимаясь на ноги со своей ношей.

Двинулся к замку быстро и легко, словно и не было в его руках обмякшей девушки.

Уже поднимаясь по лестнице, привлекая внимание встрепенувшейся Айи, мужчина произнес:

— Завтра я вынужден отбыть в свои земли.

— Как? Уже? — выдохнула бывшая служанка, понимая, что теперь руки Гилиаса будут развязаны окончательно.

Райан не меняясь в лице, ровным голосом оповестил:

— Не переживайте так, госпожа. Вы отправляетесь со мной.

Айя обреченно прикрыла глаза.

Глава девятая

Айю мутило который час подряд. Девушке казалось, что вот-вот и ее непременно вырвет, но этого не происходило. Крытый экипаж нещадно трясло, подбрасывало на каждом ухабе, тормоша несчастную путницу. Перед глазами которой до сих пор стояла премерзкая картина недавнего утра, когда, покидая имение Шаррихасс, она имела возможность лицезреть несколько подвешенных над главными воротами тел. Они болтались там — синюшные, обдуваемые первыми осенними ветрами, под робкими лучами восходящего солнца. И пусть это были те самые похотливые подонки, но все же Айя не желала им подобной участи. Во всяком случае, не хотела быть свидетелем расправы над ними. А теперь их безжизненные, искривленные лица и безвольные тела возникали в ее сознании всякий раз, стоило девушке прикрыть глаза.

Поежившись, Айя уткнулась лбом в прохладное стекло, придерживая двумя пальцами плотную, темную ткань шторы. Внизу мельтешила дорога, сбоку проплывал лес, а сверху синее заволакивало грязным и серым, тоскливым. Так было и у девушки на душе. Пасмурно и тревожно. Страшно. Она, сама того не замечая, то и дело теребила завязки своего теплого плаща, подергивая ногой. Ковыряла до крови несчастный заусенец на большом пальце, грызла нижнюю губу. Не находила себе места, вынужденная сидеть в тесноте богатой кареты. Оббитые темным бархатом сиденья и мягкие стены давили на бедняжку, мешая дышать. А пристальный взгляд мужчины напротив нервировал. Пугал.

Райан, ничуть не смущаясь, ее рассматривал, развалившись напротив, откинувшись своим огромным телом на мягкую спинку сиденья и широко расставляя ноги. Смотрелся как-то несуразно в крошечном пространстве повозки. Айя сводила вместе колени меж его ног, вжималась в свое сидение, боясь расслабиться. Казалось, всего пара сантиметров, и ее нога коснется внутренней стороны его бедра, так тесно было в экипаже. Временами ассур начинал глубоко и шумно дышать, прикрывая свои пронзительные янтарные глаза. В эти мгновения Айя готова была выпрыгнуть из кареты на полном ходу и мчаться прочь без оглядки. Так жутко ей делалось. На уровне инстинктов она ощущала угрозу, исходящую от принца южных земель. Но мужчина, замечая ее растерянность и испуг, быстро брал себя в руки, передергивал широкими плечами и продолжал пристально смотреть, не испытывая от этого никакой неловкости или же стеснения.

Айя прикрыла глаза, впитывая в себя прохладу стекла.

Вспомнился вчерашний разговор, когда она, наконец, осознала смысл произнесенных ассуром слов. Спорить или уговаривать не стала, понимая, что это заведомо бесполезно.

— Как же теперь люди в замке? — задала вопрос скорее себе, безысходно выдохнув.

Но принц, несший ее на руках, все же ответил:

— Я оставлю здесь несколько десятков своих людей. Они будут в подчинении Амина. Но это, как Вы понимаете, ничего не гарантирует. Отсрочит на какое-то время неизбежное, но не более того. Добравшись до дома, я тут же отзову своих солдат.

Айя задумавшись, кивнула.

— Благодарю, господин, — шепнула Айя, борясь с внутренней дрожью.

Удивлялась сама себе, насколько спокойно получается держаться, когда внутри все выло и металось. Пережитое несколькими минутами ранее накрывало запоздалым осознанием. Она была на поле боя! Видела ЕГО...

Запах кедра в ту же секунду ударил в ноздри, заставляя девушку глубоко вдохнуть и вздрогнуть в чужих руках. Что естественно не осталось незамеченным. Райан скопил на нее свои глаза цвета меда, но промолчал.

А еще там было то жуткое чудовище. Ассур! Страшный! Обращенный! И она, не раздумывая, понеслась напрямик в его пасть, как только осознала, что он может погубить Нирхасса...

Глупая! Глупая! Дура!

Как она вообще там оказалась? Это что, магия? Притяжение? Злой рок? Или насмешка судьбы над глупой чернавкой? Что бы то ни было, оно сделало это нарочно. Оно знало, что ей надо быть там. Знало, что Айя кинется хоть самому черту на рога, лишь бы спасти...

Судорожно выдохнула, опустив взгляд на залитое кровью платье. У своих покоев сбивчиво попрощалась с ассуром и помчалась в ванну, смывать с себя чужое нутро.

Не спала всю ночь, сидя в большом кресле с до боли необходимым запахом. Смотрела на танец языков пламени в камине, что пожирала жалобно потрескивающие поленья.

А наутро Амин рвался ехать с нею. Был настроен решительно, смотрел волком на принца Южной Империи, игнорировал Тойру.

— Вы женщина господина, Айя! — рычал он, меряя шагами покои хозяина. — Я должен Вас защищать! Должен! Тем более...

Айя только прикрыла глаза.

— Ему нельзя доверять! — вновь прошипел гвардеец, застыв напротив девушки.

— Я знаю это, Амин! — легко касаясь его плеча, проговорила бывшая служанка, внимательно заглядывая в обеспокоенные глаза. — Именно поэтому ты и должен остаться. Ты не можешь бросить наших людей. Не можешь оставить имение. Ты нужен здесь! Дома от тебя будет больше пользы. Ты и сам это понимаешь.

Но мужчина еще долго спорил и доказывал свою правоту. Зло пнул дверцу шкафа, когда понял тщетность всех своих доводов. Айя была непреклонна, не желая тянуть за собой в неизвестность преданного гвардейца.

Покидала дом с высоко задраным подбородком, не оборачиваясь и ни с кем не прощаясь. Боялась, что нахлынут эмоции и принцу придется тащить ее силком. А этого Айе не хотелось.

Вздрогнула, осознав, что задремала. Сползла с сидения, почти уперлась коленями в промежность ассура. Тряхнула испуганно головой, подтягиваясь на руках обратно, одергивая подол платья.

— Простите, — произнесла тихим, скрипучим со сна голосом.

Прокашлялась.

Мужчина только кивнул, едва заметно улыбнувшись.

— Я не против, — будничным топом оповестил принц южных земель, приподняв одну бровь.

Айя решила не реагировать, повернув лицо к окну. Там противно моросило. Стекло быстрыми каплями по запотевшему стеклу. Заметно потемнело. Вдали виднелись выжженные поля и обугленные головешки, когда-то бывшие домами в небольшом поселении.

Земли Шаррихасса превратились в руины. В одно сплошное пепелище, которому не было конца. И это в преддверии зимы. Поры, что была на Севере беспощадной.

Безжалостной. И кого не поглотили стальные жернова войны и огня, добьет холод и голод.

Глубоко вдохнув, уставилась на свое едва уловимое отражение в окне. Оно было серым, молчаливым. Рыдало десятками дождевых капель и разводов.

— Я пленница? — вдруг произнесла девушка, не отрывая взгляда от удручающих пейзажей за окном.

— Вы моя гостя, — ответил ассур, чуть склонив голову к плечу, внимательнее разглядывая свою спутницу.

— Тогда я могу вернуться? — повернула к нему лицо, широко распахнув карие глаза.

Что-то в ней взметнулось, всколыхнулось, заполнив тесное пространство тем самым едва ощутимым, умопомрачительным ароматом. Райан невольно подался чуть вперед.

— Ну Вы же не станете меня огорчать, — улыбнулся, протягивая ей руку ладонью вверх. Мгновение, глупая надежда в больших глазах почти осязаемо затухает. Кивнув каким-то своим мыслям, Айя вложила свои тонкие, холодные пальцы в его руку.

— Я обещаю. Поверьте, Айя. Поверьте мне. Вам ничего не угрожает.

Он говорил тихо. Мягко. Успокаивающе.

А девушка решительно не понимала, что ему от нее нужно. Зачем она ему? Безродная шлюха его врага. Так о ней говорили гвардейцы Гилиаса и солдаты Империи Юга.

А по факту не нужная ни тому, ни другому...

Недели в пути тянулись для Айи бесконечной чередой дорог, постоянных домов и харчевен. Длинная конница сопровождала их почти везде. Разве что на постой служивые останавливались в полях и лесах, разбивая небольшие палатки и разжигая костры. Дождь кажется совсем им не мешал. Айе даже порой казалось, что если бы не она, гвардейцы и вовсе бы не останавливались на пути к дому. Тренированные и выносливые, они были привычны к долгому пути и непогоде.

И там, под крышей очередного чужого дома, произошло самое настоящее чудо, которого Айя ждала с замиранием сердца, опасаясь, что возможно что-то идет не так.

Она как раз закончила купаться, вылезая из большой деревянной лохани и заворачиваясь в плотную, широкую холстину. Замерла у кровати с пестрым покрывалом, засмотревшись на маленький, пляшущий огонек свечи, когда почувствовала легкое, едва уловимое шевеление внутри. словно маленькая рыбка, оттолкнувшись от толщи воды. А затем еще и еще. Затаив дыхание, Айя облапила свой живот дрожащими руками. Заволновалась. Встрепенулась. Зашептала что-то сбивчиво-благодарное своей искорке.

Нестерпимо захотелось показать ему это волшебство. Разделить этот трогательный момент. Чтобы он тоже почувствовал. Узнал. Ощутил.

Не успела понять, что произошло, только приглушенно охнула, прижимая к влажному телу холстину. Едва удержалась на ногах, оглядываясь по сторонам. Осознала себя в тесном полумраке низкого шатра. Нирхасс спал, привалившись спиной к массивному сундуку. Одетый, прижимая к себе тяжелый меч с искусной гравировкой на мощной рукояти. Даже во сне его поза оставалась какой-то напряженной, а меж бровей залегла недовольная складка. Айя заметила на его плече и мощной груди окровавленные бинты, что выглядели из-за ворота расстегнутой на верхние пуговицы рубахи. Невольно вся подалась вперед. Ноздри ассура вздрогнули. Еще раз и еще. Мужчина распахнул сонные глаза, удобнее перехватывая свое оружие. И замер, чуть приоткрыв рот и глядя прямо на Айю. Дернулся к ней, как-то отчаянно, болезненно. Айя, моргнув, шагнула навстречу и уперлась бедрами в подоконник,

глупо глядя в темноту за окном гостевого дома...

Сдавленно выдохнула, обнимая себя дрожащими руками.

Ей невыносимо хотелось обратно, в тесноту пропавшего его потом и кровью шатра.

Но снова были недели дорог, нервирующее соседство принца южных земель и опостылевший до тошноты дождь.

Южные земли отличались от Севера.

Осень здесь была мягкая. Тягучая. Пестрела яркостью листьев, пригревала солнечными лучами. Пахла сеном и гречишником. Тянулась бесконечными холмами вдоль спокойных, лазурных вод моря.

Аяй не сумела сдержать восторженный вздох, наблюдая эту потрясающую картину из приоткрытого окна кареты. Райан самодовольно улыбнулся, будто бы красота природы была его личной заслугой. Стукнул ладонью по стене, призвав возницу притормозить. Ловко спрыгнув на пыльную дорогу, предложил девушке руку, помогая спуститься. Провел вниз по незаметной тропке меж высокого, колючего кустарника к самому белому песку.

Не удержавшись, Аяй осторожно высвободила из его твердой хватки свою руку и присела, расстегивая застёжки на растоптанных ботинках. Подмелив и отвернувшись, зарылась в нижних юбках, скатывая по ногам теплые, коричневые чулки. Примостив это все среди жухлой травы, шагнула по нагретому за день песку, блаженно жмурясь под ярким солнцем. Не замечая слегка удивленного, излишне пристального взгляда Райана.

Прошла вперед, зарываясь пальцами в приятную сыпучую массу. У самой воды остановилась, восхищенно глядя на острые скалы, что вырастали вдаль из самой воды и тянулись в голубую высь, где протяжно кричала какая-то птица.

Вытянув одну ногу, робко коснулась воды.

Прохладная.

Ступила дальше, погрузив ноги по щиколотку и развернувшись пошла вдоль дикого пляжа, не обращая внимания на промокший подол платья и нижних юбок. Легкие волны оглаживали ее ступни, даря приятные, расслабляющие ощущения. Накатывали, мимолетно обнимали и тут же спешили обратно, в яркую лазурь.

Райан шел рядом, заложив руки за спину, бросая на девушку короткие взгляды. Его светлые, длинные волосы, отливали медным на солнце и глаза казались необычно яркими. Какими-то нереальными.

Принц, определенно, был красивым мужчиной.

Поймав на себе внимательный взгляд спутницы, ассур вопросительно приподнял бровь.

— Зачем я Вам? — решила задать мучающий ее вопрос Аяй. Здесь, где окружал такой необъятный простор и теплый, соленый ветер ерошил ее волосы, было не так страшно, как в тесноте дорогой кареты. Поэтому она и решила, страшась услышать ответ.

Аяй не тешила себя глупыми надеждами, что она и правда гостя. Это было далеко не так. И она это хорошо понимала. Райан увез ее против воли, максимально смягчив ее положение. Но, как бы то ни было, девушка являлась его пленницей, пусть и окруженной удобствами и иллюзиями безопасности. Чего она решительно не понимала, так зачем оно ему было надо? Мысли на этот счет в ее голове роились разные, но ни одна из них не сулила Аяйе ничего хорошего.

— Я же говорил, Вы моя гостя, — помедлив произнес Райан, опустив взгляд на свои высокие сапоги, — хочу показать, как прекрасен Юг.

— Я вижу, — протянула Айя, отвернувшись к морю. — Но ведь это не все.

Принц глубоко вдохнул, девушка чувствовала, что эта тема ему не нравится.

— Давайте пока остановимся на этом, Айя. Не усложняйте...

Легко ему было говорить. Не усложняйте. Экий пустяк. Будто бы речь шла о планах на вечер, а не о ее жизни. Что уже больше года напоминала девушке самый настоящий ад. В котором она больше не могла принадлежать себе.

Настроения на дальнейшую прогулку не осталось. Молча развернувшись, Айя поторопилась к виднеющейся вдали тропке. Подхватила оставленные на траве вещи и как была — босая, направилась к карете. Спиной ощущая чужой тяжелый взгляд.

И снова тряска, теснота и духота. Снова внимательный янтарь, что неотрывно следил за ней из темноты напротив.

Дом Правящей Семьи юга был огромен. Напоминал мощную, нерушимую крепость из блестящего на солнце белесого камня. Он возвышался среди отвесных скал, прямо над бушующими водами моря. Имел одну подъездную дорогу, что хорошо просматривалась со сторожевых башен, а потому их появление стало заметно задолго до того, как средний сын юга и его небольшая армия достигла враг. Встречали принца пышно и помпезно. Кланялись, выстилали дорогу и лестницу плотными золочеными коврами. Подносили в кубке освежающий напиток, благоговейно вздыхали. Сам Райан этим тяготился, считая подобные церемонии пережитком прошлого. Ненужным и утомительным анахронизмом. Старательно прятал за своей спиной Айю, тщетно пытался укрыть собой от любопытных глаз придворных, что жадно таращились на вздрагивающую от пристального внимания девчонку.

Лично проводил ее в дальнее крыло, показав выделенные ей покои. Комната была большой и светлой. С мягким, пушистым ковром и огромной кроватью, завешанной невесомым, прозрачным балдахином, что ритмично колыхался под сквозняком из открытого узкого окна. На маленьком столике с резными ножками расположился вазон с диковинными фруктами. Два плетенных кресла и небольшой камин под огромной картиной морского заката. Неприметная дверь за причудливым, расписным шкафом довершали убранство нового жилища Айи.

Все было каким-то тонким, извилистым, легким. Непривычным.

Север был суров даже в убранстве домов. Там все было добротным и массивным. Грубым. Надежным. Мужским. Его...

— Располагайтесь, Айя, — вывел ее из странного оцепенения тихий голос Райана. — Мне нужно отлучиться, навестить отца. Я пришлю к Вам горничную, она поможет со всем. Не стесняйтесь. Позже я обязательно зайду к Вам.

И коротко поклонившись, быстро удалился. Оставив Айю в одиночестве чужих покоев, прижимающую к груди своей нехитрый скарб.

Опустив мешок на пол, Айя прошла к двери, тихонько толкнула тяжелую створку. Открыто. Сразу за ней обнаружили двое молчаливых стражников, что скосили на нее равнодушные глаза.

Охрана.

Стерегут важную «гостью».

Прикрыв дверь, прижалась к ней спиной, снова осматривая помещение. Холодно. Равнодушно.

Обреченно.

На ватных ногах прошла к окну, глядя на темные воды далеко внизу. Обхватила себя руками, зябко поежившись.

— Ну здравствуй, моя золотая клетка...

Губы ее дрогнули в горькой ухмылке.

Глава десятая

Дни слились для Аии в одну сплошную монотонную ленту спокойствия, в которой она получила нежданную передышку. Девушка много спала, подолгу сидела в плетеном кресле у камина или распахнув витражные створки большого окна смотрела на искрящуюся поверхность воды.

Она словно застыла, существуя только по инерции, просто потому что так было надо.

Покидать восточное крыло, где ей были выделены покои, Аие не позволялось. Да она и не стремилась. Райан хорошо позаботился о ее удобстве. Стоило девушке спуститься по искусной винтовой лестнице вниз и пройти в широкую вычурную арку, неизменно в сопровождении молчаливых стражников, как она попадала в необычайной красоты сад, раскинувшийся под стеклянным куполом высокой крыши. Он был настолько большим, что Аие понадобился не один день, чтобы весь его обойти. Особенно девушке полюбилось тихое место, скрытое от глаз цветущим кустом белых роз. Там в тени плакучей ивы, на резной скамейке пленница проводила почти все свое время. Смотрела на маленький прудик, на кувшинки и мерное колыхание осоки. На стрекоз и водомерок, слушала голоса диковинных птиц и упивалась сладкими ароматами цветов. Гнала от себя тревожные мысли о тех, кто остался в далеких землях Шаррихасс. Противный липкий страх в те мгновения сковал ее всю, мешая дышать. А еще отчего-то она чувствовала жгучий стыд за то, что находится так далеко, в покое и красоте. В иллюзорной видимости безопасности. Когда ее товарищей возможно уже унес за черту голод или жесткая рука сумасшедшего Гилица...

Очень часто ее сопровождал принц, вовлекая в обыденные, ничего не значащие беседы. Отвлекал, видя ее понурюю задумчивость. Тепло улыбался, угощал необычными сладостями и наряжал в дорогие, непривычные ей наряды. Ужинал с нею каждый вечер в светлой и уютной кухне, за широким и круглым столом у распахнутого настежь окна. Завороженно наблюдал, как соленый ветер играет с ее волосами, перебирает их и легонько взметает под теплыми лучами заходящего солнца. Посмеивался, глядя на замешательство девушки при виде множества столовых приборов и довольно кивал, когда она, плюнув на все использовала те, что казались ей удобными или и вовсе ела руками.

Показал ей неприметную калитку, что вела из сада на небольшой пригорок и мощенную камнем дорогу под ним. И приводила путников к маленькому, окруженному темными скалами пляжу. Там Аие тоже нравилось. Она часто брала с собой плед, расстилала у огромного валуна и подолгу смотрела в даль, всласть дышала прохладой и вздрагивала от странного удовольствия, когда соленые, освежающие брызги, гонимые ветрами, попадали ей на лицо. Прислушивалась к активности жизни, что щекотала ее изнутри. Легонько пиналась, вызывая на девичьем лице блаженную улыбку и робкие вздохи ни с чем несравнимого счастья.

И здесь Райан иногда бывал с нею. Просто сидел рядом и смотрел, не решаясь, а может и не желая заговорить. Его присутствие больше не тяготило девушку, стало привычным. Знакомым.

Он ничего от нее не требовал, не пытался узнать или выведать. Не давил, не угрожал, не запугивал. Просто был рядом. Зачем-то окружая свою пленницу уютом и теплом.

Но зачем?

Как долго продлится это странное, почти нереальное затишье? Ведь не могло же оно

продолжаться вечно. И какие-то цели у асура все же были, пусть он и не спешил раскрывать карты.

Были дни, когда Райан был хмур и задумчив. Зол.

Тогда он нарочно искал с Аей встреч, неизменно успокаиваясь в ее немногословном, тихом обществе. Начинал дышать ровнее, а из янтарных глаз уходила тревога. Отступала, уступая место привычному любопытству. Дал «гостю» доступ к старой, маленькой библиотеке. Которой по всей видимости уже много лет никто не пользовался. Книжки и полки, тонкие статуи и камин — все было покрыто толстым слоем пыли. Ахе там нравилось, среди запаха затхлости и старых книг.

А однажды, в день когда море у подножья крепости бушевало, вспениваясь яростными волнами, обрушивалось гневно на скалы, а проливной дождь шумно тарабанил по прозрачной крыше сада, принц нашел Айю в ее излюбленном месте, под тонкими прутьями ивы. Коротко поклонившись, присел рядом, переводя взгляд на журчащий неподалеку фонтанчик.

Ему нужно было успокоиться, выдохнуть, привести мысли в порядок. И лучше всего это получалось сделать рядом с нею. Это открытие вначале сильно удивила Райана, если не сказать испугало. Но со временем он свыкся с этой новой необходимостью, даже находя в ней некое странное удовольствие.

И вот сейчас он приходил в себя, начинал дышать ровнее, и тревога его отступала. Вести с полей уже давно приходили весьма неутешительные. Взять столицу севера так и не удалось. Их армия едва ли смогла продвинуться в глубь страны. Войско под предводительством этого проклятого Дор Шаррихасса словно обезумело. Они так яростно защищали свой дом, что смертями врага не было конца, приграничные утопали в крови. Потери Империи Юга исчислялись уже десятками, сотнями тысяч! И самым неприятным было то, что гибли асуры. Ценнейшая, исчезающая кровь. Отец Райана был весьма неосмотрителен и самонадеян, решившись на это необдуманное вторжение. Но главе Правящего Дома нужно было показать свое могущество и недовольство новыми союзами Севера с этими убогим, диким пиратским отродьем — лаграми, что обитали за холодным морем. Юг не мог допустить еще большего укрепления ближайшего соседа. Империя не терпела соперников своему величию, оставаясь мощнейшей из держав их мира.

А сегодня доложили, что земли Шаррихасса освобождены. Сумасшедший король и его отпрыски обезглавлены на главной площади столицы, алые флаги вздернуты на высоких шпилях. Рог трубит о смерти предателей громко. Оповещает мир о справедливом возмездии. Загорье стерто с лица земли. Север впервые одерживает победу под предводительством безродного, преданного королевского пса Нирхасса Дор Шаррихасса. За считанные месяцы. Быстро и неумолимо. Империя оказалась не готова к такому неистовому отпору. И теперь придется за это платить...

Лицо Райана некрасиво искривила очередная гримаса злости.

Но у него есть маленький козырь для бешеной сероглазой псины...

— Вы в порядке? — подняла на него большие глаза девушка, чуть придвинувшись, заглядывая в его лицо.

Ассур тряхнул головой, отгоняя от себя тягостные думы и тепло улыбнулся. Ему было приятно ее беспокойство.

— Все хорошо, Аяя, — улыбнулся мужчина, переводя взгляд на ее аккуратный, округлившийся живот.

Райан видел, как она таилась и оберегала свою маленькую тайну, с каждым днем становящуюся все заметнее. Все очевиднее. Но не торопил и не наседа, давал ей время рассказать все самой. И видимо это время пришло.

Девушка, опустив глаза и плотнее кутаясь в темный палантин, произнесла:

— Я жду его ребенка.

Принц ухмыльнулся, удобнее откидываясь на скамейке.

— Я знаю, маленькая госпожа, — кивнул ассур, с удовольствием глядя на ее растерянное лицо. — Неужели Вы думали, что я настолько глуп и слеп, что не замечу очевидных вещей под своим носом? Ваш маленький секрет, для меня уже давно не тайна. Если быть точным, то с момента нашего отъезда из северных земель. Я не хотел давить, ждал, когда Вы созреете сами, чтобы поделиться со мной.

Но были у нее и еще секреты, которых принц пока не мог разгадать. Но так этого жаждал, что девушка стала его личным наваждением. Тогда, в окружении отребья Гиблиаса он заметил это. Всего доли секунды, неуловимые человеческому глазу. Но Райан не человек. Он видел, как отшатнувшись от меча, девушка растворилась в пустоте, а через мгновение появилась снова, вся пропахшая битвой, в крови асура. Одного из генералов юга. Упала, теряя сознание.

И если в начале он сомневался стоит ли везти игрушку пса с собой, то в тот миг все окончательно было решено. Он бы не оставил такую диковину в стенах Шаррихасса. Ни за что.

А за время длительного и тесного пути, ему открылось ее охраняемая ото всех тягость.

Айя слушала его, чуть приоткрыв рот. Кивала своим мыслям.

— Поэтому я здесь? — спросила, отворачивая бледное лицо к пруду.

— Это одна из причин, — коротко ответил мужчина, боялся самому себе признаться в остальных, начиная понимать своего врага.

— И что теперь? Вы отнимите ее у меня? — затаив дыхание прошептала Айя, помедлив пояснила. — Она ведь первый ребенок асура за столько веков.

Она? Надо же...

Райан замер, глядя как ее дрожащие руки с изуродованными пальцами бережно обхватили живот. Как быстро вздымалась ее грудь от волнения. И как поникли хрупкие плечи.

Так вот чего так боялась эта женщина! Вот почему таилась.

Умная девочка.

— Никто у Вас ничего и никого не отберет, Айя. Я ведь обещал. Говорил, что Вам ничего не угрожает, — выпалил ассур быстрее, чем того хотел. Удивляясь своему глупому порыву успокоить.

Она только кивнула, не поворачиваясь к нему. Продолжала смотреть на тихую гладь пруда, слушая шум дождя и спокойное дыхание мужчины рядом с нею.

Неконтролируемое желание защитить терзало Райана уже несколько недель. Он сам себе не мог объяснить с чем это связано. Утешался мыслями, что виной тому было ее бесценное для крови асурин бремя. Такое нужное им всем, испробовавшим все методы и способы, потерявшим всякую веру и уже готовым быть последними свидетелями увядание своего вида. Пусть и из семени врага, но ярким светом расцвела надежда целого народа, согреваемая искалеченной плотью чернавки.

И если она смогла зачать от Шаррихасса, сможет и от него. Сможет ведь?

Эта мысль отозвалась сладким томлением в груди принца. В который раз за день, удивляя самого себя.

— Айя, ты веришь мне? — задумавшись, перешел на обыденное «ты» ассур.

Девушка только неопределенно пожалала плечами, тихо прошептав.

— Очень хочу, Райан.

Он проводил ее в покои, аккуратно придерживая за руку. Удивляясь, почему у нее всегда такие холодные пальцы. Распорядился у слуг, что маленькая госпожа будет сегодня ужинать у себя и отправился в кабинет к отцу и старшему брату. Предстоял непростой и долгий разговор в свете предстоящих переговоров и заключения новых договоров. Райан был рад, что проведет перед этим девушку. Теперь он был спокоен и собран, от прежней злобы ни осталось и следа.

Ужин в Айю не лез. Она уныло ковыряла вилкой в тарелке, погрузившись в свои мысли, уперев невидящий взор в картину над камином. Хоть и видела пленница только своих стражников и молчаливую горничную, а общалась и вовсе с одним лишь принцем, от Айи не укрылась всеобщая напряженность. Все были взволнованы. Что-то происходило. Что-то, несомненно, важное, что ей разумеется никто не поведал бы. И это напрягало. Давило. Неизвестность пугала Айю больше всего. Сводила с ума. Заставляла метаться девушку в своей художественно обставленной тюрьме, не находя покоя. Очень хотелось понимать, что все-таки творилось, и что ждет ее саму. Но ответов не было...

Айя вздрогнула, оглядываясь на звук. В ее покои величественной походкой вплыла высокая женщина. В пышном платье с глубоким вырезом. На тонкой шее блестел массивный алый камень на тонкой золотой цепочке. Незнакомка была дамой в возрасте, но это не портило ее хищной красоты. Кровь ассурин очень шла местным женщинам. Россыпь жемчуга в высокой прическе переливалась под пляской огня из камина, мягко гармонировала с чернотой ее волос. Тонкое лицо ночной визитерши было надменным. Горделивым. Гордый подбородок, высокие скулы, тонкий, аккуратный нос и россыпь приятных морщинок у янтарных глаз.

Айя встрепенулась, спешно поднимаясь из-за стола, задевая платьем тарелку. Вилка с неповажительным грохотом повалилась на каменный пол.

Женщина брезгливо сморщила красивый нос, преодолевая разделяющее их с девушкой расстояние. Остановилась в паре шагов и вцепилась в несчастную цепким, изучающим взглядом. У Айи встали дыбом короткие волоски на коже, заставив нервно передернуть плечами. Тихо пискнула, когда тонкие, сильные пальцы сжали ее подбородок, заставляя придвинуться ближе, привставая на носочки. Ассур смотрела на нее с нескрываемой неприязнью, с искренней, всепоглощающей ненавистью. А еще в ярких, злых и умудренных веками глазах незнакомки Айя читала страх. Настолько явный, что бедняжке сделалось не по себе.

— Ты погубишь моего сына, — шепнула она, закусывая ярко на помаженную губу, — погубишь всех нас.

Айя вздрогнула от ее тихого, вкрадчивого голоса.

— Мама, — раздалось ровное и спокойное за от двери, — отпусти ее.

Женщина напряглась, расцепила стальную хватку и величественно расправив плечи, повернулась к стоящему в дверях Райану. Молча подошла к мужчине, прикладывая руку к его

щеке. Принц, перехватив ее, прижал к себе сильнее, целуя в открытую ладонь. Коротко кивнул, позволяя королеве Южной Империи покинуть полумрак покоев пленницы ее горячо любимого чада.

Айю била крупная дрожь. Девушка никак не могла заставить себя вдохнуть. Этот короткий, ночной визит выбил почву из-под ног несчастной. Мощь и сила, исходившие от этой женщины внушали самый настоящий ужас.

Райан быстро оценив состояние своей гостии, молча прошел к столу, налил в высокий бокал воды из запотевшего графина и протянул его Айе. Девушка с благодарностью его приняла, жадно глотая холодную воду. Тяжело опустилась в кресло, прикладывая холодную ладонь ко лбу. Ассур опустился в кресло напротив, внимательно заглядывая в перепуганное девичье лицо.

— Как ты? — спросил, видимо решив больше не утруждать себя почтительным «Вы», считая Айю достаточно близкой себе.

— Нормально, — выдохнула девушка, ставя пустой бокал на стол и откидываясь обратно на спинку плетеного кресла.

Райан понимающе хмыкнул.

— Королева может быть излишне резка, прошу простить ей эту слабость. И могу заверить, подобное больше не повторится. Никто тебя впредь не потревожит.

— Спасибо, — кивнула Айя, приходя в себя.

Кажется, только короткий взгляд, пара фраз, а бедное сердечко зашло в ужасе, затрепыхалось. Женщина была куда опаснее своего сына. По крайней мере Айе так показалось.

Принц, сидя напротив молчал, смотрел на яркий огонь в камине. О чем-то задумавшись. Айя изучала его профиль. Спокойный, мужественный. Отчужденный.

Когда он заговорил девушка невольно вздрогнула.

— Через пару дней мы должны быть в Калиаре — нашей резиденции в нейтральных землях. Туда же прибудет делегация северных. Будут обсуждаться условия перемирия.

Айя вся встрепенулась.

— Так это же хорошо! — воскликнула она. — Значит войне конец и не будет больше всех эти смертей, этого ужаса!

— Хорошо, — криво усмехнулся Райана, не отрывая глаз от огня. Только вот Империя теперь в очень невыгодном для нее положении. Все-таки отец очень поторопился в своем решении продемонстрировать абсолютную власть. Но девчонке это знать ни к чему. — Ты поедешь со мной.

— Что? Зачем? — опешила Айя.

— Неужели не хочешь развеяться? В Калиаре довольно красиво. Не бойся, туда всего день пути.

Бывшая служанка глупо хлопала глазами, не зная, что на это возразить. Да и понимала, что это будет тщетно. Райан уже принял решение и просто ставит ее в известность. А значит все не спроста, ассуры редко делают что-то просто так.

Но как же здорово, что войне приходит конец!

— Отдохни хорошо, Айя. Выспись. Мы выдвигаемся завтра.

Поддавшись непонятному порыву, Райан вдруг дернулся вперед, прижимаясь горячими губами ко лбу вздрогнувшей девушки. Айя замерла, приоткрыв от неожиданности рот. Все в ней встрепенулось. Напряглось. Но также быстро и неожиданно мужчина отстранился,

поднимаясь и коротко кивнув, направился прочь из ее покоев.

А ближе к обеду следующего дня, несколько карет в окружении невозмутимых стражников отбыли в нейтральные земли. Где простирались только степи, с возвышающимся над ними одиноким городом Калиаром. Его еще называли Тихим Пристанищем и Последней Грядой. На его территории находились резиденции всех Правящих Домов, а также разводились лучше скаковые лошади, что стоили невообразимых денег. Жителей Калиара насчитывалось не больше трех-четырёх тысяч. В основном люди из знатных и древних родов, что стремились угодить всем и сразу, разрывались между главами асуров, не решаясь принять чью-то сторону. Трусы и торгаши. Знающие толк в лошадях и бывающие полезными, а потому еще живущие. И даже процветающие.

Айя с любопытством смотрела по сторонам, буквально прилипнув носом к окну. Восхищенно вздыхала, кивала и простодушно тыкала пальцем, привлекая внимания Райана к золоченым, утонченным домам и домишкам. К широким фонтанам, что были установлены прямо на крышах, на сады с облетевшими уже деревьями и длинную, испещренную огнями вереницу конюшен.

Представительство Империи возвышалось чуть ли не в самом центре города, большой белой машиной. Как бы кричало и заявляло о своем главенстве. О том, что южане первые во всем. Лидеры.

Ступив на гладкий камень подъездной дороги, и глубже кутаясь в теплый плащ под холодными порывами ветра, Айя осмотрелась по сторонам. Замерла, глядя на далекий холм на отшибе и темный, слегка грубоватый замок на нем. Северяне, догадалась она. И сердце предательски сжалось, томительное и горячее заскреблось внутри. Рука в ладони Райана дрогнула, привлекая его внимание. Мужчина нахмурил светлые брови, проследив за взглядом своей маленькой спутницы. Поспешил утянуть ее в дом, минуя всех важных советников и других господ высоких чинов, что прибыли с ними. Провел по широкой, каменной лестнице наверх. Разместил в соседних с собой покоях. Распорядился о горячей воде и ужине и скрылся на первом этаже, увлеченный долговязым и усатым советником, с колючими белесыми глазами.

Весь вечер Айя слонялась по комнате, не зная куда себя деть. Время тянулось непозволительно медленно. Даже теплая ванна не придала ее настроению и толики веселости. Уснула далеко за полночь, изворочившись на мягкой перине, удобно умащивая между колен толстое одеяло и поглаживая напрягшийся живот.

Весь следующий день просидела в покоях, как и было велено.

А ближе к вечеру, шустрая девчушка из obsługi принесла ей наряд, поклонившись оповестила, что нужно собираться и она поможет уложить Айе волосы. Куда собираться, горничная, к сожалению, не поведала. Сказала только, что это распоряжение Его Высочества. Не оставалось ничего другого, как послушаться.

Девушка кружилась над растерянной госпожой не меньше двух часов, что-то колдовала с ее волосами, вздыхала и причмокивала. Помогала надеть платье. Искренне впечатлялась таким чудесам, как тушь и помада, вызвав на лице Айе добрую улыбку. Не удержавшись, подарила служанке один из своих блесков для губ.

— О! Госпожа, спасибо! Это такой дорогой подарок! Мне все обзавидуются! — запричитала девушка, пряча необычный гостинец в кармане серого платья.

Закончив собирать странную даму с кучей ужасных шрамов, служанка одобрительно закивала. Поднесла подсвечник ближе к зеркалу. Айя уставилась на свое отражения, замерев

немым изваянием.

Светлый, бежевый шелк струился по ее телу, обрисовывая тонкий силуэт. Заметно подчеркивал высокий живот и наливающуюся с каждой неделей грудь. Ласкал ее плечи, оставляя руки открытыми. Платье было с высокой талией, подвязывалось нежной лентой под грудью. Мягко ложилось приятной прохладой на кожу. Волосы, собранные на затылке в незамысловатый пучок, обрамляли ее лицо небрежно выбившимися, чуть завитыми прядями. Глаза горели лихорадочной нервозностью в обрамлении темных, накрашенных ресниц. Горничная, подойдя сзади, накинула девушке на плечи тонкое белоснежное кружево. Айя всунула руки в невесомые, но плотно обхватившие ее рукава, застегнула маленькую жемчужину пуговицы все там же — под грудью. Больше всего накидка напоминала длинный, прозрачный халат, весь сотканый из тончайших узоров, что струились вдоль ее тела искрящимся водопадом и спадали тонким шейфом у ног в мягких белых туфельках. Так похожих на современные балетки.

Девушка смотрела на свое отражение и не могла припомнить, когда последний раз она так нравилась самой себе. Впервые за последние, бесконечно долгие месяцы.

Вздрогнула, оборачиваясь к двери и робко улыбнулась замершему в полоске света ассуру. Райан смотрел на нее так пристально и неотрывно, что Айе стало не по себе.

— Ступай, — коротко приказал он благоговейно склонившейся перед ним горничной и подошел к своей пленнице. Заставил повернуться обратно к зеркалу, зашуршал чем-то за ее спиной. Когда разгоряченной длительными приготовлениями кожи коснулся тонкий холод металла, Айя вздрогнула. В ложбинку ниже ключиц упал аккуратный камушек янтаря, подвешенный на золотую цепочку. Хищно блеснул цветом глаз мужчины, что возвышался над ней больше чем на две головы, застегивая на тонкой шее украшение.

— Красиво, — шепнула Айя, приласкав кулон указательным пальцем.

— Очень, — подтвердил Райан, глядя на ее отражение в высоком напольном зеркале, в свете пляшущих огоньков свечей.

Перехватив ее руку, и примостив на сгибе своего локтя, повел девушку к выходу. Ассур тоже был во всем бежевом и белом. Сверкал длинной серьгой в ухе и собранными в тугую хвост волосами. Пах чем-то свежим, мятным. Уже знакомым. Шагал по коридорам медленно, подстраиваясь под движения своей спутницы. Айю то и дело потряхивало от волнения, руки ее дрожали.

— Не волнуйся, — склонился к ее уху Райан, — все самое важное уже позади. Соглашения заключены, договоры подписаны. Остался лишь утомительные фестиваль притворства и лицемерия. Готова? — спросил он, чуть улыбнувшись, когда они оказались у экипажа.

Айя утвердительно кивнула.

Даже не представляя, насколько на самом деле она не готова...

У нарочито вычурного, кричаще помпезного — украшенного, как новогодняя елка дома их встретил вышколенный лакей. Проводил дорогих гостей в теплое нутро ярких помещений. В голове Айи яркой вспышкой возникло воспоминание, в котором она — жалкая чернавка, воровато подглядывает за прибывающими в имение господами, что кажется ей нисшедшими с небес божествами. И вот она теперь здесь, среди этих существ, в качестве той самой важной гостьи.

О как причудлива и насмешлива порой бывает судьба.

Все так же опираясь на руку Райана, Айя шла вслед за ровной спиной лакея. Затормозила, когда тот остановился у широкой, залитой светом лестницы, ведущей куда-то вниз.

Непозволительно громко прозвенел колокол, и лакей бесстрастно оповестил:

— Его Высочество средний принц Правящего Дома Юга и Южной Империи — Райан Амадей Третий и его дама — госпожа Айя.

Вокруг тут же повисла звенящая тишина, заложившая несчастной, вышеупомянутой госпоже уши. Ассур двинулся вперед, высоко задрав голову и нацепив на красивое лицо одну из своих обворожительных улыбок.

Внизу послышался гомон множества голосов, стук каблучков и лязг бокалов.

Едва они ступили на лестницу, как Айю ослепил яркий свет от гигантской люстры, украшенной кажется тысячами свечей. В нос ударила какофония всевозможных запахов. Табак, вино, сладкие духи и пот. Несчастливая чувствовала на себе пристальные взгляды нескольких десятков пар глаза, страшилась оступиться на ступенях, крепче хватаясь за локоть Райана. Тот послушно напрягал руку, накрывал ее холодную ладонь своею, горячей и чуть влажной. Нервничал, не подавая виду.

И когда до каменного пола залы оставалась всего пара ступеней, Айя решила поднять глаза и тут же осеклась, замерла. Дыхание ее оборвалось на полувдохе, спертое в грудной клетке, заточенное там серым пронзительным пламенем.

Нирхасс.

Ее невозможный, самый желанный мучитель стоял в отдалении, в тени широкой, белой колонны. Возвышался над всеми огромным ростом, чернотой волос и облачения. Был безупречен. Красив. Холоден. Лишь устремленный на нее взгляд пылал праведным гневом, дикой яростью и необъятной, почти осязаемой тоской. Ноздри его подрагивали, шея напряглась, брови недовольно сошлись к переносице.

Не сумела сдержать то ли вздоха, то ли всхлипа, заметив большой, кривой шрам, деливший надвое левую сторону его лица, рассекающий бровь и нижнее веко, спускающийся к самому покрытому легкой щетиной подбородку.

На Айю в ту же секунду обрушились все подавляемые месяцами разлуки чувства. Рухнули старательно возводимые укрепления. Дала трещину хлипкая решимость, под гнетом вырвавшихся эмоций. И первая слеза с того проклятого дня, в затхлой тесноте сторожки, прочертила одинокую дорожку на горячей девичьей щеке. Он имел над ней такую нерушимую, ни с чем несравнимую власть, что делалось страшно.

Серая сталь скользнула по ее лицу, дрогнула заметив каплю слезы. Мужчина вытянулся, становясь еще выше, еще мощнее. Опустился взглядом ниже, где у вздымающейся девичьей груди покоился подарок другого, сцепил до скрежета зубы, удерживая рвущегося наружу зверя. И еще ниже — туда, где легкая ткань обнимала ее округлый живот. Замер, жадно его рассматривая. Из груди девушки вырвался хриплый вздох, больше похожий на стон. А искорка внутри снова толкнулась, так отчетливо, впервые так сильно.

Но тут перед ним, махнув рыжей копной появилась Ширрин. Разорвала их непозволительно долгий, очевидный для каждого из присутствующих в зале, зрительный контакт. Натянула тонкую, звенящую нить меж ними до предела. По-хозяйски примостила изящную ручку на плече асура, не оборачиваясь на замершую в оглушающей растерянности Айю.

Райан, спешно увлек свою спутницу в другой конец зала, невесомо придерживая за

талию. Неестественная улыбка приросла к его лицу, делая его почти восковым, каким-то кукольно чужим.

— Что-то не так? — смахивая с себя оцепенение, спорила Айя, сжимая его ладонь.

Принц, приходя в себя, отрицательно мотнул головой, притискивая девушку еще ближе к своему напряженному телу.

— Кажется, я совершил ошибку, — прошептал он над ее головой, осматривая собравшихся.

Айя тоже обернулась, невольно ища глазами Нирхасса. Его, как и принцессы севера в зале не было. С отстраненным осознанием, бывшая служанка отметила, что ее наряд разительно отличается от платьев других дам. Все они были яркими, пышными, со смелыми вырезами и бантами. Оборками и корсетами.

Возможно поэтому почти все присутствующие с нескрываемым любопытством косились на нее. А может тому была другая причина, девушка не знала. Но все эти взгляды ее пугали и раздражали одновременно, будто бы она стояла пред ними совершенно нагая и незащищенная.

Когда дворецкий оповестил, что столы накрыты и господа могут занимать места, не скрывая облегчения выдохнула. Послушна шла за принцем, сжимая его руку и глядя под ноги.

Только начала успокаиваться, пересиливая разбушевавшиеся эмоции, как вновь оторопела, присаживаясь на отодвинутый предусмотрительным Райаном стул.

Принцесса и военачальник севера сидели аккуратно напротив них. Его, с когда-то безвольной рабыней, разделяли всего лишь несколько блюд и, если бы они решили вытянуть руки навстречу друг другу, касание было бы неизбежным. Айя не без труда подавила в себе этот странный порыв, оглушенная собственным сердцебиением.

Все происходящее воспринималось дурным сном. Насмешкой судьбы, не иначе. Девушка подняла рассеянный взгляд на Ширрин. Женщина смотрела прямо на нее, глаза ее пылали гневом и непониманием, как эта грязная низшая чернавка вдруг оказалась за одним с ней столом. Это не умещалось в ее красивой, пухлогубой головке. А еще она видела, как ее мужчина смотрит на эту грязную девку. Как он тщетно пытается скрыть охвативший его трепет, как весь тянется навстречу. Горит. Никогда за их прожитые, проведенные вместе года, он так не смотрел на нее — принцессу Ширрин. Мечту любого из мужчин. Прекрасную! Неотразимую! Ослепительную!

Черная, всепоглощающая ревность плескалась в груди дочери правителя северных земель.

Айя отвернулась, уткнув испуганный взгляд в тарелку с чем-то горячим, мясным. Схватила первую попавшуюся вилку, вызвав у окружающих пораженные таким грубым невежеством шепотки и охи. Райан мягко указал на нужную, крепко сжав руку девушки под столом. Почему-то белокурый ассур выглядел виноватым, растерянным. Айя робко ему улыбнулась. Напротив, с грохотом шваркнулся о стол серебряный кубок, расплескав по белоснежной скатерти алые пятна. Бывшая служанка вздрогнула, переводя взгляд на злое лицо Нирхасса. Вся сжалась на мягком, широком стуле.

Ширрин нежно коснулась его плеча.

— Нир, дорогой...

Дорогой, не отрываясь смотрел на Айю, сверля ту полыхающим недовольством взглядом. Чуть подался вперед, подхватывая ножом кусочек сыра из нарезки. Протянул ей. И

Айя послушно приняла его, осторожно стягивая тонкий ломтик с острия. Положила в рот. И снова ошарашенные происходящим голоса и причитания. Какой моветон! Какая пошлость! Немыслимо!

А он кормил свою рабыню с ножа на виду у всего высшего света, желая оказаться как можно ближе к ней.

Девушка шумно втянула носом воздух.

Хвоя.

Кедр.

Близкий запах ударил по натянутым нервам. Заставляя прикрыть глаза, и вцепиться зубами в нижнюю губу. С ужасом Айя почувствовала, как потяжелела ее грудь, как сжались и затвердели чувствительные соски. Как защекотало томительное тепло внизу живота, а в промежности стало непозволительно влажно. Нирхасс, Райан и еще один ассур, по левую от девушки руку, синхронно вдохнули.

Ширрин тоже, вспыхивая и сжимая ухоженные руки в кулаки.

Не сумев с собой совладать, Айя подскочила на стуле, глядя на свои ладони, быстро пробормотала:

— Прошу меня простить...

Неуверенным, быстрым шагом направилась прочь из зала. Щеки ее пылали, глаза блестели, а сердце билось в груди, как чумное.

Замельтешила в просторном холле и с облегчением вывалилась на широкий балкон. Вцепилась мертвой хваткой в гладкий камень высоких перил, подставляя лицо холодным, осенним порывам ветра. Задышала часто-часто, прогоняя дурманящее наваждение. Искорка внутри легонько толкнулась, привлекая к себе внимание. Отвлекая.

Айя тихо взвизгнула, подпрыгивая на месте, когда на ее плечи упал теплый, отороченный мехом плащ. Янтарные глаза над ней блеснули непривычным холодом. Молча схватив девушку за руку, ассур потянул ее с балкона обратно в холл, а там и к лестнице. Айя ничего не замечала, быстро перебирала ногами, поспешая за ним. Влетела в широкую спину, сдавленно охнув, когда Райан вдруг остановился.

— Отойди, — рыкнул он кому-то перед собой.

— И не подумаю, — спокойно произнес Нирхасс. — Ты посмел взять то, что принадлежит мне.

Айя перестала дышать.

— Она больше не твоя!

Тихий шорох, и какой-то толчок. Сильное тело Райана напряглось.

— Нир, не смей! — раздался откуда-то сбоку властный голосок принцессы Ширрин. Она почти влетела между мужчинами. — Прошу простить нас, господин.

Снова какая-то возня и стремительный подъем по лестнице, выбивший из Айи весь дух. На верхней ступеньке торопливо обернулась, встречаясь с убийственным взглядом хозяина земель Шаррихасс. Адресованным в этот раз не ей, но спине уводящего ее асура.

И этот его взгляд не сулил ничего хорошего.

Принц буквально заволок ее в подогнанный возницей экипаж. Коротко скомандовал:

— Домой.

Отвернулся к окну, не глядя на перепуганную девушку напротив.

— А как же вещи? — робко поинтересовалась она.

Не поворачивая головы Райан, ответил:

— Их доставят.

И карета спешно помчала их прочь от пестрого дома, по широким улицам, за распахнутые врата Калиара. Унося все дальше и дальше гарант южных земель от места празднования наступившего несколькими часами ранее шаткого перемирия.

Глава одиннадцатая

Крепости достигли ближе к обеду. Всю дорогу Райан был молчалив и напряжен. Игнорировал все попытки Айки поговорить. Дома проводил ее в свои покои, протащил за собой по лестницам, больно сжимая тоненькую ладошку в своей огромной лапище. И не проронив ни слова удалился, громко хлопнув дверью. Оставил девушку наедине с ее перепуганными мыслями и переживаниями.

Не показывался несколько дней.

Исчез.

Айя не находила себе места. Как никогда прежде, уютная темница начала сдавливать ее, мешая дышать. Девушке невероятно хотелось свободы, хотелось бежать — вернуться туда, где необъятное, горячее, серое небо... Где сильные руки и всеми богами проклятый, ненавистный запах кедра. Ее так тянуло к Нирхассу! Настолько, что это становилось просто невыносимо. Мучительно. Физически болезненно.

Непередаваемо хотелось к нему. Единственному.

Айя осознавала свою болезненную необходимость, но принимать не хотела. Тщетно боролась сама с собой, по факту проиграв эту битву уже давным-давно.

Один его взгляд и все рухнуло...

Что он с ней сделал?!

Жуткий! Страшный! Любимый...

Осела в скрипнувшее кресло, давясь слезами и глухим, нервным смехом. Впервые открыто признавшись самой себе. Несчастливая в равной степени горячо и отчаянно любила и ненавидела этого мужчину. И ничего не могла с собой поделать. Совершенно.

А еще нутро Айки выворачивала жгучая обида и едкая, противная ревность. Она не забыла и не простила. До сих пор на ее щеке горел след от его удара. До сих пор бедняжка ощущала сырую затхлость маленькой сторожки, в которой он так жадно брал ее тело и в которой она корчилась от невыносимых мук. По вине его прекрасной невесты. По его вине.

Не защитил. Наказал ни за что. Добил.

Чуть не лишил их обоих чуда. Маленькой безвинного огонька, что обязательно будет похож на него...

— Да породите вы все пропадом! — зарычала, швыряя в стену хрустальную вазу.

Вся затряслась, сжимая до побелевших костяшек подлокотники. Зло пнула низкий столик, наблюдая, как перевернулась широкая корзинка и покатались на пол сочные, зеленые яблоки, замирая в высоком, светлом ворсе ковра.

Незлопамятная и отходчивая по своей натуре, завидев в ярко освещенном зале Калиара рыжую копну волос и надменный, величавый профиль Ширрин, Айя как никогда возжелала мести! От одной мысли, о том чего она могла лишиться, бывшую служанку трясло от первобытной, инстинктивной ярости. На которую способна только мать, ощутившая угрозу для своего дитя. Пусть еще и не родившегося.

И он был с нею! Касался, смотрел. Шел рука об руку!

Книга полетела вслед за вазой, приземлившись в россыпи сверкающих осколков.

Айя подскочила, принялась мерить быстрыми шагами комнату, заламывая руки и шумно дыша. Шипела под нос ругательства. Захлебывалась переживаниями и необъятной, сжигающей ее тоской.

Несколько дней ей потребовалось, чтобы хоть немного прийти в себя. Суметь совладать и примириться с одолевшими ее чувствами. Успокоиться.

Она снова подолгу недвижимо сидела под ивой, на своей скамейке, невольно то и дело оглядывалась на лестницу, ожидая увидеть огромную, статную фигуру принца. Но ассур не приходил. Айю тяготило одиночество. Очень. И если первые дни, девушка ему была только рада, то теперь от нагромождения безучастных стен и молчаливого, давящего присутствия конвоиров, хотелось лезть в петлю. Требовалось с кем-то поговорить.

И несмотря на то, что всю эту встречу подстроил Райан — это было очевидно, иначе зачем он взял Айю с собой? Она все равно по нему скучала. Скучала по тихому и уверенному присутствию, по ровному дыханию и его мягкому голосу. По отвлеченным и легким беседам ни о чем. Да просто по теплу другого живого существа рядом.

— Только ему об этом не говори! — раздался откуда-то сбоку тонкий, детский голосок.

Айя невольно вздрогнула, оборачиваясь. С удивлением уставилась на светловолосого мальчика лет восьми, который зажав меж тонких ножек палку с мордой коня на конце, лихо подпрыгивал и заливисто хохотал, звонко стуча каблуками ярких ботиночек. Весь пестрый, как попугай со множеством колец на тонких, мальчишеских пальчиках, он выглядел очень странно. Как-то неестественно. В блондинистых кудряшках, в такт его прыжкам смешно пружинила серебристая заколка с замысловатыми узорами.

Айя во все глаза смотрела на ребенка, таким необычным он ей казался.

— Грустишь? — понимающе кивнул мальчик, подсакивая к ней ближе, задирая палку и имитируя ржание лошади.

Девушка только неопределенно пожала плечами, не отводя от него растерянного взгляда. И сколько бы не присматривалась, никак не могла различить цвет его внимательных, не по-детски цепких глаз. Он словно менялся, перетекая из одного оттенка в другой, то загораясь слишком ярко и насыщенно, то становясь тусклым и блеклым, почти сливаясь с белками. Это завораживало и пугало одновременно. Айя смотрела на него не отрываясь, не в сила совладать с собой. И сердце ее следовало за всеми переменами в больших глазах маленького незнакомца — то принималось стучать быстро-быстро, гоня по венам кровь и набатом стуча в висках, то резко затихало, почти переставая биться. Айю вело. Не замечая того, она принялась тихо раскачиваться, вцепившись руками в скамейку. Попеременно становилось то дико страшно, то до пустого равнодушия спокойно. То и дело наваливалась и отступала сонливость. Немного тошнило.

— Скажи дитя, что более всего тебя печалит? — спросил ребенок, останавливаясь перед раскачивающейся девушкой. Широко улыбаясь, склонил голову к плечу, звякнул длинной нитью серьги в маленьком ушке.

И Айя, словно не расслышав странного к ней обращения, ответила. Достала из самых потаенных глубин свой самый потаенный страх:

— Я боюсь оставить свой огонек одиноким в этом мире. В нем течет кровь ассурин, а всего лишь человек. Наш век недолог...

Мальчик тихо хмыкнул и закатил глаза, будто бы она сказала какую-то глупость, ерунду, не заслуживающую внимания и переживаний. И снова расхохотался. Да так заразительно, что Айя против воли растянула в улыбке бледные, обескровленные губы. Закивала, улыбнувшись еще шире. Засмеялась вместе с ним, чувствуя, как бесконечным потоком льются по щекам горячие слезы, капают на темное платье, застывают стыдными, влажными

пятнами.

Заметив ее состояние, мальчик вдруг замолчал, сделался очень серьезным. Мрачным. Скривил удрученно пухлые губки и ловко опустился на скамейку рядом с девушкой. Нагнулся вперед, заглядывая в лицо. Пристально. Не отрываясь. Множество бус и цепочек с большими и маленькими кулонами позвякивали при каждом его движении.

— Ты больше не сможешь вернуться в свой мир, девочка. Твое, нужное всем бремя больше не позволит тебе, — высовывая язык и морща нос, сообщил ребенок с бесконечно старческими глазами. Перевел взгляд на круглый живот девушки.

Айя только кивнула, не переставая раскачиваться и обливаясь слезами.

— Я это знаю. Чувствую...

— Тебе горько от этого? Очень больно? Мучительно? — продолжал спрашивать мальчик, почти прижавшись к ней, перебирая тонкими пальчиками сильно отросшие волосы Айи.

— Я скучаю. Всегда буду скучать, — выдохнула несчастная, хлюпнув носом.

Он понимающе кивнул, намотав на указательный палец тонкую прядь.

— А как тебе ассуры? Прекрасные творения, не правда ли? — восхитился малец, болтая худыми ногами.

— Прекрасные, — согласилась Айя, — жестокие, беспощадные, холодные, надменные звери...

Ребенок обиженно надул щеки, отпуская ее волосы и придвигаясь еще ближе.

— Но ты же смогла полюбить одного из них. Да еще так, что вызвала мое любопытство, — зашептал он ей на ухо.

— Смогла, — снова кивнула Айя, всхлипывая.

А мальчишка вдруг спрыгнул со скамейки, загремел всеми своими побрякушками, присаживаясь перед рыдающей девушкой на корточки.

— А хочешь, я расскажу тебе один секрет? — заговорщицки поманил рукой собеседницу, оглядываясь по сторонам.

— Хочу, — без эмоций ответила бывшая служанка, все еще раскачиваясь и наклоняясь ниже.

— Жили когда-то в одном тихом и процветающем мире прекраснейшие создания. Лучшие из когда-либо созданных Творцом того мира. Благородные, величавые, непомерно прекрасные. Наделенные такой невероятной силой, что все другие Творцы восхищались и восхваляли их. Переносили в мифы и сказания своих народов. Но насколько эти создания были совершенны, настолько же и алчны, и жадны до власти! Тысячелетиями они бездумно высасывали силы из Первородного Источника, что питал и поддерживал их. Растрачивали драгоценную энергию на бесчисленные войны и разрушения. Вместо созидания и совершенствования, использовали дарованный им свет на уничтожения и охватившую их род ярость. Безудержную! Похотливую! Стали называть себя Темными, поклоняться и просить защиты у Тьмы и ее Владыки. Которых даже не существовало. И сама жизнь в обход опечаленного их Творца, наказала целый народ, что смел попать ее истоки. Наказала жестоко и беспощадно. Лишила почти всех сил и возможности когда-либо продолжаться. Оставила жалкие крохи способностей и бесконечно долгую жизнь, обрекая их самих и несчастного Творца видеть закат своего лучшего творения. И что он только не пробовал, как не исхитрялся, кого только не привлекал к помощи, но все было тщетно. Носители крови ассурин навсегда утратили магию и возможность размножаться. Прекрасные и холодные

пустоцветы. Обреченные жить и видеть закат своего рода. И от этого ожесточающиеся еще больше, сгорающие в агонии, помня прежнюю свою жизнь и мощь. И, казалось, надежда совсем потеряна, утрачена безвозвратно. Пока из одного очень далекого и закрытого мира отчаявшийся Творец, обходя множество запретов и правил, нарушая равновесие и само созидание, не вырвал одну единственную, подходящую ему душу. Это все, на что хватило его сил. Всего на одного, крохотного человечка! Обычную женщину! Он был опустошен, раздавлен, почти высушен, как и его создания. И все что ему оставалось — просто наблюдать и ждать. Без сил на вмешательство. О, как же горько ему было видеть, как они топчут и ломают с таким трудом раздобытый подарок. Величайший Дар. Единственный шанс. И если они не смогут уберечь этот Дар, он отступится. Перестанет бороться за них, отпустит и дальше уничтожать друг друга, упиваясь остатками иллюзий мнимого величия.

Айя слушала внимательно, но нить истории постоянно ускользала от нее, словно кто-то включил помехи на радио. Воспринимала все урывками и отдельными фразами. Тонкий детский голосок тонул в вязкой и липкой паутине ее несвязных, натыкающихся друг на друга мыслей. Девушка была как в дурмане.

Закончив, мальчишка ловко вскочил на ноги и залихватски свистнув, подхватил с земли небольшой камушек. Сощурился одним глазом, ловко запустил его в спокойную, прозрачную гладь озера. Подпрыгнув пару раз, камушек с тихим бульком провалился под воду, разогнав во все стороны шустрые, спешащие к берегам круги.

А затем снова повернулся к заплаканной девушке, подошел вплотную и почти с нежностью, погладил ее по щеке, смахивая слезы.

— На счет твоего страха, дитя, — помедлив, ребенок привстал на носочки и едва весомо коснулся губами ее лба. Волосы девушки тут же взметнулись, как от легкого сквозняка, а по всему телу пробежалось щекочущее тепло, поднимая табуны мурашек.

— Ох! — выдохнула Айя, встрепенулась, будто бы сбрасывая с себя странное оцепенение, в котором до этого пребывала. С удивлением для себя осознала, что плачет, что вцепившиеся в скамейку пальцы уже начало сводить от напряжения. — Что? Что это было?

— Прими это в качестве извинений, Майя. И забудь о своем страхе.

— Что? Каком страхе? — все еще не понимала девушка, ошарашено оглядываясь по сторонам.

— Пустяки! — выкрикнул сорванец, щелкнув несчастную по носу, и прихватив свою незамысловатую игрушку, резво «поскакал» в глубь сада, цокая каблучками по вымощенным камнем дорожкам. — Вот они удивятся, конечно...

Светлые кудряшки скрылись за широким кустом с голубыми гортензиями. Айя поспешила следом, чуть шатаясь и трясая головой.

— Постой! Подожди! Кто ты? — выкрикнула девушка, выбегая на дорожку.

Но в саду уже никого не было.

Только молчаливые стражники с легким недоумением посматривали на нее со своих привычных мест у арки.

А Айя все стояла и смотрела перед собой с ощущением, что упустила что-то очень-очень важное.

И снова потекли серые и монотонные дни, полные одиночества и тревог. Необъятной тоски. Айя все реже покидала свои покои, сидела в кресле или прямо на полу. Смотрела в потолок или читала скучные, не интересные книги о каких-то древних войнах. Листала

картинки, рассматривая изображения городов и людей. Разговаривала с искоркой, пересказав, наверное, все сказки, которые только знала и могла вспомнить. Шевеления с каждым днем становились все отчетливее и сильнее. Айя в такие моменты замирала, с улыбкой прислушиваясь к ощущениям. С придыханием гладила живот, когда он смешно перекашивался то в одну, то в другую сторону. Представляла, что это спинка или крошечная головка, воображала себе какая она — ее девочка. Мечтательно прикрывала глаза, утопая в накрывающей ее нежности.

В тот поздний вечер Айя уже привычно сидела на полу, обложившись подушками и обставившись подсвечниками. Шуршала страницами книги с картинками животных, убивала время, ни в силах уснуть. Грызла кислое яблоко.

Не смогла скрыть радостного возгласа, обернувшись на скрипнувшую дверь. Райан нетвердой походкой направлялся напрямик к ней. Айя не сразу заметила, что что-то не так. Только когда ассур подошел вплотную и опустился рядом, обдав свою пленницу алкогольными парами, поняла, насколько он пьян. А мужчина приложился жадным глотком к ополовиненной бутылке с янтарной жидкостью. Робкая улыбка медленно сползла с лица бывшей служанки, сменившись настороженностью.

Принца слегка покачивало, вело то в одну, то в другую сторону. Он был в просторной, белой рубаше, расстегнутой на все пуговицы и завязки, выпущенной из легких брюк, на которых жалко болтался отстегнутый ремень. Высокие сапоги оказались грязными у подошвы. Длинные волосы разметались по плечам и спине, едва прихваченные на затылке.

Райан старательно избегал смотреть на Айю, хоть и сидел к ней очень близко.

— Что-то случилось? — осторожно поинтересовалась девушка, отложив в сторону книгу и внимательно глядя на полуночного визитера.

Ассур развязно ухмыльнулся, снова отпил из бутылки и повернулся к Айе всем своим мощным торсом. Глаза его недобро блестели, подбородок с короткой, светлой щетиной слегка подрагивал от беззвучного смеха. Опершись локтем о согнутую в колене ногу, подался вперед. Шумно вдохнул, передернул плечами и снова отпил. Айя не знала, как себя вести, а потому просто сидела на месте и не двигалась. Рассматривала мужчину перед собой. Тренированное, гибкое тело, словно было готово к прыжку. Темные, коричневые окружности сосков очень выделялись на фоне белоснежной рубашки. Мышцы пресса сокращались, подрагивали. Напрягались. Блестела золотом в свете камина тонкая полоска волос, что спускалась от пупка вниз и скрывалась за чуть приспущенными штанами.

— Случилось, — наконец хрипло выдавил он и захохотал — громко, с надрывом. Запрокидывая голову и сотрясаясь всей своей огромной статью, расплескивая содержимое бутылки на светлый ворс ковра и запуская пятерню в растрепанные волосы.

— Хотел проучить этого... этого...

Райан выругался, зло пнул кресло, заставив Айю испугано вздрогнуть. Оно отлетело к камину, жалобно скрипнув, перевернулось.

— Хотел утереть нос! Наказать его! — выдохнул судорожно мужчина. — А получилось себя. Себя! Айя...

Его движения были такими быстрыми и резкими, что Айя едва их различила, только сдавленно охнула, оказывавшись прижатой к тяжело вздымающейся, разгоряченной груди. Чужие горячие губы спешно покрывали ее лицо влажными, короткими поцелуями. Бутыль перевернулась, рухнув между ними, содержимое толчками выливалось на светлое платье замершей в растерянности девушки.

— Айя-Айя-Айя...

Шептал между поцелуями ассур, стискивая ее плечи. Зарывался носом в ее волосы, вздрагивал, тихо постанывая, будто бы это все причиняло ему нестерпимую муку.

— Нет! — восторженно вскрикнула пленница, уперев ладони в покрытую короткими, светлыми волосками грудь. Завертела протестующе головой, отмирая и начиная осознавать происходящее. — Нет!

Ужас сковал все ее тело.

Все повторялось! Все вновь повторялось!

Изменились только декорации и действующие лица.

— Один поцелуй! Только один. Прошу... — взмолился Райан, пытаясь дотянуться до ее приоткрытых губ.

— Нет! Райан! Остановитесь! — закричала, с силой отталкивая его от себя.

— Почему? Почему, Айя? Почему не я? — выпустив девушку из рук, спрашивал принц. Опустившись задом на пятки, тяжело дышал, сверкая расплавленным золотом из-под длинных ресниц. Был заведен. Взвинчен. Разгневан. Сильно нетрезв.

Возбуждение выступало испариной на его лбу и топорщило брюки в промежности. Натягивало тонкую, мягкую ткань.

Поддавшись ему, ассур вдруг дернул Айю к себе, впиваясь в нее то ли поцелуем, то ли укусом. Смял мягкие губ, зажевал. Вторгся наглым языком в ее рот, поделился горьким вкусом спиртного. Девушка забилась в его руках, отпихивая. Толкаясь.

— Только не ты Райан! Ты же... ты же мой друг! Ты просто пьян! — затараторила Айя, борясь с накачивающей паникой и отвращением. Разочарованием. Страхом.

— Пьян! И я кто угодно тебе, маленькая госпожа, но только не друг! О да! Я просто чертовски пьян! А ты... Ты... Всегда такая отстраненная. Такая холодная! Со всеми! Со мной. Но только не с ним! — зло выплюнул принц южных земель, лицо его искривилось, губы сжались в дрожащую тонкую линию. — Как ты можешь хотеть его?! Как, Айя? После всего, что он с тобой сотворил?! Рядом с ним ты как течная сука! Все в том проклятом зале почуяли твоё вожделение! До сих пор этот запах преследует меня! И все для него! Для него, Айя?! Да он тебя чуть не убил, как одну из своих наскучивших кобыл! Покрыл и высек! Оставил подыхать, развлекаясь со своей бесстыжей принцесской! А ты смотришь на него, как на самое большое чудо в твоей жалкой жизни! Рот послушно открываешь! Что еще ты так послушно делаешь, ммм? Расскажи, Айя?! А лучше покажи!

Айя дергалась от каждого произносимого им слова, как от удара. Вся сжалась, губы ее задрожали, а в глазах застыла предательская, жгучая влага.

А Райан подался вперед, хватая ее за легкое платье. Девушку восторженно вскрикнула, рванула в сторону, отползая от него на коленях, цепляясь трясущимися руками за ковер. Взвизгнула, когда ткань натянулась и послышался треск разрываемых ниток...

Оголенной спины коснулся прохладный воздух покоев. Шелк пополз с плеч, не удерживаемый более шнуровкой. Всхлипнув, ухватилась за него, прикрывая грудь. Ассур застыл, внимательно глядя на испещренную страшными, выпуклыми шрамами спину. Невесомо погладил их дрожащими, горячими пальцами. Задышал громче. Глубже. Айю била крупная дрожь. Она сидела не шевелясь, склонив голову, прижимая к груди застывшие, холодные руки с зажатым между пальцами поруганным, истерзанным платьем. Дышала через раз, скудно и рвано, будто воровала чужое.

— И после этого он тебе нужен? — брезгливо процедил Райан, придвигаясь чуть ближе.

А Айю вдруг взяла такая отчаянная злость! Такая вселенская усталость и непосильное отчаяние — хоть вой! Хоть на стену лезь! Да как он смеет?! Кто он такой, чтобы судить ее?! Чем он лучше Нирхасса? Тоже забрал ее силой! Держит против воли в своем доме! Вдали ото всех. От мира! Запер! Закрыл! Присвоил! Откармливает, как свинью на убой, оберегает. Использует марионеткой в своих играх с северянином! Выставил ее разменной монетой! Благодетель...

— Да, нужен! Только он и никто другой! — выплюнула, глядя на принца через плечо полными слез и разочарования глазами.

Райан прошипев себе под нос что-то нечленораздельное схватил ее за руку и с силой дернул на себя. В оглушающей тишине раздался тихий хруст и плечо девушку как-то странно вывернулось. Покои разорвал пронзительный женский крик. Ассур побледнев, тут же разжал свою стальную хватку на ее несчастной конечности, тряхнул головой, вмиг трезвея.

— Как?! Тьма, Айя! Прости! Прости! Я не... Я не...

Осторожно коснулся ее плеча, осматривая и пока девушка не опомнилась, задыхаясь от боли, снова дернул ее руку, надавливая и вправляя на место сустав.

Айя взвыла не своим голосом, запрокидывая голову и шарахаясь от асура в сторону...

... Там, где должна была находиться ее кровать, вдруг оказалась холодная стена. Продолжая скулить от боли, Айя не видела ничего вокруг за пеленой слез. Притиралась к каменной стене, жалея бедную руку. остатки платья то и дело сползали с ее груди и жалко облепляли округлый живот.

Нирхасс смотрел в низкий потолок убогой комнатки постоялого двора. Обдумывал, взвешивал, просчитывал. Вытянул гудящие ноги, откинув тяжелую голову на спинку обшарпанного, провонявшего табаком и потом кресла. И тут же подорвался, услышав душераздирающий женский крик. Ее крик...

Он сотряс маленькое помещение, обрушившись прямо из пустоты.

Айя сидела на коленях в темном углу, жалась к стене, ничего не видела за пеленой слез и всхлипов. Гладила плечо, что-то шептала. Платье и сорочка на ней были разодраны.

Сам не понял, как оказался рядом с ней, почти рухнув на колени. Притянул. Оплел руками, прижался. Укрыл собой. Девушка сначала ничего не поняла, дернулась, готовая защищаться, но глубоко и судорожно вдохнув, обмякла в его объятиях, прижалась, утыкаясь мокрым лицом в его грудь. Ухватилась дрожащей рукой за рубашку. Спряталась там, укрылась. Асура затрясло от ее близости, сердце пустилось в бешеный галоп.

— Айя, девочка...

Не поднимая лица, она только сильнее расплакалась и ухватилась за него мертвой хваткой.

— Что он сделал? Айя, что? Где больно? — зашептал в ее макушку Нирхасс, чувствуя отовсюду вонь южного, трусливого щенка. Держался изо всех сил, говорил ровно и спокойно, чтобы не напугать и без того перепуганную девчонку. Уже понимал — чтобы ни сделала эта имперская падаль, ему не жить!

— Ничего такого, — запричитала ему в подмышку Айя, сбивчиво рассказывая и жалуясь, как маленькая. Оправдывая. И снова жалуясь. Говорила быстро и непонятно, сбивалась, глотая слова в громких всхлипах.

А жестокий и холодный командир армий Севера слушал и целовал ее волосы,

прикрывал глаза и не верил, что она наконец здесь. Рядом. В его руках. Млел, теряясь в ощущениях. А Айя вдруг затихнув, неловко перехватила его руку и прижала к своему животу, накрыв маленькой, холодной ладонью. Мужчина замер, кажется, даже перестал дышать, ощутив легкие, едва заметные толчки в напряженную ладонь.

— Чувствуешь? — подняла не него распухшее от плача лицо, робко улыбнулась, заметив его непривычный, растерянный вид. Нирхасс кивнул, поглаживая и переплетая их пальцы там, где настойчиво давала о себе знать новая, созданная ими жизнь.

Не вытерпел, нагнулся, обхватил лицо Айи горячими ладонями, припал к маленьким губам поцелуем. Осторожным, чутким. Глубоким. Долгожданным...

И отчаянно зарычал в пустоту обнимая воздух, еще хранивший ускользающее тепло ее хрупкого тела. С непередаваемым и таким необходимым запахом его любимой женщины.

Глава двенадцатая

Райан метался по ее покоям, вцепившись дрожащими пальцами в взлохмаченные светлые волосы. Мужчину потрясывало, беспощадное опьянение спутало все мысли. Кроме одной. Настойчивой. Будоражившей горячую кровь.

А вдруг она не вернется?! Вдруг ушла насовсем? Навсегда!

Нет-нет-нет!

Он во всем виноват! Он все испортил! Все разрушил! Так глупо! Поддавшись своим идиотским чувствам. Зачем? Ну зачем он пришел к ней сегодня?! Столько терпел, столько давил в себе и не выдержал! Не смог! Знал ведь, что не удержится! Не устоит! Этот проклятый запах свел его с ума! Сделал невменяемым похотливым глупцом! И как он раньше его не чувствовал? Был с нею рядом, так часто и близко, но улавливал лишь ничтожные отголоски...

Это все из-за него! Из-за чертова Шаррихасса, раздери его Тьма! Для него она так пахла! Так смотрела!

Райан даже не подозревал, что Айя может так смотреть! Так вздыхать! Так неистово желать...

С ним — с принцем, она всегда холодна. Вежлива. Отстранена. Для него только робкие, теплые улыбки и печальные темные глаза. Для него вынужденная учтивость и равнодушие. Жалкие отблески ее настоящей! Он словно нищий калека вынужденный собирать крохи с чужого — барского стола.

Его стола!

Ассура затрясло.

Метнув ошалелый взгляд на пол, подскочил, подхватывая почти пустую бутылку. Жадно присосался, выдаивая остатки алкоголя, что неприятно обдирает глотку, падая горячим в протестующе сжимающийся желудок. Отбросил в сторону опустевшую тару, слушая звон бьющегося стекла и прикрывая глаза.

Айя...

Он все испортил... Испортил... Испортил...

А если она не вернется?

Не вернется!

Но сама Тьма была на его стороне...

Тихий, едва уловимый шорох платья и в комнату, словно вихрь ворвался тот самый ее невозможный запах вперемешку с вонью северной, бешеной псины. Она была с ним! Райан пошатнулся, втягивая в себя воздух полной грудью и блаженно прикрывая глаза. Едва смог сдержать восторженного стона. Настолько вдруг стало хорошо и горько. Выдохнул, уцепившись лихорадочно блестящим взглядом в тонкую, сидящую на полу фигурку.

Облегчение свергло с его плеч тысячетонную скалу. Расправил мощные плечи.

Не совладав с собой, мужчина рванул вперед, гулко приземляясь на пол рядом с нею. Заглядывая взволнованно в разочарованные глаза. Айя не шелохнулась, только посмотрела на него с обидой, и крепче прижала к груди платье.

— Айя, прости! Прости меня! Прости! Я не должен был...

Зашептал, прижимая вздрогнувшую девушку к себе, едва касаясь губами ее начинающего опухать плеча.

— Ты вернулась... Вернулась... Айя...

Девушка чувствовала насколько ассур напряжен, позволяла себя обнимать, трогать несчастную руку и дышать горячо в затылок, была мыслями далеко от покоев крепости южан. Находилась все еще там — в темной и тесной комнате постоянного двора. Все еще чувствовала на себе горячие руки Нирхасса, а на губах его вкус. Во чреве шевеление их дитя.

Райан что-то шептал ей, торопливо и сбивчиво извинялся. Целовал ее дрожащие ладони. Что-то обещал. Айя кивала. Соглашалась. С нежностью гладила светлые, мягкие волосы, на примостившейся у нее на коленях длинноволосой голове. Чуть раскачивалась. Отстраненно улыбалась.

— Айя, амарии исаан. Амарии, — тянул Райан в ее колени, обхватывая их горячими ладонями. Успокаивался. Переставал то и дело вздрагивать, проваливался в беспокойный, пьяный сон. Повторяя беспрерывно таинственное «амарии исаан».

Айя была не с ним...

Все последующие дни ассур бродил за ней словно тень. Заглядывал в глаза с немым вопросом. Жаждал прощения. Прислал к ней целый взвод лекарей, что чуть не залечили бедняжку до смерти. Завалил ее покои цветами, изведя на это дело половину сада. Прислал кучу нарядов и украшений, что так и остались нетронутыми. Дарил всевозможные сладости. Окружал девушку постоянным своим навязчивым присутствием.

— Я на Вас не злюсь! — не выдержала однажды пленница. — Не злюсь, Райан! Прошу прекратите эту осаду пожалуйста, я больше не могу!

Только после этого принц немного успокоился, но все же ежедневно приходил и пытался вывести на разговор. Шутил, блестя внимательным янтарем из-под длинных ресниц. Но легких и непринужденных бесед как было ранее, больше не выходило. Не получалось. Мужчина это чувствовал и злился. Тревожился. Чувствовал вину. Не знал, как все исправить и вернуть как было. В глубине души понимая, что это теперь невозможно.

А еще к ней приходил незнакомый до того дня ассур. Изменивший все в одночасье.

Нашел ее в библиотеке. Долго и пристально рассматривал сверху вниз. Кривил брезгливо четко очерченные губы, сверкал холодными синими глазами. Был безупречно одет. Сладко пах цветами, что затейливо вплетались в высокий хвост золотистых, как у Райана волос.

Под его пристальным взглядом Айе сделалось не по себе. Но она упорно молчала, отложив книгу и так же внимательно глядя на незнакомца с тахты, на которой сидела.

— Вы хотите мне что-то сказать? — наконец не выдержала девушка, столь пристального и явно недоброжелательного внимания к своей персоне.

Ассур надменно вздернул смоляную бровь, искривив губы в недоброй усмешке.

— О, я многое хотел бы сказать тебе, Шаррихассовская подстилка! — выплюнул незнакомец, склонившись к самому ее растерянному лицу. Провел длинными пальцами по бледной щеке, погладил и больно вцепился в шею под подбородком. Стиснул ее железной хваткой, почти перекрывая доступ к кислороду. С нескрываемым удовольствием наблюдая, как приоткрывается девичий рот в немом испуге и распахиваются широко-широко большие глаза.

Айя вцепилась обеими руками в его внушительную кисть, царапнула бронзовую кожу под манжетой атласного камзола. Попыталась высвободиться, роняя с колен старый том, что с тихим шелестом приземлился на его лакированный, блестящий сапог.

— Ты яд! — прошептал он в ее губы, придвинувшись так близко, что задел ее нос своим, прямым и длинным. Аристократичным. — Ты отравила моего брата! Но я это закончу. Давно надо было.

И холодные пальцы на ее шее сомкнулись сильнее. Жестче. Из глаз девушки брызнули слезы. Лицо покраснело. Айя безуспешно хватала открытым ртом воздух, упираясь ногами в пол. Царапала чужую руку, нелепо дергаясь в жалких попытках освободиться. Из носа потекло, упало склизким на руку асура. Мужчина брезгливо скривился, отстраняя от нее свое прекрасное лицо. Сжимая сильнее тонкую шею с истерично пульсирующей у ключиц веной.

Перед глазами девушки зарябило, чужое лицо расплылось некрасивой кляксой, а в легких запекло. Вспыхнуло давящим огнем. Паника накрывала волнами, в ушах шумела кровь, как штормовой прилив под окнами ее роскошной клетки.

И когда начало казаться, что уже все...

Свет за пеленой слез дернулся, тахта накренилась, с жутким скрипом отъезжая в сторону вместе с освобожденной от удушающей хватки Аей. Девчонка закашлялась, дрожащими руками облапив шею и жадно глотая спасительный кислород. Подняла голову часто моргая и смахивая болезненную влагу, вперила испуганный взгляд в напряженную спину Райана, что закрывал ее собой.

Другой асур напротив, прожигал его гневным взглядом. Принял напряженную, готовую к прыжку стойку. Набычился. Зашипел яростно, демонстрируя удлинившиеся резцы:

— Отойди, глупец! Это для твоего же блага!

Райан молчал. Только сжимал и разжимал пальцы с длинными, черными когтями. Рычал. Весь подрагивая. Светлая рубашка натянулась на мощной спине, трещина по швам.

— Из-за девки, Рай? Серьезно?! — негодовал синеглазый асур, наблюдая как волосы его брата шевелятся, словно потревоженный клубок змей, меняют оттенок на темный, серебристый. — Ты потерял разум!

Дальнейшее Айя наблюдала, как очень быстрое, смазанное мельтешение кадров. Нелюди двигались так быстро, что ее человеческому взгляду было невозможно их уловить. Громко вскрикнула, когда темное рычащее пятно дернулось в сторону, с оглушающим грохотом заваливая книжные шкафы и разбивая мрамор старых статуй, что огромными глыбами разлетались во все стороны, врезаясь в стены и осыпаясь мелкой крошкой.

Вжалась в низкую, мягкую спинку кушетки, обхватив себя дрожащими руками. Пятно мелькнуло рядом с нею, обдав прохладным порывом ветра, снесло с петель мощную деревянную дверь и шипя вывалилось в длинный, светлый коридор. Врезаясь в тонкие колонны и снося вазы с цветами на искусных тумбах, дернулось в сторону лестницы ведущей в сад. Ошарашенные стражники ринулись следом, другие же помчались прочь.

Айя на непослушных ногах устремилась следом, пытаясь рассмотреть хоть что-то. Неуклюже припустила вниз, по винтовой лестнице, придерживая живот и хватаясь за перила, с ужасом глядя туда, где ломались и трещали деревья, приминались кусты и летели в стороны комья земли.

— Райан! — пронзительно выкрикнула, видя на мощенной камнем дорожке густые капли крови.

А темный клубок тем временем свалился в озеро, взметнув к самому потолку ворох прохладных брызг. Расщепился, замедляясь.

Они стояли друг против друга, по колено в воде. Мокрые. Разгоряченные. В

разодранной одежде. Тяжело дыша и готовясь к очередному броску. По лицу Райна стекала тонкая струйка крови, от виска и ниже, пряталась за шиворот облепившей его огромное тело рубашки, окрашивала белое алым. Гневным. Взгляд горел янтарным пламенем, вспыхивал яростью в вертикали зрачка.

Ассур напротив, рычал, сплевывая кровь в потревоженную гладь пруда. Тряс головой, демонстрировал брату удлинившиеся клыки и широкий, раздвоенный на конце язык. Синева его глаз, обрела неестественную яркость. Едкую. Отравляющую.

— Жалкий дурак, — шипя и улыбаясь протянул синеглазый принц. — Ты не сможешь ее защитить!

Райан дернулся вперед.

Бесконечно долгое мгновение...

И вновь темная полоса слилась в неестественно быстро мельтешащий стусток силы и ярости, разрывая тишину пронзительным ревом. Стражники пытались вклиниться в нее, растащить, разнять. Но у них не получалось. С ужасным лязгом и хрустом их тела отлетали в стороны. Но упорно поднимались, бросаясь в гущу событий.

Айя дрожала всем телом, пыталась уследить взглядом за ожесточенной схваткой. Не в силах это остановить.

Замерла, услышав громкий, ровный, женский голос. Он словно разорвал сжатый под куполом крыши воздух.

— Прекратите немедленно! Сай!

Королева спускалась по лестнице, гордо расправив плечи, оглушительно постукивая каблуками и придерживая даже на вид тяжелое, отливающее холодным блеском, нефритового цвета платье. За нею двигалось не меньше двух дюжин вооруженных солдат.

— Остановите немедленно это безумие! — повторила она.

Хлестко. Резко.

Ассуры оторвались друг от друга — задыхаясь, блестя потом и кровью разгоряченных тел. Райан кинул быстрый взгляд на замершую неподалеку Айю. Тут же замечая на тонкой шее наливающиеся синим, темным следы пальцев его старшего брата. Наследного принца Южной Империи. Дернулась его верхняя губа, взгляд метнулся к Саю.

— Не смей! — приказала королева, глядя на своего среднего сына, любимейшего из четверых ее детей.

Всегда спокойного. Всегда рассудительного. Тихого, как прохладный, летний вечер. Преданного трону и ей, своей матери.

Так было до того, пока он не привез в их дом ее.

Королева перевела взгляд с сыновей на трясущуюся девчонку.

Ее холеное лицо искривила гримаса брезгливости. Отвращения.

Что он в ней нашел? Что такого рассмотрел, что готов разодрать собственного брата?

Жалкая. Невзрачная. Слабая. Пользованная безродным псом севера. И пусть в ней росла первая за много веков кровь ассурин, она не стоила и ногтя ее драгоценнейшего Райана. Ничтожная полумойка! Грязная низшая! Беспородная шваль. Да пусть их род трижды увянет, но она не допустит этой мерзостной связи! Не позволит своему ребенку поддаться отравляющему его наваждению! Никогда! Ни за что! Пока она — королева Южной Империи Лаорет Силин Амодей жива, этому не бывать! И как же досадно, что Сай не смог выполнить ее маленькую просьбу. Северный требуют девку назад. И она бы с превеликим удовольствием отдала ему ее убогое, синюшное тело.

Ну да это поправимо...

— Что за цирк вы здесь устроили?! — устремила королева гневный взгляд на сыновей. — Это не достойно будущих правителей! Стыдитесь!

Мужчины, тяжело дыша, бросали друг на друга неприязненные, испепеляющие взгляды. Сай был неприятно поражен отчаянным отпором всегда послушного, верного младшего братишки. Райан, как оказалось был полон сюрпризов. И наследному принцу предстояло заняться этим вопросом. Основательно. Он не потерпит в стенах крепости непослушания. Проучит взбрыкнувшего сосунка!

— Простите, моя королева, — поклонился наследный принц, не сводя глаз с брата.

Райан стоял не шелохнувшись, смотрел на бледную Айю, желая оказаться вместе с девушкой как можно дальше от этого места. Увезти. Спрятать, укрыть от всего мира.

— А вы знаете, госпожа Айя, — вдруг выпрямился Сай, почти выплевывая ее имя, бросил насмешливый взгляд на вздрогнувшего Райана и продолжил, — что под нашими стенами уже два дня стоит армия Севера? Или мой братец не счел нужным вам об этом сообщить?

— Что? — встrepенулась пленница, устремив глаза на старшего из принцев.

Тот широко и как-то мерзко улыбнулся.

— Заткнись, Сай! Закрой рот! — выкрикнул ассур с глазами цвета меда, передергивая плечами. Напрягаясь.

— Отчего же? Думаю, твоей гостье будет очень интересно узнать, что за ней пришла целая армия! Правда ведь, А-й-я? Шаррихасс грозитя развязать новую войну, если Правящая Семья Юга до заката сегодняшнего дня не выдаст ему его женщину. Представляете, Айя?

Девушка растерянно хлопала мокрыми от слез ресницами, смотрела с неммым вопросом на бледного Райана.

— Тварь! Какая же ты тварь! — рыкнул тот дернувшись в сторону Сайя.

— Довольно! — вскинула тонкую кисть королева, блеснув яркостью колец на изящных пальцах. — Ты заигрался сын мой. Весь этот нелепый фарс слишком далеко зашел. Нам не нужен новый конфликт с Севером. Мы отдадим бешенному псу то, что ему так нужно.

Женщина не смогла скрыть хищной ухмылки в брошенном на пленницу взгляде. Это не укрылось и от цепких, янтарных глаз Райана. Он как-то болезненно дернулся, словно от пощечины. Встrepенулся.

— Что ты задумала? Что, мама?! — воскликнул он, двинувшись к перепуганной девчонке, в порывистом желании оттеснить, прикрыть, защитить.

Королева не удостоила его ответом, только коротко кивнула стражникам, которые в миг обступили ее среднего сына, заключили в плотное кольцо яростно сопротивляющегося мужчину. Задавили количеством, вцепились в сильные руки, удерживая на месте. Не без помощи ухмыляющегося Сайя.

Айя ничего не понимала. Ее сердце сумасшедше билось в груди от мысли, что он за ней пришел. Что это правда! И сковывал страх и боль, глядя на удерживаемого, закованного среди послушных гвардейцев Райана.

От стремительности событий и пережитого покушения несчастную штурмило. К горлу подкатывала тошнота. Руки ее мелко дрожали.

— Увести принца в его покои! — скомандовала женщина, стараясь не смотреть на сына.

И стражники потянули ассура прочь из сада.

Тот принялся яростно вырываться, меняя облик. Волосы его снова будто бы ожили, разметавшись по воздуху живыми, блестящими сталью змеями, кусая своих вынужденных конвоиров. Глаза ярко вспыхнули, из-под верхней губы показались удлинившиеся в разы клыки. Мужчина метался, бесновался во множестве удерживающих его рук. Рычал. Выл. Стремился всем своим существом к маленькой, одинокой фигурке, что стояла среди его родственничков, зажав рот руками, с ужасом глядя на его тщетные попытки освободиться.

— Не смей! — кричал он, оттесняемый гвардейцами. — Не смей, мама! Не делай этого! Я не прощу! Я никогда тебе этого не прощу! Айя...

Его отчаянный крик эхом отлетал от каменных стен коридоров, тонул безнадежным отчаянием под стеклянным куполом сада, бросая Айю в дрожь.

Не успела она опомниться, как оставшиеся гвардейцы, под зорким надзором повелительницы, окружили и ее. Двинулись к выходу из сада. По коридорам, где скорбными отметинами атели капли крови Райана. Его крики еще доносились откуда-то из глубины замка. Приглушенные. Почти не слышимые, но оттого не менее обреченные. Айя была как в дурном сне. Слово ее оглушили и она все никак не могла прийти в себя. Не сразу осознала, что ей всунули в руки старый мешок из грубой ткани.

Ее вещи...

Провели в гробовом молчании по всему крылу, спустили по широкой лестнице во двор белой крепости. Дальше по обдуваемому осенними ветрами поместью, мимо хозяйственных построек и конюшен. С противным скрежетом отворили огромные ворота, перед которыми стелилась утоптанная лошадьми и каретами подъездная дорога. Сразу за ней раскинулось длинное темное поле, покрытое жухлой травой и скудным, одиноким кустарником. А там — за его простором, виднелись стройные ряды многотысячного войска под развевающимися белоснежными флагами с ярким синим пятном розы. Отличительным знаком дома Шаррихасс. Сердце Айи пропустило удар. Затрепыхалось. Рванулось вперед. Вслед за ним и ноги.

— Ты свободна, — хохотнул за ее спиной Сай и ворота с тем же громким, режущим слух скрежетом закрылись.

По спине девушки прошелся противный, липкий холодок дурного предчувствия. Но потрянув головой, она решительно ступила на пыльную дорогу, ежась под порывами холодного южного ветра и крепко сжимая в руке свою скудную, драгоценную ношу.

Часть третья. Глава первая

Айя неуклюже брела по широкой дороге, зябко ежилась под резкими и хлесткими порывами ветра. Торопилась. Обнимала себя руками, вздрагивала всем телом. Легкий шелк платья, с коротким рукавом, совершенно не укрывал от строптивного осеннего норова южных земель. Хотя на территориях Империи и было значительно теплее и мягче, чем на севере, но все же скорое приближение зимы давало о себе знать. Брало свое.

Наступив на мелкий острый камешек, болезненно прошипела сквозь зубы, выругавшись:
— Чтоб тебя! Ммммм...

Мягкая ткань не предназначенных для улицы туфель совершенно не защищала ни от холода, ни от неровностей пыльной, извилистой дороги. Подол струящегося по ногам платья и светлая обувь быстро приобрели грязный, серый оттенок.

Зато болезненные ощущения немного помогали отвлечься от тревожного, волнительно вороха мыслей, что будоражили несчастную бывшую пленницу. Взвинчивали. Щекотали напряженную нервную систему. Девушка с ужасом осознавала, что ее чуть не убили. Чуть не придушили! Вот так просто, среди бела дня! В тесной, маленькой библиотеке, в окружении старых книг и молчаливых профилей изящных статуй. Айя до сих пор ощущала на шее стальную хватку длинных, сильных пальцев, а перед глазами застыла неестественная синева глаз несостоявшегося убийцы. Если бы не Райан, она была бы мертва. Лежала бы там бездыханная, на бархатной кушетке, среди пыли и немых фолиантов. Свидетелей жестокой расправы.

Всхлипнула.

Райан...

Айя не могла даже самой себе объяснить, что она к нему все-таки чувствовала. Безграничную благодарность за спасение. Страх и разочарование той странной ночи. Жалость. Робкое уважение. Тепло. Трепет.

Даже остановилась, замерла, распахнув широко глаза и осознавая, что принц ей не безразличен. Помедлив, обернулась на крепость, шурясь под лучами заходящего солнца. В его тени строение выглядело огромной, грозной и зловещей машиной. На стене которой выстроились вряд узкие, темные фигурки людей.

Где-то там, за нагромождениями камня был он. Раненый. Побежденный. Растерянный. Сбитый с толку. Привычный. Так неожиданно и отчаянно ее защищавший.

Грустно улыбнулась. Отвернулась, продолжила свой путь растерянная, ошарашенная.

— Ты такая дура, Майя, — шептала самой себе, поглаживая напряженную от ходьбы поясницу. — Такая дура...

Очень скоро дорога круто свернула влево, прячась за скалами. Айя же двинулась прямо, к широкому полю, за которым все четче виднелись гвардейцы Шаррихасса. Раскинутые шатры и флаги. Костры. Припустила быстрее, приподнимая цепляющееся за жухлую, ржавую траву платье.

Бедняжке не верилось, что ее хозяин пришел за ней. Что Нирхасс действительно где-то там, среди солдат. Готов идти войной, лишь бы забрать ее — жалкую служанку. Это казалось чем-то невероятным. Невозможным. Желанным. Настолько, что дрожали колени, и постукивали зубы от мандража и холода. От предвкушения увидеть его. Прижаться...

Девушка слабо взвизгнула, замерев на месте и осоловело глядя на приземлившуюся у ее ног стрелу с узорчатым, темно-коричневым древком. Присела, сжалась, когда вслед за ней откуда-то из-за спины прилетела еще одна. А затем еще и еще. С протяжным тихим свистом, все они приземлялись в опасной близости от ее замершего в оцепенении тела, словно намеренно не достигая цели. Желая только припугнуть. Раззадорить. Заставить скукожиться от ужаса. От понимания, что несчастная жертва находится на совершенно пустом, голом пространстве. Видна как на ладони. Открыта и беззащитна.

Айя с трудом сглотнула вдруг ставшей вязкой слюну и снова запищала, прикрывая голову руками, когда аккурат над макушкой пролетело смертоносное жало, взметнув и без того встрепанные волосы. Боялась двинуться с места, словно выросла в жалкий клочок земли, приросла к нему намертво. Сердце гулко ухало в девичьей груди, отдаваясь шумом в ушах. Трепыхалось.

Несчастливая не находила в себе смелости пошевелиться, так страшно ей сделалось.

Но у невидимого врага за ее спиной были другие планы...

Следующая стрела, пролетела совсем рядом, остро ужалила плечо, прочертив на покрытой мурашками коже тонкую алую полосу. Другая задела бедро. Айя зашипев сквозь зубы, неловко поднялась, и насколько это было возможно в ее положении, припустила вперед. Пригибаясь и поддерживая живот. Тяжело и натужно дыша. А за нею следом волна за волной летело множество стрел. Почти касались бедняжки. Обрушивались опасным, смертельным градом в недопустимой близости. У перепуганной девушки не было сил на какие-то хитрые маневры и увиливания. Паника тащила ее вперед удушающим арканом, гнала подстегивая оружием врага. Бежать почти не получалось, оттого освобожденная узница перемежала его с быстрым, нервным шагом.

Дыхание сбивалось, его попросту не хватало. Лицо ее покраснелось, а глаза блестели влажным ужасом. Все, что Айя могла видеть перед собой, так это спешно мельтешащую выгоревшую траву и потрескавшуюся земную твердь под ней. А еще обгоняющее ее деревянные снаряды, с металлическими, тонкими наконечниками. Они вгрызались в земную плоть, то и дело норовя достичь такую неуклюжую и нерасторопную мишень.

И чем ближе к лагерю северных она приближалась, тем больше стрел летело ей в спину. Тем чаще они задевали ее легкими, жгучими касаниями. Выстрелы становились все более точными. Прицельными.

Южане...

Королева хотела убить ее на глазах у дерзнувших вызовом северян. Но его глазах! Загоняла ее, как дикого зверя в ловушку. Понимая это, Айя все равно не могла остановиться, оглушенная преследуемым ее свистом и страхом. Диким. Неистовым.

Впереди послышалось ржание лошадей и громкий крик.

Амин с ужасом смотрел на одинокую, тонкую фигурку в центре злосчастного луга, что, задыхаясь, спешила к ним. Небо за ее спиной, усыпанное тонкими прутьями стрел, загоралось короткими огненными вспышками. Щелкало и стрекотало. Трещало. Догоняло несчастную, вызывая в той болезненные вскрики. Но девчонка упорно шла вперед. Почти бежала.

Оглянувшись вглубь лагеря и вернув взгляд к девушке, громко прокричал, вскакивая на всхрапнувшего коня:

— Айя! На землю! Ложитесь!

Девушка, услышав знакомый голос встрепенулась. Оскальзываясь и едва удерживая

равновесие. Она никак не могла заставить себя остановиться, подгоняемая адреналином и страхом смерти. Закричала, выгибаясь в спине, когда вспыхнуло болью под правой лопаткой. Запекло.

А пространство вокруг взорвалось неистовым рыком. Громогласным. Свирепым. Отчаянным. Казалось, сам воздух содрогнулся от этого яростного звука. Айя подняла полные боли глаза...

Он мчался прямо на нее. Огромный. Страшный. С дикой, оскалившейся мордой. Пепельная шерсть, переливалась на ветру всеми оттенками белого. Острые, внушительные наросты на спине вздыбились. В глазах, как лезвие заточенного клинка, блестела серая, беспощадная сталь. Мощные лапы вспарывали почву, ловко пружиня, подбрасывая большое, гибкое тело вперед. Шипастый, короткошерстный хвост метался из стороны в сторону, хлестко бил по вздымающимся бокам асура.

Едва уловимое мгновение, сдавленный всхлип и Айя опустилась на землю. Мир вокруг вздрогнул, словно небо решило рухнуть на несчастную пленницу чужого, потонувшего в жестокости и крови мира. Глубоко вдохнула, окруженная со всех сторон жесткой шерстью. Зверь над ней напрягся, припадая ниже на сильные лапы. Зарычал, сотрясаясь всей своей огромностью. Прикрыл. Спрятал под собой дрожащее, маленькое, сжавшееся в страхе женское тело. Самое дорогое ему. Бесценное. Разорвал пространство утробным ревом. Айя не видела, как отлетают от асура стрелы, не причиняя вреда, не в силах пробить толстую, словно броня, шкуру. Приподнялась, зарываясь лицом в пепел шерсти, притискиваясь к лихорадочно вздымающейся груди. Там быстро-быстро стучало огромное сердце. Нирхасс был горячим. Очень. Пах знакомо кедром и еще чем-то непередаваемым, чем хотелось дышать и дышать, не отрываясь. Вечно.

Ощувив ее робкие движения, замер. Опустил ниже морду, рыкнул. Фыркнул влажным. Втянул воздух большим носом. А затем еще и еще. Завибрировал. Заурчал. Клацнул внушительным оскалом.

Конница во главе с Амином окружила их. Прикрыла своего командира. Стена обстрела, как и возникла, так же быстро и прекратилась. Внезапно. Не достигая более желаемой цели.

А Айя все не находила в себе сил оторваться от Нира, стискивая в дрожащих руках шерсть. Пряча в ней мокрое от слез облегчения лицо. По-детски хлюпала носом, притиралась. Искорка толкалась в ней, крутилась. Живот напрягался.

Асур тихо рыкнул, застыл. Замер прислушиваясь к ощущениям. Послушно ждал, когда девушка успокоится, когда ее перестанет трясти под ним. Волновался. Хотел увидеть. Потрогать. Убедиться, что все в порядке.

Жажда крови накатывала волнами. Зверь требовал мести. Требовал расправы над смеющимися посягнуть на его собственность. На то, что всецело его. Неприкасаемо. Недозволительно никому.

Почувствовал, как хватка на его шерсти ослабла и сделал маленький шаг назад, опустив морду вниз. Оказался аккурат напротив ее лица. Нечеловеческий взгляд улавливал каждую, даже самую маленькую черточку на влажной от слез коже. Айя робко протянула тонкие пальцы и коснулась его мокрого, черного носа. Выше. Погладила, заморожено рассматривая асура. Нирхасс позволял. Смотрел внимательно, подставлялся под незамысловатую, долгожданную ласку. Наклонил голову и застыл. Не смог сдержать громкого рыка, перепугав замершую девчонку резким звуком и жутким оскалом. Впился потемневшим взглядом в яркие отметины на нежной коже ее шеи. Дернулся вперед, пригибаясь, как перед прыжком.

Айя вцепилась в него мертвой хваткой.

— Не надо! — вскрикнула она, приподнимаясь. — Прошу, господин! Не нужно! Я в порядке! Посмотрите на меня! Нир, посмотри!

Зверь недовольно тряхнул мордой, переводя на Айю пылающий праведным гневом взгляд.

— Я в порядке. Пожалуйста, не надо, — зашептала, глядя в его вертикальные зрачки. Попыталась отвлечь, перевести внимание. — Я замерзла...

Шла в лагерь с накинутым на хрупкие плечи плащом какого-то гвардейца, опираясь на мощный вздымающийся бок асура. В окружении всадников Шаррихасса. Благодарно поглядывая на встревоженного Амина. Прихрамывала. Безуспешно пыталась спрятать кровившие раны — глубокие царапины, следы от стрел. Под лопаткой щипало и жгло. В носу щекотало. Не вытерпела, громко чихнув. Зверь рядом встрепенулся, вздыбил шерсть. Замер.

Испугался что ли?

Эта мысль вдруг показалась девушке настолько невероятной, что она позволила себе широкую, искреннюю улыбку. А потом и вовсе расхохоталась. Выплескивая напряжение и страх. Сотрясаясь всем телом. Смеялась до выступивших в уголках глаз слез. Нирхасс неопределенно фыркнул. Отвернулся. Айя рассмеялась еще сильнее. Истерика от пережитого настигла ее, выплескиваясь таким странным образом. Амин только ухмыльнулся, понимающе кивая.

Другие гвардейцы с любопытством на них поглядывали. Пребывали в недоумении, если ни сказать в ужасе, от того, как спокойно на все реагирует их грозный, всегда холодный и надменный командир. Как позволяет смеяться над собой. Осторожно ступает рядом с человеческой девушкой, разрешает хвататься за себя, как непривычно, мягко и тепло светятся его глаза.

А еще они рассматривали ее — ту ради которой он пошел против воли и приказа Правящего Дома, послушался своего Повелителя, разрывая тем самым помолвку с принцессой и становясь предателем, приговоренным к позорной смерти. Как и все они, решившиеся уйти за ним, верные до последнего вдоха своему предводителю, приведшему страну к победе.

Армия Севера раскололась надвое из-за обычной, неприметной и никому не известной женщины. Всегда сплоченного, крепкого, как гранит Севера больше не существовало.

Но Айя того не знала. Она послушно шла за асуром к его шатру, удивленно оглядываясь по сторонам, замечая устремленные в ее сторону взгляды. Любопытные, непонимающие, оценивающие. Ежилась под ними.

Амин гаркнул что-то громко и недовольно, замечая это пристальное, неприкрытое внимание. Солдаты, встрепенувшись, послушно вернулись к своим занятиям, но тайком все так же продолжали рассматривать глубоко беременную женщину командира.

Айя выдохнула свободно только оказавшись скрытой от посторонних глаз плотной тканью шатра. Нирхасс с ней не зашел, отправился куда-то вглубь лагеря, оставив девушку на попечение своего друга.

— Господин распорядится о горячей воде и приведет нашего лекаря. Вас нужно осмотреть и обработать раны, — спокойно произнес гвардеец, чувствуя себя отчего-то неловко. — Если не будет принято решение об атаке, то через несколько часов мы

выдвинемся домой.

— Не надо атаки! — тут же встрепенулась Айя, обеспокоенно уставившись на асура.

Тот только пожал плечами, мол не им решать. Вздохнул.

А девушка, поддавшись какому-то странному, сентиментальному порыву, вдруг порывисто схватила руку застывшего гвардейца. Соскучилась. Растрогалась. Хотела расспросить как там имение? Как другие? Как Тойра и Шорс? Малыш Адам? Ведь если сам он здесь, значит помощь все-таки пришла! Значит все было не зря! И мучившие ее столько недель страхи начали потихоньку отступать. Разжала когтистые лапы злая тревога.

— Я так рада, что с Вами все в порядке Амин! — выпалила она, не успев отстраниться.

— Не понял? — раздалось тихое и холодное сбоку.

Солдат напрягся, Айя отпрянула, выпуская чужую конечность из рук, словно и правда совершила нечто ужасное. На лицах, схваченных с поличным товарищей, отразился почти священный ужас.

Амин хотел было что-то сказать, но Нирхасс едва кивнул на выход.

— Иди. Потом.

Не молодой уже гвардеец коротко поклонился и поспешил удалиться. Оказавшись на свежем воздухе, Амин тряхнул головой, ухмыляясь. Двинулся прочь.

Айя во все глаза смотрела на стоящего у входа асура. В плотных кожаных штанах, высоких сапогах и накинутой, явно на спех, черной рубаше. Расстегнутой на все пуговицы. Со встрепанными, еще отливающими пеплом волосами, он был настолько красив, что пронзительно защемило где-то глубоко в девичьей груди. Нирхасс заметив этот взгляд, чуть склонил голову на бок. Машинально провел языком по нижней губе, Айя невольно повторила за ним, не отрывая пристального взгляда от его лица.

И только сдавленно охнула, оказавшись в горячих, и при этом невозможно осторожных объятиях. Господин боялся навредить.

— Лекарь сейчас придет, — шепнул в приоткрытые губы, ловя ее сбившееся дыхание. Сотрясаясь всем телом от ее такой необходимой близости. Такой нужной. Такой долгожданной. — Тебе очень больно?

— Совсем не больно, — шепнула, привставая на носочки, слукавила. Пригладила холодными пальцами большой, рваный шрам на его лице. Пожалела.

Мужчина прерывисто выдохнул, неотрывно следя за эмоциями на ее лице. Чуть приблизился...

Айя не выдержала первой. Ухватилась цепко в чужой затылок, заставляя асура наклониться сильнее, ниже и прижалась к его губам робким, несмелым поцелуем.

— Ты пришел...

Глава вторая

Нирхасс нависал над лекарем всем своим огромным ростом. Пристально следил за каждым его движением. Несчастный мужчина нервничал, боялся лишней раз коснуться сидящей перед ним девушки. Очень осторожно обрабатывал раны, нанося обеззараживающую мазь, страшился показаться непочтительным. Дольше всего задержался на спине. Невольно охнул, рассматривая жуткие шрамы. Ассур над ним шумно выдохнул, обдав каким-то болезненным недовольством. В небольшой ране под лопаткой застрял крошечный осколок металлического наконечника, впился глубоко в самое мясо. Нехорошо. Будет больно.

— Надо вытащить, — произнес тихо лекарь, в затылок женщине господина, — потерпите.

Она только кивнула и тихо зашипела сквозь стиснутые зубы, когда он приступил к работе.

— Осторожней! — рыкнул над ними командир.

— Простите, — вздрогнул довольно молодой для лекаря мужчина.

— Ничего, — попыталась улыбнуться Айя.

И так всю, занявшую около получаса и ставшую пыточной для всех, процедуру. Врачеватель смог облегченно выдохнуть только когда оказался в нескольких шагах от палатки господина. Передернул плечами вспомнив спину девушки. Интересно, чтобы сделал командир с тем, кто с ней это сотворил? Страшно даже представить, он ему то чуть голову не откусил, за попытку помочь, а там такое...

Айя тем временем наблюдала, как в шатер заносят небольшую деревянную лохань и огромный чугунный казан с исходящей паром водой. Наполняют купель и скрываются, под тяжелым, хлопнувшим на ветру, пологом. Девушка озадачено замерла, глядя на молчаливого Нирхасса. Тот сидел на уже знакомом сундуке, смотрел на нее и уходить похоже совсем не собирался. Улыбнулся, глядя на замешкавшуюся в нерешительности Айю. А та застыла. Залюбовалась. Впервые видя его улыбку. Таковую как сейчас — настоящую, искреннюю. Сделавшую его лицо по-мальчишески игривым. Другим. Таким, что предательски заныло в груди и разлилось теплом внизу живота. В который раз удивилась насколько сильно, он ей нравился. Просто невероятно. До какой-то щемящей боли.

Казалось, что такого не бывает. Не может быть острее! Что еще сильнее просто невозможно.

А ассур втянув носом воздух, улыбнулся еще шире, и Айя поняла, что еще как бывает! Ох, как возможно!

И тут же саму себя осадил. Запретила. Резанула болью воспоминаний.

Он обещан другой.

Опустила глаза. Даже дышать стало больно.

Нирхасс оказался рядом в тоже мгновение, притиснул к себе, оплел горячей рукой ее плечи, второй приподнимая девичье лицо за подбородок. Вцепился внимательным взглядом в ее глаза.

— Что не так? — спросил, не давая ей отвернуться.

Айя вспыхнула под таким пристальным вниманием, заалела краской стыда на высоких

скулах.

— Все хорошо, — выдохнула, попыталась улыбнуться.

— Ты врешь мне, — спокойно произнес он, — не нужно этого. Что не так, Айя? Где-то еще болит?

Девушка, прикрыв дрогнувшие ресницы, коротко кивнула. Сдалась.

— Что? Где? — засуетился ассур, осматривая ее сверху вниз, своим предгрозовым небом.

— Тут, — приложила руку к груди, где заходилось в сумасшедшем беге ее несчастное сердце. Все также не поднимала глаз.

Айе хотелось стоять так вечно. В его сильных и крепких объятиях. Не думать ни о чем. Ни о ком третьем...

— Покажи, — дернул ворот ее платья, пытаюсь заглянуть. Нахмурился.

— Так не видно, — робко улыбнулась его озадаченному виду. Столько эмоций на его вечно холодном и надменном лице Айя не видела никогда. Невольно засматривалась. Любовалась.

Нирхасс догадался, притиснул ее ближе. Прижался губами к волосам, погладил вздрогнувшие плечи.

— Просто скажи, что тебя беспокоит? Просто скажи, Айя...

И бывшая служанка сдалась. Давясь словами и переминаясь с ноги на ногу, не понимая, почему слова ей даются с таким трудом, ответила:

— Вы... Ты... Ты помолвлен... А я... Я... Не знаю... Не могу... Я понимаю...

Затараторила быстро и сбивчиво, уткнувшись лбом в его грудь, спрятала там горящее лицо. Не замечая, как снова потекли слезы.

— Я... Я... Нирхасс, я... Боже... Ну почему это так сложно?... Я... Наша искорка.. Мы...

Он перехватил ее лицо своими большими ладонями, чуть отстранился, заставляя девушку посмотреть на него. Айя шумно всхлипнула, отводя глаза. Ну какая же она глупая! Даже сказать нормально не может! Вот что с ней не так?

— Айя, посмотри на меня, — попросил ассур, обдав теплым дыханием ее ресницы, — посмотри.

Повиновалась.

Перевела на него полный соленой влаги взгляд. Растерялась, глупо приоткрыв рот. Столько неприкрытой нежности рухнуло на нее, выбив тихий стон из сжатой тревогой груди. Что сделалось плохо. Напротив, плескался целый теплый океан. Накрывал ее своими серыми волнами, утягивал за собой, отгоняя все глупые мысли и печали.

— Никого нет, — тихо прошептал господин почти в самые губы своей чернавки, — больше никого нет.

— Но как? — выдохнула свистяще, уставившись на его рот.

— Это не важно. Просто знай, что кроме тебя никого нет, — ответил ее мучитель, касаясь горячими губами ее щек, кончика носа, влажных ресниц.

Добавил, оторвавшись:

— И не будет...

Все внутри Айи дернулось, подалось вперед и взлетело ввысь. Она словно взорвалась тысячами осколков, разлетелась. Сама себе не могла объяснить, что чувствовала в те мгновения, так хорошо и томительно горько ей сделалось.

Поцелуй получился долгим. Тягучим. Глубоким. До невозможного полным ласки. Айя обмякла в его сильных руках, растеклась. Зарылась пальцами в непослушных волосах. Затрепетала. Между ног все напряглась, запульсировало. Разлилось слабостью в коленях. Ассур шумно задышал носом, чуть прикусывая ее нижнюю губу и с тихим стоном отстранился...

Айя в ту секунду готова была разрыдаться от разочарования. Бедняжку почти подкинуло вслед за ним. Потянуло магнитом за такими желанными губами. Девушке было катастрофически мало. Так нестерпимо хотелось его, что сбивалось дыхание и сводило судорогой пальцы, вцепившиеся в темную ткань рубашки. А в промежности пылало, влажно и горячо. Требовательно.

— Ну пожалуйста, — всхлипнула, устремив на него полный мольбы взгляд. На мгновение показалось, что ее разорвет от нахлынувших ощущений. — Нир, прошу...

Мужчину повело от ее слов, запаха, взгляда. Он держался на одном честном слове. Напряжение в штанах давило, звенело во вздрагивающей ей навстречу плоти. Тряхнул головой, пытаясь отогнать наваждение. Айя опустила меж ними руку, робко приласкала его болезненную твердость через плотную, кожаную ткань брюк.

Нирхасс громко и протяжно застонал, запрокидывая голову. Не ожидавший от нее таких решительных действий, инстинктивно повел бедрами, толкнулся в ее руку. Еще и еще. Она сжимала его, гладила, пыталась расстегнуть пуговицу непослушными, дрожащими пальцами.

— Пожалуйста, — снова выдохнула ему в грудь, продолжая свои попытки справиться с его одеждой.

— Это...

Голос оказался хриплым, севшим. Господин прокашлялся.

— Это не навредит? — Положил широкую ладонь на ее живот. Погладил.

Айя отрицательно мотнула головой. Одолела, наконец, злосчастную пуговицу — попросту ее выдрал. Ассур придвинулся ближе, ловко крутанул девушку, крепко удерживая в руках. Заставляя упереться руками в толстую, деревянную балку, что удерживала шатер по центру. Айя подчинилась, сдавленно охнула. Чуть прогнулась в спине. Нир дернул завязки на ее платье. Потянул вниз, вместе с сорочкой. Опустился на корточки, помогая служанке выбраться из нижних юбок. Провел горячими ладонями по ногам, приласкал под коленками и выше. Сжал больно округлые ягодицы, стащил с них тонкие панталоны, прихватывая чулки. Айя застонала, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Приглашающе их расставляя и сильнее выгибаясь в спине.

Ассур, не моргая, уставился на разгоряченную женскую плоть.

— Я закончу, не успев начать, — сглотнул Нирхасс, заморожено глядя на такое щедрое приглашение.

Качнулся, вставая на колени. Провел невесомо пальцами по подрагивающим икрам, погладил. Поцеловал в бедро, царапнув нежную кожу щетиной. Горячие пальцы двинулись по внутренней стороне бедра. Погладил у самого сокровенного, ощущая истекающий томительным нетерпением жар, громко выстанывающей что-то непонятное, женщины. Его женщины. Айи...

Айя...

Айя...

Не верил, что она здесь. Рядом. Хрупкая. Маленькая. Так доверчиво открытая перед ним, совершенно этого не заслуживающим.

Заскупила, дернула ногой, ощутив эту маленькую его заминку. Ассур ухмыльнулся, двинулся вперед, разводя в стороны ее ягодицы. Зарылся меж ними лицом, касаясь языком терпкой, горячей влажности. Шалея от ее запаха.

— Ох! — выдохнула Айя.

Прикусила с силой кожу на своем предплечье, сильнее прогибаясь и раскрываясь, подставляясь под такую сладкую, мучительную ласку. Перед глазами несчастной все плыло. Было нестерпимо жарко. Айя вся взмокла, вращала бедрами за каждым движением его языка. По тыльной стороне бедер текло липкое, теплое. Внизу живота скручивало. Требовало другого.

— Нир, пожалуйста...

Снова взмолилась.

— Я больше не могу!

Мужчина отстранился, поднимаясь. Склонился над нею, упираясь рукой в балку над ее лихорадочно подрагивающими пальцами. Второй сжал набухшую грудь, с твердым, напрягшимся соском. Погладил, приласкал. Обдал ухо горячим, прерывистым дыханием.

— Что пожалуйста, Айя?

Усмехнулся, когда девушка нетерпеливо потерлась задом о его бедра, задевая торчащую из брюк, истекающую смазкой головку члена. Притиснулся ближе, позволяя ей, закатывая глаза от удовольствия.

— Что, Айя? Скажи... Я не понимаю...

— Господин шутить изволит? — поворачивая голову, обиженно глядя на него через плечо, спросила несчастная.

Нирхасс улыбнулся, вытягиваясь, целуя ее во взмокший висок.

— Как можно? Просто попроси и я все сделаю...

Снова ущипнул ее сосок, вызвав громкий стон.

Повернула голову сильнее, подняла большие глаза. Утонула в вертикали его зрачка. Зашептала, сбивчиво и порывисто, не отрывая от него взгляда:

— Я хочу тебя, Нир. Очень хочу всего тебя... Пожалуйста, возьми меня.

Ее глаза, голос, запах.

— Как пожелает, моя госпожа...

Он вошел медленно. Осторожно. Не торопясь. Прикусив кожу на ее плече. Сдерживаясь изо всех сил, когда хотелось вколачиваться, насаживать, выбивать громкие крики под звуки влажных шлепков.

Двигался плавно. Нежно. Терялся в ощущениях, ловил каждый ее вскрик, каждый стон. Глотал их как воздух. Дышал ею. Их единением. Весь мир, за пределом раскинутого во вражеских землях шатра, исчез. Для асура существовала в те минуты только она. Она одна. Маленький центр его личной вселенной. Его главная и единственная слабость, о которой он заявил всему миру, бросив все и отправившись за ней.

Его женщина.

Его Айя.

Как он скучал! О как он по ней скучал! Невыносимо, мучительно. Невозможно.

Ускорился, входя чуть быстрее, чуть резче. Уткнулся лбом в ее затылок, втягивая запах пота и ее личный, сведший его с ума. Весь взмок, рубашка съехала с одного плеча, волосы растрепались, став вновь пепельными, как бывало только с нею.

Айя кончила первой, громко крича и сотрясаясь всем телом. Замотала головой, как в

припадке, заскребла ногтями по дереву.

— Боже! Боже! Боже! Я люблю тебя! Как же я люблю тебя...

Выкрикивала она, вздрагивая.

Ассур сорвался следом, теряясь в ее неосознанном, отчаянном признании. Шалея. Взрываясь. Утопая в абсолютном, всепоглощающем ощущении целостности. Неприкрытого, какого-то нечеловеческого счастья. Простонав так же громко и утробно, не сдерживаясь. Отпуская себя.

Перехватил ее руки, сжал в своей ладони. Девушку все еще трясло. Она будто бы задыхалась, не в силах открыть глаз.

— Тише, Айя, тише, — зашептал ей в макушку, — тебя сейчас удар хватит. Тише, девочка...

Выскользнув из ее тела, подхватил Айю на руки. Легко, словно она ничего не весила. Была легче перышка. Отнес на шкуры, осторожно укладывая, накрывая своим плащом. Целовал ее покрасневшее и влажное от слез лицо. Наблюдая, как девушка проваливается в сон, так и не открыв глаз.

Лежал рядом, гладил по взъерошенным волосам, смотрел на ее спокойные и безмятежные черты и не мог насмотреться. Не мог понять, как раньше она могла казаться ему непривлекательной, отталкивающей?

Он был слеп.

Сделав над собой невероятное усилие, поднялся, поправляя одежду и выскользывая в ночную, тихую прохладу. Зачесывая пятерней волосы. Долго смотрел в звездное небо. Снова распорядился о горячей воде и забрал у улыбающегося Амина остывший давным-давно ужин.

— Что? — спросил у старинного друга, заметив его пристальный взгляд, направляясь обратно к шатру.

— Ничего, — ответил ассур, приглаживая короткую бородку, — просто теперь весь лагерь знает, как сильно госпожа Вас любит. А Вы так переживали, — ухмыльнулся гвардеец.

Нирхасс нахмурил брови, рыкнул беззлобно:

— Доскалешься.

И сбежал туда, где была она.

Кормил проснувшуюся девушку с рук. Айя старательно избегала смотреть ему в глаза. То и дело краснела. Натягивала до самого подбородка его плащ.

— Думаешь, я не все успел рассмотреть? — прятал улыбку, внимательно следил за выражением ее лица.

Бедняжка вспыхивала сильнее.

Протестовала, когда он помогал ей мыться в небольшой лохани. Осторожно гладил, восторженно смотрел на живот, где были заметны явные, уверенные движения. Трогал его, целовал, прижимался щекой. Бережно вытирал. Обработывал раны оставленными лекарем мазями.

Айя хотела скорее одеться. Чувствуя себя неудобно. Она помнила, что ее тело когда-то было неприятно господину. Стеснялась. Стыдилась себя.

— Ты красивая, Айя — словно подслушав ее мысли, произнес Нирхасс, накидывая на тонкие плечи свою рубашку. Прижимая к себе.

Девушка вскидывала на него удивленные глаза.

Снова брал ее в темноте и предрассветной, окутывающей их тишине. Среди огромных шкур. Ловил ее рваные вздохи и протяжные стоны.

— Скажи еще, — просил тихим, прерывистым шепотом, целуя ее ухо, — скажи, Айя...

— Люблю тебя...

И мир для асура прекращал существовать, утопая в ее больших, невероятных глазах.

Глава третья

И снова была бесконечно долгая дорога. Айя тряслась в большом крытом экипаже в компании тюков и корзин, каких-то больших свертков и оружия. Все это спешно было нагромождено и свалено на полу и сидении напротив. Звенело и бряцало на ухабах, шуршало. Давило.

Девушка то и дело ерзала на широком сидении, выбирая позу поудобнее. Спину в поясице ломило нещадно, а ноги к вечеру такого пути немели и отекали. С каждым днем Айя все больше стала напоминать себе неповоротливый воздушный шар. Искорка заявляла о себе настойчивее, пиналась, крутилась — давила на внутренние органы. Отчего несчастной бывшей служанке постоянно хотелось по-маленькому. Возница только тяжело вздыхал, останавливая лошадей чуть ли не каждые полчаса. И Айя подобрал ворох неудобных юбок и отсвечивая румянцем на щеках, тащилась в ближайшие кусты, под внимательными взглядами Нирхасса и любопытными гвардейцев. Там подолгу воевала с одеждой, тихо ругаясь сквозь зубы.

Стыдобища!

Ассур почти не ехал с ней в карете, предпочитая быть верхом на своем верном, белогривом коне. Внимательно за всем следил, контролировал. Присоединялся лишь изредка. И всегда в эти минуты прижимал девушку к себе, целовал, гладил. Зарывался носом в ее волосы. Дышал там тяжелым и горячим. Смотрел внимательно своими невозможными серыми глазами. Нехотя отрывался и снова вскакивал в седло, принимая невозмутимый и холодный вид. И чем дальше они продвигались на север, тем холоднее и тревожнее становилось. Айя видела, как напряжены все вокруг, как по лицу господина проскальзывают недобрые тени. Но никто ничего ей не говорил и не объяснял, вынуждая несчастную томиться в неведении.

Это нервировало и обижало.

А еще девушка постоянно прокручивала в голове свое вырвавшееся той ночью признание. Пробовала на вкус, гоняла на языке. Вспоминала, как господин просил повторять его снова и снова, и вся краснела, покрываясь мурашками. Айя и не подозревала, что Нир может быть таким... Нежным? Что он умеет так смотреть, так осторожно и трепетно касаться, будто бы она редчайшая драгоценность, которую нужно беречь.

И думалось еще о его словах о помолвке. Что больше никого нет. Никого кроме нее — Айи. От этого делалось до дрожи радостно и трепетно. И вместе с тем страшно. Девушке не верилось, что такое возможно. Уж очень хорошо ей запомнился взгляд принцессы Ширрин, которым она прожигала Нирхасса. Было в нем что-то настолько собственническое и горящее, что становилось ясно — женщина его любила. Возможно не меньше самой Айи. Любила по-своему, как умела. И не в ее характере было отпустить...

И это повисшая и звенящая в воздухе всеобщая нервозность, только укореняла в сердце Айи страх. Что-то было не так.

Очень не так.

Айя отдернула шторку, выглядывая в холодный вечер. Он искрился первыми снегами и золотился в свете выглядывающего за тучами полумесяца.

На Север пришла зима. Пришла вместе с ними, пересекшими границу несколькими

днями ранее.

Они проезжали мимо небольшого поселения, и Нирхасс принял решение на постояль остановиться здесь — среди простеньких, деревенских домишек. Раздавал быстрые и короткие приказы гвардейцам, куда-то уходил.

Вернувшись, направился к экипажу. Подал руку Айе и не спеша повел девушку к высокому, приметному дому, что примостился у самого тракта.

— Как ты? Устала? — спросил, внимательно следя за ее сосредоточенном на дороге профилем.

— Немного, — соврала девушка, желая как можно скорее принять горизонтальное положение и вытянуть, казалось, ставшие свинцовыми ноги.

Ассур выбрал для них небольшую, но теплую комнату с широкой кроватью и камином. Спустился в просторный светлый зал, где заказал у круглого, словно бочка хозяина таверны, мясную похлебку и отвар шиповника. Пошел проверять, как располагаются солдаты по ту сторону тракта. Оставил девушку осмотреться и отдохнуть перед ужином.

Айя упала на кровать, раскинув руки и свесив отекавшие ноги, уставилась в выбеленный потолок, по которому неровно плясали причудливые тени отражаясь от огня камина. Расслабилась. Прикрыла глаза и громко застонала, приподнимаясь на локтях. Опять приспичило. Чуть не заплакала. Бедняжке казалось, что она столько не пила, сколько из нее выходило.

Неуклюже поднялась, придерживая живот и хватаясь за плащ. Уборная находилась на улице, а ночного горшка не наблюдалось. Да и было как-то неловко им пользоваться, зная, что в любой момент может прийти господин. Не очень то хотелось предстать пред ним в раскоряченной, неподобающей позе. Айя и так чувствовала себя слишком большой и неповоротливой. Живот, как в той сказке — рос не по дням, а по часам. А ей, как и любой другой женщине хотелось нравится своему мужчине.

Вышла на улицу, плотнее кутаясь в шаль, вдохнула морозный воздух, и поторопилась за угол. Быстрым шагом преодолела двор, запираясь в тесноте низенькой уборной и в который раз выругалась, борясь с платьем.

— Это пыточное сооружение, а не одежда! — возмущалась себе под нос девушка, поправляя подол и одергивая складки.

Двинулась обратно к дому, скрытая от тракта хозяйственными постройками и густым насаждением голубых елей. И только сдавленно охнула, замерев на месте.

Мгновение...

Затрепыхалась в чужих, сильных руках. Хотела крикнуть, но на лицо опустилась прохлада кожаной перчатки, зажимая ей рот. Девушка забилась сильнее. Замычала. Пыталась укубить широкую, твердую ладонь. Взбрыкивая всем перепуганным телом, неистово мыча.

— Тише, Айя! — раздался взволнованный шепот над ухом, обдав горячим и мятым покрасневшую щеку. — Тише. Это я...

Замерла. Притихла, пытаясь обернуться. Хватка, сжимавшая ее ослабла, ладонь с лица переместилась на плечи, дав доступ к кислороду. Он так и не выпустил ее из объятий. Уткнулся носом в ее волосы, как-то болезненно простонав. Весь задрожал.

— Ты в порядке? — наконец, спросил хриплым, севшим голосом Райан, настороженно глядя по сторонам.

Айя только кивнула. Осторожно обернулась, задирая лицо. Он возвышался над ней

бледный и какой-то осунувшийся. Лицо пряталось под низким капюшоном, блестело из его недр расплавленным золотом.

— А ты? — спросила бывшая пленница, рассматривая темные синяки и страшные ссадины, искажившие знакомые черты.

В груди все сдавило от непонятных ощущений и чувств.

Мужчина неопределенно пожал плечами, криво усмехнувшись. Притянул Айю еще ближе, почти вжал в свое горячее тело. Она протестующе напряглась, попыталась мягко отстраниться.

— Пожалуйста. Всего минуту, — снова зарываясь носом в волосы на ее макушке, попросил принц, — постой так всего лишь минуту.

И Айя замерла, глядя на него снизу вверх, позволяя вдыхать и обнимать себя. Теряясь в противоречивых ощущениях.

— Он хорошо с тобой обращается? Ты счастлива?

— Да...

Райан кивнул своим мыслям. И вдруг весь напрягся, подобрался. Устремив взгляд куда-то во двор. Обхватил ее лицо, заставляя посмотреть в его глаза. На мгновение прикрыл ресницы, сцепив ровные, белые зубы. Лицо его скривилось, словно ассиру стало больно. Но мужчина быстро взял себя в руки.

— Айя, послушай меня сейчас внимательно, — начал принц, шаря по ее лицу горячим янтарем, — вас не ждет теплый прием. Не знаю, рассказал он тебе или нет, но он теперь в опале. Предатель. Враг. А Правящий Дом севера не терпит предателей на своей земле. Ему уготована незавидная судьба. И тебе подле него тоже. Особенно тебе...

Замолчал, глубоко втянул холодный воздух и лихо выругался.

— Передай ему, если он решится — юг его поддержит.

Айя ошарашенно молчала, прокручивая в голове новую информацию и решительно ничего не понимая.

— На что решится? — выдавила из себя вопрос девушка. — Почему поддержит? Вы же враги! Я не понимаю, Райан...

— Просто передай, хорошо? Шаррихасс поймет. Слухи скоро дойдут, — он искривил красивые губы в горькой ухмылке, — надеюсь, ты не станешь после этого презирать меня еще больше...

— Что? — встрепенулась Айя. — Я не призираю тебя, Райан! Не думай так пожалуйста. Я благодарна тебе. И всегда буду благодарна. Ни что услышанное о тебе, не изменит моего отношения. Ты навсегда останешься особенным для меня!

Ассиру замер, глядя в лицо девушки во все глаза. Там плескалось непонятное, темное, затравленное. Айя задохнулась, такое на нее обрушилось янтарное, отчаянное. Очевидное.

Он ее любит.

И он прощается.

— Айя...

Замолчал, то ли подбирая слова, то ли пытаясь совладать с эмоциями.

— Майя, — тихо поправила девушка. Ей почему-то захотелось, чтобы он узнал. — Меня зовут Майя.

— Майя, — повторил принц, кивая.

Глубоко вдохнул и снова напрягся, глядя куда-то ей за спину.

— Тебе пора.

Не хотя выпустил девушку из теплых объятий, делая шаг назад — в тень деревьев.

Замер. А потом снова дернулся вперед, прижимая свою пленницу еще сильнее. Еще ближе.

— Прошу. Майя, прошу...

И Айя позволила. Разрешила.

Он прикоснулся к ее губам осторожно, почти невесомо. Весь задрожал, вцепился сильными пальцами в напряженную девичью спину. Согнулся. Углубить поцелуй не решился. Так и стоял, робко прижавшись к ней, к ее губам, вдыхал ее запах, смешанный с вонью другого. Выбранного ею. Единственной женщиной, которую теперь уже наследный принц, смог полюбить за целое прожитое тысячелетие. Единственную ему недоступную. Недосягаемую. Нужную, как воздух.

И именно ее он сейчас целовал.

Отпускал.

— Амарии исаан*...

Он исчез также внезапно, как и появился. Оставив после себя какую-то до невозможного щемящую пустоту и горечь. Айя стояла, вздрагивая всем телом и глядя в темноту раскинувшегося перед нею хвойного леса.

Чуть не подпрыгнула на месте, когда совсем рядом раздался тихий голос Амина.

— Госпожа, что Вы здесь делаете в одиночестве?

И замер, выхватив из ножен меч, потянул носом воздух. Вопросительно уставился на растерянную девушку.

— Пойдемте, Амин. Я совсем замерзла, — прошептала, неуверенно двинувшись к дому и больше не оглядываясь.

Ассур быстро нагнал ее, поравнявшись.

— Ему это не понравится, — оповестил гвардеец, предвкушая гром и молнии. От девчонки несло южным.

— Я знаю, — ответила та, решительно дергая на себя дверь.

Нирхасс сидел за столом, следил за ловкими движениями подавальщицы, что бросала на него полные восхищения и страха взгляды. Молоденькая совсем девочка, расставляла заказанный красивым господином ужин, и млела. Таких видных мужчин к ним в захолустье заносило редко.

Айя молча двинулся к нему. Поймала на себе теплый взгляд и легкую улыбку. Улыбнулась в ответ, опускаясь на стул рядом с ассуром, готовая ко всему. Амин сел напротив.

Господину хватило одного вдоха.

Он весь напрягся, подобрался, подался вперед, почти касаясь своим лицом лица девушки. Внимательно заглядывая в ее печальные глаза. Дернулся, чуть качнув вперед стол.

Айя только тихо пискнула, осознавая себя сидящей у него на коленях. Нирхасс крепко прижал девушку к своей огромной, горячей груди. Там — под кожаным жилетом и грубой тканью рубашками бешено стучало его сердце. Больно дернул ее волосы, заставляя чуть запрокинуть голову и накинудся на ее рот с каким-то бешеным поцелуем. Он почти жевал ее губы, прикусывал, толкался в рот горячим языком, тянул на себя. Айя обнимала мужчину в ответ, нежно гладила сильные плечи, и напряженную спину. Успокаивала. Морщилась,

когда ассур делала особенно больно. Чувствовала во рту соленый, металлический привкус собственной крови. Но покорно отвечала.

Понимала.

Оторвался, тяжело дыша и прижался ко лбу девушки своим, взмокшим и разгоряченным.

— Что ему было нужно? — спросил почти шепотом, прожигая недовольной серостью.

Айя слизав с губы каплю крови, сильнее прижалась к господину, обняла.

— Сказал, что ты предатель. Что нам не рады и если ты на что-то решишься, то юг тебя поддержит, — спокойно ответила девушка.

Ассур обхватил ее удобнее за талию одной рукой, другой погладил живот, замерев там. Опустил голову, касаясь его губами.

— Это все?

— Все.

Кивнул. Продолжая гладить ее.

— Почему ты предатель, Нир? Это из-за меня, да? — голос ее предательски дрогнул, выдав волнение.

Ассур тут же обнял ее сильнее, заглянул в карие, встревоженные омуты.

— Это из-за меня, — ответил, лаская большими пальцами ее горячие щеки. Нагнулся, слизывая кровь с уголка губ. — Не смей об этом переживать, Айя. Не думай и минуты. Я обещаю... Даю тебе слово, что с тобой... С вами ничего не случится!

— А с тобой? — тут же встрепенулась девушка.

— И со мной, — уже не так уверенно ответил ассур, бросив короткий взгляд на своего верного помощника. Это не укрылось от внимательного взгляда бывшей служанки.

Амин молча жевал свой ужин, старательно глядя по сторонам.

Ели в полной тишине. Айя давилась похлебкой, аппетита не было совершенно. Нирхасс задумчиво пил отвар, оставив в сторону нетронутую снедь. Когда девушка покончила с мучительной трапезой, проводил ее в комнату. Сообщил, что скоро вернется и оставил в одиночестве. Айя послушно ждала, сидя на кровати, глядя на танец огонька свечи. Следила за быстрыми каплями воска, что стекали по темному стволу и замирали остывающими пятнами на подсвечнике. Время шло, а ассур все не приходил. Прокручивала в голове события вечера, тревожилась. Переживала. Накручивала себя.

Решила попробовать уснуть. Не без труда стянула с себя платье, оставшись в сорочке и блаженно вздохнув, залезла под толстое одеяло.

Сон не шел. Как бедняжка не старалась, а уснуть не получалось. Пустота покоев чужого дома давила своей прохладой. Пахла незнакомо и неприятно. Покрутившись с боку на бок, выбив простынь из-под матраса, встала. Зябко поежилась. Накинула на плечи плащ, запахиваясь под самым подбородком, и как была — в шерстяных носках вышла в узкий, слабо освещенный коридор. Прошла невесомо по старым половицам и ступила на лестницу. На середине замерла, глядя на пустующий почти зал, что был погружен во тьму. Только на одном столе горели свечи и велась какая-то оживленная беседа.

Они пили!

Амин и Нирхасс. Оба уже были изрядно поднабравшимися. Тяжело опирались на деревянную столешницу со скудной закуской. Господин что-то зло шептал в лицо преданному гвардейцу, отпивая из высокой кружки. Тот согласно кивал, хлопал своего командира по плечу, подливал. Айя впервые видела хозяина пьяным.

Сделала еще один робкий шаг вперед, не отрывая взгляда от стола. Остановилась, заметив взгляд Амина. Тот отрицательно мотнул головой, махнув рукой, мол иди — не мешай. Девушка кивнула, только тихо, почти одними губами спросила:

— Все нормально?

Гвардеец задрал кверху большой палец и улыбнулся, снова неопределенно махнул рукой, и Айя поспешила вернуться в комнату. Решила не вмешиваться в их мужское уединение.

Скинула плащ прямо на пол, задула свечу и спешно залезла под одеяло. Уставилась в выбеленную стену, рассматривая мелкие трещинки. Сама не заметила, как уснула.

Кажется, только прикрыла глаза, и тут же их распахнула, сонно уставившись в расплывающуюся серость. Нирхасс нависал над ней, молча рассматривая, делаясь запахом алкоголя и кедра. Девушка робко ему улыбнулась, чуть отодвинулась и приглашающе откинула одеяло. Ассур качнувшись, глубоко вдохнул, умащиваясь рядом.

— Нир! — тихо воскликнула Айя. — Сапоги!

Мужчина недовольно уставился на свою пыльную, грязную обувь. Сел, пытаясь ее стянуть, прижимая за пятки. Не получалось. Злился. Айя ухмыльнувшись, неуклюже выбралась из-под одеяла, ступила на холодный пол и опустившись перед господином на колени, осторожно потянула его сапог на себя, освобождая ногу. Ее невозможный мучитель, внимательно, насколько это было возможно в его хмельном состоянии, следил за каждым движением девушки. Подался вперед, легко коснулся ее щеки. Айя тут же прильнула к его широкой, горячей ладони. Приласкалась. Нирхасс замороженно на это смотрел. Гладил. Весь тянулся к ней.

Закончив с обувью, привстала. Легонько толкнула ассира на кровать, накрывая одеялом. Сама, не без труда перелезла через него, устраиваясь у стены. Мужчина тут же оплел ее сильными руками, ткнулся носом в шею, прикусил нежную кожу, поцеловал. Притиснулся к девичьему телу всей своей огромностью, потерся бедрами о ее ягодицы, застонал.

Айя позволяла, обнимала его руки, подставлялась. Жадно ловила все издаваемые им звуки. Неприкрытые, настоящие.

— Хочу тебя, — зашептал ей в ухо, прикусывая мочку, — хочу, Айя. Боюсь сделать больно...

Айя, придерживая живот, перевернулась к нему лицом. Потянулась, целуя самые желанные во всех существующих мирах губы. Погладила жесткие волосы, сильные плечи. Тяжело вздымающуюся грудь и каменный, подрагивающий живот. Вцепилась пальцами в ремень брюк, завозилась там, от усердия высунув кончик языка. Нирхасс тут же прикоснулся к нему губами, втянул в себя. Застонал.

Высвободив его член, принялась его гладить, чуть сжимая. Рука стала липкой и влажной. Он пульсировал, подрагивал. Тянулся к ней. Ассур шипел сквозь зубы, закатывал глаза, подавался бедрами навстречу ее настойчивым, таким желанным ласкам. У Айя все внутри обмирало, глядя к как ему хорошо. Между ног пульсировало, томительно горело. Требовало.

Но сегодня был только он. Только его желания. Только его удовольствие.

— Моя, Айя... Никто... Никто... Моя... Только я... Только моя... Никто... Люблю...

Шептал господин, запрокидывая голову и сжимая пальцы на ее спине.

Кончил быстро, громко замычал, уткнувшись носом в ее лоб и выплескиваясь пряной страстью в маленькую, дарящую наслаждение руку. Дернулся, хотел было встать, найти чем

вытереть ее ладошку. Но девушка, хитро улыбнувшись, его удержала. Блеснув темнотой глаз, вдруг поднесла перепачканные им пальцы ко рту и медленно, не скрывая удовольствия их облизала, неотрывно следя за эмоциями на лице господина.

Он застыл, серое полыхнуло огнем, красивый рот удивленно приоткрылся.

— Создатель! Ты мое пекло, Айя...

Ассура вело. Он был пьян от вина и от нее. Хотел смотреть на девушку вечно. Убедиться, что она только его, стереть навязчивый запах чужака в ее волосах.

Но усталость брала свое. Нирхасс заснул, крепко прижимая к себе любимую женщину, целуя ее в лоб и прогоняя навязчивые, тревожные мысли о грядущем.

Амари и исаан — больше жизни.*

Глава четвертая

Хасарон встретил их, измученных долгой дорогой и разошедшейся непогодой, широко распахнутыми воротами и напряженными, молчаливыми лицами гвардейцев.

Айя во все глаза рассматривала город через тонкое стекло экипажа.

Он оказался небольшим, скорее напоминал деревушку, укрытую со всех сторон хвойным лесом и огороженную высоким, каменным забором. Узкие, брусчатые улочки и маленькие деревянные дома, здесь соседствовали с мощными и пугающими махинами казарм. Скрипели калитками скотных дворов и конюшен. Местного населения было мало, в основном на пути попадались только солдаты. Все, кто ушел вслед за своим командиром. Изменники трона. Отступники.

Город предателей.

Прибывшие гвардейцы ловко спешивались, передавали лошадей встречающим соратникам, устало разбредались, получив от командира приказ отдыхать. Амин следил и контролировал. Остался за главного, скрылся за стенами казарм.

Экипаж, вильнув в сторону, двинулся по широкой улице куда-то вглубь, мимо таверн и общественных купален, мимо сада и маленькой, едва заметной часовни. Обогнул небольшой, затянутый тонким льдом пруд, поднялся выше и остановился у громоздкого и строгого дома из темного камня.

Нирхасс помог спуститься, измотанной постоянной тряской, Айе. Придержал, когда та, блаженно выдохнув, выпрямила гудящую спину. Приобняв, повел в теплое нутро дома. Навстречу им выбежали слуги. Уже давно знакомые, привычные. Айя в удивлении замерла, посмотрела на ассура. Кажется, она не видела их целую вечность. В груди все всколыхнулось. Морис склонился перед ними в почтительном поклоне:

— Приветствую, господин. Госпожа.

Девушка от этого почувствовала себя неудобно. Скованно. Не в своей тарелке.

Но тут же радостно вскрикнула, дернувшись вперед. Мужчина послушно выпустил ее из рук. Улыбнулся. Айя, не сдержав слез, порывисто обняла тонкую, строгую фигуру. Тойра только сдавленно охнула, прижимая ее в ответ. Тепло и нежно, по-матерински. Осторожно. Приласкала девчонку, погладила по вздрагивающим плечам.

— Добро пожаловать домой, госпожа, — произнесла тихо управительница, пытаясь скрыть грустную улыбку.

— Тойра, — только и смогла выдавить несчастная, такое вдруг на нее нахлынуло. Трепетное. Сентиментальное. Видимо разыгрались гормоны. — Я скучала. Как ты? Деда тоже тут? Адам?

Женщина бросила тревожный взгляд на ассура поверх девичьего плеча, тот отрицательно мотнул головой.

— Все хорошо, Айя. Позже. Вам нужно отдохнуть с дороги, я распоряжусь о купальне и ужине, — отстраняя от себя девушку, грустно улыбнулась Тойра.

И все вокруг забегали, засуетились. Где-то в дальних коридорах мелькнуло встревоженное лицо Лили. Айю штормило от усталости и нахлынувших эмоций. Нирхасс видя ее состояние, поторопился увести девушку в их покои, что расположились на втором этаже и выходили широкими окнами на темный, серебрящийся изморозью лес. Помещение было не таким большим, как комнаты замка Шаррихасс, да и сам дом был значительно

меньше и скромнее. Темное, с добротной, массивной мебелью и закоптившимся камином. Лохань находилась прямо подле него, скрытая высокой, плотной ширмой. Там же примостился и низкий комод. Все здесь было строго и лаконично. По-мужски. Пахло им.

Пока Айя раздевалась, господин быстро разводил огонь в камине и зажигал свечи в многочисленных подсвечниках. Прогонял стылую прохладу и полумрак, создавая уют. Расторопные слуги приносили ведра с горячей и холодной водой. Наполняли купель, бросая внимательные взгляды на хозяина и бывшую, хорошо знакомую им чернавку.

Снова помогал мыться смущенной, краснеющей под каждым его взглядом девушке. Осторожно тер ее кожу вспененной мочалкой, раздевшись почти догола, оставшись только в легких подштанниках. Айя неловко пыталась прикрыть появившиеся на груди и бедрах, тонкие линии растяжек. Стыдилась. Рядом с его крепким, подтянутым, мускулистым телом, казалась самой себе неуклюжей и дряблой. Некрасивой. Нирхасс видел ее стеснение, и не мог понять в чем дело. Мужчина не замечал в ней того, что самой девушке казалось в себе отталкивающим.

— Почему ты прикрываешься? — отводя ее руки в стороны и внимательно заглядывая в карие глаза, поинтересовался ассур.

Айя только неопределенно пожала плечами, опуская голову. По ее разумению, все было более чем очевидно.

Нирхасс громко выдохнув, поймал ее подбородок мокрыми и скользкими от мыла пальцами, заставляя снова поднять раскрасневшееся лицо.

— Айя, ты красивая. Ты очень красивая. Нет никого лучше для меня. Понимаешь?

Бывшая служанка только кивнула, прикрывая дрогнувшие под его теплым дыханием ресницы. И снова вздрогнула, когда господин продолжил.

— Я не умею просить прощения. Никогда не просил. Ни у кого, кроме тебя. И нет таких слов, которые смогут оправдать все то, что я сотворил с тобой, — взгляд мужчины переместился на ее плечи с виднеющимися толстыми полосками шрамов, — не прошло и дня, чтобы я не жалел о том. Я не заслуживаю твоей любви, Айя. Ты самое чистое, что было и есть в моей жизни. Самое светлое. Ты — единственная. Прекрасная моя девочка. Лучшая. Я лишь могу пообещать, что больше тебе не будет больно. Я не сделаю больно. Верить?

— Верю, — прошептала в ответ несчастная, внимательно слушая своего хозяина, не решаясь поднять глаз.

Целовал ее лоб и подрагивающие веки, снова мыл, зарываясь сильными пальцами во влажные, спутанные волосы. Касался невесомо тонкой шеи горячими и влажными губами, гладил каждый шрам на истерзанной спине. Молчал.

Осторожно обтирал большим полотенцем, помогал надеть длинную и плотную сорочку. Присев перед ней на колени, осторожно натягивал на холодные ее ступни шерстяные носки, гладил колени, тяжело дышал. С трудом заставил себя оторваться от ее тела, запаха, взгляда. Придвинул ближе к камину стол с принесенным Тойрой скромным ужином, усадил Айю в кресло, подал приборы. Сам, быстро стянув влажные подштанники, не стесняясь своего возбуждения, опустил в остывающую после нее воду. Погрузился с головой, застыл там. Вынырнул, громко фыркая и откидывая с высокого лба волосы. Опершись всей своей огромностью на деревянные бортики лохани, внимательно смотрел, как девушка ест. Взгляд его блестел. Горел, растекался ртутным, проникая, кажется, под самую ее кожу. Айя изучала его в ответ. Любовалась.

Он был прав — девушка его не простила. И вряд ли когда-либо сможет. Но она его

любила. По-настоящему. Искренне. Настолько сильно, что это причиняло боль. Ощутимую, почти физическую. И она принимала его. Таким, какой он есть, замуравив те страшные воспоминания как можно глубже в израненном и истерзанном сердце.

— Почему мы здесь? — тряхнув головой и выныривая из своих мыслей, спросила Айя.

Нирхасс, натирая сильные руки мочалкой, спокойно ответил:

— Имение сильно пострадало, непригодно для жилья. Быстро не восстановит. Все, кто выжил, теперь здесь. В Хасароне есть некоторые запасы еды и защита. Сюда пожары не дошли. Есть шанс пережить зиму.

Айя сглотнув неприятную оскомину, вновь спросила:

— И многие выжили?

— Нет, — коротко ответил ассур, не спуская с нее внимательного взгляда.

Отвернула голову к окну, борясь с нахлынувшими чувствами. Полезли липкие и цепкие мысли, что возможно она могла сделать больше, что-то придумать, изменить...

Долго лежали под теплым одеялом в тихих, спокойных объятиях друг друга, слушали треск поленьев в камине и завывание ветра за подрагивающим стеклом. Одно на двоих дыхание. Обнимались, ласкались. Целовались нежно, почти невесомо. Прислушивались к сильным и заметным пинкам искорки. Улыбались.

— Сколько тебе лет? — вдруг спросил Нирхасс, заправляя за ухо девушки, упавшую на лицо прядь.

Айя даже замерла, удивленная таким простым и в тоже время необычным для них вопросом.

— Пару месяцев назад исполнилось двадцать восемь, — ответила почти шепотом, следя за его реакцией, — а тебе?

— Немного больше, — усмехнулся мужчина, добавил, — маленькая.

— Ну скажи, — приподнимаясь на локте взмолилась Айя, ей действительно было интересно. Очень.

— Одна тысяча триста тридцать один, — дав улыбку произнес ее мучитель, вызвав у девушки громкий, пораженный вздох.

Она нелепо приоткрыла рот, глядя на него во все глаза. Ассур выглядел максимум на тридцать с небольшим, а когда улыбался и вовсе казался мальчишкой.

Они говорили до поздней ночи. Мужчина дважды вставал подкидывать дров в жадную пасть камина, а возвращаясь неизменно тянул Айю к себе, уминая ее голову на своей широкой и горячей груди, переплетал их пальцы. Целовал ужасные шрамы, жалел. Девушка млела, льнула к нему. Сама не заметила, как провалилась в сон. Теплый и уютный. Спокойный.

А потом потянулась чередой серых и холодных, наполненных тревогой будней. Нирхасс все чаще пропадал в казармах. Куда-то уезжал из города с Амином и другими гвардейцами, порой на несколько долгих, мучительных для Айи дней. Страх по нему сводил несчастную с ума. Незнание пугало, давила своей необъятностью. Сутила девичью спину.

И как-то одним искрящимся, первым за долгое время солнечным и спокойным днем, Айя узнала новости, что так старательно от нее скрывали...

Горе опутало ее, связало по рукам и ногам, не давая дышать и выбивая почву из-под ног. Она растерянно смотрела на осунувшуюся Тойру и не верила своим ушам. Не хотела верить.

Отрицательно махала русоволосой головой, пяtilась, как выброшенная на сушу рыба, хватала обескровленными губами холодный, северный воздух. Только и смогла выдавить из себя короткий вопрос:

— Как?

— Солдаты Гилиаса...

Почти бежала в конюшни, сползла там по стене на промерзший, земляной пол, сотрясаясь от рыданий. Не видела ничего за пеленой злых слез. Скулила, обнимала себя руками.

Он был первым ее другом в этом мире. Единственным ее поддерживавшим. Безобидным и добрым. Настоящим. Простым, никому не желавшим зла стариком. Если бы не он, возможно, Айя уже давно бы сгинула, сломленная и никому ненужная. А теперь его не было...

Завыла еще громче, пугая, прядущих ушами лошадей.

Адама тоже не стало. Светлого, смешливого и простодушного паренька, что так мечтал стать одним из воинов Шаррихасса. Заставлявшего ее улыбаться вопреки всему, кружившему в танце среди цветочных гирлянд и огней. Отчаянно защищавшего простую служанку от похотливой, разошедшейся толпы. Смелого. Верящего в лучшее будущее, что оказалось к нему беспощадным.

Бородатый, рыжий конюх растерянно смотрел на женщину господина, что задыхалась от слез в его конюшне и не знал, что делать. Боялся подойти. А потому просто смотрел, став невольным, немым свидетелем чужой, всепоглощающей печали.

— Вам надо встать, госпожа, — наконец не выдержал он, протягивая Айе руку, — Вам нельзя на сырой земле. Застудитесь.

Девушка благодарно приняла помощь, кивнула. С трудом беря себя в руки. Часто-часто дышала, смотрела на лошадей. Почти взвизгнула, заметив в стойле рыжую в яблоках Малинку. Дернулась к ней, потянула засов, с трудом отодвигая тяжелую, деревянную дверь. Прильнула к широкой, горячей шее, зарылась дрожащими пальцами в шелковистую гриву. Кобыла недовольно дернула мордой, переступая длинными ногами.

— Тебе тоже плохо, да? — спрашивала Айя, проводя ладонью по гладким бокам. — Тоже не хватает его?

Шептала еще что-то, шмыгала носом. Все никак не могла совладать с собой.

— Можно я буду приходить к ней? — спросила у конюха не оборачиваясь.

— Конечно, госпожа, — ответил тот, переминаясь на месте. Мужчина не любил женских слез. Особенно таких, где был не в силах помочь.

Айя возвращалась к дому нетвердой походкой, разгоряченное и опухшее от слез лицо покалывало под холодными порывами ветра. Прошла по узким коридорам напрямик на кухню, молча принялась открывать все шкафчики, не обращая внимания на застывших в удивлении слуг. Тетушка Битси попыталась что-то сказать, но затихла под строгим взглядом Тойры. Девчонки ошарашенно хлопали глазами, перешептывались.

Выудив на свет, что искала, подхватила с расстеленного широкого рушника стопку, и откупорив бутылку, наполнила ее доверху. Громко опустила бутылку на стол. Уперлась ладонями о столешницу, перенесла на них вес. Громко задыхалась. И зажмурившись опрокинула в себя обжегший горло алкоголь. Передернула плечами и не говоря ни слова, быстрым шагом покинула кухню.

А в покоях, как была — в одежде и теплых ботинках, залезла под одеяло, укрылась почти с головой, вперив опустошенный взгляд в мощную дверь. Долго ее гипнотизировала, все еще периодически всхлипывая. Уснула.

Проснулась от легких, осторожных прикосновений к лицу. Нирхасс сидел на постели совсем рядом, целовал ее щеки. А за окном, пролегла среди деревьев зимняя, промозглая, северная ночь.

— Мне жаль, Айя, — тихо произнес господин, пригладив ее растрепавшиеся волосы. — Тебе нужно раздеться.

Помог бывшей служанке встать и выпутаться из одежды, стянул ботинки и снова уложил, примостившись рядом, накрывая их одеялом, кутая ее в надежных, горячих объятиях. От господина привычно пахло кедром. А еще дорогой и потом. Уверенностью. Айя вдыхая его запах успокаивалась, затихала, снова провалилась в тревожный сон.

Но несмотря на все переживания и скорби несчастной пленницы чужого мира, жизнь неумолимо шла вперед. Не останавливая свой ход ни на мгновение. Нирхасс опять подолгу где-то пропадал, решал какие-то важные государственные вопросы, не посвящая в них Айю. Оберегая тем самым от тревог, не осознавая видимо, что неизвестность и неопределенность страшили ее более всего. Но девушка его слушалась, доверяла, принимала все. И даже эту обидную скрытность. Просто понимала, что он такой. И другим вряд ли будет.

Она любила его таким, как он есть. Не стремясь изменить или давить своими, возможно даже и оправданными обидами. Просто была рядом. Ждала. Крепко обнимая, когда ассур уставший и разгневанный возвращался домой.

В то раннее утро, она проснулась оттого, что в их покои тихо, но настойчиво стучали. Нирхасс, накинув на плечи рубашку открыл дверь, ослепив девушку робким светом из коридора. Взволнованный гвардеец что-то быстро докладывал господину. Айя со сна плохо улавливала, выхватывая из быстрого монолога только отрывки фраз, про какого-то важного визитера.

Вернувшись к ней, ассур коротко оповестил, что ему требуется ненадолго отойти, и что он скоро вернется. Ей не о чем переживать.

— Спи, еще рано — поцеловал ее в лоб, и быстрой походкой скрылся за дверью.

Она ждала его в библиотеке, нервно меряя шагами маленькое помещение. Волосы отливали огнем в свете канделябров, глаза лихорадочно поблескивали, но лицо оставалось до прекрасного невозмутимым.

Принцесса вздрогнула, когда хозяин дома скрипнул половицами, проходя вперед и прикрывая за собой дверь. Он окинул ее недоуменным взглядом, совершенно не ожидая увидеть в застенках Хасарона. Отмечая, что Ширрин, как и прежде была верна себе, в любой ситуации выглядя безупречно.

Ассур обошел свою нежданную гостью, останавливаясь у камина и присаживаясь в высокое кресло. Женщина следила за ним неотрывно, жадно впитывая каждую деталь. С нескрываемым восхищением глядя на голый торс под незастегнутой рубашкой. На встрепанные со сна волосы и знакомые до боли черты, что теперь стали ей недоступными.

— Зачем ты здесь? — нарушил затянувшуюся тишину Нирхасс, переводя свой серый взгляд на огонь камина.

Принцесса невольно отшатнулась от его такого равнодушного и холодного тона, что даже не верилось. Но быстро взяла себя в руки, подойдя ближе. Так, чтобы стоять напротив и смотреть в невозмутимое, прекрасное лицо.

— Я здесь, чтобы образумить тебя, Нир! — резче, чем того хотела выпалила Ее Высочество.

— Образумить? — усмехнулся господин, устремив на нее свою серую сталь.

— Да, Нир! — твердо ответила Ширрин, игнорируя явную его насмешку. — Ты видимо повредился рассудком, мой гордый воин. Неужели она стоит всего этого сумасшествия? Отец не спустит этого твоего безрассудства. Он готов идти на вас войной! Войной, понимаешь?!

— Понимаю, — коротко кивнул ассур, добавил, — и да, стоит.

Принцесса дернулась, как от пощечины. Проглотила болезненный спазм, сдавивший внезапно горло. Прокашлялась. И как-то порывисто и отчаянно, в совершенно несвойственной ей манере спросила:

— А как же я?!

Качнулась, хватаясь за полку над камином.

Хозяин дома прикрыл глаза, огладил подбородок, громко выдыхая.

— Мы об этом уже говорили Шир. Много раз. Я устал повторять.

— А если я скажу, что люблю тебя! Да, люблю! Не надо делать вид, будто ты не понимал и не знал этого! Ты не смеешь вот так оставлять меня! Не смеешь! И ради кого?! Ради этой... Этой... Девки беспородной! Это какая-то блажь, Нир! Она же шваль! Жалкая и никчемная! Мерзкая...

— Ты забываешься, — протянул с угрозой, блеснуло недоброе в серых глазах.

— А ты нет?! Ты не можешь так поступать со мной! С нами! — Ширрин вдруг резко подалась вперед, падая перед ассуром на колени, хватаясь за его напряженные руки. — Я попрошу отца! Попрошу! Он тебя простит! Все простит! Ты вернешь себе прежнюю власть и даже больше! Рядом со мной ты вновь станешь великим! Поднимешься над всеми! Как мы и мечтали, помнишь? А что даст тебе она? Скитания и жалкую жизнь в изгнании, если удастся выжить? Нир, любимый, прошу тебя... Прошу... Одумайся! Я даже приму ее дитя! Забуду, кто его мать! Буду растить как своего! Как нашего! Ее все равно не станет! Рано или поздно. Людская жизнь коротка. А я буду рядом всегда! Буду верна и предана тебе! Как никто другой! Нир...

Принцесса дернула шнуровку своего костюма для верховой езды, как-то дергано и нервно стянула блузу, оставшись в одном корсете. Пышная грудь ее быстро вздымалась. Женщину потрясывало. Она снова прильнула к напряженному ассуру, целуя его руки, заросший щетиной подбородок, обнимая неподвижного мужчину.

— Что ты делаешь? — легко отстраняя от себя разгоряченное, красивое тело, недовольно спросил он.

Оттолкнуть не решался, помня и отдавая должное их совместному прошлому. Но отчетливо осознавая, прикосновения другой ему безразличны, если не сказать неприятны.

— А на что похоже? Ну же, Нир, давай! Возьми меня! Возьми, как прежде!..

Айя толкнула плохо прикрытую дверь библиотеки, плотнее кутаясь в длинную шаль. Волнение не дало бедняжке уснуть, поворочавшись в постели и тяжело повздыхав, решила спуститься вниз и узнать, что там за визитеры. И все ли в порядке. Смущенный гвардеец

подсказал, где находится командир.

Замерла в дверном проеме вцепившись холодными руками в металлическую ручку. Моргнула, забыв, как дышать. Застыла, наблюдая, как полуголая Ширрин прижимается к ее господину, как целует его уставшее лицо, откровенно и бесстыдно себя предлагая. Как он удерживает ее за шелковистые, белые плечи, чуть склонившись вперед.

Выдох получился каким-то слишком громким, свистящим. Ассур дернулся, устремив на нее растерянный взгляд. Ее Высочество, воспользовавшись моментом прильнула еще ближе к Нирхассу, простонала. Айя сделала шаг назад. Еще один. И еще. Тихо прикрыла дверь и развернувшись, спешно направилась прочь. Поднялась по лестнице, пытаясь дышать ровно, спокойно. Оказавшись в остывших за ночь покоях, направилась за ширму, склонилась над ведром, щедро брызгая холодной водой в бледное, словно мел лицо. В голове было пусто. Пока. В груди дергало болью. Какой-то тупой и противной. Ноющей.

Прошла к креслу, спешно натягивая платье с удобной шнуровкой спереди. Руки не слушались, пальцы то и дело соскальзывали, Айя старалась сосредоточиться. Красивый синий бархат, шелковая лента, оборки. Тихий стук двери.

— Айя, — голос его был ровным, спокойным, едва лишь различимо слышалась тревога.

Девушка не обернулась, продолжая воевать с платьем.

— Айя...

— Не получается, — выдохнула она, улыбнувшись подошедшему и ставшему перед ней мужчине.

Господин смотрел на нее нахмурив густые брови, внимательно заглядывая в бледное лицо с огромными, блестящими глазами. Двинулся вперед, желая обнять. Девушка отшатнулась, повела носом. Губы ее дернулись.

— Вишня. Зимой не вкусно, — и опять вернулась к проклятым завязкам.

— Айя, послушай...

— Не сейчас, — не дала закончить бывшая служанка, снова уворачиваясь от его рук, разыскивая глазами свои, неизвестно куда запропастившиеся, ботинки.

— Выслушай меня! — ассуру не нравилась ее реакция, не нравился надтреснутый голос и то, что она старательно избегала его взгляда.

Мельтешила по комнате в поисках обуви.

— Не сейчас, господин. Мне надо на воздух. На воздух.

Ассур резким, нервным шагом направился к окну, распахнул тугие створки, впуская в их покой сквозняк и ворох дремавших на подоконнике снежинок.

Айя дернувшись, вдруг устремилась обратно за ширму, снова склонилась над ведром. Девушку вырвало. На глазах от болезненных, противных спазмов выступили злые слезы. В голове вновь вспыхнула яркая картина из библиотеки и бедняжку вывернуло опять. Желчью и обидой. Ревностью. Непринятием.

Спины несчастной коснулись горячие ладони, погладили. Нирхасс передал ей полотенце.

— Спасибо, — прошептала Айя, вытирая рот и давя в себе очередной мучительный спазм.

— Тебе легче?

— Нет.

— Айя пос...

— Я не хочу сейчас говорить, — прервала его на полуслове, пытаясь продышаться.

— Я ведь и заставить могу! — вырвалось неосторожное, прежде чем успел подумать. Злился на себя и на нее за неуместное, рьяное упрямство. На все испортившую Ширрин, что сейчас в сопровождении гвардейцев покидала просыпающийся город. В который раз отвергнутая. Униженная. Затаившая.

Айя как-то странно дернулась, повернула к нему лицо. Губы и подбородок ее дрожали.

— О, господин, я знаю! Лучше, чем кто-либо другой, знаю. Принести Вам плеть или обойдемся руками?

Слезы прочертили влажные дорожки на ее лице.

На ассура как ушат ледяной воды опрокинули. Мужчина весь встрепенулся, прикусывая свой ни к месту ставший длинным язык. Подхватил сопротивляющуюся девушку на руки, протащил по комнате, сел вместе с нею на кровать. Оплеп сильными руками.

— Айя прости, я не хотел этого говорить. Просто дай мне сказать. Выслушай. Я не хочу, чтобы все рушилось из-за чужой, глупой прихоти. Ничего не было и не будет. Ни с ней, ни с кем-либо еще. Для меня существуешь только ты. Прости. Ты не должна была это видеть. Мне не стоило с ней говорить, я не думал, что она выкинет подобное. Айя, девочка, прости...

Он еще что-то шептал ей, гладил, прижимал к себе.

Не отходил от девушки весь день, гулял с нею по лесу, перекинувшись зверем. Отложил дела. Подставлялся под ее маленькие, тонкие руки. Урчал. Ждал, когда из карих глаз уйдет непривычное, отстраненное и чужое. Холодное.

Вечером долго сидели у камина. Нирхасс крепко обнимал ее, целовал в затылок, поглаживал живот. Непривычно для самого себя суетился, чувствуя вину за свои неосторожные слова. Айя уснула в его руках. Обмякла, вздрагивая и тяжело вздыхая во сне. Перенес ее в постель, бережно уложил, стягивая ботинки.

Проснулся среди ночи от того, что девушка поднялась, вцепившись обеими руками в столбик балдахина.

— Что такое? — спросил ассур, внимательно глядя в широко распахнутые девичьи глаза.

По ногам Айи текло теплое, замирало на полу небольшой лужицей.

— Кажется, началось...

Сана Дор Шаррихасс появилась на свет к вечеру следующего дня. В самое неудобное время, которое только можно было представить. Новая душа явилась в мир ассуров, что снова стоял на пороге неумолимых и кровавых перемен. Которые уже выдвинулись многотысячным войском на скрытый лесом, неприметный военный городок, возглавляемые самим Правителем Севера, древнейшим из рода — Котроном Сентиусом Солейром.

Измученная, уставшая и взмокшая Айя бережно прижимала к груди маленькое, горячее тельце. Сотрясалась от слез облегчения и счастья. Целовала своего ребенка в мокрые, слипшиеся, пепельные волосики. Гладила дрожащими пальцами и не могла ею надышаться. Боль мучительных, казавшихся бесконечными, часов отступила в ту же секунду, как только старая, морщинистая повитуха, под надзором бледного лекаря, ловко опустила на нее громко пищаний, почти фиолетовый комочек.

— Крепкая девчонка, видна порода, — вещала скрипучим голосом старуха, уверенными движениями, перетягивая пуповину.

А сердце Айи замирало и несло вскачь, затаив дыхание она невесомо касалась маленьких, сжимающихся в кулачки пальчиков. Терялась. Не могла осознать, что она теперь мама.

Шептала тихо:

— Моя... Моя... Моя...

И снова касалась губами светловолосой головки с пульсирующим родничком.

Ревностно наблюдала, как ее искорку обтирают, заворачивая в теплую, выглаженную простыню. Тяжело откидывалась на подушки, следя за всем из-под ресниц. Морщилась, когда ее саму обрабатывали там, меняла сорочку с помощью Тойры, умывалась.

Тихо скрипнула дверь впуская в теплое нутро покоев всполошенного Нирхасса. Весь встрепанный, с закатанными до локтей рукавами рубашки, он смотрелся непривычно, по-другому. Взволнованный. Замер на входе, уставился своей цепкой серостью в маленькую фигурку на широкой постели, что прижимала к груди крошечный, белый сверток. Айя улыбнулась, кивнула головой, приглашая подойти ближе.

— Поздравляем, господин! — коротко поклонилась управительница и собирающий свои вещи в коричневый сундучок лекарь.

Ассур остановился у изголовья, замер там, склонился низко. Обдал щеку и плечо девушки горячим дыханием, заморожено глядя на маленькое, опухшее личико, с темными щелками глазок. Новорожденная смешно причмокивала губами, высовывала язык, кряхтела.

— В праздник зимы рожденная — хороший знак, счастливой будет. Зоркой, — объявила всем повитуха, собирая с пола простыни.

— Хочешь поддержать ее?

Мужчина только кивнул, осторожно принимая из рук Айи их дитя. Сана выглядела в его огромных руках совсем маленькой, почти незаметной. Нирхасс смотрел на нее, не отрываясь и кажется, затаив дыхание. Лицо его было привычно невозмутимым, а вот глаза блестели. Горели ярко, тепло.

— Она прекрасна, — наконец, произнес ассур, переводя полный нежности взгляд на свою улыбающуюся служанку. — Моя дочь...

Он произносил это короткое слово и будто сам себе не верил, пробовал его на вкус.

Млел. Смешно согнувшись, почти невесомо коснулся маленького лба поцелуем, втянул носом ее запах, прикрывая свои невозможные глаза.

В ребенке так остро чувствовалась кровь асурин — его кровь, что это дурманило. Разносило разряды удовольствия по нервным окончаниям. Будоражило.

Счастье. Восторг. Целый шквал эмоций заставлял мужчину бродить по комнате, неотрывно рассматривая его продолжение. Еще год назад казавшееся нереальным. Невозможным. Немыслимым. И вот он держит ее на руках — такую маленькую, беззащитную, хрупкую. Чудо. Бесценный дар.

Целовал раскрасневшуюся Айю, благодарил, обнимал. Смотрел как та неумело, робко прикладывает к груди их кроху.

— Я хочу назвать ее Саной, — произнесла Айя, вспоминая своего отца, которого не стало много лет назад. Адаптируя его имя на местный, удобный для слуха манер. — Александра. Маленькая Сана.

Нирхасс только кивнул, прижавшись губами к ее волосам.

Обнимал их, баюкал. Гладил уснувшую, измотанную девушку. Шепотом раздавал поручения Тойре. Задремал ближе к утру, все не мог на них насмотреться, надыхаться. Поверить.

Следующие дни были наполнены хлопотами, умиротворением и детским плачем. Управительница всячески помогала своей названной госпоже, подрядив еще и расторопную Лили. Учила, подменяла, находя в том необычайное удовольствие. Часто погружалась в свои мысли, гнала прочь тоску, вспоминая свою бедную Лиру, черты которой увидела в грязной, пришедшей неизвестно откуда чернавке. Разбередившей, растормошившей старые, давно зарубцевавшиеся раны всегда холодной, надменной управительницы...

А еще заходил Амин. Неловко мялся в дверях, смущаясь просил:

— Госпожа Айя, можно посмотреть на девочку?..

Желал хотя бы взглядом прикоснуться к чуду, робел.

Бывшая служанка только улыбнулась, склоняясь над колыбелью, поманила воина к себе. Позволила.

— Такая маленькая, госпожа, — выдохнул ассур, склонив голову на бок и крепко сцепив руки за спиной, — красивая...

А потом вдруг посерьезнев, добавил:

— Мы будем защищать вас Айя. До последнего вздоха.

Бросил еще один короткий взгляд на младенца и поспешил прочь, оставив растерянную Айю смотреть в его удаляющуюся, прямую спину.

А еще через пару дней, когда девушка меняла простыни в детской кроватке, раздался будто бы раскат грома. Резкий. Неожиданный. Оглушающий.

Айя только тихо вскрикнула, замерев у постели и ошарашенно глядя на окно. Грохот был столь сильный, что задребезжали стекла и упала с каминной полки хрустальная ваза, разлетевшись по полу искрящимися осколками. Женщины оторопели, Лили вздрогнула, прижав к груди влажную тряпку, которой до этого протирала пыль.

Внизу все засуетилось. Зашумело. Нирхасс раздавал короткие приказы. Собирался. Стремительно покидая дом в сопровождении верного Амина. Велел Морису немедленно запретить все ставни, перенести из подвалов все самое необходимое на несколько дней

вперед. Не спускать глаз с госпожи.

А лес перед главными воротами Хасарона полыхал, зарево пожара вздымалось высоко в полуденное небо, пачкало его чернильным, едким дымом. Трещало. Выло. Коптило. Лизало огромными языками пламени высокие каменные стены, не в силах преодолеть ров и проникнуть за их невозмутимую твердость. Злилось. Неистовствовало. Горел один из корпусов казарм, где находились солдатские конюшни. Гвардейцы спешно выводили сопротивляющихся, испуганных стихией животных. Кашляли, громко переговаривались, прикрывая лица мокрыми рукавами и платками.

Мирные люди бежали к хозяйскому дому, стремились в его надежное, добротное нутро. Кричали, разбегаясь в стороны и натываясь друг на друга, под градом летящих со всех сторон полыхающих, огненных стрел. Задыхались от заставшего все вокруг жаркого смога. Пепел смешивался со снегом, оседал на непокрытые головы предателей.

Котрон делал первый шаг, прощупывал почву. Повелитель жаждал не просто отомстить изменнику, но и унижить. Растоптать. Показать народу, как тот слаб и никчем в сравнении с величием Правящего Дома. Пожалеть, что ушли вслед за Шаррихассом. Дерзкий пес осмелившийся укунить руку, что так щедро и долго его вскармливала. Отвергнувший драгоценнейший из подарков — его дочь, принцессу Ширрин. Таскался с нею столько лет и бросил, словно наскучившую дешевку. И ради чего? Ради человеческой женщины?! Тьма, вот это насмешка! Он раздерет ее в клочья на глазах у бывшего военачальника! Будет заживо сдирать с нее шкуру, лоскут за лоскутом и заставит его смотреть! А родившиеся недавно дитя будет принадлежать Правящему Дому, пусть лекари изучат состав крови. Разберутся.

— Рано начал, — процедил сквозь зубы Нирхасс, вскакивая в седло, — будет теперь травить, как зверей. Ответа еще не было?

— Нет, господин, — отчитался Амин, седлая свою лошадь, удобнее перехватывая поводья.

Небольшой конный отряд покинул стены Хасарона, возглавляемый своим предводителем. Ассур знал, что прямого удара не будет. Во всяком случае не сейчас. Короткие, изводящие вылазки, направленные на разрушение и запугивание — в этом был весь род Солейр. Правитель намерен поставить его на колени перед всем миром, перед его людьми. Он хорошо осведомлен о своем численном преимуществе. Но воины Шарихасса куда опаснее, ибо следуют долгу и совести, а не приказу. Тем и страшнее, отчаяннее в бою. Неистовее.

Оставшиеся гвардейцы тушили пожары, переносили припасы и оружие. Слуги в доме размещали перепуганных людей. Помогали раненым, успокаивали.

Айя не спускалась, прижимала к себе Сану, скованная нависшей над ними угрозой. Страхом. Мерила короткими шагами погруженные в полумрак покои. За прикрытым ставнями окном был слышен гомон и треск, крики, ржание лошадей. В груди металось и скреблось. Он был где-то там. Ушел, не проронив ни слова. Не успокоив. В этом был весь Нирхасс, когда дело касалось надвигающейся на его людей беды, он, отринув все, решительно шел вперед, ответственный за их жизни. Не видел нужды в глупых сантиментах и расшаркиваниях. Это обождет. Будет после, когда гроза минует. Особенно теперь, когда за его спиной находились они — его смысл...

Отряд лазутчиков был небольшим, но одним из лучших в армии правителя севера. Тренированный им самим — Дор Шаррихассом. В основном лучники.

Разведчики...

Сражение было недолгим. Тихим и беспощадным. Вековые ели тянули присыпанные снегом ветви в стороны, стремились в высь острыми макушками, не желая становиться свидетелями нового кровопролития. Ассур командовал — живых не оставлять! И его люди послушно топили белый снег в алом, скорбном. Переманить на свою сторону никого не пытались, те кто хотел и был верен ушли за командиром сразу, не задавая лишних вопросов и не сомневаясь. А те, кто явился убивать, заслуживали только смерти.

Отправил своих людей на разведку, пришпорил всхрапнувшего коня, пуская того в галоп, двинулся глубже в лес, где зарево от пожара было не таким ярким. Выше по склону, к самому подножью горы. Осмотрелся. Хода, прикрытого колючими ветвями и припорошенного снегами, видно не было. Он прятался за широким кустарником дерна, уходил сильно вглубь. Таился. Хорошо.

Как и ожидалось, их брали в плотное кольцо, отрезая Хасарон от внешнего мира. Солейр расположил ставку далеко за пределами леса, за шумной и быстрой рекой, что проложила свой путь от самых горных вершин. Выжидал. Ежедневно отправлял лучников, обрушивая на пристанище врага все новые и новые смертоносные лавины. Нисколько не удивлялся, что гвардейцы обратно не возвращались. Ухмылялся, ожидая решительных ответных действий, но Шаррихасс медлил. Забился в свою надежную, теплую нору хитрый, изворотливый лис. Только отражал удары, утонув в едких смогах, разгребая пепелища своего оплота. Ну ничего, Котрон умел ждать...

Айя быстро поднималась по лестнице, прижав к груди выглаженные пеленки и простыни. Торопилась, гоня ставшее привычным ощущение надвигающейся, неизбежной бури. Тойра шла следом, задержавшись в холле, объясняя что-то привычно молчаливому Морису.

Тихо потянула на себя створку двери и замерла, ошарашенно глядя перед собой. Уронив свою ношу, ринулась вперед, лицо ее исказила дикая ярость.

— Что ты творишь?!

Лили отскочила от колыбели, где мирно спала Сана. Прижала к груди подушку, которую лишь мгновение назад заносила над младенцем, решаясь опустить. Придавить. Подождать немного, совсем чуть-чуть и бежать, бежать — пока господа не вернулись. Испуганно захлопала яркими глазами, отшатываясь от взбешенной Айи. Истошно завопила, когда та вцепилась ей в волосы, дернула на себя, заставляя шлепнуться на колени. Госпожу било крупной дрожью, замахнувшись, она хлестко ударила несостоявшуюся детоубийцу по бледной, холодной щеке. А потом еще и еще. Айя была служанку столь неистово, столь остервенело и отчаянно, как когда-то защищала ее жалкое тело, что вольно пользовали вражеские солдаты. Лили пыталась прикрыться, вырваться, лишь еще больше разозлив бывшую товарку. Та гонимая ужасом за свое дитя, не видела ничего вокруг, готовая разодрать чернавку голыми руками.

— Как ты посмела?! За что?! — рычала Айя сквозь зубы, дергая светлые, шелковистые волосы.

Девушка обливалась слезами, из разбитой губы текло из носа тоже. Щеки горели, лицо саднило. Госпожа не церемонилась.

— Простите! Простите, госпожа! — кричала Лили, брызжа кровавой слюной и

всхлипывая. — Я не виновата! Не виновата! Она велела мне! Сказала, что убьет, если не сделаю... Простите... О Тьма!

— Кто велел?!

Чернавка только еще больше разревелась. Айя вlepила ей еще одну оплеуху, дернув за волосы на себя, заставляя вытянуться на коленях, прогнувшись в спине.

— Кто?!

— Ее... Ее Высочество...

Ширрин.

Чертова, подлая тварь! Мерзкое отродье, что по ошибке звалось женщиной.

Тойра застыла в дверях, молча глядя, как Айя волоком тянет за собой вяло сопротивляющуюся Лили, вцепившись той в растрепанные волосы. Глаза девушки стали черными от гнева, блестели непривычной сталью. Лицо покраснелось, вена у виска пульсировала.

— Посмотри за Саной, — коротко бросила госпожа, даже не глянув на управительницу.

Выволокла свою пленницу в коридор и уверенным шагом направилась к лестнице. Лили кричала от боли, хваталась за вцепившуюся в ее шевелюру руку. Царапалась. Айя того, казалось, вовсе не замечала, только сильнее дернула тощее тело на себя, снова ставя предательницу на колени. Двинулась вниз, собирая ею ступени. Тяжело дышала, сотрясаясь от праведного гнева. В груди кипело и бурлило. Страх, ненависть, дикая — необъятная ярость, все в ней смешалось в горючую, плохо контролируемую смесь. Еще никогда прежде, несчастная так не жаждала мести и крови, как в те мгновения. От мысли, что задержишься она на кухне чуть дольше или остановишься подождать Тойру, случилось бы непоправимое, в груди вспыхивало, расцветало жгучей болью.

Остановилась.

И снова ударила — наотмашь, так, что у чернавки клацнули зубы и запрокинулась голова.

Двинулась через холл, игнорируя собравшихся на шум обитателей дома. Толкнула тяжелую дверь, делая шаг в главную залу. Нирхасс, Амин и еще двое незнакомых ей гвардейца обернулись, с удивлением глядя на Айю. Ассур нахмурился, вставая навстречу своей женщине. Только он видел, насколько та напугана. Какой ужас застыл на ее ставшем словно восковым лице. Дернула рукой, вталкивая перед собой воющую Лили. Та упала перед длинным столом, за которым сидели мужчины, растянулась, пряча лицо и страшась подняться.

— Скажи ему! — скомандовала Айя, подходя к распластанному телу, вновь дергая мерзавку за волосы. — Говори! Или вашей проклятой Тьмой клянусь, я удавлю тебя голыми руками!

И Лили закашливаясь в рыданиях заговорила. Глотала слова, всхлипывала. Понимала, что живет последние минуты. Господин не простит подобного. Никогда.

Хозяин слушал не перебивая, не спуская с Айи внимательно взгляда.

Амин понимающе прикрыл глаза, отвернулся. Никогда прежде он не видел маленькую госпожу в таком состоянии.

Когда чернавка закончила, девушка наконец отпустила ее многострадальную голову, отшвырнула от себя. Выпрямилась, задрав подбородок, вперила острый, черный взгляд в ассура. Обманчиво ровным, холодным, чуть надтреснутым голосом произнесла:

— Мне не будет покоя, пока эта тварь жива.

Нирхасс только коротко кивнул.

Принцесса Ширрин подписала себе смертный приговор....

Айя не проронив больше ни слова покинула залу, неуверенным шагом возвращаясь в покои, где девушку ждала ее маленькая, бесценная жизнь. Ее искорка.

Уже поздним вечером, вошедший в комнату ассур нашел свою служанку сидящей у колыбели. По щекам ее текли, лились крупным градом немые слезы. Девушку трясло. Било нервной дрожью. Она прижимала к бледным губам изуродованные шрамами ладони, раз за разом прокручивая в голове образ замершей с подушкой в руках Лили. Замершей над ее ребенком. Над ее огоньком. Маленькой Саной, что безмятежно спала, окутанная материнской заботой, словно мягкими крыльями.

Долго обнимал ее. Успокаивал. Гладил. Целовал распухшее от слез лицо. Придвинув широкое кресло к детской кроватке, усадил свою госпожу на колени, укрывая их теплым одеялом. Айя отказывалась отходить от Саны, вновь и вновь переживая те страшные мгновения. Уснула — словно под лед провалилась, согретая его уверенным, надежным присутствием.

Нирхасс не рассказал ей, что кроме Лили этим вечером не стало еще четверых слуг, сознавшихся в сговоре с врагом. Кто-то из страха, кто-то из банального желания и веры в лучшую жизнь при дворе, это было не важно. Всех их ждал один печальный финал.

А еще не упомянул господин и о том, что пришел ответ от Райна Кровавого, братоубийцы и узурпатора, свергнувшего собственного отца с трона и сославшего мать в монастыри на дальних островах, что притаились в водах теплого моря.

Юг спешно двигался на помощь своему врагу...

Глава шестая

Шла неделя за неделей, тревога и страх крепили, опутывали маленький город стыдными, непростительными для этого жестокого мира узами. Угнетали. Уродовали. Дом словно замер, затих в ожидании следующего оглушительного удара. Обитатели его были точно безликие и бесплотные тени себя прошлых. Ходили тихо, почти не дыша. Ужас надвигающегося чувствовали все, но были не в силах остановить или вмешаться. Просто ждали, замурованные в темном, добротном камне и своей беспомощности. Обдуваемые ледяными ветрами, что вьюжили и лютовали, засыпали землю холодными снегами.

Нирхасс и Амин отсутствовали в Хасароне уже больше десяти дней, хотя обещали вернуться много раньше. Айя не находила себе места. Несчастную рабыню раздирало надвое от ужаса. Она с трудом держала себя в руках, старясь для Саны быть надежной и крепкой. Теплой. Управительница всячески пыталась успокоить свою госпожу, напоминая, что хозяин очень сильный и мудрый воин, что никогда и ничего не делает просто так. Разве что с ней — с Аей его действия не поддавались никаким разумным объяснениям. Но девушку это не утешало. Она подолгу стояла на крыльце и смотрела вдаль, мимо пепелища бывшего когда-то городом. Далеко за стену, где был искрящийся зимой лес. Румир стоял за ее спиной молчаливой тенью. Бдел, выполняя наказ своего командира.

— Они вернутся, — не выдержал гвардеец как-то, видя молчаливые, горячие слезы маленькой госпожи.

— Ты знаешь, куда они отправились? — не оборачиваясь, и зло смахивая влажную слабость с горящих щек, спросила девушка.

— Нет, Айя. Этого я не знаю. Но я очень хорошо знаю командира — они вернутся! Не сомневайтесь.

Бывшая служанка только кивнула в ответ. В те мгновения она почти ненавидела своего ассура, что оставил ее терзаться в мучительном неведении. Психовала. Хотела как в тех сопливых мелодрамах — бить посуду и кричать в пустоту дома о том, какой он невозможный эгоист! И чтобы осколки в разные стороны, чтобы навзрыд, громко и неистово. Слала ему в ночную, морозную пустоту страшные ругательства, а затем, словно пугаясь своих собственных мыслей, прикрывала глаза и молилась всеми известными ей молитвами. Просила. Умоляла. Закусывала губы.

— Только вернись. Вернись ко мне, — шептала, стискивая в холодных руках завязки теплого плаща.

И снова бесконечной чередой тянулись дни полные томительного, изматывающего ожидания. С короткими, уже ставшими привычными набегами врага. Тот словно намеревался взять их измором, извести постоянством своих подлых и скользких действий. Сдерживаемых разбушевавшейся непогодой. Зима лютовала, злилась на разошедшихся, глупых существ, вновь решившихся помериться властью и мощью. Силой. Что в сравнении с нею была смехотворно мала. Ничтожна. Сдалась, едва морозы стали сильнее, а пурга неистовее, заметая дороги и лазы высокими, непроходимыми сугробами.

В хозяйском доме стало заметно холоднее. Камин топились и днем, и ночью, гвардейцы срубали ближайшие деревья, тащили в казармы и дом сохранившееся с пепелищ, бывших когда-то домами. Айя переставила детскую колыбель ближе к огню, кутала малышку, почти не выпускала из рук. Доверяла ее только Тойре. Спала мало — урывками.

Боялась проснуться и услышать страшную новость или звуки очередного, отражаемого солдатами Шаррихасса нападения. Изводила себя, не в силах бороться с собственными мыслями и чувствами. Злилась.

Чуть не впала в самую настоящую истерику, когда одной особенно холодной ночью, в их покои тихо постучали. В дверях возникла улыбающаяся голова Румира, сообщившая:

— Господин вернулся, Айя.

Несчастную аж подкинуло из кресла, в котором она укачивала Сану. Девушка заметалась в полумраке помещения, в поисках своих башмаков. Передала почти уснувшую малышку, понимающе улыбающейся Тойре. И плюнув на обувь, как была — в одних носках, теплой сорочке и огромной шали, понеслась прочь из спальни. Сердце в груди замирало с каждым ее стремительным шагом. В ушах шумела гонимая по венам кровь. Облегчение и предвкушение смешались в ней, заставляя глаза влажно блестеть. Гореть. Сверкать карим из-под подрагивающих ресниц.

Замерла на лестнице, разглядывая собравшихся в холле мужчин. Приоткрыла в недоумении рот, отмечая среди собравшихся, высокую, светловолосую фигуру. Райан! Что?! Как?! Почему?! Но в ту же секунду отпустила прочь все свои мысли, перепрыгивая через одну ступеньку рванула вниз, пролетела по коричневому ковру через ярко освещенное пространство холла, и почти впрыгнула в горячие объятия Нирхасса. Тот даже пошатнулся, от ее напора, прижимая вздрагивающую девушку к себе. Притискивая ее ближе. Теснее. Вдыхая ее непередаваемый запах. Не обращая внимания на несколько пар глаз, что в удивлении на них смотрели, смущенные столь личной, почти интимной сценой. Айе было все равно. Она так по нему истосковалась и испереживалась, что готова была лезть на стены.

Облегчение. Восторг. Мороз. Ночная зимняя свежесть.

Кедр...

Уткнулась ему носом в шею, обхватила руками сильную спину, сжала в изуродованных шрамами пальцах его плащ. Зашептала, сбиваясь:

— Не делай так. Никогда больше так не делай, Нир. Я думала, что умру...

Он успокаивающе гладил ее по спине, целовал в макушку, согласно кивал.

— Пройдемте, — раздался совсем рядом уверенный голос Амина, и прибывшие вместе с хозяином гости устремились за ассуром в главную залу.

Когда последний из них скрылся за широкими дверьми, господин наконец, подхватил Айю на руки, заставив обнять его еще и ногами. Впился в ее губы жадным, собственническим поцелуем. Весь напрягся, задышал шумно и тяжело. Огладил горячими ладонями тонкую спину и то, что ниже. Подтянул ближе к себе, засуетился, готовый разложить ее прямо здесь, на входе в собственный дом. Айя даже не представляла, как он скучал по ней. Как каждая его мысль все эти дни была только о них с Саной, о их безопасности.

С трудом оторвался от раскрасневшейся, повисшей в его руках женщины. Настолько желанной, что скручивало узлом внутренности и бешено стучало в висках. Та протестующе замычала, опускаясь на пол, топнула неосознанно ножкой, снова обвивая его шею цепкими руками.

— Так соскучилась? — не удержался Нирхасс, ухмыльнувшись. Шалея от ее напора.

— Соскучилась, — не заметив смешинки в его словах, согласно закивала Айя, неотрывно глядя на его губы. Так, что ассуру даже стало совестно, за эту легкую дразнилку. Снова припал к ее губам, не сдержав тихого стоны удовольствия, граничащего с болью.

Только с ней одной было так.

— Айя, девочка... Не сейчас, родная...

Райан опустившись на массивный диван, устало прикрыл янтарные глаза. Шумно дышал, стараясь взять себя в руки. В мыслях тут же возник образ бегущей им навстречу девушки. Маленькой, взволнованной. Длинные волосы ее разметались, глаза блестели, она была так близко, что запах ее тела почти вырвал из него все самообладание. А то, как она смотрела не на него, чуть не выбило почву из-под ног, перевернувшего за считанные месяцы целую Империю, ассира. Зверь в нем выл на все лады, скулил впервые. Жалобно. Тоскливо. Отвергнутый. Непринятый.

Мужчина тряхнул головой, стараясь сбросить охватившее его наваждение.

— Ну что, начнем, друзья? — горько ухмыльнулся вошедший в помещение Шаррихасс. От него так разило Аей, что делалось дурно. Ревность драла сердце изнутри острыми когтями. Выгравливала, выжигала все другие чувства. Настолько сильной она была. Король Райан Амадей Кровавый усилием воли удерживал себя на месте, а на лице ставшую привычной невозмутимость. Хотелось разодрать, разрушить, отобрать и увезти. Вот только это никого не сделало бы счастливым. Она бы ненавидела его всю оставшуюся жизнь. Презирала. Не простила бы. Смотрела, как когда-то одной пьяной ночью, когда он невольно сделал ей больно...

Сделать ей снова больно, было гораздо хуже, чем умереть.

— Начнем, — твердо ответил южанин, ловко поднимаясь с дивана и подходя к длинному, массивному столу.

Айя мерила нервными шагами покои. Думала. Взвешивала. То, что Райан был здесь, будоражило и одновременно успокаивало несчастную узницу чужого мира. Не без удивления она отметила, что скучала по нему. По теплым медовым глазам и тихим беседам. По странной, спокойной, свойственной только ему уверенности. Надежности.

Почему он здесь? Неужели, чтобы помочь Нирхассу? Но ведь они враги! Он называл его безродным бешеным псом, но все равно пришел.

А те другие, что были в холле, выглядели совсем необычно. Страшные, серые с острыми ушами и носами. Прямо, как хищные птицы. Неприятные. Пугающие. Они с Райаном?

— Тойра, ты не знаешь, кто был с господином? Ну такие, необычные, высокие с ушами, — Айя изобразила что-то неопределенное у своей головы.

— С ушами? Лагры? — переспросила управительница, подкидывая дров в камин.

— Лагры? — удивилась девушка. — Кто они?

— Люди. Пираты и рыбаки. Живут за холодным морем, — пожалала плечами женщина.

— А почему так странно выглядят?

— У них в предках когда-то очень давно были водяные драконы. Так говорят. Я точно не знаю. Но драконов давно уже нет. Очень давно. А кровь осталась. Передается даже спустя тысячелетия, делая их внешность такой... Интересной. Их не очень-то любят у нас на материке. Брезгуют. Но господин настоял, что торговля с заморским народом будет полезна и Правящий Дом заключил с ними соглашение. А что там и как, я не знаю. Обычно наши корабли уходили в их земли.

— И теперь они у нас дома, — протянула Айя, опускаясь в кресло.

— Господин знает, что делает. Вам не о чем тревожиться, — глядя на обеспокоенное

лицо своей названной хозяйки, произнесла Тойра.

— Конечно, — кивнула та в ответ, погруженная в свои думы.

Предчувствие дурного не только не оставляло несчастную, но еще и усиливалось. Давило своей тяжестью. Грызло. Подтачивало.

В кроватке заворочалась, закричала Сана. Пискнула сдавленно и закричала, заплакала. Айя тут же подорвалась с места. Нагнулась над колыбелью, беря малышку на руки.

— Что такое? Что случилось у моей сладкой девочки? Ты проголодалась, солнышко?

Кормила, глядя на пепел коротких волосиков, что попеременно сменялся то на темный, черный цвет, то снова возвращался к светлому, почти седому. Прямо как у ее отца. А еще Айя стала замечать, что у ее дочери разные глаза. Один был гораздо темнее, чем другой. Ярче. Пока еще по-младенчески голубые, они различались лишь степенью насыщенности. Но не заметить разницу было невозможно.

— Моя необычная крошка. Самая любимая искорка. Мой огонек. Самая лучшая, — шептала Айя, поглаживая теплую спинку. Сана засыпала на ее груди.

Айя открыла глаза, не понимая, где находится. Часто заморгала, привыкая к теплому полумраку помещения. Уснула и сама не заметила как. Чувство облегчения сморило бедняжку, расслабило.

Осмотрелась. Кроха спала в колыбели, Тойра дремала возле нее, примостившись на краю хозяйской кровати. Нирхасса не было.

Девушка аккуратно поднялась, подоткнула одеяльце Сане и накрыла пледом преданную управительницу. Улыбнулась, глядя на то, как даже во сне, рука женщины, крепко удерживала бортик детской кроватки. Накинула на плечи шаль, бесшумно покидая покои.

Спустилась вниз. Дом был тих и прохладен. Спал. Один только гвардеец стоял у входа, клевал носом, борясь с собой.

— Госпожа? — встрепенулся солдат, вытягиваясь в привычной выправке.

— Расслабься, — улыбнулась девушка, — знаешь, где хозяин?

— Он в библиотеке, госпожа, — улыбнулся в ответ совсем еще молодой парень, продемонстрировав отсутствие переднего зуба.

— Один?

— Уже да. Остальные разошлись в выделенные им покои часом ранее.

— Хорошо, спасибо.

Значит принц и таинственные лагры остались здесь, в доме. Айя двинулась по темному коридору в сторону библиотеки. Тихо толкнула дверь, проходя внутрь. Нирхасс тут же встрепенулся, поднимая взлохмаченную голову и переводя взгляд с огня на вошедшую девушку.

— Айя? Почему не спишь? — улыбнулся, глядя, как она шустро направляется к нему.

— Тебя рядом нет, — возвращая улыбку, ответила бывшая служанка, — что-то случилось? Почему ты здесь?

Остановилась перед широким креслом, внимательно разглядывая серые тени, что пролегли на красивом мужском лице. Ассур устал. И это было видно. Не удержалась, провела ладонью по заросшему щетиной подбородку. Он весь подался за этой незамысловатой лаской, прикрыл глаза, выдохнул. Притянул ее к себе, утыкаясь лбом во вздрогнувший девичий живот. Задышал там тяжело и шумно, оплел ее сильными руками. Оперся всей своей мощью. Айя обнял его тяжелую голову, зарылась пальцами в жестких

волосах. Гладила. Готовая стоять так вечно, если ему то потребуется. Вздрогнула, услышав непривычно тихий голос:

— Я так хочу покоя, Айя...

Согнулась, целуя темную макушку, вдыхая его запах.

— Я могу как-то помочь, Нир? Разделить, облегчить? Поделись со мной, — зашептала в его волосы, глядя сильную, расслабившуюся под ее руками спину.

— Ты доверяешь мне? — спросил, не отрываясь от ее живота, целуя, прижимаясь сильнее.

— Больше, чем кому бы то ни было. Ты это и так знаешь, — ответила Айя, не прекращая гладить его.

— Почему? — поднял лицо Нирхасс, глядя на нее снизу вверх.

Несчастная даже растерялась от такого вопроса, захлопала ресницами.

— Я люблю тебя. Ты отец моего ребенка. Я люблю...

Застонал, притянул ее еще ближе, усаживая к себе на колени. Зарылся пальцами в мягких волосах, пригладил тонкую шею. Втянул в жаркий, голодный поцелуй. Показал, как сильно скучал. Опалил горячим дыханием ключицы, скинул на пол вязаную шаль, дернул завязки сорочки, освобождая грудь с вставшими, напряженными сосками. Айя только тяжело дышала, прикрывая от удовольствия глаза. Обнимала в ответ. Таяла, терялась в ощущениях.

— С ума по тебе схожу, — шептал, зарывшись носом в ложбинку меж грудей, прикусывая нежную кожу, вызывая у девушки протяжный, громкий стон.

Снова поймал ее приоткрытые губы, произнес, прежде чем опять поцеловать:

— Никого и никогда, так как тебя, Айя...

Обнимались, трогали, ласкались почти до самого рассвета. Задыхаясь от чувств и эмоций, не находя сил оторваться друг от друга. Не могли надышаться, насмотреться. Словно не было вокруг тревог и страхов, опасности. Будто бы не стоял враг у самых ворот, желая расправиться с ними жутким, страшным образом. Словно сам мир застыл, замер, позволяя двоим — таким разным, таким не похожим существам эту необходимую, нужную как воздух слабость. Или силу? Неважно...

А к обеду того же дня, в сопровождении верного Амина и Тойры со спящей Саной на руках, взятыми свидетелями спешного, неожиданного тайнства, Нирхасс вел Айю в старую, почти разрушенную пожаром часовню. Там молодая девушка — настоятельница, ожидала их у высокой, серебряной чаши. Говорила быстро и громко на незнакомом для бывшей служанки наречии. Обсыпала их с ассуром каким-то темного цвета песком. Просила вытянуть ладонями вверх левые руки. Резала искусным ножом тонкие пересеченные линии на чужих руках, соединяла их вместе — маленькую женскую и сильную, твердую мужскую, смешивая кровь. Отсчитывая упавшие в чашу капли. Снова что-то быстро и нараспев вскрикивала, раскачивалась. Протягивала им тонкие, почти невесомые браслеты из настоящего золота. Защелкивала на вытянутых запястьях.

Айя взирала на это затаив дыхание, вся тряслась, жалась ближе к Нирхассу. Не до конца осознавала. Боялась поверить. Смотрела зачарованно, на опускающиеся на их переплетенные пальцы снежинки, что прорывались в пространство часовни сквозь большие, зияющие дыры в стене. Все в их жизни было так, с самой первой встречи — белое смешано с алым. Боль. Счастье все перепачканное в крови. Выстраданное. Выбранное у проклятого мира с боем.

Вздрыгнула, когда ассур коснулся ее губ легким, почти невесомым поцелуем, скрепляя их неравный, но такой желанный им союз.

Верный гвардеец и преданная управительница поклонились, низко. Почтенно. Приветствуя молодую избранницу их хозяина, теперь ставшую законной супругой главного предателя страны и госпожой северных земель, Айю Дор Шаррихасс.

Глава седьмая

За длинным столом собрались почти все обитатели дома и его гости. Айя сидела во главе, рядом с Нирхассом и чувствовала себя очень неудобно под всеми устремленными на нее взглядами. Слуги были в шоке, лагры молча уплетали более чем скромный ужин, Райан тянул вино из кубка и смотрел прямо перед собой. Молчал, лицо его было словно застывшая маска. Непривычно холодное и равнодушное. Острое. Бросал короткие взгляды на обручальный браслет на тонком запястье чужой женщины, теперь уже жены.

— Наши поздравления, господин! — воскликнул Амин, поднимаясь и вытягивая руку с полным бокалом вперед. — Пусть этот союз будет благословлен самой Тьмой!

Ассур только коротко кивнул, возвращая внимание крошечному свертку в его руках. Сана просыпалась, окутанная его теплом, смешно шевеля маленькими губами. Причмокивая. Айя не могла оторвать от них глаз, такой умильной казалась ей эта картина. Трогательной. Трепетной.

Несчастной было очень странно ощущать себя женой Нирхасса. Волнительно. До конца не верилось. Но легкий браслет приятно охлаждал запястье, напоминая, что это действительно произошло. Они теперь семья. Настоящая.

Улыбнулась, поймав на себе внимательный взгляд мужа.

— Кажется нам с искоркой нужно переодеться, — произнес мужчина, передавая Айя начинающий капризничать сверток. Рука и грудь асура были мокрыми.

— О! — встрепенулась госпожа, пытаясь скрыть улыбку. — Прошу нас простить.

Низко поклонилась и спешно покинула зал, с кричащей в ее руках Саной. Все присутствующие встали, низко кланяясь удаляющейся хозяйке. Райан не сводил с ее тонкого силуэта внимательно взгляда, что не осталось незамеченным Нирхассом. Лицо его напряглось.

Амин тут же снова схватился за свой кубок, произнося очередной тост, переключая внимание командира на себя. После ухода Айи, напряжение заискрилось в воздухе, сгустило его. Омрачило все вокруг.

Тойра скомандовала нести десерт — запеченные в меду яблоки. Недостойно и слишком просто для господина северных земель, но и это в сложившихся условиях, они едва могли себе позволить. Девчонки прислужницы в миг засуетились, принялись менять тарелки, бросая короткие, полные восхищения взгляды на короля соседней страны.

Дор Шаррихасс был недоволен. Пытался это скрыть.

— Она, единственная причина, по которой юг здесь. В иных обстоятельствах, я бы не без удовольствия смотрел, как вы с Солейром перегрызете друг другу глотки. Не нужно притворства, оно ни к чему. Я обещал помощь, и от своих слов не отказываюсь. Благодарю за это свою жену. Спасибо за ужин, он был сносен, — низко поклонился Райан, покидая зал, почти вслед за его хозяйкой.

— Вот и отметили, — буркнул себе под нос Амин, заслужив колкий взгляд командира.

Но Айя того не видела и не слышала, счастливо улыбалась, перекладывая дочь в колыбель. Подмытый и накормленный ребенок мирно спал, не подозревая ни о тревогах, ни о страхах взрослых. В покои настойчиво постучали и получив тихое разрешение войти, в дверном проеме появилось отстраненное лицо Мориса. Оценив обстановку, дворецкий

шепотом произнес:

— Вам письмо, госпожа.

Протянул небольшой, темно-коричневый из плотной бумаги конверт, подошедшей к нему Айе.

— От кого? — уточнила девушка, принимая почту.

— Не указано госпожа, печати тоже нет. Только ваше имя.

— Спасибо, Морис. Можете идти, — кивнула госпожа, улыбнувшись вечно пребывающему в себе мужчине. Эта его способность сохранять спокойствие в любой, даже самой непростой ситуации, порой немного пугала. Поклонившись, слуга поспешил удалиться. Айя прикрыла за ним дверь и медленно подошла к столу, опускаясь в высокое кресло. Вскрыла конверт, погружившись в чтение. С каждой прочитанной строчкой лицо ее становилось все мрачнее и мрачнее. Сердце против воли сжималось. Злость вспыхивала буйным цветом в ее крови, заставляя напряженно сопеть.

Ну какова мерзавка!

Принцесса Ширрин в красках описывала, как предавалась любви с ее — Айи мужем. Давно, когда сама бывшая чернавка истекала кровью в темной, вонючей конюшне. В деталях повествовала о каждом их бешеном соитии, наполненном звериной похотью и страстью. Отмечала, расписывала на надушенной бумаге каждый шрам, каждую родинку и морщинку на теле асура. Щедро делилась подробностями и секретами, как лучше новоиспеченной госпоже Шаррихасс дарить своему мужу оральные ласки. Что тот любит и от чего приходит в восторг, где нужно лизнуть и как прогнуться. К концу длинного письма, что бедняжка читала с каким-то мазохистским энтузиазмом, Айя узнала многое. Финальной строчкой значилось поздравление с неудачным замужеством, пожелание скорой смерти от несчастного случая ей и малышке Сане. И чтобы Айя не сильно печалилась об овдовевшем супруге, так как она — принцесса Ширрин сможет его утешить. И что Нирхасс всегда к ней возвращался, и это маленькое недоразумение в виде спешно образовавшейся семьи не будет исключением. Асур все равно вернется к ней. Рано или поздно.

Айя откинулась на мягкую спинку, сцепив зубы и осторожно, почти бережно возвращая письмо в провонявший приторно-сладким конверт. За этим делом ее и застал господин, вернувшийся с праздничного ужина. Сразу почувствовал неладное. Отметил бледные губы и уставшие карие глаза. Заметил конверт в ее руках. Бросив полный нежности взгляд на мирно спящую Сану, подошел к своей жене, присаживаясь перед ней на корточки. Осмотрел в руках той письмо. Напрягся.

— Что это? От кого? — спросил, обнимая напряженные девичьи колени, уже зная ответ. Чувствуя от бумаги давно знакомый запах.

— Ерунда, — улыбнулась Айя, заставила себя выдавить тихое, — в доме есть еще предатели.

Иначе откуда бы рыжей твари узнать, что они связали себя узами брака?

Не успела Айя снять подвенечное платье, как род Солейр уже был в курсе свершившегося таинства. А значит и о прибытии принца Райана тоже. И лаграх. От мысли, что враг в одних с ними застенках, делалось не по себе. И если на прямую угрозу ее жизни, госпоже Шаррихасс было плевать, то слова в отношении их ребенка вызывали в девушке самую настоящую панику. И всепоглощающую ярость. Желание рвать и метать, срывать на всех, а в особенности на асура, что все никак не мог разобраться со своей обезумевшей от ревности любовницей.

Но Айя давила в себе эти порывы, понимая, что господин делает все, что возможно в сложившихся обстоятельствах. Что это не более, чем грязная провокация, что гнева и истерик принцесса и добивается. Разлада.

Этого не бывать.

— Позволишь? — спросил Нирхасс, потянувшись сильными пальцами к конверту.

— Не стоит, — пожалала плечами Айя, но перечить не стала. Послушно выпустила из рук бумагу, следя за лицом супруга, что становилось все холоднее, все темнее с каждой прочитанной им строчкой. Закончив увлекательнейшее чтение, поднялся, смял в руках листы и метко запульнул в жадную пасть камина, где довольный угощением, затрещал огонь. Перевел встревоженные глаза на сидящую перед ним девушку.

— Айя...

— Это неважно, — перебила его молодая супруга, поднимаясь и одергивая платье.

— Но...

— Неважно, Нир! Все, что она написала, я знала и без ее стараний. Не так красочно, конечно, но тем не менее — знала. Да, неприятно. Да, не то, что хочет получить в качестве свадебного подарка женщина, но не смертельно. И ровным счетом ничего не меняет. Ни моего к тебе отношения, ни моих чувств. Я может и слабая, глупая в сравнении со всеми вами, но не безвольная. Не думай, что все случившееся с нами только твой выбор и твои решения. Это не так. Я выбрала тебя такого, какой ты есть, вместе со всеми твоими закидонами и с твоим прошлым. Просто сделай все возможное, чтобы наша Сана была в безопасности. Остальное я уж как-нибудь переживу...

Выдохнула злость в полумрак покоев. Совладала с собой.

— Ты не слабая и не глупая.

Господин смотрел на нее не отрываясь. Хотел еще что-то сказать, но дверь тихо скрипнула, впуская Тойру с подносом в руках.

— Ты вовремя, — произнес Нирхасс окинув ту внимательным взглядом, перехватывая руку Айи. — Смотри за Саной. Никого кроме тебя и Амина в покоях быть не должно. У дверей поставлю охрану. О всех, кто будет ошиваться рядом сообщай Амину или сразу мне.

Растерянная управительница только кивнула в ответ, наблюдая, как хозяева покидают комнату.

Быстро спустившись в холл, ассур нагнулся, поцеловал Айю в лоб и тихо велел:

— Подожди меня в библиотеке. Я скоро.

Девушка послушно направилась по узкому коридору, слыша за спиной громкие, четкие указания господина.

Разожгла огонь в камине, пошуршала в нем кочергой и опустилась в кресло. На душе было откровенно паршиво. Вся радость особенного дня была омрачена посланием принцессы. Айя кривила бы душой, не признаваясь себе, что ревность не охватила ее всю. Ширрин знала на что давить.

Пытаясь отвлечься, Айя перебирала на столе ворох бумаг и какие-то книги, складывала их аккуратными стопками. Открыла ящик стола, чтобы сложить все туда и замерла с удивлением уставившись на себя. Отложила в сторону книги, дрожащими пальцами выуживая несколько бережно сложенных листов, под ними обнаружили остро заточенные грифельные карандаши. Но бывшей служанке было не до того. Завороженно рассматривала портреты, на которых была изображена она сама. Улыбающаяся, задумчивая, в слезах. Обнимающая лошадей на фоне черной луны. Где-то были написаны только ее глаза, на

других только руки с ужасными шрамами. Изогнутая спина, вся перечеркнутая, заштрихованная черным. На самом листе застыли выцветшие винные пятна, словно капли крови...

Вот она в косынке с опущенными ресницами, посреди бальной залы. Вот прикусывает губу, отводя взгляд в сторону. А вот ее лицо, искаженное неприкрытым удовольствием, руки просительно вытянуты вперед — к художнику, словно пытаются прикоснуться, обнять. Некоторые были датированы прошлой зимой...

Зашуршала дальше.

Испуганное лицо в зареве пожара, факел — как меч в тонких руках. Обнаженная грудь, изгиб бедра, взгляд из-под ресниц. И на всех без исключения портретах она была непривычной, хрупкой, болезненно красивой? Айя смотрела на себя его глазами. Глазами своего мужа, жестокого и страшного, беспощадного ассира, что тайком рисовал свою рабыню. И не узнавала...

Неужели она и правда такая?!

Слезы лились по щекам, Айя их не замечала, давилась охватившим ее трепетом.

Взгляд зацепился за толстый блокнот, подхватила его. Забыв, как дышать, перелистывала тонкие страницы, испещренные размашистым, уверенным почерком. Нирасс писал о каких-то артефактах, что возможно находились у лагров за холодным морем и имели свойства продлевать человеческую жизнь на десятки лет, а самые мощные и на пару столетий. Еще речь шла о каком-то жутком, древнем обряде, в котором решившийся провести его ассиур, добровольно отдавал большую часть своей долгой жизни выбранному человеку. Но опять требовался какой-то невозможно редкий кристалл, без которого все попытки заведомо обрекались на провал.

Он искал способ, как оставить ее подле себя как можно дольше! Искал один! Не подавая вида, как сильно его это тревожит...

Были в блокноте и выдранные страницы, и заляпанные багровыми кляксами и страницы с ее изображениями, проклятиями самого себя, пьяными признаниями...

— О, Нир! — всхлипнула Айя, прижимая к груди свои бесценные находки. — О, мой Нир...

Вошедший ассиур было перепугался, увидев Айю всю в слезах, рванул вперед и замер. Осекся. Растерянно глядя на свои работы, рассыпанные по всему столу, на прижатый к женской груди дневник. И впервые пленница чужого мира наблюдала, как лицо самого невозмутимого мужчины, которого она только знала, заливают краской смущения. Смотрела на это, как на чудо. Не отрываясь.

Поднялась, огибая стол и подходя к нему, пытаясь поймать взгляд.

— Что же творится в твоей голове? Почему один? Почему всегда один? Ведь есть я...

Потянулась к нему, привставая на носочках, обхватила сильную шею, дернула на себя, покрывая робкими поцелуями упрямый, заросший щетиной подбородок. Высокие скулы, прямой нос, дурацкий, страшный шрам, подрагивающие ресницы.

Мужчина уверенно обнял ее, притянул ближе, перехватывая «гуляющие» по его лицу губы, вовлекая Айю в долгий, болезненный поцелуй. Зарылся пятерней в ее волосах, весь завибрировал, прижимая желанное тело к себе. Горел. Возбуждение вспыхнуло мгновенно, распалило. Погнало по венам кровь, сосредотачиваясь напряжением в паху. Повел бедрами, потерся о низ ее живота, вызывая тихий стон. В нос ударил запах ее желания, ассиур покачнулся, закатывая глаза. Сердце грозило разорвать грудную клетку, ошалело билось,

рвалось ей навстречу. Все его существо стремилось к ней, жаждало, требовало.

— Хочу тебя, Айя...

— Бери, — шепнула в ответ, откидывая голову, подставляя шею его поцелуям. Укусам.

— Уже можно? — прихватывая нежную кожу удлинившимися резцами.

— Можно, Нир, — простонала в ответ, закрывая глаза. Айю штормило, волнами накатывал жар, сотрясая все ее тело в его сильных руках. От ощущения насколько она маленькая в сравнении с ним плыло перед глазами. Дурманило.

— Не смогу быть нежным, — утягивая ее на пол, заявил господин, дернул шнуровку тугого корсета.

— И не надо...

Ворох юбок взметнул бумаги, лежащие на столе, те с тихим шорохом взмыли почти к самому потолку, чтобы медленно осесть на пол библиотеки.

Ассур брал свою госпожу, свою Айю на холодном, каменном полу среди ее же портретов, входил резко и рвано, выбивая из груди девушки громкие вскрики и неприкрытые стоны. Целовал ее покрасневшее лицо, переплетая их пальцы над русоволосой головой. Вколачивался, задрав высоко ее юбки и разорвав ткань теплых панталон, больно прикусывал твердые соски, освобожденные от тесноты корсета и высокого ворота платья. Стискивал в горячей ладони ягодицу, закидывая ее ногу себе на бедро. Стонал сам, не в силах сдерживаться. Бешено вращал головой, и снова целовал. Жадно, словно не мог удовлетворить давно мучающую его жажду. Не мог насытиться ею.

— Боже, как хорошо! — вскрикивала Айя, подмахивая бедрами, стараясь ощутить его еще теснее, еще глубже.

Нирхасс согласно рычал, ловя ее срывающееся дыхание.

Внезапно дернулся назад, сел, утягивая следом за собой девушку. Не давая той опомниться, насадил на свое возбуждение, готовый вот-вот разрядится. Айя сдавленно охнула, обхватила пепел его волос дрожащими руками. Задвигалась быстро, ритмично, сдирая колени о каменные плиты пола. Смотрела неотрывно в его серые глаза, где зрачок оставался привычным, человеческим. Серость казалась темной, затянутой туманом, предгрозовой. На лбу мужчины выступила испарина, губы подрагивали. Вена у виска лихорадочно пульсировала.

— Айя, я сейчас...

Выдохнул сквозь сцепленные зубы, обнимая ее выгибающуюся от бешеных толчков спину.

— Я тоже!

Разрядились одновременно — вместе, сотрясаясь в объятиях друг друга, вскрикивая, подвывая. Заваливаясь на бок. Ловили губы друг друга. Тяжело и загнанно дышали.

— Я люблю тебя, Нирхасс, — зашептала, выравнивая дыхание.

— Айя... — отвечал ассур, внимательно заглядывая в карие глаза.

Снова долго целовал. Очень долго.

Помог одеваться, гладил, ласкал. Смотрел, с каким трепетом она собирает разлетевшиеся по небольшой комнате рисунки. Обнимал.

Подвел к дальнему, неприметному шкафчику со старыми, покрытыми пылью фолиантами. Осторожно сдвинул одну книгу на себя. Раздался тихий щелчок и книжные полки медленно отъехали в сторону, являя взору растерянной Айи темный, зияющий в стене

проход. Из его пустоты ощутимо пахло сыростью и холодом. Бывшая служанка зябко поежилась, тут же оказавшись в горячих и сильных объятиях мужа. Тот, склонившись к ее уху спокойно и твердо заговорил:

— Айя, послушай сейчас меня очень внимательно и не перебивай. Хорошо?

Женщина в его объятиях кивнула, понимая, что услышанное вряд ли ей понравится.

— Девочка моя... Если вдруг что-то пойдет не так. Мы не вернемся в оговоренное время или к дому подойдут чужие, я хочу, чтобы ты взяла нашу Сану и пошла прямо туда. Ход идет под городом, далеко за лес. Выводит к горе. Чужие о нем не знают. Там у выхода собрано все самое необходимое. С вами пойдет Румир и Норс, им можно доверять. Они доставят вас к порту, там будет ждать корабль лагров. Как только вы ступите на борт, он отплывет в их земли. Ничего не бойся, вас не обидят. Я обо всем позаботился. Ты поняла, девочка?

— А как же ты?! — тут же встрепенулась Айя, сердце ее неприятно сжалось. Попыталась обернуться в его крепких объятиях, но ассур не позволил. Повторил свой вопрос:

— Ты поняла, Айя?

— Да, — выдохнула та, борясь с подступающими слезами. Страх снова завладел всем ее жалким существом. От одной мысли, что с Нирхассом может что-то случиться, все внутри обмирало и к горлу подкатывала тошнота. — Все так плохо?

— Нет. Просто мне будет спокойнее, если буду знать, что у вас есть пути отступления. Я не собираюсь умирать, Айя. Только сегодня женился, — хохотнул мужчина, пытаясь скрыть свое беспокойство.

Но девушка его все равно почувствовала. Напряглась.

— Когда все начнется? — спросила, теснее кутаясь в его объятиях, неприязненно глядя в темный, раззявивший пасть провал в стене.

— Мы выдвигаемся через пару часов. Эффекта неожиданности у нас больше нет. Медлить нельзя.

— Так скоро?! — встрепенулась несчастная, все-таки обернувшись, внимательно рассматривая его неестественно расслабленное лицо.

— Все будет хорошо. Обещаю, — прикоснулся теплыми губами к ее взъерошенным волосам.

Предчувствие Айе подсказывало обратное. Вопило о неминуемой опасности. Боли.

Несчастливая вцепилась в ассура мертвой хваткой.

— Ты пообещал вернуться, Нир. Пообещал...

Глава восьмая

Айя стояла на крыльце, встревоженно глядя как под покровом морозной, зимней ночи шевелится, гудит скрытый лесом город. Как спешно собираются гвардейцы, седлают лошадей, проверяют оружие. Зябко ежилась под сильными порывами ветра, что лихо закручивали снежные хлопья, бросая их в самое бледное лицо. Куталась в плащ асура, вдыхая его самый желанный запах и прислушивалась к шуму за спиной. В доме тоже шла спешная подготовка. Суэта, волнение, страх. Это чувствовали все. И воины, и слуги. Госпожа Шаррихасс боролась с внутренней дрожью и растущей паникой, гонимой по венам дурным предчувствием. Оно было настолько сильным и острым, что несчастная не могла устоять на месте, переминалась с ноги на ногу, расчесывала небольшую рану на запястье. Почти не дышала. Усилием своей жалкой воли заставляла себя стоять на месте, когда хотелось рвануть обратно в дом, упасть перед Нирхассом на колени и требовать, просить, умолять остаться! Привязать к себе, запереть, закрыть...

Вздрогнула, ощутив рядом чужое присутствие. Подняла блестящий влагой взгляд. Райан остановился совсем близко. Внимательно заглядывал в ее перепуганное лицо, поверх густого, серого меха своего дорогого плаща. Желание обнять, притиснуть, успокоить было в нем столь сильно, что король едва мог сдерживаться. Смотрел, словно гладил теплыми, янтарными лучами. Согревал.

— Не бойся, — произнес тихо, поправляя светлую кожу перчаток на широких ладонях.

Айя только коротко кивнула, снова переводя взгляд в гущу событий, тускло освещенного факелами двора.

— Прости, — начала девушка, — я была непростительно груба. За эти дни не нашла времени, чтобы должно тебя поприветствовать и поговорить. Нир рассказал о твоих родных. Мне жаль, Райан. Очень жаль.

— И тебе не противно? Не мерзко от того, какой я? — выдохнул, не спуская с нее внимательного взгляда.

— А какой ты? — поежилась Айя, под очередным холодным порывом ветра, что сорвал капюшон с ее головы. Откинула волосы с лица, вызвав у асура шумный вдох.

— Убийца. Перешагнувший через семью ради власти. Узурпатор. Кровавый Амадей.

— Это неважно. Уверена, ты не мог поступить иначе. Не мне тебя судить, Райан. Я уже говорила, что ничто не изменит моего мнения о тебе. Пока жива, буду тебе благодарна. Ты спас мою жизнь. И сейчас ты здесь за этим. Мне не хватит вечности, чтобы расплатиться за твой поступок. Как мне может быть мерзко или противно? Я люблю тебя, Райан. Не так как его. Но люблю. А потому вы оба должны вернуться целыми и невредимыми.

Мужчина замер, а вместе с ним и большое, горячее сердце. Пошатнулся, прикрывая глаза. Облизал пересохшие вмиг губы.

— Когда-нибудь...

Замолчал, опуская голову и мучительно подбирая слова.

— Когда-нибудь, ты смогла бы выбрать меня? Я готов ждать...

Айя отрицательно мотнула головой, прерывая его и опуская дрогнувшие ресницы.

— Без него я дышать не могу...

Обернулась, расслышав уверенные шаги. Все в ней сразу встрепенулось, дернулось навстречу.

Нирхасс.

Ее мужчина.

Ее муж.

Ее жизнь.

Майя и представить себе не могла, что можно кого-то так любить. Не знала, что способна на столь сильные, мучительные чувства.

Он остановился меж ними, прижимая девушку к себе. Снова натягивая на ее голову теплый капюшон, плотнее запахивая отороченный мехом плащ. Перехватил ее холодные руки, касаясь их губами, согревая жаром дыхания.

— Не дождешься, — бросил через плечо, не поворачивая головы. Глядя в большие карие глаза.

Южанин хищно вскинулся, растянул губы в кривой ухмылке.

— Подслушиваешь, Шаррихасс? Настолько не уверен в себе?

— Не скалься, — улыбнулся господин. — Она. Моя. Жена. Моя.

— Надеюсь, ты сможешь ее защитить. Пока одни только проблемы, — почти выплюнул Райан, разворачиваясь и спешно спускаясь по обледеневшим ступеням.

Айя смотрела ему в след. На душе было муторно.

— Иди в дом, — пригладив холодную девичью щеку, велел Нирхасс.

— Я хочу проводить.

— Иди, Айя, — настойчиво подтолкнул ко входу ассур.

— Но...

— Иди! — рыкнул ее муж, сведя густые брови к переносице.

Айя вздрогнула, подхватив юбки и гордо задрав подбородок, двинулась к двери. Обида неприятно жгала внутренности. Стиснула. Заворочалась.

Сдавлено охнула, когда мужчина, громко цокнув языком, вдруг перехватил ее поперек талии. Привлек к себе, ловко крутанул и больно впился в ее рот злым поцелуем. Айя тут же обвила его шею руками, прикрыла глаза. Напряглась. Погладила, ощущая всем своим телом холодную сталь доспехов. Он целовал жадно и грубо, случайно услышанное не стало для него открытием, но все равно неприятно резануло по сердцу. Горечь от того, что он сам был виной всему, только усугубляла. Заставляла стискивать, притягивать, сжимать. Айя это чувствовала. Лгнула, позволяла. Успокаивала. С трудом отстранившись, прошептала в его приоткрытые губы, смешивая выдохи, словно было одно дыхание на двоих.

— Ты единственный. Я умру за тебя, Нир.

И снова целовала, обхватив его лицо, заставляя нелепо согнуться всем своим огромным ростом.

А Райан наблюдал издалека, как на высоком крыльце, под искрящимися снежными вихрями в тусклом свете канделябров, что лился из приоткрытого дверного проема, его вынужденный союзник, неистово, иступлено целовал любимую ими обоими женщину...

Айя наблюдала из открытого окна, как длинная вереница всадников покидает город. Зимний, холодный рассвет едва только начал пробуждаться. Непогода усиливалась. Мело, вьюжило. Тут же заметало следы множества лошадиных копыт. Выло и свистело. Клонило вековые сосны и ели к земле. Рычало. Скрипело морозно.

В городе осталось три сотни гвардейцев под командованием сурового Амина, что сейчас стоял за спиной своей госпожи и смотрел на ее неестественно прямую спину.

Как-то разом дом опустел. Затих в своей стылой пустоте. Отдаваясь от стен эхом шагов редких обитателей. Все были оглушены предстоящими событиями, что разворачивались за высокими, каменными стенами Хасарона. Их будущее решалось где-то там, за старым, могучим лесом. Молчаливым свидетелем страшной битвы, коих на его памяти было несчетное, бесконечное множество.

Айя была на взводе.

Немного успокаивалась только рядом с Саной.

Время тянулось непозволительно медленно. Секунды казались вечностью. Томили. Мучали бедняжку. Впервые девушка не могла совладать со своим страхом. Ужас давил на нее, заставляя ходить туда-сюда по широкой лестнице, то и дело выбегать на улицу и снова мерить шагами помещения большого дома. И ничто не могла ее успокоить. Ни увещевания невозмутимой управительницы, ни доводы Амина, что уверял хозяйку в успехе. С армиями юга и войском Шаррихасса победа была лишь вопросом времени. Но Айю против воли пробирало каким-то почти священным ужасом. Она нутром чувствовала надвигающуюся на них бурю.

Двое суток почти не спала, кусок в горло тоже не лез. В часы, когда малышка, убаюканная ее теплом, засыпала, Айя отправлялась в библиотеку. Листала его блокнот. Рассматривала рисунки, вдыхала запах, ненадолго успокаивалась, чтобы через время снова метаться по дому, как загнанный в клетку зверь. Почти на всех слуг смотрела волком, видя в каждом подлого предателя, пособника принцессы Солейр. Старалась мыслить здраво, но ничего не выходило, как бы Айя ни старалась. Такого за собой прежде девушка не замечала. Даже будучи беременной в осажденном врагами замке Шаррихасс она не испытывала и доли того отчаяния, что охватывало ее в эти спокойные для Хасарона дни.

— Госпожа, так нельзя, — остановил как-то ее нервный бег Амин, — Вы изводите себя, Айя. Ничего страшного не произошло.

— Амин, я не могу! Это сильнее меня. Я чувствую, что-то не так. Не так. Собственная беспомощность и бесполезность сводят меня с ума, — закрыла лицо руками, массируя напряженные виски.

— С ним все будет хорошо. Он самый опытный и сильный воин, которых я знавал. А теперь ему есть за что сражаться и что защищать. Нужно просто подождать. Зимой всегда непросто.

Расплакалась, как ребенок. Шмыгнула носом, скривила некрасиво лицо, вытирая щеки рукавами. Запричитала что-то в грудь приобнявшему ее гвардейцу, что смущенно поглаживал растрепанные волосы девушки. Натужно сопел над ее головой, не зная, как успокаивать особо впечатлительных барышень. Как убивать и пытаться врагов знал, а вот как утешать женщин не имел ни малейшего представления. А потому просто стоял и ждал, когда госпожу перестанет трясти, всем своим солидным, бородатым видом внушая уверенность. Делился теплом и спокойствием. Представляя, чтобы сделал с ним командир, застав он их в этот момент — обнимающимися в темноте пустой залы. Невольно улыбнулся.

Кто бы мог подумать, что его господина так изменит простая человеческая девчонка?

Нирхасс никогда не отличался особой чувствительностью или же сентиментальностью. Он с детства был холоден и отчужден. Замкнут. Питал страсть разве что к оружию и верховой езде. Охоте. Быстро поднимался по службе, выделяясь среди других солдат, ассуров. Лишившийся родителей очень рано, он привык добиваться всего сам, вырывать силой и боем. Особенно у тех, кто был выше по происхождению, могущественнее, сильнее.

Пер против всего и всех, демонстрировал свою мощь миру ассурин. Он словно не ведал чувств и слабостей. Хотел сам быть хозяином своей жизни. Не подчиняться, не зависеть, не приклонять колена. Принцесса Ширрин была лишь очередным шагом на пути к его цели — абсолютной свободе. Север был бы в его руках. Руках сына простого торговца и сбежавшей к нему фрейлины ее величества, покойной супруги Котрона Солейра — королевы Ниiry. Безродного, не имевшего за душой и гроша, кроме разве что крохотного, покосившегося домишки у беспокойного, холодного моря. Господин сжег его, когда перешел под попечительство гвардейцев. Отрезал, обрубил свое прошлое. Решил двигаться вперед один, без гнетущих призраков минувшего. Его боялись уже тогда. И за ним тянулись, чувствуя силу. Чувствуя лидера.

И как была сильна в нем магия. В совсем еще юном мальчишке, она бурлила и кипела, рвалась на свет. Распалялась. Он подчинил и ее...

Пока проклятие не отняло у них так много.

Амин вздрогнул, вынырнув из своих мыслей, когда Айя осторожно высвободилась из его рук. Отстранился, слабо улыбнувшись.

— Спасибо, — выдохнула девушка, опускаясь на высокий стул, смахивая влагу с ресниц. Ассур внимательно ее рассматривал. Принюхивался.

Он тоже чувствовал этот ее запах. Но голова его оставалась ясной. Ее аромат был не для него. Поддавшись любопытству и нарушая данное обещание, солдат вдруг спросил:

— Айя, расскажите о Вашем мире?

Девушка, поправляющая в это время платье, осеклась, ошарашенно на него уставилась, распахнув широко большие глаза.

— Что?! Откуда?! — выдохнула, замерев на стуле.

— Мы знаем. Господин видел тогда, как Вы исчезли. В день помолвки. Он говорил, что Вы растворились прямо в воздухе. Он не находил себе места. Мы перевернули всю округу, даже на юге искали. Ваш запах исчез. Словно его никогда и не было. Тогда командир начал искать в старых книгах и древних свитках. Но там ничего не было. Предположил, что это какая-то магия. Но потом отмел эту мысль, в нашем мире ее больше нет. Искал. Рыл. Допрашивал бедного старика-конюха, тот и рассказал все, чем Вы с ним делились Майя. Майя, верно?

Девушка только коротко кивнула.

— Я хочу, чтобы меня звали Айя.

— Хорошо, госпожа Айя.

— Почему он не сказал мне? Не сказал, что ему все известно? — сердце ее глухо стучало в груди.

— Не знаю, госпожа, — пожал широкими плечами Амин, — мне кажется он опасается. Боится, что Вы снова исчезните. Что оставите его навсегда. Это, наверное, единственное, что приводит его в самое настоящее отчаяние. Он любит Вас. И боится потерять.

Айя смотрела на своего собеседника во все глаза, внимательно слушала, борясь с вновь накатывающими эмоциями.

— Зачем Вы все это мне рассказываете? — голос ее дрожал.

— Просто хочу, чтобы Вы знали. Хоть и получу за это по шее, — усмехнулся ассур, присаживаясь на соседний стул.

— Я Вас не выдам, — закивала тут же девушка, рассматривая его внушительную фигуру.

— Благодарю. Так Вы расскажите, каков Ваш мир? И можете ли Вы снова уйти?

— Не могу, — честно ответила Айя. И, кажется, услышала вздох облегчения. Принялась рассказывать о своем доме все, что приходило в ее голову. Пыталась изъясняться простыми словами терминами, объясняя те или иные вещи. Так увлеклась, что не заметила, как невольно расслабилась. Сковывающее ее долгое время напряжение немного отпустило. Разжало свои крепкие, стальные тиски. Амин оказался благодарным слушателем. Вникал, кивал, переспрашивал. Отвлекал, как мог. Запоминал.

Проговорили почти до самого утра, пока не проснулась маленькая Сана.

Глава девятая

День прошел в относительном покое. Айе удалось немного поспать под строгим надзором Тойры. Она же заставила свою упрямую госпожу проглотить целую кукурузную лепешку и выпить травяной отвар с ромашкой.

Ближе к вечеру наспех помылась в быстро остывающей воде, наблюдая, с какой нежностью и трепетом управительница возится с ее ребенком. С горечью и непередаваемой тоской подумалось о маме, что никогда не увидит, не сможет обнять и даже просто не узнает, что у нее есть внучка. Что ее непутевая дочь теперь мама, жена и хозяйка жестоких, северных земель.

Старательно гнала от себя эти мысли. Боли и страхов и так доставало с лихвой.

Проветривала покои, широко распахнув окна, пока Тойра с Саной на руках прогуливалась по коридорам в сопровождении молчаливых стражников, приставленных еще Нирхассом.

Каждая мысль о нем отдавалась болью в каждой клеточке ее существа. Вдохнула вечернюю, морозную прохладу и застыла, глядя на приближающуюся с запада конницу. Гвардейцы пробирались через плотные ряды деревьев, преодолевая высокие сугробы. Были в темно-синей форме северян. Вздвигались высоко белые флаги с алой розой. Алой! Не синей...

Сердце Айи забилося быстро-быстро. Бешено.

Рванула от окна, подхватывая детское одеяльце и пеленки. Мысли колоколом стучали в висках, в горле все пересохло, а ладони несчастной вспотели.

Они уже здесь! Почти преодолели стену. Они здесь!

Выбежала в коридор, запихивая на ходу в большой мешок детские вещи. Тойра уже стремилась ей на встречу. На лице ее был самый настоящий ужас. Такой несвойственный этой сильной женщине. Непривычный. Следом, быстро поднимаясь по лестнице, летел запыхавшийся Амин.

— Айя. Солейр в городе. Им открыли ворота. Предатели были среди гвардейцев, они сложили оружие. Остальные убиты.

Если повелитель здесь, значит Нирхасс и Райан...

В груди запекло. Начал разрастаться уже знакомый огненный шар.

Айя зло потрянула головой. Не сейчас! Сана! Сейчас важна только она!

Приняла свою искорку из дрожащих рук управительницы. Скомандовала:

— За мной! — двинулась вниз, не оборачиваясь произнесла, — Румир и Норс!

Амин кивнул и удалился, чтобы скоро нагнать их в библиотеки, уже в сопровождении упомянутых Аей гвардейцев. За стенами дома послышались крики и грохот, звон. Лязг оружия. С оглушающим хлопком слетела с петель мощная, оббитая с внешней стороны кованым железом, входная дверь. Рухнула в пустой холл, впуслав в помещение холод зимней ночи и десятки чужих ног.

Враг был в доме.

Остановилась у нужного шкафа, потянула на себя книгу, что показывал несколькими днями ранее ее муж. Створка отъехала. Румир и Норс без вопросов шагнули в темный провал в каменной стене, быстро поднимая заготовленные заранее факелы. Поджигая, выхватывая из ножен мечи.

Айя застыла у книжных полок. Уставилась в маленькое, безмятежное личико. Сана тихо кряхтела, пускала слюни, высовывая юркий язычок. Девушка прижимала теплый сверток к себе, кутала в теплое одеяло. Смотрела, стараясь запомнить каждую черточку своего ребенка, вдыхала ее запах, целовала. Вся содрогалась.

— Я люблю тебя больше всего на свете, моя искорка. Мой бедный огонек. Мама тебя так сильно любит...

Прижавшись к теплому лобику последний раз, сильно зажмурила глаза, давя в них соленую, жгучую влагу. Не давая себе шанса на сомнения, всучила дочь ошарашенной Тойре, почти втокнула их в темноту хода. Обернулась к ассуру.

— Амин, прошу, — взмолилась, приседая от очередного хлопка, что раздался совсем рядом.

— Я не брошу Вас...

— Прощу! Пожалуйста! Хотите встану на колени?! Они пришли за нами. За мной! Я дам им, чего они так хотят! Их надо отвлечь. Дать фору Тойре. Пожалуйста идите с ними. Умоляю, Амин! Умоляю! Не оставьте мою Сану! Не оставьте!

И снова каменные стены сотряслись, посыпались с полок книги, задрезжали испещренные морозными узорами стекла.

— Времени нет, — произнес сухо темный и смуглый Норс.

— Прощу...

Амин, сцепив зубы, заиграл желваками. Шагнул следом за огорошенной, ошеломленной происходящим управительницей, не сводившей глаз со своей дрожащей хозяйки. Не раздумывая Айя толкнула тяжелую створку, та быстро поехала в сторону, вставая на место. Прежде чем раздался тихий щелчок, в узкую щель просочился невозмутимый Румир.

Проход закрылся.

Айя осела на пол, давясь слезами. То, что творилось в ее душе невозможно было описать ни одним известным ей термином. Не было таких слов и определений. Ее словно не стало. Как если бы она умерла — душа исчезла, а тело вместе с предсмертной агонией осталось. Сидело там — в темноте безвольной куклой, сотрясалось от страшного озноба под внимательным взглядом преданного гвардейца.

— Нам надо идти Айя. Они не должны узнать об этом как можно дольше, — парень кивнул на скрытый стеллажом ход.

— Почему ты не ушел? — опираясь на протянутую руку, поднимая свои непослушные конечности, спросила госпожа.

— Я не оставлю Вас одну, — робко улыбнулся гвардеец, сжимая в горячей ладони ее холодные, влажные пальцы. — Вы не одна!

— Спасибо, — выдохнула Айя.

Она шла по узкому коридору в сопровождении своего верного стража. Шла, высоко подняв подбородок, твердо ступая на темный камень пола, сжав до побелевших костяшек кулаки. Гнала от себя страх, понимая, что за ее спиной сокрыто слишком многое, чтобы поддаваться слабости. Самое дорогое. Бесценное. То единственное, ради чего нужно быть стойкой. Несмотря ни на что. Вопреки всему. Не важна даже жизнь...

Дом был перевернут с ног на голову. Стена в холле разрушена, снег наметало на огромные каменные глыбы, долетая до самой широкой лестницы. Стекла глухо хрустели под ногами, искрились снежинками в темноте. Слуги жались по углам, гвардейцы

беспрепятственно передвигались по поруганному, оскверненному дому. На крыльце лежали чьи-то бездыханные, изломленные тела. Айю передернуло. Заметив ее, солдаты правителя громко закричали. Один ринулся к ней, норовя схватить, но перед ним возник Румир, удобнее перехватывая меч.

— Ее велено доставить повелителю! — прошипел гвардеец.

— Где он? — невозмутимо поинтересовалась девушка, выглядывая из-за спины своего защитника.

— Я провожу, — ответил воин, двинувшись к главному залу, опасно косясь на Румира. Айя направилась следом.

Он сидел за длинным столом, в широком кресле хозяина дома. Вражеские гвардейцы расположились вдоль стен, за высокими окнами слышались окрики и смех. Ширрин подпирала собой стену у камина. Заметив Айю, вся встрепенулась, лицо ее хищно искривилось, губы дрогнули то ли в улыбке, то ли в оскале, выдавая все ее чувства. Ненависть, зависть, злое торжество.

— Так-так-так, а вот и сама госпожа Шаррихасс! — бодро воскликнул Котрон, поднимая руку и откидывая с лица гладкие, рыжие пряди. Глаза его ярко блеснули сочной зеленью в свете множества свечей. — А где же маленькая наследница? Так хочется взглянуть на творение моего преданного пса.

— Ее здесь нет, — коротко ответила Айя, выдерживая его пристальный, изучающий взгляд. — Любуйтесь на свое творение, оно воистину стоит своего создателя.

Принцесса в удивлении приоткрыла рот, не ожидая от соперницы дерзости. И дерзости ни к кому иному, как самому главе Правящего Дома, повелителю!

А всего, чего жаждала Айя — это переключить их внимание на себя. Отвлечь, насколько это было возможно. Потянуть время, пока в темном и сыром тоннеле, глубоко под землей, к свободе и надежде стремился ее огонек. И пусть ей это будет стоить жизни, Айя не отступится...

Девушка хорошо знала, асуры не спускают непочтения и неуважения.

— Ребенка нигде нет, мой повелитель, — отчитался один из воинов, появившись у них за спиной.

Солейр понимающе кивнул, устремив на Айю уничижительный, полный презрения взгляд. Невольно восхищаясь ее глупостью. Перечить ему, будучи окруженной целой армией, находясь под защитой одного лишь сопливого юнца. Это была или непроходимая тупость или отчаянная смелость. Котрон пока не разобрался. Рассматривал ее внимательно, пристально, пытаясь понять, как она смогла привлечь одной с ним крови существо. Девка даже рядом не стояла с его дочерью, а вскружила голову сразу двум асурам. Появление юга было для него полной неожиданностью. Дела обстояли куда хуже, чем он предполагал. Чертов Шаррихасс! Неблагодарный сукин сын! Он сотрет в порошок все, что тому было дорого!

— Где Ваша дочь, Айя? — спросил повелитель, переводя взгляд на свои сапоги.

— Ее здесь нет, — повторила девушка, глядя прямо на него. Ей было страшно. Солейр это видел.

— Не скажите, значит, — усмехнулся повелитель, — что ж, воля Ваша. Есть много способов разговорить человека. Особенно женщину. Особенно беззащитную. Например кнут. Вы уже с ним знакомы так ведь, госпожа? Или может дать волю моим изголодавшимся по женскому телу солдатам? Пусть узнают, что такого распробовал в Вас Шаррихасс.

Айя вздрогнула. Стиснула зубы, задирая подбородок еще выше. Румир за ее спиной напрягся. Шаррин растянула пухлые губы в победной, торжествующей улыбке.

— Да, пожалуй, второй вариант будет куда занимательней...

Нирхасс гнал коня во весь опор. Бедная животина неслась по сугробам, всхрапывала пенистым ртом, блестела, лоснилась потом на крутых боках. Почти задыхалась. Райан мчался следом. Остальная конница прилично отставала.

Кровь в висках асура стучала набатом. Мысли носились в голове, грозя расколоть надвое несчастную черепную коробку. Впервые он был так напуган. Нирхасс никогда прежде не ощущал ничего подобного. Страх за них был настолько велик, что мешал думать трезво. Ощущался физически каждой клеточкой его звериного существа.

«Только бы они успели уйти. Пусть они ушли. Тьма, пусть они ушли!»

Близился рассвет.

Если он все правильно рассчитал, то Солейр достиг Хасарона вчера вечером. Обвел его. Обхитрил. Армии Шаррихасса и юга встретили за рекой лишь жалкую кучку наемников с востока, что были облачены в форму гвардейцев Правящего Дома Севера. Без пыток сознались, открыли планы Котрона...

Нирхасс утопил землю в их крови и теперь мчался, летел домой. Чувствовал себя дураком. Глупцом, обставленным, разряженным в шелка и веками не державшим в руках оружия, стариком. Страшился не успеть. Опоздать. От одной мысли, что Айи и Саны больше нет, делалось дурно. Мужчина гнал ее от себя, сосредотачиваясь на дороге. Злость и ярость — дикая, безудержная! Вот что владело им всецело.

Райан дышал недовольством ему в спину. Прожигал взглядом. Ненавистью. Отчаянием.

Они не встретили сопротивления ни на широкой дороге, ни в лесу на подступах к городу.

Хасарон блестел изморозью под лучами утреннего, яркого солнца. Был тих и спокоен. Почти безмятежен. Привычен. Только алая роза на реюющем флаге смотровой башни кричала о подлом завоевателе. О чужаке за родными стенами. Рядом, на высоком шпиле, развевалась на ветру голубая, в темных, багровых пятнах ткань. Присмотрелся и взвыл, сердце остановилось, кровь отхлынула от разгоряченного лица.

Ее платье!

Ее платье.

Ее платье...

Райан замер рядом, конь его недовольно дергал большой мордой.

— Ты обещал! Ты клялся, что ей ничего не грозит! Шаррихас, раздери тебя тьма, ты клялся! Если ее нет, я убью тебя! Убью...

— Я дам тебе свой меч, — ответил Нирхасс, разглядывая стены своего города. Они быстро заполнялись лучниками. Кто-то, свистнув, швырнул им под ноги изрезанный, потрепанный корсет с ее запахом. Знакомый голос весело прокричал из-за стенок:

— Госпожа Шаррихасс готовится принять третий взвод, думаю этих она уже не выдержит!

И как подтверждение — дикий, отчаянный, полный боли крик откуда-то из недр Хасарона. Тихий, едва различимый. Далекий.

Зверь внутри взвыл.

Отчаяние застило глаза.

Дернулось на кончиках пальцев давно забытое тепло. Заискрилось, разгораясь. Вспыхивая белым, ослепительным пламенем. Пронзило острой болью его всего, наполняя каждую клеточку жгучей силой. Необузданной. Мощной. Конь под ним взбрыкнул, почуяв неладное. Ассур спрыгнул, корчась от мук, припадая на одно колено. Волосы его взметнулись, глаза закатились. В ушах стоял ее крик. Опустил объятые пламенем ладони к земле. Снег под ними стремительно таял. Стылая земля пошла трещинами, разверзлась. Устремилась разломам к высоким каменным стенам. Загрохотала, обрушаясь вековая кладка. Полетели навстречу стелы и арбалетные болты, не доставая цели. Плавильсь, не касаясь объятых седым пламенем, огромного тела. Взрывались, отлетая в стороны.

Райан и армия за его спиной замерли пораженные, оглушенные страшным воем. Свистом первородного огня, коим был объят их предводитель. Столь сильная магия лилась из него, заставляла вспыхивать ближайшие деревья, тлея за доли секунды.

Он поднялся. Шел вперед, ведомый ее болью и камень под его ногами обращался горячей крошкой. Стены и ворот будто и не бывало никогда. Все осыпалось, растворилось. Гвардейцы в панике бежали кто куда, прятались за хлипкими укрытиями. Но не было им спасения. Легкий поворот руки, едва уловимое движение пальцев и кровь вскипала в их жилах, сворачивалась. Варила захватчиков изнутри, превращая внутренности в тошнотворно воняющий кисель. А он все шел и шел вперед, разрушая собственный оплот, набитый трусливыми врагами.

Живых не оставалось. Ни людей, ни зверей, ни асуров. Все выжигалось, вытрапливалось, как яд из гноящейся, кровоточащей раны. Даже пролетающие высоко в небе птицы падали замертво, разбиваясь о влажную землю.

Его армия шла следом. Переступая нагромождения мертвых тел, закрывая носы и слезящиеся глаза, не в силах выносить едкий запах горелой плоти.

Пруд, перед домом, что был покрыт толстым слоем льда, с приближением Нирхасса весь забурился, зашипел испаряясь, вырываясь в наколенный до предела воздух клубами горячего пара.

И снова ее крик, только уже совсем рядом.

Легкое, почти неуловимое движение пальца и стекла с оглушающим звоном вылетели из рам, заблестели разноцветными осколками на свету. Ставни сорвало с петель. Дом содрогнулся. Все стихло. В оглушающей тишине он слышал ее тяжелое, надрывное дыхание и белоснежное пламя вспыхивало в нем с новой силой. Расправлялось за его спиной огромными, ослепительными крыльями. Ринувшиеся навстречу гвардейцы, не знали, что их ждет. Пятились назад. Но было поздно. Оседали, плача кровавыми, кипящими слезами, еще больше подпитывая его огонь, спавший веками.

Дверь в залу осела на каменный пол пылью. Нирхасс замер, белыми глазами разыскивая ее.

Айя лежала на полу, раскинув в стороны безвольные, слабые руки, некогда светлая сорочка была черной от крови. Тело изрезано, испещрено кровавыми полосами. Ширрин застыла над ней с длинным, изогнутым кинжалом, по которому стекали алые капли, гулко шлепаясь о холодный, темный камень.

Котрон понимая, что это конец, дернулся вперед, в отчаянном желании прикрыть собой свое дитя. Короткий взмах ресниц, резкий, оглушительный хруст и голова правителя севера, откинулась назад, искусная корона, звеня и подпрыгивая покатила под стол. Из горла показался огрызок позвоночника, пробивший острый кадык и тонкую кожу. Кровь хлынула

фонтаном, оросив пространство вокруг. Ширрин взвыла не своим голосом, выронила из изящных ручек орудие пыток, которым всю ночь истязала свою беззащитную пленницу. Отыгрывалась, получая дикое, нечеловеческое наслаждение. Ринулась было к отцу, громко прокричав:

— Нет! Нир!

И завизжала, вздернутая невидимой силой и вжатая, вбитая в потолок.

Райан метнулся к поднимающейся на дрожащих руках Айе. Осторожно прижал к себе, пытаясь поймать, спадающую со скользких от крови плеч, сорочку.

А над их головами горела заживо в белесом пламени прекрасная наследница трона северных земель. Горела медленно, взрывая помещение нечеловеческим криком. Умирала от огня мужчины, коим была болезненно одержима. Которого хотела присвоить невзирая ни на что, не обращая внимания на его же чувства. Принимая свой эгоизм и желание обладать за любовь.

— Не смотри, — шептал Райан, на ухо воющей от ужаса Айе, — не смори!

Когда все стихло, несчастная перевела взгляд на своего ассура. Нирхасс стоял в центре залы, объятый своим же огнем. Глубоко и рвано дышал. Смотрел прямо на нее прозрачными, уставшими глазами. Пошатнулся, сделал пару шагов и рухнул на колени, упираясь ладонями в пол. Задрожал всем своим огромным телом. Пепел волос занавесил его искаженное мукой лицо. Казалось, еще немного и его не станет. Айя дернулась в чужих, сильных руках, что только крепче ее перехватили. Вскинулась навстречу к нему. На боль не обращала внимания. Все ее существо рвалось в Нирхассу, тянулось.

— Айя, нет! — удерживал ее Райан, шептал испуганно в слипшиеся, солено пахнущие волосы. — Он уже не жилец. Никто не выдержит такой силы.

— Что? — обмерла девушка, забыв, как дышать. Еще сильнее забилась, сиюсь освободиться из стальной хватки. Не сводя глаз со своего мужчины, что очевидно для каждого, молча терпел невыносимую боль. — Пусти!

— Нет!

— Пусти, Райан! Пусти меня! — царапая широкие ладони кричала измученная пленница чужого мира, срывая голос, обливаясь слезами. Из самого ее нутра рвалось звериное, отчаянное, — отпусти меня!

— Он сторит, дура! Ему уже не помочь! — кричал исступленно ей в ухо белокурый ассур.

— Значит я погибну с ним! Убери руки! Убери от меня свои руки! — рычала, пытаясь укусить.

Во лбу ее разгорался слабый, тусклый свет. Растекался по перепачканной в крови и пыли коже.

Кто-то сбоку восхищенно воскликнул:

— Печать Иерехиля! Печать Творца! Благословение вечной жизнью!

Райан обессиленно осел, разжимая хватку. Обреченно смотрел, как его любимая женщина, оскальзываясь и спотыкаясь, бежит навстречу неминуемой смерти. Как падает на и без того содранные колени, врываясь с диким криком в яркое, ослепляющее пламя. Обнимает огромные плечи погибающего мужа, вжимается в него...

Айю драло на куски, пекло, выжигало. Но несчастная упорно оставалась на месте, продолжала обнимать своего господина. Горела вместе с ним. Прижимала к себе его

тяжелую голову.

— Нир, родной! Остановись! Остановись. Все закончилось. Мой любимый. Мой хороший. Все закончилось. Остановись. Пожалуйста...

Ассур обмяк, опираясь на нее, простонал жалобно в плечо. Айя почувствовала на коже горячую влагу. Прижала его к себе сильнее, крепче, желая забрать всю боль себе. Зарылась пальцами в шевелящихся, словно бы живых волосах. Выгнулась от муки, глотая вскрик.

— Я с тобой, — шептала в его шею, — чтобы ты ни выбрал — жизнь или смерть. Я с тобой!

— Айя, — тихий, едва уловимый шепот. И голос словно не его. — Айя...

Яркая вспышка и свет для них померк.

— Мама, Сана обзывается! — пожаловалась маленькая девочка с невозможными серыми глазами.

— Враки! Враки! Как у помойной, злой собаки! — показала язык разбойница, пригрозив кулачком из-под одеяла ябеде сестре. Так чтобы мама не заметила.

— Сана! — воскликнула Айя, тепло улыбаясь. — Не дразни сестру! Ты же старшая.

— Никто ее не дразнит. Дайна сама виновата, чего она такая медлительная и глупая?!

— Я не глупая! Санка-оборванка! Разноглазая сычиха!

Айя только закатила глаза, с каждым днем в ней все меньше оставалось веры в то, что ее дочерей вообще возможно было примирить. Чем старше они становились, тем яростнее и горячее спорили. Иногда даже дрались. И повлиять на них мог только отец. Обычно хватало одного только взгляда, чтобы юные принцессы севера, затихли, как мыши, стыдливо потупив взор. Айя такого авторитета у своих детей не имела, а потому тщетно пыталась их вразумить разговорами и нотациями. Объясняя как важны и ценны семейные узы. Что у них нет никого дороже их самих, что они должны быть поддержкой и опорой друг другу, а не лаятся, как собаки по любому поводу.

— Мам, а король Райан еще к нам приедет? — робко поинтересовалась Дайна, теребя кончик русоволосой, как у родительницы косы.

— Не знаю, милая. А что? — спросила Айя, внимательно глядя в покрасневшее, детское личико.

Сана громко рассмеялась со своей кровати.

— А Дани влюбилась! Втютехалась дуреха!

— И ничего я не втютехалась! — обиженно засопела Дайна, но потом ее глаза вдруг ярко засияли, вспыхнули пронзительной серостью. — Он такой красивый! Важный! Когда вырасту, я на нем женюсь! — заявил ребенок.

— Ох! — выдохнула мама, округлив глаза и широко улыбнулась. — Папе пока, пожалуй, об этом говорить не будем...

— Глупая! Зачем королю такая мелкая соплюха, как ты?! — не унималась Сана.

— Сама ты соплюха! Тебе вообще дед старый нравится!

— Он не старый!

— О ком речь? — вклинилась Айя, узнавая интересные подробности.

— Сана следит за папиным Амином. Говорит, что у него добрые глаза и красивая борода. Вот глупости! — хохотнула Дани, передразнивая старшую сестру.

— А короли не женятся на тех, кто прудит в свою койку! Я все ему в следующий раз расскажу!

— Мама!

— Прекратите обе. Сейчас же, — строго прикрикнула Айя. — Я вас сегодня уложу или нет? Быстро улеглись и замолчали. Затрещали, сороки.

Девчонки повиновались, продолжая тем не менее, показывать друг другу языки и корчить рожицы.

Тихо скрипнула тяжелая дверь, пропуская в комнату хозяйских дочек, Тойру. Управительница окинула их строгим, всевидящим взглядом и подошла к госпоже.

— Его Величество прибыл.

Айя тут же вострепнулась, жала в руках книгу со сказками и легендами. Женщина понимающе улыбнулась, кивнула.

— Идите. Я разберусь с этими негодницами.

Девчонки наострили уши, спрятавшись под одеялами. Айя склонилась над каждой, целуя теплые лбы и щеки. Пожелала своим лучикам доброй ночи и поторопилась в их с ассуром покои.

Нирхасса не было чуть больше недели, а несчастной госпоже казалось, что прошла целая вечность.

После тех событий многое изменилось.

Ее муж был единственным, к кому вернулась сила. Настолько мощная, что слухи о ее возрождении прокатились далеко за пределы холодного и теплого морей. Шаррихасс был объявлен новым повелителем Севера, став главой Правящего Дома. Взошел на трон крепко держа ее руку в своей. Став первым правителем, не имевшим благородной крови и родословной. И первым ассуром, взявшим в жены и посадившим на престол подле себя человеческую женщину.

Столица была перенесена в имение Шаррихасс. Ее муж так и не смог привыкнуть к шуму и суете города, предпочитая спокойствие и уединение окруженного горами и морем, поместья. Но регулярно в них — городах бывал. Положение обязывало. Нирхасс сосредоточил свою деятельность на восстановлении давно утерянных связей с другими Правящими Домами. Заключал торговые и военные союзы, снова был открыт серебряный путь на юг. Заключались политически выгодные странам браки. По мягкой, но настойчивой просьбе Айи со скрипом пересматривалось положение слуг при домах своих господ. Не только слуг, но и простых людей. Это многим не нравилось, были смешные попытки нападений и переворота. Знать пыталась давить, но Нир был не из тех, с кем подобное могло пройти. Его боялись. Очень. Тот день страшный день, превративший целый город в самый настоящий могильник отпечатался в истории страшным знаком. Ее муж, ее господин, ее мужчина. Он пугал многих, был живым символом мощи. Непокосимой и беспощадной. Страшной. Отмеченной седым пламенем.

Девушка тихо проскользнула в покои, замерла у двери, прислушиваясь к плеску воды в купальне за стеной. Шустро пробежала к постели, на ходу развязывая шнуровку тесного платья. Небрежно отшвырнула его в сторону, за ним полетели и корсет с панталонами. Осталась только в тонких чулках и прозрачной сорочке. Привалилась плечом к толстому столбику балдахина, став спиной к двери купальни. Ждала, вытянувшись в тонкую, напряженную струну. Возбуждение и предвкушение будоражили и взвинчивали, заставляли тяжело и шумно дышать. Когда едва слышно скрипнула не приметная дверь, девушка вся выгнулась, повела плечиком, тонкая ткань сорочки скользнула к ее ногам, обнажая гибкий, покрытый шрамами и мурашками стан. Чуть повернула голову, глядя из-под ресниц на застывшего, как перед прыжком ассура.

Кедр.

Задрожала.

Нир со стоном втянул в себя запах ее возбуждения.

— Добро пожаловать домой, господин.

— Айя...

Больше книг на сайте - Knigoed.net